ISSN 2587-781X

ТАВРИЯ

литературная ✸ 2/2019

ВЕРНИСАЖ ТАВРИИ литературной

Крым в творчестве советских художников

А. Васнецов. Вид из Ласточкина гнезда. Крым. 1924.

В. Гремитских. Море и скалы. 1956.

А. Дейнека. У моря. 1956.

Держите светильники зажжёнными!

ТАВРИЯ
ЛИТЕРАТУРНАЯ *2/2019
Литературно-художественный, историко-культурный
и научно-образовательный журнал

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Марина МАТВЕЕВА
Мои пропажи в серпантинах чувств… *Стихи* • 5
Хулио КОРТАСАР
Преследователь. *Новелла*. Перевод А. Белокопытовой • 15
Евгения ЧЕЛНОКОВА
Мне б научиться смысл найти в стихах… *Стихи* • 56
Валерий МИТРОХИН
Небесный цифроряд. *Стихи* • 59
Елена СОКОЛОВСКАЯ
Короткие рассказы • 71
Александр ПОПОВСКИЙ
Время летит, закусив удила… *Стихи* • 81
ТВОРЧЕСТВО ЮНЫХ
Слово участникам литературного конкурса
«Моя Родина солнечный Крым – часть единой великой России» • 87
Лидия ОГУРЦОВА
Изумрудная скрижаль. *Повесть* • 110
Владимир ДОКШИН
Из книги «Последний хомо». *Стихи* • 189
Максим СЕНТЯКОВ
Мгла. *Баллада* • 196
Иван ЖЕРДЕВ
Алкоголик Вася, бизнесмен, поэт и сволочь. *Рассказ* • 201
Валерий РУМЯНЦЕВ
Стихи разных лет •207

ИССЛЕДОВАТЕЛИ КРЫМА
Романтик пещерных городов. К 55- летию Ю.М. Могаричева
Интервью редакции «ТЛ» • 211

ПУБЛИЦИСТИКА

Олег АНДРЕЕВ
Померкнувший полумесяц • 216

НАШ КРУГЛЫЙ СТОЛ

Ливадийская инициатива Николая II
и проблемы всеобщего разоружения: исторический аспект.
К 120-летию Гаагской мирной конференции. Май – июль 1899 года • 220

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Николай СЕМЕНТОВСКИЙ
Путешественник. (Южный берег Крыма) • 239

КРЫМСКИЙ КНИГОЧЕЙ

Обзор книжных новинок • 271
Ведущая колонки **Татьяна ПАВЛЮКОВА**

НАШИ АВТОРЫ

• 274

«ТАВРИЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ»
Журнал Российской академии изящной словесности (РАИС)

Редакционный совет

А.П. Зименков (председатель),
В.И. Демченко, И.Е. Задорожнюк, А.И. Зенченко,
Н.Н. Калинина, Г.М. Киселёв, Т.С. Ледович, Л.В. Матвеева,
А.Г. Михайлик, Л.В. Огурцова, В.А. Смирнов (Шумилов),
В.И. Сорокин, Н.Я. Стражевская

Редакционная группа

Редактор-издатель Б.К. Тебиев
Заместитель главного редактора Е.В. Проскурякова
Ответственный редактор Т.В. Леонова
Заведующая редакцией Д.Ю. Васина
Дизайн обложки – А.М. Петров

(16+)
© Журнал «Таврия литературная», 2019
© ООО «Издательский дом МПА-Пресс», 2019

Марина Матвеева[1]

МОИ ПРОПАЖИ В СЕРПАНТИНАХ ЧУВСТВ…

***

А я летала.
тинно, когда
принять за воздух воду, а за крыльев
движения – гребки. И чтоб вода
была прозрачней воздуха…Чтоб были
баллоны как приросшие к спине,
точнее, вырастающие, словно
всё те же крылья… птичьи? рыбьи?..

Нет,
похоже, виснет слишком много слов на
естественнейшем действии – лечу!
От жадности земного притяженья
лечусь. От гулких сталетонных «чуд»,
которым только и дано движенье
по воздуху, по страху перед «Бац!
И – всмятку!» – это и назвать полётом
позорно… Или жалкий ветропляс,
где тело под куском раздутой плёнки
на человека не похоже – кто б
посмел сравнить парашютиста с птицей?

Падения всемирного потоп…

Нам воздух – не летать: мы в нём топиться
ещё не разучились. Видит Бог,
в нём толком даже и ходить не можем:
все утомляемся и болью ног
страдаем, жаром и ознобом кожи…

А я летала.

Не велел дышать
в воде нам Бог, чем приказал поверить,
что *истинно* летает – лишь душа.

А телу всё равно пора на берег.

© Матвеева М.С.

Симферополю

Есть иные малые города,
у которых будущее вампирят
города большие, каким всегда
не хватает будущего. Пошире
разевают пасть, обнажив резцы,
кое-как почищенные с фасадов
и парадных. Мельче планктонных цист
капли будущего, и, наверно, надо
так.
Бывают малые города,
что пытаются за себя бороться,
на столбах, на крышах и проводах
распиная блики большого солнца,
а живые души – на площадях,
что, под стать большим, то «звездой» концертят,
то ли стягивают под какой-то стяг –
крепче вбить сознание самоцел(ь)ки
своему продажному городку,
для того на этой земле и естем,
чтобы каждый раз принимать укус
до бескровья за поцелуй невесты.

***

Поэт поэту – друг, товарищ и враг.
Поэт – он не просто хомо, не лупу съест.
А некогда был ты лучшим в моих мирах,
а я рассекала первой – твоих окрест.
А некогда ты без стука врывался в ритм,
в метафору, метонимию и гротеск.
А некогда я входила в тебя, как в Рим,
сбивая, что палкою галочек, *поэтесск* –
(сидят на издревоточенных в пыль ветвях,
не видят, где им упасть, подстелить чего,
и сами подстелют себя под себя же – бах!) –
такое вот в нашей рощице истецтво.
А я не в ответчиках, я не в лесу уже,
уже не на пальме, прозрела, эволюц*и*-
онировала, как цыплёнок от Фаберже,
и вижу, где правда, текучая, будто ци.
Пронзит меня н*а*сквозь и далее понесёт
идею о том, что ты более мне не Рим.
А всё потому, что мое непростое всё,
и даже на капельку сердше, чем сердце, – Крым!

А там, где не ведаешь ты, как любить его,
а там, где не чувствуешь ты, как его любить,
какой из тебя император? Карманный вор.
Замыленный амфибратор. Всё просит пить,
и кушать – глазами и гильзами, – лишаём
пытается впалзывать к нам, векорукий Вий…
Но утренним светом очищенный окоём
уже не вмещает всех точек с периферий.
Уже не вмещаешься. Так отползи за бан
аккаунта, не окисляйся на нём, как медь.
Поэте поэтови – антропофагурман.
Поэт поэту – друг, товарищ и смерть.

***

Что ты мне сделал такого полезного, славный Ясон?
Вот я кую тебе строки железные, памяти сон.
Что ты мне сделал? Купил мне квартиру ли? Шубу надел?
Вот я дарю вам, плеснувшим потиры в Аидов предел…
Вот не Елена, но местные даны, данайцы… да ну…
Вырвать из плена не могут как данность родную жену.
Вот не Брунгильда, но местные свеи да норманны… но…
Титло и тильда. Для золотошвеи слепое кино.
Что ты мне сделал такого прекрасного, Один и Тор?
Боль головную хоть вылечишь ласкою, о Денэтор!
Спелым джедаем налившись на облаке – склюнет назгул.
Стаями, стаями… Йоханы Гоблины! Жизни прогул:
«воли» и «личности», целедобития, кучи бабла…

Ох, неприличности: тело из лития, не изо тла.
Вот что вы сладили, витязи-викинги старых планет:
лёткие, плавкие, серебролики волосы мне…

«Будем отрэзать?» – под разумом «выкая»... Выкрикнет «Ха!»
Эврика.
Эври-Кая!
Эвридикая жизнь у стиха!

Не обязательно древнее прошлое. Можно сейчас.
Что ты мне сделал такого хорошего, нынешний час?
Как-то вот даже не падаю замертво, к жизни спиной.
Что ты мне сделал такого гекзаметром? Значит, не ной.

Эгоисконное

Прости меня за то, что ты мне сделал.
Хоть сам себя спаси и сохрани.
Ведь оба – сгустки эгобеспредела.

Земная ось. Ломающий магнит.
Таких, как мы – младенцами вбывали
за мудрых глаз чумную глубину,
за пальчики из блеска готовален,
чертящие квадратную луну.
Да что луна! Трёхмерности шатая,
идёт душа сквозь тучи напролом,
пугая ангелов пушистых стаю,
к Творцу на диспутический приём.
Потом уходит, створкою шарахнув,
ногой оттопав сказанное им.
Из ножен – рыбоиглую Арахну! –
ткать личный мир! – покуда нелюдим.

Ткать для… кого-то. Но они едва ли
бойцы – для этой нутряной войны,
что фреску белокаменной печали
набьёт превыше белочек земных,
поверх икон. Идиосинкразия
Вселенной. Водка царская. Лимон.
Прости, что для меня ты не Мессия.
Но и не идолопоклонник мой.

Мышь, изо снега слепленная кошкой,
растает от малейшего глотка
тепла, – здесь будет голод – черпай ложкой! –
покуда истина не съест. Лакать
галактику ковернутой каверной…
Хочу себя! Небесная кровать…
Я никогда тебе не буду верной,
пусть даже, изменяя, станет звать
живое пламя гаслая лучина,
социопатски рявкая: весла
всем девушкам! Ко мне вот – немужчина.
Да и к тебе неженщина пришла.

Но как бы ни кололи наши очи
долги, стереотипы и фыр-чадь
бабья, – я о тебе не позабочусь,
а ты меня не станешь защищать.
Тебя ограбят, изобьют, расстригнут –
я так же не взобью в колокола,
как ты по мне, когда рысак ноль-три на
моей судьбе закусит удила.

И это так же верно, как собака.
И это так же громко, как молчит.

Эгоисконной нежности атака…
Покуда смерть – нигде! – не разлучит.

Литгер

Мой литературный герой в горах.
Там, где я ни капельки не была.
У него заложен в ломбарде страх.
У него две мысли: колчан, стрела.
По горам-лесам комариный писк.
Поплотнее стягивай плащ-шалаш.
Мой литературный герой в степи –
там, где я хоть капелькой – но была ж!
У него оправою красоте –
пара усьих шрамов через лицо.
У него отравою чистоте –
дома поза*быт*овое кольцо.
У него в глазах сразу три жены,
на устах одна и в руках по две.
У него в сердцах сразу три страны
и одна, оставленная навек.
У него веснушек златая сыпь –
аллергия на зиму и тоску.
У него за поясом кысит выпь,
а в груди оракул орёт: ку-ку!
У него осталось всего годков,
чтоб ему… Навязчивый лейтмотив.
Мой Гетеротурный Лирой окоп
роет… Да не кроток, не крот он – гриф.
Чистит револьвер, полирует нож,
близоруко щурится сквозь ушко
мушеньки-иглы: – выйдешь – не войдёшь, –
мой Гитературный Лероюшко.
Я его вскормила на стременах.
Я его взлелеяла не под ключ.
Вот он и стремится взять йух за нах –
потому что я его не люблю.

***

Если верится, то горит.
Если кажется, то поплюй.
Никогда мне не говори:
«Да, я тоже тебя люблю».

Да не тоже. А только да.
Вот не тоже, а раньше всех.
И не тоже. А коль беда,
не высчитывай, чей тут грех.

Не считайся, кто виноват
(Если плохо мне – то не я).
Ох, не бойся: не убивать
надо всех тут… А чешуя

и шершава, и тяжела,
не для жизни она, не для
кожи девичьей. Нитролак
не впитает сама Земля –

чужероден ей. И вбирать
невозможно его дотла.
Тоже. Тожище. Боже Ра!
Где надела, там и сняла.

Где сняла, надевай опять,
не поправив смещённых сил.
«Тоже» можно и так понять:
кто-то лака и не носил.

И не знает, каков процент
едкой химии в чистоте,
просветлённости… и венце
типа царственном. Знают те,

кто проеден им до костей,
но и выжил – уже таким,
биокиборгом на кресте,
всеми тожищами любим

тоже. Т*о*жества тожеств*о*
то же. Туже. И не тужи.
Кто – тебя или ты – кого
да собою заставит жить…

Я не стану верить-вязать.
Человек – замок, а не ключ.
Просто дай мне разок сказать:
«Да, я тоже тебя люблю».

***

Автостопом не езжу я. Но бывает: моё
невезенье спасает случайный угодник.
…Над дорогою ангелы выжимают белье:
видно стирка большая на небе сегодня.
Хлещет ливень, и дворники, как ресницы актрис,
если те удивляются, глупо моргают.
И амурчик пластмассовый на шнурочке повис.

А за окнами – хоррор: клыки раздвигая,
чернонёбного неба прожорливый зев,
как язык, жадно высунул нашу дорогу…

Таем мокрой конфетой на нём, не успев
запретить себе право ушами потрогать
плешь отжившего лета и маленький дом,
что водила купил бы, а я не купила.

А за окнами – триллер: там гоняется гром
за преступницей-молнией.

…Слишком уж милый
ваш амур – для того, кого дома не ждут…
И кто так одинок… И чьё сердце так стынет…

А за окнами – сказка: расстилают и бьют
ангелята вальками льняные простЫни…

***

Белибертристика – это дремучая смесь
мира наивного с миром наитий от мира.
Есть в ней и истина, ох, и великая есть:
в каждом бывают песке жемчуга и сапфиры.

Да, не Камю. Здесь вам *ками* с приставкой Мура.
Оную, родный, и пишет. А ты не согласен?
Переведи свое «вау» на русский: – Ура! –
и закуси им коктейль из разбавленных басен.

Басенки и побасёнки – то дети Басё,
пусть даже удочерённые им для прикола.
В белибердайджесте есть абсолютное всё
для забивания в душу роскошного гола

с левой ножищи Голема, который к голам
так же относится, как твоя мама к индиго.
Сколь же спасительно – вдруг, перлюстрируя хлам,
в нём находить то, что тянет, пожалуй, на *книгу*,

а не на фигу. Бывает любовный роман –
автора будто Вергилий провёл сквозь семёрку
ада. Суровый профессор, заткните фонтан!
Непостижимое Вам не взвалить на закорки!

Белибер… Да! Вот такая. Но лучше живёт,
чем золотые плоды Фейербаховых бдений.
И умирает легко, как у.битый е.нот,
шкуркою чьею её оплатили рожденье.

***

Ты плакала над сломанною куклой…
Потом –
над двойкой, после – о любимом,
потом из-за детей, потом у гроба
родителей. Затем лила ты слёзы
по красоте ушедшей. Напоследок –
о старческой ненужности. А где-то
забывшая тебя твоя кровинка,
сама сквозь слёзы красоты ушедшей,
одной рукою обнимала дочку,
что горестно рыдала о любимом,
другою гладила её сестричку,
что плакала над сломанною куклой…

***

Чудеса бывают лишь под Новый Год –
и развенчиваются под новый день,
оставляя в жизни резкий поворот,
и на сердце – синевою – полутень.
И в руках – перо синицы. И перо
уверяет, будто в птице есть алмаз.
Вера в чудо и неверье – всё старо,
словно взгляд святых средневековых глаз.
Вера в чудо, этот сладкий приговор!
Четвертует и сжигает каждый час.
И пока я, воскресая до сих пор
сотни, тысячи и миллионы раз,
понимала, говорила: «Как смешно!
Чудеса бывают лишь под Новый Год», –
но сегодня, видно, снова суждено
пережить счастливый путь на эшафот.

***

Не пишутся стихи.
Любовь молчит.
Счастливая – зачем ей распинаться?
От счастья абсолютного ключи
на полочке лежат, числом двенадцать.
Банальностей немыслимый обвал,
о том, что первый мне откроет это,
второй – другое…

Вряд ли сознавал
избранник, что меня-счастливой – нет.

Он

едва ли понимал, что счастье – гроб
души, живущей только в крестных муках,
едва ли знал, что по блаженству в лоб
шарахает, что катапульта, скука,
едва ли понял, с кем связался…

Да,
ему устроят Трою с Фамагустом!
А ключики от счастья схватит та,
что, как дикарка, выживает – чувством,
что жаждет быть рабой и госпожой,
эсэсовкой и лагерной еврейкой,
что стала б лучшей из возможных жён
Батыю или адмиралу Дрейку,
де Сад и Чикатило морды бы
друг другу били за такую жертву,
ей скальпы скальпелем сдирать с судьбы –
как пыль стирать иному с этажерки,
ей…

Лень.
Ей просто лень.

Она лежит
в уютной не пускающей постели,
медлительно сквозь мозг ползут ужи
мгновений прошлой жизни на пределе…
пересечённом.
Взятом,
как Памир –
в безумном восхожденье инвалидов.

Она лежит.
Её закончен мир.

И не продлить –
ни болью,
ни обидой…

***

Наступает зимний анабиоз,
Тело хочет в спячку, душа – домой.
До зажатых веками тихих слёз
Проступает горлом вопрос немой:

Для чего зима? Знать, с ума свести.
Испытает нас хитростью змеих:
А готовы ли мы к *домашнести*?
А готовы ли мы любить *своих*?

На чужой роток мы найдём платок.
Свой роток – сиди, опусти глаза.
От молчания гнётся потолок.
Левый – правый глаз учит ускользать.

Ведь чем дальше в лес, тем позорней волк.
Тише едешь, брат, – меньше ДТП.
От молчания гнётся потолок.
С левым правый глаз не знаком теперь.

Ведь не знает бог, где в дому порог,
Коли этот бог родом из Ярил.
От молчания гнётся потолок.
Левый – в правый глаз коготь навострил.

***

Меня украли. И везут куда-то.
Куда – не знаю. В зубы – заговор.
В глаза – пейзаж. Какою будет плата
За впечатленья – знает хитрый вор.

Мне – все равно. Реликтовы, как гинкго,
Мои пропажи в серпантинах чувств.
«Отстаньте, люди! Не мешайте гибнуть!..» –
Как Ольга Палем Пикуля, шепчу.

…И, путаясь в дорогах, будто в прядях
Моих волос, рассеянно чуть-чуть,

Рука того, за кем пойду не глядя
На край земли, развоплощает суть.

Не страшно, если впереди – фургона
Железный круп или позорный столб.
…Мы разбиваемся освобождённо
На розблески солнцеугольных колб…

И так легко… И неуместны споры
С собой. Мои долги и платежи
Не стоят этой гибели, которой
Предшествовала вспыхнувшая жизнь.

Хулио Кортасар*

ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЬ
Новелла

Перевод А. Белокопытовой[1]

В память о Ch. P.

Будь верен до смерти.
Апокалипсис, 2, 10.

O, make me a mask
Dylan Thomas.

Вечером позвонила Дэдэ, сказала, что состояние Джонни ухудшилось, и я сразу же отправился к ним. Уже несколько дней они обитают на четвёртом этаже дешёвой гостиницы на улице Лагранж. Достаточно было взглянуть на дверь номера, чтобы понять, что Джонни на мели; единственное окно слепым глазом уставилось на чёрный колодец внутреннего двора, и в час дня уже нужно включать свет, если захочется прочесть газету или увидеть лица друг друга. Не холодно, но Джонни встречает меня завернутым в плюшевое одеяло, втиснувшись в старое обшарпанное кресло, ощетинившееся кусками жёлтой пакли. Дэдэ постарела, и красное платье ей не к лицу, как раньше; платье для выступлений, для софитов на

* Хулио Кортасар (1914 – 1984) – аргентинский прозаик и поэт, автор рассказов с элементами бытовой фантастики и магического реализма. Жил и работал преимущественно в Париже. В центре внимания автора – современные социальные, психологические, нравственные проблемы, отношение к миру и людям, к власти, он пишет о самостоятельности и свободе, об эгоизме и долге, о доброте и любви. Х. Кортасара, как признанного мастера новеллы и романиста, отличает необычная манера письма, калейдоскопичность происходящего, неистощимая фантазия, открывающая простор для воображения и мысли требовательного читателя, становящегося соучастником акта творчества. Писатель играет словами, образами, виртуозно использует пародию, гиперболу, парадокс. Жизнь его героев протекает в чисто кортасаровском интеллектуальном пространстве – это группы близких по духу и образу мыслей людей, которые стремятся своим повседневным существованием опровергать действующий миропорядок с его условностями и стандартами, не желающих вести благопристойный образ жизни.

© Белокопытова А.В.

сцене; в этой гостинице оно кажется чем-то застывшим, несовместимым с окружающей обстановкой, пошлым и даже отталкивающим.

– Приятель Бруно – постоянный, как дурной запах изо рта, – сказал Джонни вместо приветствия, подтянув колени к самому подбородку.

Дэдэ принесла стул, я сел и достал пачку «Gauloises». В кармане лежала плоская бутылка рому, но я не хотел показывать её, не поняв до конца, как себя чувствует Джонни. Больше всего раздражала обсиженная мухами лампочка, вывалившаяся из плафона и безжизненно повисшая на проводе. Пару раз я взглянул на неё, потом, отгораживаясь, приставил руку козырьком ко лбу и спросил Дэдэ, нельзя ли выключить её и обойтись светом из окна. Джонни рассеянно следил за моими действиями, но было заметно, что думает он о чём-то совершенно другом. Я облегченно вздохнул, когда Дэдэ поднялась и нажала на выключатель. Воцарившаяся серо-чёрная муть позволила нам по-настоящему почувствовать присутствие друг друга. Джонни вынул длинную худую руку из-под одеяла, и я ладонью ощутил тёплую дряблость его кожи. Дэдэ сказала, что приготовит нам кофе. Я внутренне обрадовался, потому что если у человека есть хотя бы банка кофе, то он ещё не на самом краю нищеты, у него всё ещё есть силы сопротивляться.

– Как давно мы не виделись, – сказал я Джонни. – Больше месяца.

– Ты только и делаешь, что считаешь время, – ответил он мрачно. – Один, два, три, двадцать пять. Тебе всё нужно пронумеровать. И эта такая же. Знаешь, почему она злится? Потому что я потерял саксофон. Конечно, она права, что тут скажешь.

– Как это случилось, где? – Вырвался вопрос, который в этой ситуации меньше всего стоило бы задавать.

– В метро – говорит Джонни. – Для надёжности я положил его под сиденье. Это было так здорово: ехать, зная, что он находится под тобой, у самых ног, такая уверенность.

– Он заметил пропажу, только когда поднимался по гостиничной лестнице, – сказала тихо Дэдэ. – Я понеслась, как сумасшедшая, чтобы предупредить работников метро, полицию…

Последовавшая за этим тишина говорила, что её старания были напрасными. Джонни засмеялся обычным своим смехом, не размыкая зубов и плотно сжав губы.

– Какой-нибудь несчастный бродяга сейчас надрывается в попытках выдуть из него хоть один мало-мальски приличный звук, – сказал он. – Это был один из самых плохих саксофонов, которые прошли через мои руки; сразу видно, что Док Родригес играл на нём – у инструмента была абсолютно изуродована душа. Сам по себе этот сакс был не так уж плох, но Родригес способен угробить «Stradivarius», даже не играя, а просто настраивая его. А ты не мог бы достать мне другой?

– Мы как раз этим и занимаемся, – сказала Дэдэ. – Думаю, можно было бы обратиться за помощью к Рону Фрэнду. Проблема в том, что контракт, подписанный Джонни…

– Контракт, – передразнил Джонни. – При чём здесь контракт? Надо играть и всё тут, а у меня нет ни сакса, ни денег, чтобы купить новый, и у ребят та же история.

Насчёт ребят – это спорный вопрос, и все мы трое об этом знаем. Просто никто не рискнёт дать свой инструмент Джонни, потому что он его снова потеряет или разобьёт, как это бывало не раз. Он потерял сакс Луи Роллинга в Бордо, сломал и вышвырнул в окно сакс, который купила Дэдэ для гастролей по Англии. Неизвестно, сколько инструментов он уже потерял, заложил, попросту угробил, – все уже давно сбились со счёта. И на каждом из них Джонни играл, как только бог мог бы играть на саксофоне-альте, если бы не существовало лиры и флейты.

– Когда начинаешь, Джонни?

– Не знаю. Кажется, сегодня. А, Дэ?

– Нет, послезавтра.

– Все на свете следят за датами, кроме меня, – бормочет Джонни, натягивая одеяло до ушей. – Я бы голову дал на отсечение, что начинаем именно этой ночью, и что именно сегодня вечером нужно идти репетировать.

– Какая разница, – говорит Дэдэ. – Вопрос в том, что нет саксофона.

– Как это какая разница? Есть разница. Послезавтра – это после завтра, а завтра – это намного позже, чем сегодня. И сегодня это не только сейчас, в котором мы болтаем с приятелем Бруно, и вообще я бы почувствовал себя намного лучше, если бы смог забыть о времени и выпить чего-нибудь согревающего.

– Потерпи ещё немного, сейчас закипит вода.

– Я не говорил, что хочу согреться кипятком, – сказал Джонни.

Когда я вынул бутылку с ромом, в комнате стало светлее, потому что Джонни засиял, как лампочка, восхищённо раскрыв рот, и даже Дэдэ невольно улыбнулась, увидев его таким довольным. Кофе с ромом – это уже кое-что, и все трое немного расслабились, сделав пару глотков и выкурив по сигарете. Джонни последнее время всё чаще уходил в себя, в размышления на тему времени, которое не даёт ему покоя с тех пор, как я его знаю. Нечасто встретишь людей, до такой степени озабоченных этим вопросом. Это самая худшая из всех его маний, которых у него и без того немало. Но размышления Джонни настолько обаятельны и любопытны, что устоять перед ними непросто. Я помню одну репетицию в Цинциннати, это было ещё до приезда в Париж, в сорок девятом или пятидесятом. Джонни тогда был в отличной форме. Я ходил на репетиции, чтобы послушать его и Майлза Дэвиса. Музыканты рвались в бой, были веселы,

хорошо одеты (это врезалось в память, возможно, по контрасту с тем, каким оборвышем всегда наряжался Джонни), играли с удовольствием, без всяких нервов, и звукорежиссёр, как довольный бабуин, восхищённо жестикулировал за окошком своей кабины. И в тот момент, когда все, казалось, захлебывались от счастья, Джонни вдруг прекратил играть и, выбрасывая кулаки в пустое пространство перед собой, заорал: «Я уже играю это завтра». Ребята были ошарашены, кое-кто по инерции продолжал играть, как поезд, не успевающий затормозить, а Джонни стучал себя по лбу и повторял: «Я играл это завтра, Майлз, это ужасно, я уже играл это завтра». Никто не мог привести его в чувство, и дело не клеилось. Джонни играл без настроения, каждую минуту порываясь уйти (чтобы снова накачаться марихуаной, как сказал до смерти злой звуковик), и когда он, с безжизненным серым лицом, пошатываясь, наконец, вышел из студии, я спросил себя, долго ли он протянет.

– Думаю, что надо позвонить доктору Бернарду, – сказала Дэдэ, искоса поглядывая на Джонни, пьющего ром маленькими глотками. – У тебя температура и ты ничего не ешь.

– Этот твой доктор Бернард – полный идиот, – сказал Джонни, облизывая край стакана. – Он снова даст мне аспирин, а потом скажет, что ему очень нравится джаз, например, какой-нибудь Рэй Нобле. Представляешь, Бруно, если бы у меня был сакс, я бы встретил его музыкой, которая заставила бы его скатиться по лестнице, пересчитав толстым задом каждую ступеньку.

– В любом случае от аспирина хуже не будет, – сказал я, глянув на Дэдэ. – Если хочешь, я на обратном пути сам позвоню ему, чтобы Дэдэ не нужно было спускаться. Слушай, но этот контракт… Если ты начинаешь послезавтра, то, наверное, можно найти выход. Я попытаюсь уговорить Рори Фрэнда дать саксофон. В крайнем случае… Но ты должен быть очень осторожен с ним, Джонни.

– Только не сегодня, ладно. – сказал Джонни, глядя на бутылку из-под рома. – Завтра, когда у меня будет сакс. Не нужно говорить об этом сейчас. Бруно, каждый раз я всё больше отдаю себе отчёт в том, что время… Я думаю, что музыка всегда помогала кое-что понять в этом вопросе. Пусть не понять, потому что на самом деле я ничего не понимаю, но почувствовать, что за этим не просто пустота. Знаешь, это как во сне, когда ты предчувствуешь полное крушение и тебе наперёд немного страшно; но в то же время ты сомневаешься, надеешься, что всё перевернётся как блин, и вот ты уже в постели с какой-то красоткой, и всё до неприличия божественно.

Дэдэ моет чашки и стаканы в углу комнаты. Похоже, здесь нет даже проточной воды; неподалеку стоит таз для умывания в розоватый цветочек, над ним рукомойник, напоминающий какое-то забальзамированное

животное. Джонни продолжает говорить сквозь одеяло, он тоже похож на мумию с прижатыми к подбородку коленями, с этим его чёрным блестящим лицом, вспотевшим под воздействием рома и поднявшейся температуры.

– Я кое-что читал об этом, Бруно. Странно и на самом деле так сложно… Говорю тебе, музыка помогает. Не понимаю, потому что этого нельзя понять, – стучит себя по лбу кулаком. Голова гудит, как пустой кокос.

– Здесь внутри ничего нет, Бруно, как говорится – совсем ничего. Да я никогда в этом и не нуждался, честно говоря. Я думаю всеми частями тела, которые ниже глаз. И чем ниже, тем лучше я понимаю. Но это не то понимание, тут я уверен.

– У тебя температура поднимется ещё больше, – проворчала Дэдэ из глубины комнаты.

– А, да ну тебя. Это правда, Бруно. Я никогда не думал, и вот ловлю себя на том, что о чём-то думаю. Тебе не интересно, да? Конечно, что тут особенного, если замечаешь, что о чём-то думаешь? И неважно, думаешь ты или кто-то другой. Но почему я? Нет, нет… Мои размышления приносят пользу как бы с оттяжкой, намного позже, чем хотелось бы, и я этого терпеть не могу. Э-э-э, брат, все сложно, так сложно. Больше не осталось ни глотка?

Вытряхиваю из бутылки последние капли рома, Дэдэ как раз включила свет – уже почти ничего не было видно. Джонни потеет, но с одеялом расставаться не собирается, время от времени ворочается, заставляя поскрипывать кресло.

– Я кое-что понимал, когда был совсем ещё маленьким и только учился играть на саксе. Мой дом всегда был полон проблем, и все только и делали, что говорили о долгах, кредитах. Ты знаешь, что такое кредит? Это должно быть нечто ужасное, потому что моя старуха рвала на себе волосы всякий раз, когда отец ныл о выплате кредита, и обычно всё заканчивалось дракой. Мне было тринадцать лет… но ты уже слышал это сотни раз.

Надо же, я это уже слышал! Конечно, слышал, ведь я пытался как можно достовернее описать всё это в биографии Джонни.

– Знаешь, наверное, именно поэтому дома время длилось бесконечно. От ссоры к ссоре, без передышек. И вдобавок ко всему религия – этого ты себе и представить не можешь. Когда учитель музыки добыл мне саксофон (ты бы помер со смеху, если бы увидел эту железку), я сразу же всё почувствовал. Музыка меня вытаскивала из времени, хотя кажется, что это только красивая фраза. На самом деле, скажу я тебе, музыка, наоборот, втискивала меня во время. Но тогда придётся признать, что это самое время ничего общего не имело с… ну, с нами, если можно так выразиться.

Я не в первый раз сталкиваюсь с этими наваждениями Джонни, которыми насквозь пронизана его жизнь, поэтому слушаю внимательно, но не слишком сосредотачиваясь на том, что он говорит. Сейчас меня гораздо больше интересует, кто в Париже помог добыть ему травку. Придётся допросить Дэдэ, хотя бы для того, чтобы убедиться в её непричастности к этому. Так продолжаться не может. Марихуана и нищета – вещи несовместные. С тоской думаю о музыке, которую все мы теряем, о сотнях записей, которые Джонни мог бы отметить своим гениальным присутствием, этим удивительным опережением любых других музыкантов. «Я играл это завтра.» Меня вдруг осеняет, я понимаю, почему Джонни всегда играет завтра то, что остальные, плетясь в хвосте, доигрывают сегодня. Он без усилий выпрыгивает из времени с первыми же звуками своей музыки.

Я достаточно самокритичен, чтобы осознавать ограниченность моих возможностей. Я отдаю себе отчёт в том, что мои умозаключения не дотягивают до того уровня, на котором бедный Джонни пытается опередить время этими рваными музыкальными фразами, внезапными вспышками ярости, неистовства, этими вздохами, вскриками и плачем саксофона. Ему плевать, что я считаю его гениальным, он никогда не гордился тем, что его музыка ушла далеко вперед. С грустью думаю о том, что он находится в начале своего сакса, в то время как я вынужден мириться с тем, что нахожусь на самом его конце. Он – рот, а я – уши; чтобы не сказать, что он – рот, а я – … Такой весь из себя критик. Да, это печальный финал чего-то, что начиналось так сладко, словно деликатес, который хочется откусывать, жевать, перекатывать во рту из стороны в сторону. И большой язык Джонни движется, подбирает струйку липкой слюны с губ, и руки выписывают в воздухе кружева.

– Бруно, если бы ты когда-нибудь смог об этом написать. Не для меня, понимаешь, – мне-то всё равно. Знаешь, ведь ещё совсем мальчишкой, играя на саксе, я чувствовал, что время изменяется. Однажды я сказал об этом Джимми, а он ответил, что испытывает то же самое, и если ты абстрагируешься… Так и сказал: если ты абстрагируешься. Но ведь я не абстрагируюсь, когда играю, Бруно. Я просто перемещаюсь в пространстве. Словно едешь в лифте, разговариваешь с людьми вокруг, не замечая ничего необычного, проезжая этажи: первый, двадцатый, двадцать первый; и город остаётся там, внизу. Ты заканчиваешь фразу, начатую при входе в лифт, а между первым словом и последним уже промелькнуло пятьдесят два этажа. Вот и мне кажется, что, начиная играть, я вхожу в лифт, который движется во времени. Не думай, что я в этот момент забываю о долгах или о религии. Просто долги и религия становятся костюмом, который ты сегодня не надел: ты знаешь, что он висит в шкафу, но просто не хочешь думать о его существовании. Конечно, он существует, но только когда я

его надеваю: долги, религия, быт – всё возвращается, когда прекращаешь играть, потому что старуха входит, вся растрёпанная, и возмущается, что эта дьявольская музыка не даёт ей спать.

Дэдэ принесла ещё одну чашку кофе, но Джонни тоскливо посмотрел на пустой стакан из-под рома.

– Всё это насчет времени очень сложно и обрушивается на меня со всех сторон. Постепенно я начинаю понимать, что время – это не авоська с картошкой. В том смысле, что если вместо картошки в авоську положить что-то другое, то в неё войдёт только какой-то определённый объём, и всё тут. Видишь мой чемодан, Бруно? Туда помещаются два костюма и две пары обуви. Вот, теперь представь, что мы его опустошаем, а потом снова пытаемся положить туда эти же костюмы и обувь, но вдруг оказывается, что входит только один костюм и одна пара обуви. А ещё лучше наоборот, когда обнаруживаешь, что можешь затолкать в этот чемодан целый магазин одежды – сотни и сотни костюмов, вот так и я иногда, играя, запихиваю музыку в безразмерное время. Музыку и ещё те мысли, которые посещают меня, когда я еду в метро.

– Когда едешь в метро?..

– Да, да, именно в этом дело, – Джонни хитро улыбается. – Метро – это великое изобретение, Бруно. Когда едешь в метро, ощущаешь, что всё на свете может поместиться в один-единственный чемодан. Возможно, саксофон я потерял вовсе не в метро, возможно…

Смеётся, кашляет. Дэдэ смотрит на него с беспокойством. Джонни отмахивается, снова смеётся вперемешку с кашлем, всем телом содрогаясь под одеялом и дергаясь, как шимпанзе. По щекам ко рту текут слезы, он их слизывает, продолжая смеяться.

– Хотя, конечно, лучше не путать одно с другим, – говорит он через какое-то время, – Потерял и точка. Но метро мне помогло понять фокус с чемоданом. Как бы это объяснить… Растяжимость, эластичность вещей – я с этим повсюду сталкиваюсь. Всё эластично, парень. Вещи, которые кажутся твёрдыми, обладают какой-то гибкостью…

Морщит лоб, концентрируясь.

– …замедленной протяжённостью во времени, – добавляет, озарённый.

У меня вырывается одобрительный возглас. Браво, Джонни! Человек, который говорит, что не способен мыслить! Ай, да Джонни! Вот теперь мне по-настоящему интересно, что он скажет дальше. Он смотрит на меня, интригующе и лукаво улыбаясь.

– Ты считаешь, что я смог бы добыть другой саксофон, чтобы играть послезавтра, Бруно?

– Да, но ты должен быть осторожнее.

– Конечно, я буду осторожнее.

– Контракт на месяц, – объясняет несчастная Дэдэ. – Пятнадцать вечеров в ночном кафе «У Реми», два концерта и диски. У нас бы все могло пойти на лад.

– Контракт на месяц, – передразнивает Джонни, активно жестикулируя, – кафе «У Реми», два концерта и диски... Бебата-боп-боп-боп, шррр. Чего мне действительно хочется, так это пить, пить, пить. А ещё очень хочется покурить. Да, особенно покурить…

Предлагаю ему пачку «Gauloises», хотя ясно, что он думает о травке. Уже поздно, в коридоре начинаются бесконечные хождения, перебранки на арабском, кто-то затягивает песню. Дэдэ ушла, возможно, чтобы купить что-то к ужину. Я чувствую руку Джонни на моём колене.

– Знаешь, она хорошая, но она меня достала. Я уже давно её не люблю, не могу её выносить. Она всё ещё иногда меня возбуждает, она умеет заниматься любовью, как… – целует кончики пальцев, соединив их на итальянский манер. – Но я должен освободиться от нее, вернуться в Нью-Йорк, Бруно.

– Зачем? Там у тебя дела обстояли хуже, чем здесь. Я не имею в виду работу, а, скорее, твою жизнь в целом. Мне кажется, здесь у тебя больше друзей.

– Да, ты и маркиза, и ребята из клуба… Ты никогда не занимался любовью с маркизой, Бруно?

– Нет.

– Ладно, это я так… Но ведь я тебе рассказывал о метро и не знаю, почему мы переменили тему. Метро – это великое изобретение, Бруно. Однажды там со мной произошло что-то странное, потом это как-то забылось, вылетело из головы. Но через два или три дня снова повторилось. И в конце концов до меня кое-что дошло. На первый взгляд это совсем несложно объяснить, но так кажется лишь потому, что истинного объяснения просто нет и быть не может. Нужно сесть в вагон метро и ждать, когда с тобой это случится, хотя думаю, что только я это чувствую. Вот смотри, как это происходит… Неужели ты правда никогда не спал с маркизой? Её нужно попросить сесть на золочёный табурет рядом с очень красивой лампой в углу спальни и тогда… Ну вот, опять она вернулась.

Дэдэ входит с сумкой и смотрит на Джонни.

– У тебя снова поднимется температура. Я уже позвонила доктору, он придёт в десять. Просил, чтобы ты старался не перевозбуждаться.

– Ладно, хорошо, только сначала я расскажу Бруно о метро. Так вот, через какое-то время до меня дошло, что же всё-таки происходит. Я ехал и вспоминал о моей старухе, о Лэн и ребятах, и, естественно, в какой-то момент мне показалось, что я иду по нашему району, вижу знакомые лица из прошлого. Это не были размышления – мне кажется, я тебе уже много раз говорил, что я никогда не думаю, – я стою на углу, глядя со стороны

на собственные мысли, но я их не думаю, а как бы созерцаю. Понимаешь? Джимми говорит, что все мы одинаковы, он считает, что вообще по сути никто не думает. Предположим, он прав, но вопрос в том, что как только я сел в метро на станции Сен-Мишель, я сразу же стал вспоминать Лэн, ребят и очутился в нашем районе. Я отдавал себе отчёт в том, что нахожусь в метро, что уже через минуту мы подъехали к Одеону и что люди входят и выходят. Я представлял себе Лэн, потом старуху, когда она возвращалась с покупками, я видел всех их, и мне было так хорошо, как никогда ранее. Обычно все мои воспоминания отвратительны, но на этот раз мне было приятно заглянуть в прошлое. Если я расскажу тебе всё, что увидел, ты не поверишь, потому что это занимало приличный отрезок времени, учитывая, что я опускаю подробности. Например, я видел Лэн в зеленом платье, которое она надевала, когда шла в клуб «33», где играла с Хэмпом. Я разглядывал ленты на платье, собранные в пучок волосы, заколку, шею. Это происходило не одновременно – реальность кружила меня вокруг Лэн, я скользил по ней взглядом медленно, не спеша. Потом я долго смотрел на лица: Лэн, ребят, вспомнил Майка, жившего в соседней квартире, как он рассказывал о диких лошадях в Колорадо, о своей работе на ранчо, и как он был горд тем, что укрощает лошадей…

– Джонни, не надо… – умоляюще шепчет Дэдэ из своего угла.

– Заметь, я описываю лишь маленький фрагмент из всего того, о чём думал и что видел. Сколько времени прошло, пока я рассказывал этот отрывок?

– Не знаю, допустим, две минуты.

– Допустим, две минуты, – повторяет с издёвкой Джонни. – Две минуты, и не рассказал почти ничего. Если бы я тебе описал абсолютно всё, что они делали, как Хэмп играл «*Save it, pretty mamma»,* а я слушал каждую ноту, понимаешь, каждую ноту, каждый звук. Если бы я повторил тебе слово в слово длинную молитву моей старухи, в которой она говорила, кажется, о капусте, потом просила прощения за моего старика, за меня и снова что-то бормотала о капусте… Короче, расскажи я тебе всё в деталях, прошло бы больше двух минут, верно, Бруно?

– Если ты действительно слышал и видел всё это, то тут хватило бы на добрых четверть часа, – говорю я, смеясь.

– Добрых четверть часа, а, Бруно! Тогда скажи мне, как могло случиться, что поезд останавливается, отрывая меня от Лэн, старухи – всего, что я видел, и выясняется, что мы на станции Сен-Жермен-де-Пре, которая находится всего в полутора минутах езды от Одеона?

Я никогда не обращаю особого внимания на рассуждения Джонни, но сейчас от его взгляда меня пробрала дрожь.

– Всего полторы минуты по твоему времени, по её времени, – сказал Джонни, глянув на Дэдэ. – По времени моих часов, будь они прокляты.

Так как же может быть, что я думал пятнадцать минут, Бруно? Как можно думать четверть часа в течение полутора минут? Клянусь, что в этот день я не выкурил ни одного косячка, – добавляет, как ребенок, в оправдание. – Потом это стало происходить постоянно, везде. Но, – добавляет, прищурившись, – именно в метро ощущения наиболее отчётливы, потому что ехать в метро, это как быть внутри часов, внутри времени. Станции – это минуты по вашему времени, это ваше «сейчас», но я предчувствовал, что есть нечто другое, и думал, думал…

Он закрывает лицо руками и вздрагивает. Мне бы стоило уже уйти, но я не знаю, как это сделать, не обидев Джонни, такого чувствительного и эгоистичного во всём, что касается друзей. Если не прекратить этот разговор, ему станет хуже. А с Дэдэ по крайней мере он бы этих тем не касался.

– Бруно, если бы я всегда мог жить так, как в эти мгновенья, или жить в музыке, которая тоже меняет время… Ты не представляешь себе, сколько можно было бы втиснуть в полторы минуты… Тогда не только я, но и ты, и она, и любой из нас жил бы в сотни, в тысячи раз дольше, чем живёт по вине времени, из-за страсти к часам, минутам, секундам, ко всем этим сегодня и послезавтра…

Я от всей души радуюсь его открытию и вынужден признать его правоту, но наверняка он подозревает, что все это улетучится из моей головы, как только я окажусь за порогом и войду в привычную повседневность. Я уверен, что сказанное Джонни – это не бред безумца. Просто реальность ускользает от него, оставляя взамен искажённую пародию жизни, которую он пытается наполнить надеждой. Всё, что я слышу от Джонни в такие моменты (а он говорит мне нечто похожее вот уже более пяти лет) нельзя воспринимать слишком всерьёз, обещая себе подумать об этом позже. Как только ты выходишь на улицу, это превращается в воспоминание, и слова Джонни кажутся не более, чем фантазиями, возникшими от злоупотребления марихуаной, скучным топтанием на месте (потому что сотни людей постоянно высказывают подобные вещи). Вот тогда после восторга и наступает раздражение, и я начинаю злиться, что Джонни морочит мне голову. Но это происходит на другой день, а не в тот момент, когда я слушаю Джонни и чувствую, что он жаждет до чего-то докопаться, зажечь какой-то свет или, скорее, расколоть что-то сверху донизу, как чурбан, вставить клин и вдалбливать его до умопомрачения. Но Джонни один на один со всем этим, и он выбился из сил, а я даже не знаю, какой молоток нужен, чтобы заколотить клин, да и сам этот клин я представляю довольно смутно.

В конце концов я ушёл, но до этого произошло нечто, что всегда случается с Джонни. Прощаясь с Дэдэ, я стоял спиной к Джонни. Вдруг я почувствовал сзади какое-то шевеление и увидел ужас в глазах Дэдэ. Я рез-

ко обернулся (наверное, я немного боюсь Джонни – этого ангела, который мне как брат, этого брата, которого я считаю своим ангелом) и увидел его. Плюшевое одеяло валялось на полу, а Джонни, абсолютно голый, с задранными ногами, прилепившись к засаленному креслу, уткнулся подбородком в колени и сотрясается от смеха.

– Становится жарко, – прохрипел Джонни. – Бруно, смотри, какой у меня красивый шрам между ребрами.

– Прикройся, – попросила Дэдэ, пристыженная, не зная, что ещё сказать.

Мы давно знакомы, кроме того, обнажённый мужчина – это всего лишь обнажённый мужчина, но всё равно Дэдэ стало неловко, и я не знал, как себя повести, чтобы не показалось, что поступок Джонни меня шокировал. И он всё это прекрасно понимал, и сипло хохотал, бесстыдно расставив колени, повесив член на край кресла, как обезьяна в зоопарке, и странные пятна на его ляжках вызывали во мне невыносимое отвращение. Тогда Дэдэ схватила одеяло и поспешно укрыла Джонни, в то время как он упивался нашей реакцией на эту выходку. Я ещё раз попрощался, пообещав прийти на следующий день, и Дэдэ проводила меня до лестничной площадки, предусмотрительно прикрыв за собой дверь, чтобы Джонни нас не слышал.

– Он в этом состоянии с тех пор, как мы вернулись с гастролей по Бельгии. Он так хорошо играл там, я была так счастлива.

– Мне интересно, где он взял травку, – сказал я, глядя ей прямо в глаза.

– Не знаю. Он почти всё время пил вино, коньяк. Ну и курил, конечно, хотя и меньше, чем там…

Там, это в Балтиморе и Нью-Йорке – три месяца в психиатрической лечебнице в Бельвю и ещё дольше – в Камарильо.

– Джонни действительно так уж хорошо играл в Бельгии, Дэдэ?

– Да, Бруно, мне кажется, что лучше, чем никогда. Народ сходил с ума, ребята из оркестра мне постоянно об этом говорили. Конечно, случалось всякое, но на глазах у публики – никогда. Я надеялась… Но, Вы видите, сейчас ещё хуже, чем раньше.

– Хуже, чем в Нью-Йорке? Вы его не знали в те годы.

Дэдэ не так глупа, но какой женщине понравятся рассказы о прошлом мужчины, где её ещё не существовало, и то, что она терпит сейчас, для неё несравнимо с тем, что было раньше. Мне трудно доверять ей, поэтому я не сразу решаюсь сказать:

– Полагаю, что вы остались без денег.

– У нас есть этот контракт, послезавтра Джонни начнёт играть.

– Вы верите, что он сможет участвовать в записи или предстать перед публикой?

– О да, конечно, – сказала Дэдэ несколько удивленно. – Джонни будет как всегда на высоте, если доктор Бернард справится с его гриппом. Вопрос в саксе.

– Я займусь этим, Дэдэ. Вот, возьмите. Только… Лучше, если Джонни об этом ничего не будет знать.

– Бруно…

Не дав ей произнести бесполезные слова благодарности, я начал спускаться по лестнице. Спасительное расстояние в пять-шесть ступенек позволило мне собраться с духом, чтобы предупредить:

– Ни за что на свете он не должен курить перед первым концертом. Дайте ему немного выпить, но не давайте денег ни на что другое.

Дэдэ молчала, комкая банкноты, пока они не исчезли из виду. По крайней мене я уверен, что Дэдэ сама не притрагивается к травке. Её пособничество может родиться лишь под страхом смерти или из-за любви. Когда Джонни становится на колени (я это уже видел в Чикаго) и умоляет с рыданиями... Но такому риску будет подвержена и любая другая, оказавшаяся рядом с ним. Надеюсь, этого пока хватит на еду и лекарства.

На улице я поднял воротник плаща, потому что начинало моросить, и стал дышать с такой силой, что у меня заболели легкие; мне казалось, что Париж пахнет чистотой, горячим хлебом. Только сейчас я понял, какими запахами пропитана комната Джонни, его тело, потеющее под одеялом. Я зашёл в кафе выпить рюмку коньяку, освежить рот и память, которая возвращает меня к словам Джонни, к его россказням, к его способности видеть то, чего я не вижу и в глубине души видеть не хочу. Я попытался сосредоточиться на послезавтра, и это меня немного успокоило, будто сквозь туман показалась река, а через неё – мост на тот берег.

Если сомнения не дают покоя, самое лучшее – придумать себе в качестве спасательного круга новые обязанности. Я решил выяснить, не маркиза ли поставляет марихуану Джонни Картеру, и пошёл в студию на Монпарнас. Это действительно настоящая маркиза, у неё куча денег, которые ей присылает маркиз, хотя официально они давно в разводе, случившемся из-за истории с марихуаной и по каким-то ещё никому неведомым причинам. Её дружба с Джонни началась в Нью-Йорке, возможно, в тот год, когда однажды утром Джонни проснулся знаменитым просто потому, что у него была возможность собрать четверых или пятерых ребят, восторгавшихся его манерой игры, и вытворять с ними всё, что вздумается, сразу же покорив взыскательную публику. Я не стану сейчас проводить критический анализ (особо интересующиеся могут прочесть мою книгу о Джонни и о новом послевоенном джазовом стиле), могу лишь сказать, что в сорок восьмом и, скажем, до пятидесятого произошёл взрыв в музыке – взрыв холодный и, как это ни парадоксально, почти бесшумный, после которого все встало на свои места, без криков и лишнего сора.

На миллионы кусков треснула короста приевшихся стандартов, и даже самые заядлые консерваторы – как музыканты, так и публика – усомнились в силе собственной любви к чему-то, чего уже не чувствовали, как раньше. После того, как Джонни взялся за саксофон-альт, рухнула вера в непревзойдённость прежних музыкантов; остаётся только искренне признать, следуя исторической справедливости, что все эти музыканты были и остаются восхитительными – но каждый в своё время. Джонни так легко прошёлся по джазу, в один миг преобразовав его, как рука перелистывает страницу. И прошлое кончилось.

Маркиза, у которой, как у борзой собаки, уши востры во всём, что касается музыки, благоговела перед Джонни и его друзьями из группы. Полагаю, что она потратила на них немало долларов в те славные дни клуба «33», когда большинство критиков, опираясь на заскорузлые, подгнившие, но такие привычные критерии, в пух и прах разнесли Джонни с его новым джазом. Вероятно, как раз в ту самую эпоху маркиза и Джонни стали иногда спать вместе и покуривать вместе травку. Неоднократно я видел их вдвоём перед записями или в антрактах. Джонни казался очень счастливым рядом с ней, хотя где-то его всегда ждали дети и Лэн. Но Джонни понятия не имел, что значит ждать, ему и в голову не приходило, что кто-то может ждать его. То, как он обошёлся с Лэн, выдаёт его с потрохами. Я видел почтовую открытку, которую Джонни прислал ей из Рима спустя несколько месяцев отсутствия (он смылся из Штатов с двумя другими музыкантами, никому ничего не сказав). На открытке были изображены Ромул и Рэм, которыми Джонни всегда интересовался (так называется и одна из его записей), а на оборотной стороне красовалась одна только строчка: «Одинок среди моря любви» – фрагмент из стихотворения Дилана Томаса, которого Джонни постоянно перечитывает. Агенты Джонни в Соединенных Штатах посчитали справедливым регулярно перечислять Лэн часть его доходов, а Лэн в свою очередь быстро поняла, что провернула довольно выгодное дельце, избавившись от Джонни. Поговаривали, что маркиза тоже передала Лэн денег таким образом, чтобы та не знала, откуда они появились. Я давно не удивляюсь безрассудной щедрости маркизы. Мне кажется, она считает необходимым всегда иметь нечто вроде огромного пирога, который она выпекает у себя в квартире, начиняет всякими сладостями и по мере необходимости раздаёт кусочки друзьям, приходящим к ней толпами.

У маркизы были Марсель Гавоти и Арт Букайя, все трое взахлеб обсуждали записи, сделанные накануне при непосредственном участии Джонни. Они накинулись на меня, словно увидели архангела, маркиза зацеловала до умопомрачения, а ребята чуть не оторвали мне руку, как будто это я был героем дня. Только когда между ними и мной оказалось кресло, на спинку которого я облокотился, опасность миновала. И всё по-

тому, что это я достал великолепный сакс, с которым Джонни записал четыре или пять блестящих импровизаций. Маркиза тут же назвала Джонни грязной крысой и заявила, что грязная крыса, конечно, прекрасно понимала, что получить чек на покупку сакса можно, лишь попросив прощения за ссору и драку, учинённые в Лондоне два месяца назад. Но Джонни, естественно, не собирался просить прощения, когда вернулся в Париж, потому-то никто и не знал, что он потерял свой проклятый сакс в метро, и далее всё в том же духе. Когда маркиза начинает говорить, ты спрашиваешь себя, не использует ли она ошеломительный музыкальный стиль старины Диззи в своей речи? Бесконечная серия вариаций в самых неожиданных регистрах заканчивается тем, что маркиза начинает бить себя ладонями по бедрам, открывает рот нараспашку и смеётся, словно кто-то пытается защекотать её до смерти. В это время Арт Букайя, вклиниваясь в её безумный смех, успевает поведать некоторые подробности вчерашней записи, которую я пропустил, потому что ухаживал за женой, больной пневмонией.

– Тика может подтвердить, – сказал он, указывая на маркизу, согнувшуюся от хохота. – Бруно, ты не поймёшь, что это такое, пока не услышишь сам. Если Бог вчера и спускался на землю, то, поверь мне, он был именно в этой проклятой студии звукозаписи, где все помирали от жары, кстати говоря. Ты помнишь *«Willow Tree»,* Марсель?

– Помню ли я? И ты ещё спрашиваешь! Да я весь с головы до пят покрыл бы себя татуировками *«Willow Tree»!*

Тика, успокоившись, принесла нам виски с содовой, и мы расположились поудобнее. Мы не слишком много говорили о вчерашней записи, потому что любой музыкант знает, что это нельзя обсуждать, но даже фрагментарные упоминания мне вернули какую-то надежду, я подумал, возможно, мой саксофон принесёт Джонни удачу. Как всегда, было множество нелепых историй, несколько охладивших пыл моих надежд. Например, Джонни снимал ботинки между записями и ходил по студии босиком. При этом он клятвенно обещал повиниться перед маркизой и прийти к ней в студию, чтобы выпить по стаканчику перед сегодняшним концертом.

– Ты знаком с девушкой, которая живёт сейчас с Джонни? – Поинтересовалась Тика.

Я отчитался по возможности кратко, но Марсель не преминул дополнить мой рассказ красочными подробностями, очень развеселив этим маркизу. Никто не упоминал о марихуане, но я настолько мнителен, что мне чудился её запах, витавший в студии. И этот характерный смех Тики говорит о многом. Я снова задаюсь вопросом, как Джонни добыл травку, если был в ссоре с маркизой? Моё доверие к Дэдэ разлетелось в пух, если

вообще можно было говорить о каком-то доверии. В глубине души все они одинаковы.

Я даже завидую этой одинаковости, которая их сближает, так легко делая сообщниками; я наблюдаю за ними из недр моего пуританского сознания (чего уж скрывать, все, кто со мной знаком, знают о моём паническом страхе перед всем аморальным) и жалею их, как падших ангелов, раздражающих своей безответственностью, но дающих взамен великодушие, трепет и заботу в отношении таких вещей, как диски Джонни. Мне трудно признаться, но я сделаю усилие: я им завидую, завидую Джонни, который всегда где-то на другом берегу, и никто не осознаёт, что все мы по эту сторону реки. Завидую всему, кроме боли, которую чувствует только он, но даже в этой его боли есть нечто, на что я никогда не буду неспособен. Завидую Джонни и одновременно ненавижу его за то, что он уничтожает свой дар, за скопище нелепиц, от которых зависит пульсация его жизни. При этом я уверен, что стоило бы только Джонни навести в себе порядок, ничем особо не жертвуя, не отказываясь даже от травки, попытаться пилотировать самолет, который вот уже пять лет летит вслепую, вероятно, всё могло бы закончиться ещё хуже – полным безумием, смертью, завораживающим печальным монологом о гении, сбитом при взлёте. Хотя не исключено, что во мне говорит трусость, и, возможно, в глубине души я даже хотел бы, чтобы Джонни погас, как звезда, разлетелся бы на тысячи метеоритов, оставив недоумённых учёных в дураках как минимум на неделю… После этого ты идёшь спать, а завтра – новый день.

Похоже, Джонни догадывался, что я думаю о чём-то подобном.

…Поцеловав маркизу и прокружив её в воздухе, проделав с ней и с Артом какой-то сложный звукоподражательный приветственный ритуал, доставивший всем неописуемое удовольствие, он весело приветствовал меня и плюхнулся рядом на диван.

– Бруно, – сказал он, усаживаясь поудобнее, – эта железка просто превосходна и как говорят все вокруг, я вчера вынул из неё душу. Тика роняла слезы величиной с электрические лампочки, и явно не потому, что не может рассчитаться с какими-то долгами, скажи, Тика?

Мне бы хотелось узнать о записи что-то более конкретное, но Джонни довольствуется только этим горделивым комментарием. После чего он тут же заговорил с Марселем о программе предстоящего выступления, о том, как им идут два новёхоньких серых костюма, в которых они покажутся сегодня перед публикой. Джонни действительно в отличной форме, очевидно, потому, что курит в меру в последние дни; думаю, он употребляет дозу, как раз достаточную, чтобы играть в удовольствие. Именно в тот момент, когда я об этом думаю, Джонни кладёт мне руку на плечо и чуть наклоняется к моему уху:

– Дэдэ сказала, что я очень плохо вёл себя в тот вечер.

– Надо же, ты даже не помнишь.

– Вот ещё, отлично помню. И если тебе интересно мое мнение, то на самом деле я был просто сногсшибателен. Ты должен быть доволен, что стал тому свидетелем; поверь, никто другой, кроме тебя, этого бы не увидел. Это лишний раз подтверждает, дружище, как я тебя ценю. Нам надо пойти вместе в какое-нибудь местечко, поговорить о том, о сём. Здесь как-то… – он презрительно выпячивает нижнюю губу, втягивает голову в плечи и смеётся, подергиваясь, будто танцует, сидя на софе. – Старик Бруно. А вот Дэдэ считает, что я плохо себя вёл с тобой, правда?

– У тебя был грипп. Тебе лучше?

– Это был не грипп. Пришёл врач и сразу же начал изливаться о том, как ему очень нравится джаз, приглашая меня зайти к нему как-нибудь вечером, чтобы послушать диски… Дэдэ сказала, что ты дал ей денег.

– Чтобы вы дотянули до твоего первого гонорара. Как насчёт сегодня?

– Все отлично, хочу играть и сыграл бы прямо сейчас, если бы у меня был сакс, но Дэдэ уперлась, сказав, что сама отнесёт его в театр. Это обалденный сакс, вчера, когда играл, мне показалось, что я занимаюсь любовью. Видел бы ты лицо Тики, когда я закончил. Ты ревновала, Тика?

Они громко захохотали, Джонни подскочил и стал прыгать по всей комнате, танцевать с Артом, в такт поднимая и опуская брови. Невозможно сердиться на них – это все равно, что раздражаться, когда ветер портит тебе прическу. Тика, Марсель и я обменялись прогнозами на счёт сегодняшнего концерта. Марсель был уверен, что Джонни взорвёт зал, как когда-то в 1951 году, впервые приехав в Париж. Сказал, что после вчерашнего можно не сомневаться – всё будет хорошо. Мне бы его спокойствие! Я только могу сесть в первом ряду, слушать концерт и надеяться. Я рад уже хотя бы тому, что Джонни не накурился, как той ночью в Балтиморе. Когда я сказал об этом Тике, она мне сжала руку с такой силой, слово боялась свалиться с моста в воду. Арт повёл Джонни к роялю, чтобы показать ему новую тему. Джонни слушал, кивая головой и подпевая вполголоса. Оба действительно очень элегантны в новых серых костюмах, хотя Джонни немного поправился за это время.

Мы с Тики обсудили балтиморские времена, когда у Джонни был первый серьёзный кризис. Все это время я пристально смотрел Тике в глаза, желая убедиться в том, что она меня понимает и не уступит на этот раз. Если Джонни выпьет слишком много коньяка или выкурит сколько-нибудь марихуаны, концерт провалится и всё полетит в тартарары. Париж – это не провинциальное казино – здесь все пристально следят за Джонни. Эти мысли не дают мне избавиться от горечи во рту, от привкуса желчи; мое раздражение касается не столько Джонни и того, что с ним происходит, сколько меня самого и всех, кто его окружает – маркизы и Марселя,

например. По сути, все мы – кучка эгоистов. Под предлогом заботы о Джонни мы лишь спасаем некий его образ, готовим себя к новым удовольствиям, которые он нам даёт, рассыпаем конфетти над воздвигнутым кумиром, отстаиваем собственные иллюзии, чего бы это ни стоило. Провал Джонни плохо отразился бы на моей книге (совсем скоро она выйдет в переводе на английский и итальянский), и, возможно, это основная причина моей заботы о нём. Марселю и Арту он нужен, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Маркиза… эх, если бы знать, чего ждёт маркиза от Джонни, кроме вспышек его таланта. Всё это не имеет никакого отношения к истинному Джонни, и вдруг мне в голову приходит мысль, что, возможно, именно это он и пытался донести до меня, когда сорвал с себя одеяло и предстал на обозрение голым, как червяк: Джонни без сакса, Джонни без денег и без одежды. Джонни, преследующий нечто, до чего его бедный разум не в силах дотянуться, но что покачивается на волнах его музыки, лаская кожу, готовит его к новому прыжку в пространство, которое нам недоступно.

Конечно, если всё время думать о таких вещах, то горький привкус точно никуда не исчезнет, и никакие откровения не изменят того факта, что любой из нас – это кучка хлама рядом с безумцем Джонни Картером, который пришёл, пьёт коньяк на софе и весело смотрит на меня. Совсем скоро мы пойдем в «Pleyel». И пусть музыка спасёт хотя бы оставшуюся часть ночи и выполнит сполна одну из самых страшных и одновременно самых гениальных своих миссий: поставит добротную ширму между нами и зеркалом, сотрёт нас в прах на пару часов.

Конечно, завтра я напишу для *«Jazz Hot»* подробный репортаж о сегодняшнем концерте. Но здесь, в этих строчках, нацарапанных в перерывах на коленке, я не имею ни малейшего желания говорить как критик, то есть давать сравнительную оценку. Я прекрасно осознаю, что для меня Джонни перестал быть просто джазменом, что его музыкальный гений – это парадный фасад особняка, доступный и воспеваемый всеми и каждым, но в глубине скрывается что-то ещё, и это что-то, возможно, единственно важное для самого Джонни.

Легко говорить об этом, пока я весь ещё насквозь – музыка Джонни. Но когда остывает… Почему я не могу, как он, кинуться, сломя голову, на непреступную стену? Прикрываюсь словами о мнимой реальности, догадками, которые не более, чем игра в диалектику. Мне кажется, что я знаю, почему при мольбе люди инстинктивно падают на колени. Изменение положения в пространстве предопределяет последующее изменение голоса и того, что этот голос выразит суть, уже воплощённую телом. Когда я подбираюсь к наивысшей точке понимания, всё, что ещё секунду назад казалось нелогичным, приобретает смысл, упрощается и в то же время углубляется. Марсель и Арт решили, что Джонни сошёл с ума, ко-

гда вчера он снял ботинки в студии звукозаписи. А ему попросту в этот момент нужно было почувствовать пол подошвами ног, сродниться с землёй, которую утверждала собой его музыка. Я чувствую: Джонни ни от чего не убегает, не для этого он курит, не для этого играет на саксе, он не стремится засесть в окопе, запереться в психиатрической лечебнице, укрыться от трудностей, не будучи способен их выносить. И его ни на что не похожая манера игры, которой трудно подобрать имя, лишний раз доказывает, что искусство Джонни – не дополнение и не подмена. Джонни отказался от распространённого, подчеркнуто эротичного стиля *hot,* считая его слишком пассивным. Желание – вот что Джонни предпочитает удовлетворению, потому что именно желание отрицает лёгкую добычу традиционного джаза, оно разрушает и опрокидывает, требуя беспрестанного поиска, вечного движения вперёд. Думаю, поэтому Джонни не приемлет мазохизм и ностальгию, которыми пропитан блюз. Об отречении от легкодоступного во имя создания нового языка, который Джонни и другие музыканты пытаются довести до совершенства, уже сказано в моей книге. Такой джаз развенчивает весь этот фривольный эротизм, всё это вагнеровское, если можно так выразиться. Тогда музыка высвобождается и, как живопись, отделённая от изобразительности, становится искусством в чистом виде. Такую музыку, не приносящую ни оргазмов, ни ностальгии, я бы рискнул назвать метафизической. Джонни срастается с ней, чтобы познать, зацепиться за реальность, которая каждый день ускользает от него всё больше. В этом великий парадокс его стиля, его агрессивной энергетики. Отказ от конечного удовольствия играет роль шпоры, врезающейся в плоть до крови, стимулирует бесконечное созидание, смысл которого в повторяемости и протяжённости процессов познания, оставляющих далеко позади всю суету человеческую, но не дающих при этом утратить самой человечности. И когда Джонни, как в эту ночь, исчезает в музыке, он не пытается убежать. Жажда встречи не может быть бегством, пусть даже момент соприкосновения отдалён; а прошлое… прошлое игнорируется или попросту обесценивается. Маркиза наивно полагает, что Джонни боится нищеты, тогда как единственное, чего он может бояться, это не обнаружить котлету на вилке, если он голоден, кровать, если хочет спать, или сто долларов в кошельке, если в этот момент ему необходимо стать хозяином ста долларов. Джонни не живёт в мире абстракций, как это делаем мы; в его музыке, которую я слышал этой ночью, не было ничего абстрактного. Но только он один пожинает истинные плоды своего гения. Всякий раз, играя, он сначала теряется в новом предположении, в новой догадке, чтобы забыть их, очнувшись вместе с аплодисментами, прожив свои четверть часа за полторы минуты.

Это всё равно, что вцепиться в громоотвод в самый разгар бури и верить, что ничего не случится. Через несколько дней я встретился с Артом в кафе «Dupont» в латинском квартале, и он, закатив глаза, сообщил мне дурные новости. В первый момент я почувствовал что-то вроде удовольствия, которое можно было бы даже расценить как злорадство, но потом подумал о последствиях, и меня стало выворачивать наизнанку от нежности к Джонни; я выпил две рюмки коньяку, пока Арт описывал всё в подробностях. Суть в том, что сегодня Делоне планировал сеанс звукозаписи для последующей презентации нового квинтета с Артом, Марселем Гавоти, двумя отличными ребятами из Парижа на пианино и ударных и с Джонни во главе. Запись назначили на три часа с тем расчётом, что впереди было полдня и добрая часть ночи, чтобы успеть разогреться, войти в раж и записать пару-тройку достойных вещиц. И что же произошло? Началось с того, что Джонни приехал только в пять, когда Делоне уже кипел от нетерпения, упал в кресло, заявив, что чувствует себя отвратительно и пришёл лишь затем, чтобы не испортить ребятам день, но при этом у него нет никакого желания браться за саксофон.

– Марсель и я попытались убедить его немного отдохнуть, прийти в себя, но он понёс какую-то чушь о поле с могилами, которые он где-то нашёл, и заладил об этих могилах на целые полчаса. Потом он стал выворачивать карманы, полные собранных в каком-то парке листьев, и студия превратилась в ботанический сад. Ребята бродили из угла в угол с озверевшими лицами, не записав до сих пор ни звука; заметь, что звукорежиссёр уже три часа мрачно курил в своей кабинке, а в Париже такое терпение для обычного звукорежиссера большая редкость.

– В конце концов Марсель уговорил Джонни, они вдвоём начали играть, а мы лениво подключились, просто чтобы освежиться после безделья. Я заметил, что у Джонни какие-то проблемы с правой рукой, и когда он начал играть, поверь, на него больно было смотреть. Лицо серое, знаешь, и время от времени его бросало в дрожь. Я не видел того момента, когда он грохнулся на пол. Потом он медленно обвёл всех нас взглядом и заорал, почему мы медлим, почему не начинаем играть *«Amorous»?* Ну знаешь эту тему Аламо? Короче, Делоне даёт сигнал технику, мы рассаживаемся, Джонни раздвигает ноги, садится как в лодке, которая раскачивается в шторм, и выдаёт такое, чего, клянусь тебе, я никогда раньше не слышал. Волшебство длилось минуты три, пока он вдруг не выдул звук, способный уничтожить даже божественную гармонию, и не прекратил играть, оставив нас один на один с финалом композиции.

– Но дальше – хуже. Когда мы закончили, Джонни сказал, что все вышло ни к черту, что эта запись никуда не годится. Естественно, ни Делоне, ни мы не придали этому значения, потому что, несмотря на недостатки, соло Джонни стоило тысяч тех, которые ты слышишь каждый

день. Это что-то невероятное, это невозможно объяснить… Ты услышишь и поймешь, почему никто и не подумал бы уничтожать запись. Но Джонни настаивал, как сумасшедший, угрожая разбить стёкла операторской кабины, если диск не сломают у него на глазах. Наконец инженер подсунул ему какую-то пустую болванку, и Джонни успокоился, предложив даже записать *«Streptomicyne»,* которая вышла намного лучше и в то же время намного хуже, то есть диск получился безупречный, но там не было фантастичности, которую Джонни выдул в *«Amorous».*

Вздохнув, Арт допил своё пиво и посмотрел на меня исподлобья. Я спросил, что было дальше. Арт ответил, что после, доведя всех до одурения историями о листьях и полях с могилами, Джонни отказался играть и, пиная всё вокруг, ушёл из студии. Марсель предусмотрительно забрал у него саксофон и на пару с одни из ребят-французов отвёз его в отель.

Самое лучшее, что я мог бы сделать, это поехать к нему прямо сейчас, но я решил все же подождать до завтра. А утром имя Джонни уже оказалось в полицейских новостях *«Fígaro».* Похоже, ночью он устроил пожар в номере и выбежал голым в коридор. Ни он, ни Дэдэ не пострадали, но Джонни находится в больнице под наблюдением. Я поделился новостью с женой и поехал в больницу, где мои полномочия как журналиста никого не убедили – Джонни я не увидел. Единственное, я узнал, что Джонни находится в беспамятстве и что количество марихуаны в его организме способно было бы свести с ума десятерых. Бедная Дэдэ не устояла; не смогла убедить его продолжать жить без травки; все женщины Джонни в результате становятся его сообщницами, и ещё я убеждён на все сто, что и маркиза приложила к этому свою руку.

Я сразу же отправился домой к Делоне, чтобы послушать *«Amorous»* как можно скорее. Кто знает, вдруг эта запись станет завещанием Джонни; в этом случае мой профессиональный долг…

Но нет, видно, ещё не время. Вскоре позвонила Дэдэ. Джонни полегчало, и он хочет меня видеть. Я предпочёл ни в чём её не укорять, во-первых, потому что это пустая трата времени, во-вторых, Дэдэ явно не по себе, потому что её голос гудит, как треснувший чайник. Я пообещал приехать как можно скорее и сказал, что Джонни выкарабкается и можно будет организовать гастроли по стране. Когда я вешал трубку, Дэдэ плакала.

Джонни сидит в кровати. В палате ещё двое пациентов, которые, к счастью, спят. Ничего не сказав, он схватил меня за голову своими ручищами и поцеловал в лоб и в щёки. Он ужасно исхудал, хотя мне сказали, что у него отличный аппетит. Джонни беспокоило, что обо всём этом думают ребята, не возникло ли у них проблем и прочее. Бесполезно что-то отвечать, поскольку он прекрасно знает, что концерты были отменены, что Арт, Марсель и все остальные потеряли свой заработок; да он об этом

и не спрашивает, надеясь, что есть и хорошие новости, способные уладить ситуацию. Но меня трудно обмануть, ведь за всем этим стоит непробиваемое безразличие; Джонни плевать хотел, что всё полетело к чертям собачьим.

– Что ты хочешь услышать, Джонни? Всё могло быть намного лучше, если бы не твоя страсть к разрушению.

– Да, я не спорю, – смиренно сказал Джонни. – И во всём виноваты эти могилы.

Я вспомнил слова Арта и устало посмотрел на Джонни.

– Поле и могилы повсюду. Несметное количество невидимых могил на необозримом поле. Я ходил и всё время спотыкался обо что-то. Ты скажешь, что это был всего лишь сон, Бруно? Но это было так реально, я спотыкался о могилы, пока не понял, что всё поле полно ими, тысячи и тысячи могил, и что внутри каждой из них прах какого-то умершего. Потом я встал на колени и начал копать, скрести ногтями, пока не показалась плита. Да, я помню, помню, что я подумал: «Это могила пуста, потому что приготовлена для меня». Но нет, в ней тоже была гора белесо-серого порошка, как и во всех остальных – я знал это, хотя их и не видел. Тогда… Тогда, кажется, мы как раз и начали записывать *«Amorous»*.

Я мельком глянул на табличку с записью показаний термометра. Всё в норме, кто бы мог подумать. Молодой врач заглянул в дверь, поприветствовал меня кивком и ободряюще помахал Джонни рукой, тот не ответил, а когда врач ушёл, так и не зайдя в палату, я увидел, как Джонни сжал кулаки.

– Они никогда этого не поймут, – сказал он. – Они как ошарашенные мартышки с очками, как девчонки из консерватории в Канзас-Сити, которые мечтают играть Шопена – не менее. Бруно, в Камарильо нас было четверо в палате. По утрам входил пухленький санитар, умытый и припудренный. Он был похож на исчадие «Kleenex» и «Tampax» в одном лице. Это неимоверно идиотичное нечто садилось со мной рядом и пыталось взбодрить, а мне хотелось сдохнуть, я не в силах был думать даже о Лэн, не то что о ком-то другом. И самое ужасное, что этот тип ещё и обижался, что я не обращаю на него внимания. Казалось, он ждёт, что я встану, восхищённый его белым лицом, прилизанными волосами и ухоженными ногтями, и поскачу по комнате, как те, кто радостно бросают костыли, чудесным образом исцелившись…

– Бруно, знаешь, в чём они были убеждены там, в Камарильо? Клянусь тебе, они свято верили, что их дипломы чего-то стоят. Нет, не то. Некоторые были скромными и не считали себя безгрешными. Но даже самый скромный был до крайности самоуверен, и это меня коробило, потому что я, несчастный дьявол, носящий под своей кожей больше заразы, чем все демоны ада, способен был чувствовать, что всё вокруг трясётся, как желе,

и достаточно немного сосредоточиться, помолчать немного, чтобы увидеть провалы, дыры. В двери, в кровати: дыры. В руках, в дневнике, во времени, в воздухе: всё в дырках, как губка, как решето, через которое мы утекаем. Но они ведь были цветом американской науки, понимаешь, Бруно? Халат защищал их от дыр; они не видели ничего. Впитывали в себя увиденное кем-то другим и представляли, что видят это сами. Они не видели провалов, поэтому были так уверены в себе, в своих рецептах, в своей болтовне, в этом проклятом психоанализе, в своих «не кури» и «не пей»… Когда я смог убраться оттуда, я сел в поезд и смотрел в окно. Всё улетало назад, разрываясь на куски, ну знаешь, как пейзаж ломается, когда ты его видишь удаляющимся…

Мы покурили «Gauloises». Джонни разрешили выпить немного коньяку и выкурить около десятка сигарет. Но было видно, что курит лишь его тело, что мыслями он где-то в другом месте, отказываясь вынырнуть из колодца. Спросил, что я делал, что чувствовал в эти дни. Мне не хотелось бы будоражить его рассказами, но тогда он начнёт говорить сам с собой… Курили молча. Время от времени Джонни протягивал руку и проводил пальцами по моему лицу, будто пытаясь опознать. Потом стал машинально играть с браслетом от часов, глядя на них с неопределённой нежностью.

– Дело в том, что они считают себя мудрецами, – продолжает вдруг. – Считают себя мудрецами, потому что собрали уйму книг и проглотили их. Смешно. Ведь, по сути, они неплохие ребята и верят в то, что делают нечто очень сложное и важное. Это как в цирке, Бруно. Люди считают, что есть предел человеческим возможностям, поэтому аплодируют воздушным гимнастам или мне, например. Я не знаю, что они себе воображают. Может, они думают, что кто-то разбивается в лепешку, стараясь играть хорошо, или что гимнаст рвёт себе сухожилия всякий раз, когда делает сальто? На самом же деле по-настоящему сложное – вокруг нас, а люди полагают, что с легкостью делают это в каждый момент своей жизни. Например, видеть; или понять собаку, кота. Вот это сложно, действительно сложно. Ночью мне вдруг захотелось посмотреться в зеркало, и я тебя уверяю, сделать это оказалось настолько сложно, что я чуть не упал с кровати. Только представь себе, что ты смотришь сам на себя; одного этого достаточно, чтобы на полчаса оледенеть от ужаса. Ведь это не моё лицо, в первый момент я вцепился в эту мысль – это не я. Я это чувствовал, а когда что-то чувствуешь… Но это как на Палм-Бич, когда за первой волной на тебя обрушивается вторая, третья… Только ты почувствовал одно, уже приближается другая, и рождаются слова… Нет, даже не слова, а то, что за ними, какая-то липкая гадость, слизь, и её становится больше, она покрывает тебя и убеждает, что в зеркале отражаешься именно ты. Конечно, тут не поспоришь. Ведь это моя кожа, мой шрам. Но никто не

понимает, что этой самой слизью мы и живём, потому и кажется так просто смотреться в зеркало. Или отрезать ножом кусок хлеба. Ты когда-нибудь резал хлеб ножом?

– Случалось, – сказал я весело.

– И ты был спокоен? А я не могу, Бруно. Однажды за ужином я отшвырнул приборы с такой силой, что чуть не выколол глаз японцу за соседним столиком. Это было в Лос-Анджелесе, заварилась такая каша… Когда я попытался объясниться, на меня надели наручники. Хотя мне казалось, что это так просто – всё объяснить. В тот раз я познакомился с доктором Кристи. Отличный парень, это при всём моём недоверии к медикам.

Он провёл рукой по воздуху, потрогал его, пытаясь уловить какую-то невидимую форму, улыбнулся. У меня появилось ощущение, что он один, совершенно один. А я – пустое место рядом с ним. Если Джонни вдруг захочется провести по мне рукой, он разрежет меня, как масло, я расслоюсь, как дым. Возможно, именно поэтому он иногда осторожно касается моего лица пальцами.

– Перед тобой на скатерти лежит хлеб, – говорит Джонни, глядя в пустоту. – Это нечто твёрдое с изумительными цветом и запахом. Что-то, что не есть я сам, что-то вне меня. Но если я его трогаю, протягиваю руку и беру его, то всё изменяется, тебе не кажется? Хлеб вне меня, но я его трогаю пальцами, чувствую, что это другой мир, но если я могу его трогать и чувствовать, значит, уже нельзя сказать, что это не я. Или так можно сказать, Бруно?

– Дорогой мой, тысячи лет множество мудрецов ломали головы над этим вопросом.

– В хлебе – жизнь, – бормочет Джонни, закрывая лицо. – И я не смею трогать его, резать на две части, класть его в рот. Ничего не происходит, я знаю, но это и ужасно. Ты понимаешь, ужасно именно то, что ничего не происходит. Режешь хлеб, вонзаешь в него нож, и всё остается, как раньше. Как же быть, Бруно?

Меня начинает беспокоить взгляд Джонни, его возбуждение. Каждый раз становится все сложнее заставить его говорить о джазе, о воспоминаниях, о планах, все сложнее становится возвращать его в действительность. (Действительность. Написал это слово и почувствовал отвращение. Джонни прав, реальностью не может быть такой, джазовый критик – это не реальность, иначе есть кто-то, кто водит нас за нос. И в то же время нельзя следовать течению мыслей Джонни, потому что мы все тогда сойдём с ума.)

Он уснул или закрыл глаза и делает вид, что спит. В очередной раз мне сложно понять, что именно он делает, *что такое* Джонни. Спит ли, претворяется ли спящим или думает, что спит. Я намного вне Джонни,

чем вне любого другого из моих друзей. Ничто не может быть более пошлым, обыденным, легкодоступным, связанным по рукам и ногам обстоятельствами этой несчастной жизни. Несомненно, нет никаких исключений. Любой может жить, как Джонни, если смирится с ролью усталого дьявола, больного, ущербного, безвольного, переполненного поэзией и талантом. Несомненно! Я, всю жизнь преклонявшийся перед гениями, перед Эйнштейнами и Пикассо, носившийся с этим священным списком (и Ганди, и Чаплин, и Стравинский…), который за минуту может составить любой из нас, я признаю, что все эти феноменальные личности бродят по облакам и что, когда находишься рядом с ними, нельзя ничему удивляться. Они другие, и тут ничего не попишешь. Но в отличие от них, инаковость Джонни скрытая, раздражающе мистическая, потому что не имеет никакого объяснения. Джонни не гений, он ничего не изобрёл, он создаёт джаз, как тысячи других чёрных и белых музыкантов, и хотя его джаз лучше, чем у всех остальных, нельзя не учитывать зависимости от вкусов публики, от моды, от времени – от всего в сумме. Пэнэсси, например, находит, что Джонни откровенно плох, и хотя мы считаем, что откровенно плох как раз Пэнэсси, всё равно это открытое пространство для полемики. Нет никаких сомнений в том, что Джонни вовсе не из другого мира (и он первый на этом настаивает). Не исключено, что, услышав подобное, он рассмеётся вам в лицо. Я довольно хорошо представляю, что он об этом думает. Но не стоит углубляться. Единственное, в чём я хотел сам себя убедить, так это в том, что дистанция между Джонни и остальными не имеет объяснения, не основывается на конкретных различиях. Более того, мне кажется, он первым из нас расплачивается за все последствия. Сразу же хочется сказать, что Джонни как ангел среди людей, но честность вынуждает проглотить эту фразу, склонить голову и признать: Джонни – это человек среди ангелов, редкая реальность среди миллионов нереальностей, которыми являются все остальные. Наверное, поэтому Джонни трогает моё лицо пальцами, делая меня таким абстрактным, прозрачным, таким ничто с этим моим крепким здоровьем, моими домом, женой, престижем. Особенно с моим престижем. Особенно с ним.

Но, как всегда, едва обувшись, ты выходишь на улицу и, раз, мягко перевернувшись в воздухе, шлепаешься на другой бок. Бедный Джонни, настолько далекий от реальности. (Да, да, так и есть. Гораздо проще поверить в это, когда сидишь в кафе, когда прошло два часа после посещения больницы, чем во всё то, что я с пеной у рта описывал выше, тщетно силясь быть хоть сколько-нибудь откровенным с самим собой.)

К счастью, вопрос с пожаром был благополучно закрыт, нетрудно догадаться, что постаралась маркиза. Дэдэ и Арт Букайя зашли за мной в редакцию, и втроём мы отправились в *«Vix»,* чтобы послушать уже знаменитую, хоть и всё ещё тайную запись «*Amorous».* В такси Дэдэ без осо-

бого энтузиазма рассказала о вмешательстве маркизы в проблему с пожаром. Дело завершилось сгоревшим матрацем и воплями перепуганных алжирцев, живущих в гостинице. Штраф (Тика уже оплатила), другой отель (Тика уже договорилась), Джонни выздоравливает, валяется на огромной кровати, пьёт вёдрами молоко и читает *«París Match», «New Yorker»* и потрёпанный томик стихов Дилана Томаса с многочисленными пометками на полях.

Обсудив все последние события, выпив по рюмке коньяку в кафе на углу, мы расположились в аудиозале для прослушивания *«Amorous»* и *«Streptomicyne».* Арт попросил выключить свет и улёгся прямо на полу. И вот появился Джонни, прошёлся своей музыкой по нашим лицам, ворвался в зал, хотя находился в этот момент в гостиничной постели, и на пятнадцать минут заставил нас исчезнуть, испариться. Можно понять, почему его бесит даже мысль о выходе в свет диска с *«Amorous»:* любой заметит недостатки, неуверенность выдохов в конце некоторых фраз и это дикое падение в финале, звук глухой и резкий – разорвавшееся сердце, нож, вонзившийся в хлеб. Но от Джонни ускользнуло то, что нам кажется чертовски красивым: тревога, которая ищет выхода в этой импровизации, летящей во все концы; недомолвки, рваные жесты, отчаянье. Джонни не понимает (то, что он называет провалом, для нас – новый путь или по крайней мере указатель), что *«Amorous»* войдёт в историю как одно из величайших творений джаза. Художник, живущий в Джонни, всякий раз будет беситься от злости, слушая (и в этом он уверен) жалкое подобие того, что он действительно хотел сыграть, покачиваясь, выпуская слюну изо рта вместе со своей музыкой, подобие того, к чему был близок как никогда, но что ускользает тем неумолимей, чем настойчивей он это преследует. Удивительно, но оказалось необходимым послушать *«Amorous»,* чтобы лишний раз убедиться в очевидном: Джонни – не жертва, не преследуемый, как думают все вокруг, как я сам написал в его биографии (кстати, издание на английском вышло недавно и продаётся с успешностью кока-колы). Теперь я знаю, что это не так. Джонни – охотник, а не добыча, всё, что с ним происходит в жизни, – это азарт преследователя, а не затравленного зверя. Мы никогда не поймём, за чем или за кем гонится Джонни, но это сквозит в *«Amorous»,* в марихуане, в его абсурдных высказываниях, в его рецидивах, в томике Дилана Томаса, во всём, что превращает этого печального дьявола в охотника без рук и без ног, в зайца, бегущего за спящим тигром. Надо признаться, что мне стало дурно от *«Amorous»,* мне захотелось вставить два пальца в рот, как будто это освободило бы меня от его музыки, в которой всё идёт наперекор, от этой чёрной бесформенной массы, этого обезумевшего шимпанзе, который проводит пальцами по моему лицу и растроганно улыбается.

Арт и Дэдэ не видят или не хотят видеть ничего, кроме формальной стройности *«Amorous».* Дэдэ и вовсе больше нравится *«Streptomicyn»е,* где Джонни импровизирует со свойственной ему лёгкостью, которую обычный слушатель считает совершенством, а я называю рассеянностью, когда Джонни позволяет музыке течь своим ходом, находясь в это время мыслями где-то далеко. Уже на улице я спросил Дэдэ, как они планируют жить дальше. Она ответила, что как только Джонни сможет выходить из гостиницы (полиция пока что ему это запрещает), он сделает диск с одной новой фирмой звукозаписи, которая обещала неплохо заплатить. Арт утверждает, что Джонни полон замечательных идей и что они втроём с Марселем Гавоти будут «работать» в рождественские праздники, хотя я знаю через мои каналы, что он ведёт переговоры с одним агентом из Нью-Йорка, мечтая как можно скорее туда вернуться. Его нетрудно понять, бедняга.

– Тика молодец, – промурлыкала Дэдэ. – Конечно, ей легко. Всегда появляется в последний момент, открывает кошелёк и все улаживается. Я в отличие от неё…

Мы с Артом переглянулись. Что тут скажешь? Женщины всю жизнь вьются вокруг Джонни и вокруг таких, как Джонни. Думаю, необязательно даже быть женщиной, чтобы увлечься Джонни. Сложность заключается в том, чтобы, находясь рядом, не терять дистанции, как спутник, как хороший критик. Арта не было в Балтиморе, когда я познакомился с Джонни, он жил с Лэн и детьми. Пообщавшись с Джонни какое-то время, ощутив грандиозность его музыки, постоянных страхов, невообразимых рассуждений обо всём на свете, его неожиданных вспышек нежности, можно было понять, почему Лэн всегда появлялась с кислым лицом. А каким ещё будет лицо, если ты живешь с Джонни? Тика – она пропускает жизнь меж пальцев, кроме того, у неё финансово прикрытые тылы, а это эффективнее, чем пулемёт, как говорит Арт Букайя, когда зол на Тику или когда у него болит голова.

– Приходите к нам, пожалуйста, – сказала Дэдэ. – Ему нравится с Вами разговаривать.

У меня было жгучее желание прочесть проповедь насчёт пожара (вернее, насчёт причин пожара, в котором наверняка виноваты оба), но это всё равно, что попросить Джонни стать полезным для общества гражданином. Пока всё идёт хорошо, и даже странно, что, когда Джонни в порядке, я почти счастлив. Я не настолько наивен, чтобы не понимать, что это отсрочка, ещё один дополнительный вдох. Какие ещё нужны доказательства, когда чувствуешь это так ясно, как свой нос, прилепленный к лицу? Меня бесит, что Арт Букайя, Тика, Дэдэ – они не понимают, что, когда Джонни страдает, подставляет запястья под наручники, думает о самоубийстве, поджигает матрац или бежит голым по коридору отеля, он

тем самым расплачивается за всех, умирает за каждого из нас. Он делает это бессознательно, в отличие от посредственностей, произносящих пафосные речи на лобном месте, пишущих книги, изобличающих зло человечества, играющих на пианино и воображающих, что омываются от грехов. Не отдавая себе в том отчёта, чудак, безумный саксофонист погибает за человечество.

Если я буду продолжать в том же духе, то начну писать о себе самом, а не о Джонни. Я кажусь себе каким-то проповедником, и мне это совершенно не нравится. Возвращаясь домой, попытался анализировать здраво, чтобы понять, действительно ли в моей книге патологическая сторона сущности Джонни упомянута лишь косвенно. Ведь не было никакой необходимости рассказывать людям, как Джонни ходит по полям с могилами, или считает, что картины оживают, когда на них смотришь; о призраках марихуаны, спасающихся бегством во время дезинтоксикаций. Но Джонни оставляет в залог этих призраков, вкладывает их, как носовые платки, мне в карман, пока не придёт время потребовать их обратно. Мне кажется, я единственный, кто живёт с этим страхом; и никто не знает, каково это, даже Джонни. Перед ним невозможно исповедаться, как перед каким-нибудь великим маэстро, невозможно унизиться взамен на совет. Что это за мир, который мне нужно взваливать на себя, как мешок? Что я за проповедник такой? В Джонни нет ни малейшего величия, я это понял сразу, как только начал осязать его гениальность. И меня это давно уже не удивляет, хотя сначала я был ошеломлен отсутствием масштаба, на который обычно претендуют люди искусства, особенно джазмены. Не понимаю, почему (ну не понимаю я, почему!) мне вообще могло прийти в голову, что в Джонни есть какое-то величие, ведь он опровергает его день ото дня (или мы сами его опровергаем, а это не одно и то же; надо честно признать, что в Джонни живёт призрак какого-то другого Джонни, полного величия; но к призракам неприменим такой критерий, как величие, хотя от этого его значимость не ослабевает.)

Отсутствие величия подтверждается и тщетными попытками Джонни изменить свою жизнь: предотвращённое самоубийство и марихуана. Но сдаётся мне, что за это я уважаю его ещё больше, потому что шимпанзе хочет научиться читать, оно бьётся головой о стены, не получает результата и начинает всё заново.

Да, но если однажды шимпанзе начнет читать, то всё расколется, рассыплется; тогда спасайся, кто может, и в первую очередь – я. Это ужасно, когда такой человек, как Джонни, бросается на стены. Он всех нас разрывает на клочки с первыми же звуками своей музыки. (Мученики, герои, страдальцы, ладно, с ними все ясно. Но Джонни!)

Злой рок. Не знаю, как выразиться лучше; ужасный, иррациональный порядок развития событий в жизни человека, действующий вне всякой

логики. Как знать, например, что после какого-то телефонного звонка неожиданно приедет ваша сестра, живущая на краю света, в Оверни, или что молоко убежит, или что увидишь с балкона парня под колесами авто. Как обычно бывает в футбольных командах или в правительстве: всегда найдутся заместители, если ошибутся исполнители главных ролей. Так и случилось. Этим утром, когда всё ещё длилась моя радость от того, что не без моего участия улучшается состояние Джонни Картера, мне звонит Тика, и звонит она из отделения скорой помощи. Дело в том, что в Чикаго умерла Би, младшая дочь Лэн и Джонни, и что Джонни словно свихнулся, и было бы неплохо, если бы я пришёл друзьям на помощь.

Я поднялся по очередной гостиничной лестнице (сколько их уже сменилось за время нашей дружбы с Джонни). Тика пила чай, Дэдэ мочила в тазу полотенце. Арт, Делоне и Пепе Рамирес тихим шепотом обсуждают последние новости от Лестера Янга. Джонни лежит в кровати, подозрительно притихший, с полотенцем на лбу. Я постарался, чтобы моё лицо не выдало подлинного отношения к происходящему, крепко пожал руку Джонни, закурил сигарету и стал ждать.

– Бруно, у меня болит вот здесь, – сказал через какое-то время Джонни, трогая себя в районе сердца. – Бруно, она была словно камешек у меня в руке. Я старая плешивая лошадь, и никто, никто не утрёт слезы с моего лица.

Все это было сказано так торжественно, что Тика и Арт непроизвольно переглянулись и обменялись знаками, призывающими к снисходительности, пользуясь тем, что лицо Джонни закрыто мокрым полотенцем, и он не может их видеть. Лично у меня вызывают отвращение дешевые фразы, но всё, что сказал Джонни, даже если он это где-то вычитал, прозвучало мистически, словно заговорила маска, вот так в пустоту, безысходно. Дэдэ сменила ему полотенце, и в этот короткий промежуток времени мне удалось мельком увидеть лицо Джонни – пепельно-серое, с зажмуренными до глубоких морщин глазами. Никто особо не удивился, кроме Пепе Родригеса, непривыкшего к подобным сюрпризам, когда Джонни вдруг сел в кровати и стал медленно, смачно ругаться, проговаривая каждое слово, выплевывая фразы, как из раструба своего саксофона. Ни на кого конкретно не глядя, но припечатывая каждого из нас, как мух, начал крыть трёхэтажным всех, кто имел отношение к записи *«Amorous»,* начиная с Арта и Делоне, пройдясь по мне (хотя я…) и закончив Дэдэ… и мать его так и растак. И никто не сопротивлялся, понимая, что это был реквием по Би, умершей сегодня в Чикаго от пневмонии.

Прошло пятнадцать пустых дней; горы работы, газетные статьи, встречи там и сям – хороший итог жизни критика, человека, живущего только взаймы, всегда зависимого от новостей и чужих решений. К слову сказать, однажды вечером Тика, Крошка Леннокс и я, напевая *«Out*

ofnowhere» в кафе «Flore», будем обсуждать фортепианное соло Билли Тейлора, которое всем нам троим (особенно Крошке Леннокс, одетой сегодня по последней моде Сен-Жермен-де-Пре, кстати, ей это чертовски идёт) кажется весьма недурным. Как раз когда Крошка с восторгом, свойственным её возрасту, будет высказывать своё мнение, войдёт Джонни, посмотрит сквозь неё, пройдет мимо, и сядет за другим столом, абсолютно пьяный и одурманенный. Тика положит мне руку на плечо.

– Ты видишь, он снова накурился сегодня вечером. Или днём. Эта женщина…

Я ответил, что Дэдэ виновата не меньше, чем любая другая, начиная с самой Тики, которая курила с Джонни тысячи раз и снова будет курить, как только ей этого захочется. Мне захотелось уйти, уединиться. Так бывает всегда, если нет возможности приблизиться к Джонни, быть с ним рядом. Я буду смотреть, как он водит пальцем по столу, глядя на официанта, пытающегося принять заказ, Джонни опишет в воздухе нечто вроде стрелки и подопрёт её обеими руками, словно она весит тонну, и люди за другими столиками начнут с принятой в «El Flore» сдержанностью посмеиваться над ним. Тогда Тика скажет: «Дерьмо», сядет за столик к Джонни и, сделав заказ, начнёт что-то шептать ему на ухо. Само собой разумеется, Крошка поспешно сообщит мне о своих самых заветных мечтах насчёт Джонни, но я неопределённо отвечу, что этой ночью нужно оставить его в покое, что хорошие девочки рано ложатся спать, если такой оборот речи вообще приемлем, когда имеешь дело с джазменами. Крошка дружелюбно засмеётся, потреплет меня нежно по голове, потом мы будем разглядывать проходящую мимо девицу, покрытую слоем пудры, веки и даже губы которой окрашены в зелёный цвет. Крошка скажет, что и она хочет такой макияж, а я попрошу её напеть потихоньку один из этих блюзов, которые помогли ей прославиться в Лондоне и Стокгольме. И потом мы снова вернёмся к «*Out ofnowhere»,* которая нас сегодня ночью бесконечно преследует, как собака с зелеными глазами и с мордой, покрытой свинцовыми белилами. Подойдут двое ребят из нового квинтета Джонни, и я воспользуюсь этим, чтобы спросить, как всё прошло этим вечером; узнаю, что Джонни с трудом мог играть, но сыграл так, что превзошёл все потуги Джона Левиса, вместе взятые, если последний вообще способен на какие-то новые идеи, потому что, как сказал один из ребят, единственное, что у него всегда под рукой, – это ноты, которыми он законопачивает дыры, а это, извините, не одно и то же. И я снова спрошу себя, между прочим, надолго ли хватит Джонни, и долго ли в него будет верить публика? Ребята откажутся от пива, мы останемся одни с Крошкой, которая действительно достойна своего прозвища. В итоге я сдамся перед её вопросами и объясню, почему Джонни безнадёжно конченный человек, почему ребята из квинтета каждый раз всё больше злятся, поче-

му однажды всё так или иначе разлетится на куски, как разлетелось в Сан-Франциско, Балтиморе и Нью-Йорке бесчисленное количество раз.

Войдут музыканты, играющие в этом районе, приблизятся к столику Джонни, чтобы его поприветствовать, но он посмотрит на них влажными овечьими глазами, приоткрыв рот, неспособный удержать слюну, которая блестит на губах. Дальше произойдёт серия забавных параллельных действий Тики и Крошки. Тика, используя свою способность повелевать мужчинами, выпроводит музыкантов, довольствуясь лишь коротким пояснением и завораживающей улыбкой. Крошка же в это время будет дуть мне в ухо слова обожания к Джонни и нашептывать предложения о том, чтобы отправить его в санаторий, сделать дезинтоксикацию, и всё лишь потому, что ей непременно захотелось переспать с Джонни именно этой ночью – желание, судя по обстоятельствам, совершенно неосуществимое, и это потешает меня ещё больше. Как это бывало не раз с тех пор, как я знаком с Крошкой, во мне вспыхнет желание, и я буду за шаг до того, чтобы предложить ей выпить по глотку в другом, более спокойном месте (она бы всё равно не захотела, и я в принципе тоже, потому что Джонни нас держит на привязи). И в этот момент, когда ничего, казалось бы, не предвещало беды, Джонни медленно поднимется, подойдёт к нам, наклонится со всей естественностью, как будто собирается взять ломтик жареного картофеля с тарелки, и вдруг встанет передо мной на колени, посмотрит мне в глаза, и я пойму, что он оплакивает малышку Би.

Естественно, я хотел поднять Джонни, чтобы он не выглядел нелепо, и в конце концов нелепо выглядел я, потому что нет ничего более достойного сожаления, чем видеть, когда один мужчина пытается сдвинуть с места другого, вполне удобно себя чувствующего в том положении, в котором ему в данный момент хочется находиться. Прихожане кафе «El Flore», обычно равнодушные к мелочам, на этот раз посмотрели на меня далеко не дружелюбно, хотя практически никто из них наверняка не знал, что этот коленопреклоненный негр – Джонни Картер. Они презрительно косились на меня, как на кого-то, кто ползёт к алтарю и дергает Иисуса, чтобы стащить его с креста. Сразу же после этого я получил упрёк и от самого Джонни, тихо плачущего, когда он вскинул на меня свой страдальческий взгляд. Всё это вместе с очевидным неодобрением публики за столиками заставило меня сесть, желая сию секунду оказаться в любом другом месте, только не на этом стуле перед Джонни, стоящим на коленях.

Не знаю, сколько веков прошло, пока всё вокруг замерло в созерцании, пока слезы катились по щекам Джонни, пока его глаза были прикованы к моим. Я предложил ему сигарету, закурил сам, посмотрел на Крошку, которая, казалось, сама готова была убежать и тайком порыдать где-нибудь. Как всегда, всё уладила Тика. Усевшись за наш стол, она со

свойственным ей непоколебимым спокойствием пододвинула Джонни стул, мягко положила ему руку на плечо, после чего Джонни, немного приподнявшись, позволил, чтобы между его задницей и полом (я хотел сказать – и крестом; действительно трудно быть посредником) появился манящий своим комфортом стул. Людям вокруг надоело смотреть на плачущего Джонни и на нас, чувствовавших себя бессердечными извергами. Вдруг я понял, почему некоторые художники так нежно относятся к стульям. Каждый стул в «El Flore» казался мне тогда изумительным предметом, цветком, ароматом, совершенным символом порядка и гармонии, гордостью жителей всего города.

Джонни извинился без лишних эмоций, вынул платок, Тика заказала ему двойной кофе и немного выпивки. Крошка была прекрасна. Отказавшись вдруг от всех этих глупостей насчёт Джонни, стала мурлыкать «*Mamie's blues»,* снимая общее напряжение, и столько в этом было обаяния, что никто даже не заподозрил намеренности в её действиях, а Джонни посмотрел на неё и улыбнулся. Возможно, мы с Тики почти одновременно заметили, что образ Би постепенно растворяется в глубине глаз Джонни, и что он снова готов быть с нами до следующего кризиса. Стараясь не думать о неловкостях, произошедших всего пару минут назад, я снисходительно болтал о том о сём, не касаясь слишком личных тем (было бы ужасно, если бы Джонни снова соскользнул со стула и снова…). К счастью, Тика и Крошка вели себя, как ангелы, и народ в кафе уже сменился, поэтому новые посетители и не подозревали о том, что здесь случилось, хотя, если вдуматься, ничего особенного не случилось. Крошка ушла первой (она много учится, эта Крошка, в девять утра ей уже нужно быть на репетиции с Фредом Каллендером, потому что вечером запись). Тика выпила ещё коньяку и предложила отвезти нас домой. Джонни ответил, что хочет потрепаться со мной, Тика нашла эту идею замечательной и ушла, не забыв, как и полагается настоящей маркизе, за всех заплатить. Мы выпили немного шартрёза и пошли по Сен-Жермен-де-Пре, потому что Джонни настаивал на том, что неплохо было бы прогуляться, и я не из тех, кто способен бросить товарища.

По улице л´Аббэ мы спустились до площади Фюрстенберг, напоминающей Джонни игрушечный театр, который ему в детстве подарил крестный отец. Я попытался свернуть на улицу Жакоб, чтобы воспоминания не вернули его к Би, но, похоже, Джонни закрыл эту тему на сегодня. Идёт спокойно, не шатаясь (я часто видел, как он идёт, раскачиваясь, по улице, и не из-за того, что пьян; что-то с рефлексами, что-то отказывается функционировать). Жар ночи и тишина улиц нам обоим на пользу. Курим «Gauloises», шагая вдоль реки. Проходя мимо лотков книжных торговцев на Кэ-де-Конти, какое-то дуновение ветра или свист студента напоминает нам тему из Вивальди, и мы оба начинаем с энтузиазмом её напевать.

Джонни говорит, что если бы у него сейчас был сакс, то он всю ночь напролёт играл бы Вивальди.

– Еще сыграл бы немного из Баха и из Чарльза Айвза, – говорит Джонни благосклонно. – Не понимаю, почему французов не интересует Чарльз Айвз. Ты слышал его песни? О леопарде, например, наверняка ты знаешь песню о леопарде. «*A leopard...*»

И своим слабым тенором Джонни заливается о леопарде, разумеется, вставляя слова, не имеющие отношения к Айвзу – для Джонни это не имеет особого значения, когда он уверен в том, что поёт что-то музыкально красивое. Присев на парапет возле улицы Жи-ле-Кер, выкуриваем еще по сигарете, потому что ночь прекрасна. Через время нам захочется выпить пива в каком-нибудь кафе, и уже сама мысль об этом доставляет удовольствие – и Джонни, и мне. Пропускаю мимо ушей, когда он в первый раз упоминает о моей книге, потому что сразу же после этого переключается на тему о Чарльзе Айвзе, о том, как развлекался, цитируя его мелодии во время своих записей, а никто этого не заметил (даже сам Айвз, я полагаю); но что-то внутри меня уже задето, и я как бы невзначай пытаюсь вернуть его к разговору о книге.

– Да, я прочёл пару страниц, – говорит Джонни. – У Тики много говорили о твоей книге, но я не понял даже её названия. Вчера Арт принёс мне издание на английском, и тогда я немного почитал. Очень хорошая эта твоя книга.

Я понимаю, что мой интерес, прикрытый угрюмой стыдливостью, естественен, хотя и таит в себе какой-то страх, будто бы мнение Джонни может разоблачить меня, как автора, обнаружив правду о моей книге.

– Это как зеркало, – говорит Джонни. – Раньше мне казалось, что читать нечто подобное, это как смотреть на себя самого, но не в зеркало. Я очень уважаю писателей, удивительно, о чём они иногда говорят в своих произведениях. Вся эта часть, где ты пишешь о происхождении *bebop*...

– Я всего лишь дословно описал то, что ты мне рассказывал в Балтиморе, – говорю, защищаясь не понятно от чего.

– Да, так ты и написал, но всё равно это как зеркало, – упирается Джонни.

– Чего же ты хочешь? Зеркала – они честные.

– Чего-то не хватает, – говорит Джонни. – Тебе, конечно, виднее, но мне кажется, что чего-то не хватает.

– Вероятно, того, о чём ты забыл мне рассказать, – отвечаю достаточно уязвленно. Эта дикая обезьяна способна… (Надо поговорить с Делоне. Будет неприятно, если какое-нибудь неосторожное высказывание погубит все мои старания, которые… – *Например, красное платье Лэн…* – бормочет Джонни. В любом случае, воспользовавшись происшествиями сегодняшней ночи, можно добавить что-то ещё к следующему изданию; было

бы неплохо. – *...Был какой-то запах псины,* – говорит Джонни, – *и это единственное, что есть ценного на этом диске*. – Да, если внимательно слушать и действовать быстро, потому что в руках других людей его болтовня может иметь прискорбные последствия. – *...И могила в центре, самая большая, полная серо-голубого порошка,* – говорит Джонни, – *и так похожая на пудреницу моей старшей сестры…* – Пока это всего лишь бредни, но нельзя позволить ему опровергнуть суть замысла, эстетическую конструкцию, которая столько похвал… – *И кроме того, про* cool-jazz *ты все не так написал,* – говорит Джонни. – Внимание!)

– Что значит, я не так написал? Джонни, конечно, всё меняется, но ещё шесть месяцев назад…

– Шесть месяцев назад, – говорит Джонни, оторвавшись от парапета, облокотившись на него, чтобы подпереть тяжёлую голову руками. – *Six months ago.* Эх, Бруно, как бы я сейчас сыграл, если бы ребята были рядом… Кстати, очень изобретательно написано про сакс и секс, да, красивая игра слов. *Six months ago. Six, sax, sex.* Действительно остроумно, Бруно, чёрт тебя подери.

Нет смысла объяснять Джонни, что его сознание не доросло до того, чтобы увидеть в этой невинной игре слов довольно глубокий смысл (Леонард Фэзер меня понял, когда я поделился с ним своими соображениями в Нью-Йорке), и что параэротизм джаза эволюционирует испокон веку, и так далее до бесконечности… В очередной раз меня утешила мысль о том, что критики гораздо нужнее, чем я сам всегда готов был это признавать. Сами создатели: нескончаемая цепочка от человека, придумавшего музыку, до Джонни – они неспособны извлечь диалектические выводы из своего собственного труда, выдвинуть обоснования и понять трансцендентность того, что сочиняют или играют. Мне стоило бы почаще вспоминать об этом в моменты депрессии, когда становится так обидно, что я не более, чем критик. – *Имя сей звезде полынь,* – говорит Джонни, и я вдруг слышу другой его голос, такой, когда он… как бы это сказать, как описать Джонни, когда он сам по себе, опять один, уже куда-то вышел? Обеспокоенный, спрыгиваю с парапета и смотрю на него в упор. А имя сей звезде полынь – что тут поделаешь?

– Имя сей звезде полынь, – говорит Джонни прямо себе в руки. – И трупы их оставит на улице великого города. Полгода назад…

И хотя никто меня не видит, я пожимаю плечами для звёзд (имя сей звезде полынь). Возвращаемся к нашему обычному: «Это я играю завтра». Имя сей звезде полынь, и трупы их оставит… шесть месяцев назад… на улице великого города. Ушёл, ушёл совсем далеко. И я стою, такой обиженный, что он ничего больше не сказал мне о книге, которую столькие фанаты читают на двух языках (очень скоро на трёх, потому что

готовится издании на испанском – похоже, в Буэнос-Айресе играют не только танго).

– Это было восхитительное платье, – говорит Джонни. – Ты не представляешь, как оно шло Лэн, но вспоминать об этом лучше со стаканов виски в руках, конечно, если у тебя есть деньги. Дэдэ дала мне всего триста франков.

Смеётся, глядя на Сену. Можно подумать, он не способен добыть себе на выпивку и на марихуану, если ему это понадобится. Начинает объяснять мне, что Дэдэ очень хорошая (и ничего о книге), что все это она делает лишь по доброте душевной, но, к счастью, есть приятель Бруно (который написал книгу, но об этом ни слова), и что неплохо было бы сесть в каком-нибудь кафе в арабском квартале, где тебя оставят в покое, если ты имеешь отношение к звезде по имени полынь (я так думаю, мы где-то в районе Сен-Северэн, уже два часа ночи, время, когда моя жена обычно просыпается и репетирует всё, что собирается высказать утром за кофе с молоком). Потому что Джонни неисправим. Мы пьём ужасный дешёвый коньяк и, удвоив дозу, остаёмся довольны жизнью. Но о книге молчком, только пудреница сестры в форме лебедя, звезда, обрывки всякой всячины, вплетающиеся в корявые фразы, обрывки взглядов, улыбок, капли слюны на столе и на краях стакана (стакана Джонни). Да, бывают моменты, когда хочется, чтобы он сгинул. Полагаю, что многие на моём месте подумали бы также. Но как мириться с тем, что Джонни умрёт, унеся с собой нечто, чего не хочет сказать мне этой ночью, нечто, что и после смерти будет продолжать преследовать и от чего будет убегать (я уже даже не знаю, как описать всё это), надо что-то делать, даже если ценой этому станет моё спокойствие, моя работа, мой авторитет, закреплённый неопровержимыми постулатами и добротным погребением. Джонни без конца барабанит по столу, время от времени поглядывая на меня, делая невразумительные жесты и снова продолжая барабанить. Бен Аифа – хозяин кафе, с которым нас когда-то познакомил один арабский гитарист, уже давно хотел бы пойти спать. Мы единственные посетители этого замызганного кафе, пропахшего острым перцем, чесноком и маслом после жарки чего-то жирного. Я тоже валюсь от усталости, но меня удерживает глухая злость, не на Джонни направленная, а родившаяся, скорее, от странного ощущения, будто весь вечер занимался любовью и хочешь принять душ, хорошенько намылиться и смыть с себя всё, что становится откровенно прогорклым, хотя начиналось так… Джонни упрямо стучит по столу, напевает, почти не замечая меня. Вполне может случиться так, что он больше и словом не обмолвится о книге. Его швыряет из крайности в крайность, завтра появится какая-нибудь женщина, любое другое приключение или путешествие. Благоразумнее всего было бы тайком забрать у него вариант на английском, договорившись об этом с Дэдэ. Моя

тревога не имеет почвы под собой, она почти похожа не бессмысленный гнев. Нет смысла ждать чего-то от Джонни; никогда бы не подумал, что он вообще прочтёт книгу. Я прекрасно знаю, что в ней нет правды о Джонни (но нет и лжи), просто зачем кому-то видеть обнажённой его неизлечимую шизофрению, грязную наркотическую подоплёку, муть этой жалкой жизни. Я осознанно выпячивал основные линии, акцентируя то, что действительно достойно внимания – неподражаемое творчество Джонни. Что ещё я мог сказать? Наверное, именно там он меня и поджидает, как всегда в засаде, чтобы подловить на чём-то и совершить очередную безумную выходку, после которой снова будет много пострадавших. Он поджидает, чтобы развенчать всю эстетическую основу, которую я называю первопричиной его музыки, великую теорию современного джаза, которую так хвалят повсюду.

По большому счёту, какое мне дело до его жизни? Единственное, что меня действительно беспокоит, так это его поведение, опровергающее все мои умозаключения, сделанные в книге. А также то, что он начнёт повсюду говорить о ложности моих утверждений, и что его музыка – это совсем другое.

– Послушай, ты сказал, что в моей книге чего-то не хватает.

(А вот сейчас внимание!)

– Чего-то не хватает? А, да, я сказал, что чего-то не хватает. Видишь ли, Бруно, дело ведь не только в красном платье Лэн, кроме этого… Ведь это могилы, Бруно? Ночью я снова это видел, необъятное пространство с могилами. Гигантские плиты, как в кино, на некоторых даже можно было разглядеть надписи и рисунки. Это ужасно – ходить среди могил и понимать, что никого больше нет, что ты здесь один в поисках неизвестно чего. Не расстраивайся, Бруно, неважно, что ты не написал об этом. Но, Бруно, – он поднимает палец вверх, – о чём нельзя было забывать, так это обо мне.

– Перестань, Джонни.

– Обо мне, Бруно, обо мне. И это не твоя вина, что ты не смог описать того, в чём я сам не в состоянии разобраться. Когда ты говоришь, что моя подлинная биография – это мои диски, я понимаю, что ты в это действительно веришь, да и сама фраза звучит поэтично. Но ведь это неправда. Мне никогда не удавалось играть так, как я должен был бы это делать на самом деле. Но не казни себя, никто не ждёт от тебя чуда, Бруно. Здесь жарко, пойдём.

Я иду за ним по улице какое-то время, в переулке он останавливается, чтобы погладить бездомного белого кота. Всё, хватит, на площади Сен-Мишель найду такси, отвезу Джонни в отель и тоже поеду домой. В конце концов не всё так ужасно. В какой-то момент я испугался, что Джонни выдумал некое опровержение умозаключений, сделанных мной в книге,

собирается опробовать его на мне и затем распространить повсюду. Бедный Джонни, о ноги которого трётся белый кот. Всё сказанное им заключается в мысли, что никто ничего ни о ком не знает, и мысль эта далеко не нова. Любая биография предполагает это изначально. Так какого дьявола! Давай, Джонни, пойдём домой, уже поздно.

– Но это не всё, – говорит Джонни, словно угадав мои мысли. – Ты написал о Боге, дружок. И здесь ты действительно прокололся.

– Давай, Джонни, пойдём домой, уже поздно.

– Ты описал то, что все вы считаете Богом. Тюбик зубной пасты по утрам – это вы называете Богом. Мусорное ведро – это для вас Бог. Боязнь взорваться от страсти или гнева – снова Бог. И у тебя хватило наглости смешать меня с этой дрянью, ты написал о моём детстве, о моей семье, и ещё о каких-то там древних предках… Большая куча дерьма, и ты кудахчешь посреди этого, очень довольный своим Богом. Не хочу я твоего Бога, никогда он не был моим.

– Я только сказал, что музыка чёрных…

– Не хочу я твоего Бога, – повторяет Джонни. – Почему в этой книге ты заставил меня принять его? Я не знаю, есть ли Бог, я просто играю, я сам делаю моего бога, не нуждаюсь в твоих изобретениях, оставь их для Махалии Джексон и Папы Римского и сейчас же убери всё это из книги.

– Если ты настаиваешь, – соглашаюсь, лишь бы что-то ответить, – то я уберу это из второго издания.

– Я также одинок, как этот кот, и даже больше, хотя бы потому, что я это осознаю, а он нет. Бедняга, от безысходности он впивается в меня когтями. Бруно, джаз это не просто музыка, и я не просто Джонни Картер.

– Именно это я и хотел сказать, когда писал, что иногда ты играешь, словно…

– Словно у меня шило в заднице? – Джонни взрывается, и первый раз за ночь я вижу его рассвирепевшим. – Невозможно ничего сказать, чтобы ты тут же не перевёл это на свой грязный язык. Если ты видишь ангелов, когда я играю, я тут ни при чём. Если другие открывают рот и говорят, что я достиг совершенства, это не моя вина. Весь ужас в том, Бруно, что ты забыл сказать в твоей книге о моём ничтожестве. Я играю, люди мне аплодируют, но всё это гроша ломаного не стоит.

Неожиданная вспышка самокритики в столь поздний час. Ох, уж этот Джонни…

– Как бы это тебе объяснить? – Джонни поворачивается и кладёт мне руки на плечи, заваливая меня то вправо, то влево. («Да успокойтесь вы, наконец», – кричат из какого-то окна). – Дело не в количестве музыки. Но есть разница, например, в том, жива Би или умерла. В моей музыке она мертва, но между тем, знаешь, мне бы хотелось чего-то… Поэтому я ино-

гда разбиваю саксофон, а люди думают, что это по пьяной лавочке. Понятно, что я всегда пьян, когда это делаю, но суть не в этом.

– Пойдём. Я отвезу тебя в отель на такси.

– Чёрт побери, какой ты отличный парень, Бруно, – ухмыляясь, говорит Джонни. – Приятель Бруно записывает в свой блокнот всё, что говорят вокруг, всё, кроме самого важного. Никогда не предполагал, что ты можешь настолько ошибаться, пока Арт не передал мне книгу. Сначала мне показалось, что ты говоришь о ком-то другом, о Ронни, о Марселе, а потом Джонни то, Джонни се… То есть речь идёт якобы обо мне, а я себя спрашиваю: неужели это я? Что-то там о Балтиморе и о моём стиле… Ты не думай, – добавляет он почти холодно, – я понимаю, что книга написана для широкой публики. То, что ты говоришь о моей манере игры и о чувстве джаза, все это отлично. О´кей… Не хочу больше об этом. Мусор в Сене, вон та соломинка, рядом с кромкой, – вот твоя книга. А я – вот эта соломинка, а ты вон та бутылка, что плывёт, покачиваясь. Бруно, я умру, так и не найдя, не поняв…

Я поддерживаю его под руки, прислоняю к перилам набережной. Он тонет в своём обычном полубреду, бормочет отрывочные слова, плюётся.

– Не найдя… – повторяет, – не поняв…

– Что ты хочешь найти, дружище? Нельзя требовать невозможного, того, что ты нашёл, хватит для…

– Для тебя, я знаю, – говорить Джонни злобно. – Для Арта, для Дэдэ, для Лэн… Но ты не понимаешь… Мне казалось, что дверь всё же начала приоткрываться… Смотри на эти соломинки, они встретились, танцуют друг перед другом. Красиво… Начала приоткрываться… Время… я тебе говорил, что это из-за времени… Бруно, всю жизнь я ждал, что музыка мне откроет эту дверь. И ничего, все рухнуло… Я помню, однажды ночью, в Нью-Йорке. Красное платье. Да, красное, которое ей так шло. Вот, однажды ночью мы были с Майлзом и Холлом… Счастливые. Около часа без остановки играли одно и то же. Майлз выдал такую потрясающую импровизацию, что я поднялся над стулом, уплыл и, закрыв глаза, летал где-то вдалеке. Я слышал всё словно из другого мира и в то же время внутри меня, как будто я раздвоился и стоял рядом с самим собой и с нашей музыкой… Смотри, бутылка качает нам головой… У каждого свои сравнения, но я чувствовал какую-то защищённость, как иногда во сне, когда тебе всё кажется разрешимым. Лэн и девочки тебя ждут с запечённой в духовке индейкой, ты едешь на машине, и на всех светофорах горит зелёный, всё в жизни гладко, как бильярдный шар. Я стоял рядом с самим собой, но вне пространства и вне времени, без всяких тогда и потом. Какое-то время не существовало ничего, кроме всегда… Я ещё не знал, что это ложь, что я просто заблудился в музыке, и как только мы перестанем

играть (ведь Холл когда-то должен всё же будет оторваться от рояля), я вернусь из иных миров и расшибусь о стул, над которым парил.

Джонни сладко плачет, трёт глаза огромными грязными кулаками. Я не знаю, как быть. Уже поздно, а от реки поднимается такая влажность, что мы оба простынем.

– Наверное, я пытался плавать без воды, – бормочет Джонни. – Наверное, я хотел получить красное платье Лэн без самой Лэн. И Би мертва, Бруно… Думаю, ты прав, у тебя получилась очень хорошая книга.

– Пойдём, Джонни, я не обижусь, даже если ты посчитаешь её плохой.

– Нет, погоди, твоя книга и вправду хороша, потому что… потому что в ней нет могил, Бруно. Это как Сатчмо, он играет чисто, ровно. Тебе не кажется, что то, как играет Сатчмо, похоже на день рождения или на какое-то благодеяние? Я… Говорю тебе, я хотел плыть без воды. Надо быть полным идиотом, но мне казалось, что однажды я найду что-то иное. Я всегда был чем-то недоволен, думал, что всё хорошее вокруг нас: красное платье Лэн и даже Би – всё это мышеловки, как бы это сказать… Ловушки, чтобы мы смирялись, понимаешь, чтобы мы согласились с тем, что всё идет прекрасно. Бруно, я думаю, что Лэн и джаз, да, даже джаз, словно рекламные объявления в журнале – красивая приманка, чтобы усмирить наши желания, успокоить, как это происходит с тобой, потому что у тебя есть Париж, твоя жена, твоя работа… А у меня были мой сакс и мой секс, как говорится у тебя в книге. Больше я ни в чём не нуждался. Ловушки, дорогой мой… Должно существовать что-то ещё, не может быть, чтобы мы, все больше приближаясь к двери, всегда оставались по другую её сторону.

– Самое важное – вкладывать себя целиком, насколько это возможно, – говоря это, чувствуя себя совершенно глупо.

– Конечно, и ежегодно побеждать в конкурсе *«Down Beat»,* – иронизирует Джонни. – Конечно, да, конечно, да, конечно, да!

Медленно и осторожно веду его к площади. К счастью, на углу стоит такси.

– Но прежде всего я не принимаю твоего Бога, – бормочет Джонни. – Не надо лезть с этим ко мне, я этого не позволю. И даже если он действительно находится по ту сторону двери, мне наплевать, чёрт возьми. Подумаешь, заслуга – стоять с той стороны и открывать дверь. Вышибить её пинками и всё. Взломать, облить спермой, мочиться на неё целый день. Тогда в Нью-Йорке мне вдруг показалось, что музыка просочилась, приоткрыв дверь, но, проклятье, как только мы прекратили играть, он захлопнул её прямо перед моим носом, видимо, потому что я никогда не молился и молиться не собираюсь, потому что ничего не хочу знать об этом портье, швейцаре в ливрее, открывающем дверь в обмен на чаевые, об этом…

Бедняга Джонни, и он ещё возмущается, что все это не вошло в книгу. Три утра, madre mía…

Тика вернулась в Нью-Йорк и Джонни вернулся в Нью-Йорк (без Дэдэ, весьма комфортно расположившейся теперь в доме Луи Перрона – многообещающего тромбониста). Даже Крошка Леннокс вернулась в Нью-Йорк. Париже опустел, и я скучал по моим друзьям. Книга о Джонни очень хорошо продавалась, Сэмми Претцаль поговаривал о возможной сценарной переработке для Голливуда – вопрос всегда интригующий, когда начинаешь пересчитывать соотношение «франк-доллар». Моя жена все злилась из-за истории с Крошкой Леннокс, хотя ничего такого и не было, мелочи. Крошка – это всего лишь легкий флирт… Да и любая разумная женщина понимает, что подобные вещи только укрепляют супружеское равновесие, кроме того, Крошка уже давно отправилась в Нью-Йорк вместе Джонни – она изъявила желание отчалить на одном с ним корабле. Сейчас курит где-нибудь марихуану вместе с ним, потерянная, бедная девочка. Недавно в Париже вышел диск с *«Amorous»,* как раз когда второе издание моей книги обсуждалось в прессе и поговаривали о переводе на немецкий. Я много думал над возможными переделками второго издания. Гордый в той степени, насколько мне позволяет моя профессия, я спрашивал себя, нужно ли показывать в другом свете личность героя книги? Не раз мы спорили с Делоне и с Одейром – они не знали, что посоветовать, потому что находили книгу превосходной, считали, что она нравилась читателям такой, какая есть. Мне казалось, что оба они боялись какого-то литературного налёта, опасались, что появятся оттенки, ничего общего не имеющие с музыкой Джонни, по крайней мере такой, какой её понимаем все мы. По мнению специалистов (и по моему собственному решению – было бы глупо отрицать, что я тогда так думал), нужно было выпустить второе издание без изменений. Я внимательно перечитывал все специализированные журналы, выпускавшиеся в то время в Соединенных Штатах (четыре репортажа с Джонни, новости о новой попытке самоубийства – на этот раз с помощью йодового красителя, – и о счастливом избавлении с помощью гастроскопического зонда и трёхнедельного пребывания в больнице, потом новые концерты в Балтиморе, как ни в чём не бывало), что меня вполне успокоило, хотя постоянные его рецидивы, конечно, не доставляли удовольствия. Джонни не сказал ни одного обличительного слова о книге. Пример (интервью Тэдди Роджерса с Джонни в *«Stomping Around»* – чикагском музыкальном журнале,): «Ты читал книгу, которую написал о тебе Бруно Б. в Париже?». «Да. Она очень хороша». «Больше ничего не хочешь добавить об этом?». «Ничего, кроме того, что она хороша. Бруно отличный парень». Оставалось только узнать, что болтал Джонни, когда был пьян или накурен, но по крайней мере не было никаких слухов. Я решил не трогать второе издание, оставляя Джонни

таким, каков он являлся по сути: бедный дьявол с посредственным интеллектом, невероятно одарённый как музыкант, как шахматист, как поэт, способный выдавать изумительные вещи, не признавая (самое большее, что он проявлял, – это гордость боксёра, который чувствует себя сильным) истинного значения своего творчества. Я не изменил ничего в образе Джонни; к чему эти проблемы публике, которая любит джаз, но терпеть не может музыкального или психологического анализа, не выносит всего, что не является сиюминутным, хорошо нарезанным и поданным наслаждением? Пальцы, отстукивающие ритм, лица расслабленные, блаженные от музыки, проходящей сквозь кожу, проникающей в кровь и дыхание, а после этого стоп – никаких лишних размышлений и глубокомысленных выводов.

Сначала пришли телеграммы (первые две получили Делоне и я, вечером в новостях уже появилась информация с бестолковыми комментариями); через три недели пришло письмо от Крошки Леннокс, которая не забыла обо мне. «В Бельвю к нему относились великолепно, и я поехала за ним, когда его отпустили. Мы жили в апартаментах Майка Руссоло, пока он гастролировал по Норвегии. Джонни был в порядке, и, хотя не хотел играть на публике, согласился записать диски с ребятами из «Club 28». Тебе я могу признаться, что на самом деле он был очень слаб (не трудно понять, что она имеет в виду после наших парижских приключений), и по ночам я боялась за него, видя, как он мучается. Единственное, что меня утешает, – добавляет прелестная Крошка, – что он ушёл счастливым, не осознавая, что умирает. Он смотрел телевизор и вдруг упал на пол. Мне сказали, что смерть была мгновенной.» Из чего можно сделать вывод, что Крошки в этот момент не было рядом с ним. Позже мы узнали, что Джонни за пять дней до этого перебрался жить к Тике, был обеспокоен и подавлен, собирался бросить джаз, уехать в Мексику, работать на земле (нам всем в какой-то момент жизни хочется подобного, об этом даже скучно писать). Тика ухаживала за ним и делала всё возможное, чтобы успокоить и заставить оптимистически смотреть в будущее (по крайней мере так говорила сама Тика, будто она или Джонни когда-нибудь вообще задумывались о будущем). Джонни смотрел программу, которая ему очень нравилась, потом неожиданно закашлялся, согнулся пополам и так далее... Я не слишком уверен, что смерть была мгновенной, как Тики заявила в полиции (пытаясь выпутаться из жутких проблем, которые могли возникнуть из-за смерти Джонни в ее апартаментах, из-за марихуаны, растолканной по всем углам, из-за многочисленных предыдущих скандалов, в которых она была замешана, из-за мало убедительных результатов вскрытия. Не трудно представить, что могли обнаружить медики в печени и легких Джонни). «Ты себе не представляешь, как мне было больно, хотя есть и другие вещи, о которых не хочется говорить, – ласково добавляла

Крошка, – но я обязательно, когда у меня будут на это силы, тебе напишу или расскажу при встрече (похоже, что Роджерс хочет сделать мне контракт в Париже и Берлине) всё, что ты должен знать, ты, который был лучшим другом Джонни.» Потом шла целая страница, посвящённая оскорблениям в адрес Тики, которая, если верить Крошке, была виновата не только в смерти Джонни, но и в атаке на Перл Харбор и во вспышке чёрной чумы. После этого она подытожила: «Да, пока я не забыла, однажды в Белвю он много говорил о тебе, у него в голове путались мысли, он думал, что ты в Нью-Йорке и не хочешь приехать повидать его, он постоянно вспоминал о полях с какими-то плитами, потом звал тебя, матерясь по-чёрному, бедняга. Ну ты знаешь, что такое высокая температура. Тики сказала Бобу Карею, что последними словами Джонни были что-то вроде: «О, слепи мою маску», но ты же понимаешь, что в такой момент…» Понимаю ли я? «Он очень потолстел, – добавляла Крошка в конце письма. – И страдал одышкой при ходьбе.» Подобных подробностей стоило ожидать от такой нежной натуры, как Крошка Леннокс.

Все это совпало со временем выхода в свет второго издания моей книги, но, к счастью, я успел включить туда некролог, написанный на скорую руку, и фотографию с похорон, на которые пришло множество знаменитых джазменов. Таким образом, биография была, если можно так сказать, абсолютно завершена. Возможно, это звучит грубо, но я рассуждаю исключительно с эстетических позиций. Уже говорят о новом переводе, кажется, на шведский или норвежский. Моя жена очень рада этой новости.

Евгения Челнокова[1]

МНЕ Б НАУЧИТЬСЯ СМЫСЛ НАЙТИ В СТИХАХ…

***

Чтобы жить, чтоб чувствовать жизнь,
Создавайте в ней перемены,
Чтобы крылья ваши сложить
Не сумели ни шторм, ни стены.
Наслаждайтесь слепым дождём,
Не считайте года с печалью.
День встречайте, живите в нём,
Не встревожив его ночами,
Их спокойствием, тишиной,
Частотой чёрно-белых кадров.
Если можно, не ставьте «но»,
Успевайте в минуте каждой
Всей душою чувствовать жизнь
Сквозь границы и все пределы,
Через время, что вдаль бежит,
Чтобы верить, мечтать хотелось.

***

Разогнался времени погонщик,
Навсегда забыв о тормозах…
И теперь так хочется быть проще,
Рядом сесть и посмотреть в глаза,
Чтоб условность так легко сгорала
И нелепых принципов игра,
Чтоб душа любить не уставала,
А на это ей не нужно прав.
Время дарит много лишних знаний,
Этим убивая иногда…
Время не крадёт воспоминаний –
Это больше радость, чем беда…
Неустанный времени погонщик
Вряд ли что позволит повторить,
Потому и хочется быть проще,
Чтоб душой с душою говорить…

© Челнокова Е.В.

***

Прощай. Своё молчание храни,
Нас приютили разные вселенные,
Где телефон по-разному звонит,
Не совпадает летоисчисление,
Не совпадает ни один маршрут,
Другое время и другие скорости.
Как жаль порою, что часы не врут,
Что исчезает чувство невесомости…
И я почти нигде не остаюсь,
Но мне диктует кто-то так настойчиво
Все эти строки… Застывает пульс.
И я опять забуду «Вы» и отчество.
Я не умею говорить: «Прощай»,
И душу настежь, если лабиринтами,
Пусть даже солнце будет освещать
Мою дорогу золотыми нитками.
То сильный дождь, то снегопад стеной –
Но это лишь стена. Обыкновенная.
Немного жаль, что на земле одной
Нас приютили разные вселенные…

***

Не признавайтесь в своих печалях,
Когда ваш парус без вас отчалил,
Когда в вагоне стаканом чая
Запить так хочется боль разлук.
Не признавайтесь, когда вам душно,
Не потому, что кому-то скучно,
А потому, что вся жизнь – игрушка
И жизнь – мудрейшая из наук…
Не признавайтесь, когда вам больно…
Лечите раны – к другим любовью…
В борьбе сражаясь с самим собою,
Сильнее станете в сотни раз…
Не признавайтесь в своих печалях…
Садитесь в поезд, налейте чаю,
С ночными звёздами боль венчая,
Летите к морю, что сил вам даст…

***

Мне б научиться «просто мудро жить»,
Любить зарю как верную подругу,
Подобно ей, всю жизнь идти по кругу,
Не делая иные виражи.
Мне б научиться смысл найти в стихах,

Сумев наполнить их каким-то смыслом,
Не замечать разорванные листья
И ледяных ожогов на губах…
Мне б научиться просто жечь мосты,
В которых нет нужды, пора признаться.
У моря вечерами оставаться,
С которым мы давно уже на «ты»,
Что значит – мы друг другом дорожим,
Как будто бы друг в друга проникая,
Не путаясь в словах и не скрывая,
Доверив мысли, сны, тоску и жизнь…
Как научиться «просто мудро жить»?..
Кричит мне всё, а я не слышу словно,
Как эта осень надо мной круж***и***т,
Как что-то мне подсказывают волны…

***

Март пришёл, февраль уехал,
Ждём чего-то от весны…
Нам нужны свои успехи.
А не наши – не нужны?
С нескрываемой улыбкой
Незаметно пробежим
Мимо чьей-нибудь ошибки,
Над своею – голосим:
Почему не подсказали,
Отчего не помогли?
И не в нашей тьме-печали
Почему звезду зажгли?
Март. Пусть будет он началом
Светлой радости для всех,
Чтобы сердце принимало
И чужой, и свой успех.

Валерий Митрохин[1]

НЕБЕСНЫЙ ЦИФРОРЯД

Фантомная память

Переизбыток древоточца
И паутина по углам;
По шторам и по зеркалам...

Пыльцу какого-то цветочка
Хранит старинный фолиант
Между страниц, что, как пергамент…

Там гипнотический орнамент
Имеет запах конопли,
Вдыхать который не опасно.

Жить в старом доме самовластно,
Владеть или снимать в наём
Мне нравится, поскольку в нём
Ты ощущаешь ежечасно –

Что н*е*когда старинный дом
Тебе уже принадлежал;
Что здесь уже звучали строфы
Твои,
Но после катастрофы,

Как вор, ты из него бежал…

...Табак в шкатулке, винный рог,
На стенке старое ружьё;
Просторный стол – на нём кинжал;

В колчане перья царских дроф
И книги…
Это всё твоё.

Тогда тебе принадлежал,
Казалось, даже воздух дома –
Не спёртый, заперт на запор,

Но все замки остались целы,
Хотя и со следами взлома.

Сюда входил особый вор;
Преследовал иные цели:

© Митрохин В.В.

Являлся он, чтоб выкрасть время,
Чтоб маятник остановить
Часов настенных и напольных...

Украсть и вынести бремя –
Его судьбы для обновленья,
А всех свидетелей невольных
Потом убить без сожаленья

И за сообщником своим
Смыть кровный след и отпечатки…

Оставить всё в таком порядке,
Чтоб тот, сам от себя таим,

Придя сюда через года,
О преступленье навсегда
Забыл;
И тех, кому был должен;

Чтоб начал с чистого листа;
Чтоб путь назначенный продолжил,
Мечом пронзив себе уста.

22 января 2018 года

Гобелен
(поэмэска)

В час ночи грянула мортира;
огнём наполнилось полмира;
качнулась на стене картина

и разразился водосток.

Тревожно вздрогнула квартира
и в кроне старого инжира
проснулся каждый лепесток.

И гобелен из кашемира,
что мне прислали из Кашмира
за перевод стихов с фарси.

…Сказала: «Напоказ повесь, –
И указала место, – Здесь!
Пусть видят все, а ты форси!».

Ты на меня глядела гордо;
ты мной дышала и жила –
умна, мила, как ты могла
уйти в тот гималайский город,
что выткала на гобелене
неведомая нам игла?!

Он для меня, как нотабене
о Шамбале, в которой ты
инжировы растишь кусты…

Как птица, стонет водосток;
о чём-то мне поёт Восток
на древнем языке урду,
который, к моему стыду,
я не учил, как ты хотела.

Тогда я знал другое дело;
тогда твои душа и тело
и тесная бровей тесьма,
и дома нашего тюрьма,
где мы без права переписки
пожизненно заключены,
мне были более важны.

Где под окошком тамариски
и где на прутиках ремизки
вдали от проклятой войны,
что разорвала твой Кашмир,
где ты познала русский мир;

ты, словно божий свет, текла
и силуэт горы ткала,
и повторяла «Басмала».

31 января 2018 года

Услыши нас!

То низко, то высоко
Идёт с юго-востока
Который год подряд
В полнеба цифроряд.

Пусть выглядит зловеще
Небесная душа,
Я на такие вещи
Гляжу, не трепеща.

Будь это сон или же
Виденье наяву,
Чтоб разглядеть поближе,
Я Бога призову.

Что это за явление?
Вселенское кино?
На светопреставление
Похожее оно.

И что бы ни ответил
Господь ученику,
Приму в сединах светел,

Хоть на своём веку
Немало нагрешил.

Как мог, старался жил.
И не жалея сил,
И день, и ночь учился...

Не зря же мне открылся
Небесный цифроряд.

Горят на небе числа
Который год подряд...

Зачем они горят
Как фосфорный заряд?

И борется,
И молится
И день, и ночь Донбасс?

Услыши, Отче, нас!
Помилуй люди, Спас!

5 февраля 2018 года

Сбоку припёку

Где божьи коровки зимуют? Вопрос!
Кого-нибудь он занимает всерьёз?
Куда улетают от нас насекомые,
Чтоб снег переждать и мороз?

Такие, нам с детства знакомые,
Не прячутся в рамы оконные,
Они ведь не мухи. Возможно,
Они улетают и где-то на юге,
Подальше от ветра и вьюги,
Зимуют, столуясь подножно?

Или погружаются в анабиоз,
И спят, как медведи – берложно,
Чтоб снег переждать и мороз?

У наших букашек иная сноровка,
У них необычная перезимовка.

Все эти чудесные божьи коровки,
От летней избавившись экипировки,
Стирают стиралками с крыльев кружочки,
Потом приступают к костюмировке…

Мы видим, как вдруг на тетрадном листочке,
Похожими стали они на цветочки,
Растущие вкупе и поодиночке.

И рядышком с ними написано «Лето!»,
А сбоку припёку неровные строчки
Их старого друга Поэта.

5 февраля 2018 года

Замор
(поэмэска)

На сварочном рубце, на скове –
Клеймо напоминает шрам;
На стыке слов, на полуслове
Свой храм я превращаю в шарм.

Прибрежные цветы скупые;
На солонцах пичужный след.
Ракушек – дактилоскопия
На глыбах миллионов лет.

Идя по этим отпечаткам
Сквозь топкую густую крепь,
Подобно полевым початкам,
Пыльцой дымится лесостепь.

Сверкают якорные цепи,
Скрипят лебёдки и гремят…
Везу хамсу в полуприцепе,
В котором возят виноград.
На раскалённом пляже моря
Сверкает адская тефаль.
Жируют чайки в мониторе,
Без масла жарится кефаль.

Глас вопиющего басов
Вновь задыхается Азов.
Нет ничего страшней, чем штиль.

Недвижную морскую даль,
Воды зелёную эмаль
Покрыл безветрия текстиль.

Штиль для подводного народа
Губительней, чем нам чума.
Спасенье для него шторма –
Без них нет в море кислорода.

Чтоб сократить урон замора,
Мы днюем и ночуем в море,

И память, будто на повторе,
Показывает нам года,
Века и времена, когда
Такой беды не знало море.

Мы разумом облучены.
Став планетарною судьбою,
Всех тащим в пропасть за собою,
Кто рядом жить обречены.

Безумцы, мы бездарно губим
Себя и всех, кого мы любим,
С кем были жить обручены…

Пройдя сквозь жернов крупорушки,
Мир будет переиспечён,
В хаосе выживут ракушки,
Как будто были ни при чём.

С них, малых, жизнь начнётся снова
Монеткой, спрятанной в пирог…

И, как свидетельствует Бог,
Опять в начале будет слово.

22 февраля 2018 года

Мой черновик

Играя словом, смысл перевирая,
Живу среди руин Бахчисарая.

Окрестную натуру озирая,
Пишу о жизни, возраст презирая.

Пишу о том, что век мой не измерен,
О питие, в котором не умерен.

Молчу о том, насколько не уверен
Я в том, что делать и творить намерен.

Поскольку знаю, названное вслух
Решение, всегда невыполнимо,
Что сказанное вдруг невосполнимо.
Но то лишь верно, что пришло не вдруг.

За временем слежу не по часам.
Теченье времени я ощущаю сам.

Оно, как свет, бессмертного движенья.
Захватывает дух от ускоренья;

Чужие книги больше не читаю.
Читаю пролетающую стаю
И узнаю её по голосам,
Которым как-то обучился сам.

Я многое постиг наедине
С самим собой. И то, что есть во мне,
Не обязательно ко мне пришло извне.
Оно таилось у меня внутри.

Теперь я говорю себе: сотри!
Черты случайные. И снова посмотри,
Насколько жизнь твоя была прекрасна.
Но я не слушаюсь, поскольку не согласна

Моя душа. Ей люб мой черновик,
Который, суеверный, не привык
Я переписывать, боясь, что потеряю
Дорогу, что ведёт к Бахчисараю.

25 февраля 2018 года

Не такой

В кристалле времени я видел жизнь свою.
В ней нет различия меж прошлым и грядущим.
Я предстоящим был и предыдущим,
Не подлежащим инобытию.

Там не было длины и ширины.
Там даже высота неощутима.
Там в мире – мир. Там всё несосветимо.
Там все поврозь. И там же все равны.

Там всё – гармония и всё несовместимо,
Всё непреодолимо, всё насквозь,

Все – на авось, всё мимолетно, вскользь,
Всё нераздельно, но несоставимо.

Всё эфемерно там и достоверно,
Ассиметрично и несоразмерно;
Там виден каждый атом, каждый квант;
Там нет суждений – гений и талант.

Там полное отсутствие искусств;
Там говорят, не разжимая уст.
Там нет художников и музыкантов нет.
На всё и вся там лишь один поэт.

…Он медленно покинул пьедестал.
Он выбил из руки моей кристалл.

Он мне сказал с надменною тоской:
«Мой дорогой! Уйди!
Ты не такой!».

26 февраля 2018 года

Вавилонские ювелиры

Музыканты не смотрят в ноты.
Разве только что иногда.
Мастерство – результат работы,
Круглосуточного труда.

Не всегда мастерство панторифмы
Говорит: перед вами поэт.
Не тарифы и логарифмы
Сочинять помогают сонет.

Если ты, забывая – кто ты,
Редактируешь, не спеша,
В результате твоей работы
Совершенствуется душа.

Если ты, тороплив и топорен,
Ладишь дело своё напоказ.
Как бы ни был твой навык проворен,
Бриллиантом не станет алмаз.

Получает признание мира,
Кто признанья не ждёт от него,
Кто заимствует у ювелира
Инструменты и много чего.

Вавилонские ювелиры,
Прежде чем диадему ковать,

Начинали на струнах лиры
Пальцы музыкой шлифовать.

2 марта 2018 года

В эпицентре шторма

Движенья слов в стихах метафизичны,
Поэтому к порядку безразличны.
Они живут в них сами по себе…

Там каждый троп по собственной тропе
Восходит к образу, как праведник к псалтири.

И, как стрелок, шлифует фокус в тире,
Поэт играет, как дитя, на лире
Без нот.
Он просто извлекает звуки,

Потоком струнным омывая руки.
А глупый ум, записывая их,
Не может и спустя какой-то миг
Воспроизвесть словесную гармонию…

Так зрение увиденную молнию
На чёрном бархате едва ослепших глаз
Не держит долго.

Блеск случайных фраз,
Их мимолётный свет
Не может сохранить
И нанизать на образную нить...

Порою даже опытный поэт
Не понимает ценности метафор,
Не видит цельности в кусках разбитых амфор,

Что разглядел нечаянно моряк,
Волной снесённый с корабля во мрак,
Душой виясь на якоре кристалла…
Она сама на глубину упала –
В стихийный разум в эпицентре шторма.

Но сеть дырявая, вздымаясь, словно штора,
Утратила случайный свой улов –
Златые россыпи, и самородки слов.

22 марта 2018 года

***

Нет логики в поэзии твоей?
Но я её в стихах и не ищу!
Поскольку речь ведётся не о ней,
И не за это я с тебя взыщу.

Пусть строй твоих творений алогичен,
Всё важно мне – смеюсь или грущу;
Насколько ты в подтексте элегичен,
Настолько я свой мир обогащу…

Тебе, когда ты не аналогичен,
Я многие неловкости прощу,
И даже одобрением польщу…

А вот неточной рифмы не спущу.

23 марта 2018 года

На окраине города

Фотография старая
Пахнет сеном гербария.

Вновь пою а капелла я
О тебе, чёрно-белая.

Сколько дум перемучено!
Сколько мук перемолото!
Сколько мыслей озвучено
И потеряно золота!

Сквозь молчанье молчания
И звучанье звучания
Ослепительно молодо
Ты глядишь с фотографии.

Нам не до орфографии
И не до пунктуации,
И не чтоб над ошибками
Отстрадать дилетантами.

Просто в той ситуации
Мы любили улыбками.
Нам, терзая диктантами,
Школа ставит по неуду.

Жизнь ошибки исправила;
Научила дуть на воду.
Мы усвоили правила…

Только правописание
Погубило всезнание,
Развенчало иллюзии.

И другие коллизии
Взяли нас в оборот.

На окраине города –
На краю географии
Время солнцем проколото;

На краю биографии,
Как сусальное золото,
Вянет жёлтый кишмиш.

...С фотографии молодо –
Ты сквозь годы глядишь.

16 октября 2018 года

***

Не противься похвале,
Даже если друг лукавит.
Кто ещё тебя прославит
На отеческой земле?!

Не противостой хуле,
Даже если враг лукавит.
Кто тебя ещё ославит
Вопреки такой хвале?!

Не берись, поэт, пророчить
Нереальную мечту!
Грех Создателя порочить,
Уводя народ в тщету.

Можешь сам себя морочить,
Коль уж так невмоготу.

31 октября 2018 года

***

Бессмертная, она веками
Здесь греет лапки и брюшко…

Сидела ящерка на камне
Не далеко, не высоко.

Сидела ящерка на камне;
На спинке у неё чертёж.

Её орнамент был похож
На изумрудный карборунд.

Сидела ящерка на камне
Всего лишь несколько секунд.

Мы были с ящеркою рядом.
Я там живился виноградом.

Сквозь веер солнечного дня
Глядела Вечность на меня.

19 ноября 2018 года

На привязи

И чем уверенней рука,
а ниточка прочней,
летит смелей Воздушный змей
почти под облака.

Не запрещается мечтать
о том, чтоб Ангелам под стать
во славу Божию трудиться;

или хотя б крылатым стать,
чтоб с небесами подружиться,
как птица реять и кружиться,

Душа не падает, пока
нас контролирует рука
Того, кто форму возлелеял,

из ветра и бумаги склеил,
и запустил в полёт, пока

с Творцом связующую нить
ты не рискнёшь отъединить.

11 декабря 2018 года

Почерк гения

Наш мир разнообразит кривизна.
В нём всё и вся всегда асимметрично.
Поэтому она так феерична,
и даже химерична новизна.

В природе всё неровно,
не зеркально;
всё угловато в ней и нелекально,
и неохватно всё, и всё локально.

Не идентично всё и вся вокруг…

и даже параллельные кривые,
летя углом, как птицы кочевые,
То клином сходятся, то размыкают круг.

В природе нет своей архитектуры.
Есть лишь неправильные формы и фигуры…

Как раз они, сплетаясь и ветвясь,
гипнотизируют, как буквенная вязь…

Как почерк гения, мир не каллиграфичен –
в нём каждый росчерк от иных отличен;

нет никакого постоянства в нём,
мы в нём стабильность ищем днём с огнём,
пока, заблудшие, случайно не поймём:

Мир целен тем, что он, живясь и рвясь,
и есть Наш Свет, и смертная агония,
что он и есть та самая Гармония –
та самая Божественная связь.

30 декабря 2018 года

Елена Соколовская[1]

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ВЕСНА

На круглый островок с плакучими ивами прилетели канадские гуси. Островок – в Ботаническом саду, Ботанический сад – в немецком городе Мюнстер, и принадлежит Университету. Перед входом так и написано: «Частная собственность», но вход свободный и бесплатный, чтобы «все граждане могли поучиться и насладиться». Гуси читать не умеют, они просто выбрали это место для отдыха на пути в Лапландию, ожидая, когда на севере достаточно потеплеет. Здесь-то уже тепло – микробиота зазеленела. Для справки, если кто не знает или забыл, микробиота (Microbiota decussate) – это редкий реликтовый вечнозеленый хвойный распростёртый низкий кустарник, исключительно морозостойкий и очень декоративный, так как дважды в год – весной и осенью – меняет окраску своей хвои. Хребет Сихотэ-Алинь – его родина, а в Европе водится преимущественно в ботанических садах. И если микробиота зазеленела – жди устойчивого весеннего тепла.

Но на самом деле весну в Ботанический сад принесла я – я прилетела одиннадцатого февраля, когда всё было еще холодное и спящее: к стылой земле жались обмороженные морозники, круглый пруд блестел льдом, а микробиота была цвета новых медных крыш, столь модных в Мюнстере пару десятков лет назад. Хотя солнце уже сияло и первые робкие эрантисы тянули к нему свои золотистые головки. Я ходила в Ботанический сад каждый день, как на работу, и прилежно обходила его весь привычным маршрутом с обязательным восхождением на гору к микробиоте. С каждым днём появлялись новые ростки, а потом – к ним таблички с названиями и даже ограждения. Так продолжалось неделю, затем пошли дожди, табличек и цветов стало ещё больше. Но микробиота все не откликалась – у неё по календарю была ещё зима.

В открытом окне холодной оранжереи цвели и волшебно пахли персидские цикламены, рядом продавали разноцветные цикламены в горшочках, альпийские же цикламены под рододендроном расцвели только к началу марта. Тогда и микробиота сдалась, стала менять зимнюю окраску на летнюю. После чего я облегченно вздохнула – весна вступила в свои права – и стала приходить в сад только по субботам. Тут-то я и обнару-

© Соколовская Е.Л.

жила прилетевших гусей. Пути миграции животных жёстки и суровы. Сложившись и запечатлевшись тысячелетия назад, эти маршруты повелевают видами с не меньшей силой, чем Солнце, невзирая на изменение облика Земли под влиянием человека. И так совпало, что этот сад не только лежит на пути их исконных миграций к гнездовьям, но и выглядит как привлекательный, подходящий гусям оазис. Вот они и живут в нём месяц, дожидаясь полного цветения магнолий.

Мы знаем, что визуальные стимулы являются первоначальным пусковым раздражителем для включения врождённых программ выбора места обитания. Такими стимулами становятся специфические особенности среды. Что же видят гуси сверху? Пятиконечную звезду как остров, окруженный рвом, а внутри ещё один остров посередине круглого пруда. Это идея известного архитектора эпохи барокко Йохана Конрада Шлауна, построившего Университет и его сад в середине восемнадцатого века. Стиль садового искусства изменился за два с половиной века – и теперь это не просто оазис, а слегка всхолмлённая местность с неизменным прудом посередине. И мы, как гуси, тоже видим. Видим ландшафт колыбели человечества, среду, наиболее подходящую для обитания человека как вида. В то же время мы видим мандалу, символ архетипа целостности. Это привлекает людей в сад не меньше, чем гусей.

И вот я сижу на скамейке на берегу этого пруда рядом с гусями и вдруг вспоминаю, что мой прадед когда-то пришёл в Петербург с берегов плодоносного озера Неро что во Владимирской области, из места, где жили лучшие в стране огородники. Ах да, и моё собственное детство прошло на берегах пруда в парке на Крестовском острове в Ленинграде, именно там я собирала первые в своей жизни красивые листья и жёлуди. Я не успеваю даже подумать, что всё это может означать, как волна эмоций захлестывает меня. Инстинкт, архетип, детские импринтинги и переживания, впечатления «здесь и сейчас» – объединились, слились в одно целое, наполнили душу восторгом и золотистым светом и выстроились в один непрерывный длинный ряд предков, неразрывно связанных с растениями, садами и огородами. Все они улыбаются и весело машут мне своими садовыми инструментами и цветами – они рады приветствовать меня, они искренне рады мне, я – одна из них. Мы – энты и эльфы, волшебные садовники и огородники, виноградари и виноделы. И Дионис среди нас. Это несколько неожиданно, но если разобраться, то Диониса смело можно считать прародителем садоводства.

Да, Дионис – очень интересно, но это уже другая история и про неё «я подумаю завтра». А пока надо лететь домой в Петербург, нести туда весну и тепло. Моей микробиоте в моём саду тоже пора просыпаться. И друзья из Петербургского университетского ботанического сада, устав от зимы, уже зовут меня разбудить их микробиоту.

КОРОЛЬ ИЗГОРОДЕЙ

Есть на свете маленькая птичка крапивник с коротеньким, забавно торчащим кверху хвостиком. Её латинское имя – _Troglodites troglodites. И даже не знаю, почему ей дали такое устрашающее название… Живёт она глубоко в густых кустах, гнездится на земле и спит тоже на земле, но не в одиночку, а колонией – слой на слое. А когда верхние птицы замерзают, то зарываются внутрь, так и меняются слоями. Орнитологи-то всё это видели и описали, им густые кусты – не помеха. Я же впервые увидела эту птичку совершенно неожиданно для себя в Германии в ботаническом саду. Идём мы с Бритой вдоль живой изгороди из тиса, и вдруг рядом с нами что-то из неё выпархивает.

– Ой, что это было? – Вздрогнув от неожиданности, спросила я.

– Это Король изгородей, – отвечает подруга.

Птичка мгновенно юркнула обратно, а мы сели на скамейку рядом с изгородью и тут же всё про неё посмотрели в Интернете.

Конечно, заросли крапивы – очень безопасное место для крошки крапивника. И растёт её у нас до сих пор видимо-невидимо. Хотя вместо крапивных изгородей ставят у нас теперь добротные глухие железные заборы. В Германии заборов, в том числе и железных, тоже хватает, но они очень часто задекорированы и усилены живыми изгородями из тиса, бука или, на худой конец, самшита. Конечно, в Германии существенно теплее, чем у нас, так что у них изгороди не крапивные. Поэтому и птичка в разных странах называется по-разному: у нас – Крапивник, а у них – Король изгородей. С королями в Германии тоже было лучше, чем у нас: что ни горка, то король, всех и не сосчитать. Да и с распространителями культуры – завоевателями – нам повезло меньше. Ну какие изгороди в Золотой Орде? А вот древнюю Европу завоевывали древние римляне и принесли с собой не только дороги, но и культуру живых изгородей. Но самое для меня поразительное, что у них принято было огораживать не только свои участки, но и разные детали огородов. Только в этом случае изгороди из самшита низкие и не превышают тридцати сантиметров.

Про средневековые огороды в Германии я много чего знаю – купила в Мюнстерском ботаническом саду брошюру про это. Из неё же я получила ответ на очень заинтересовавший меня вопрос о том, как же технически всё это делалось с изгородями. Оказывается, очень рано в Средневековье сложился цех садоводов-огородников, специализировавшихся именно на изгородях. Они кочевали в крытых повозках от поселения к поселению, сажали новые изгороди, ремонтировали и омолаживали старые. С высокими внешними изгородями было проще – стриги да подсаживай выпавшее. А вот в огородах, поскольку самшит так и норовил вырасти до своего настоящего размера, приходилось кустики часто и мелко делить и са-

жать заново, потому что барокко требовал чёткого рисунка – узкая плотная линия молодых самшитовых саженцев выглядит красиво и стильно. При восстановительных и омолаживающих работах образуется очень много растений, ведь самшит кустится очень сильно. И бродячие садовники брали плату за свою работу деньгами, едой и посадочным материалом. Закончив работу в одном поселении, садовники грузили на повозки свои пожитки, инструменты, растения и двигались дальше, туда, где их уже ждали. Изгороди нужны всем.

Мюнстерский ботанический сад считает своим долгом нести знания людям. Он не только издает разнообразные брошюры, но и реконструирует различные типы национальных образцов земледелия. Есть у них и классический средневековый немецкий крестьянский огород, заключённый в деревянную ограду с калиткой, живой изгородью из бука, розой в центре и четырьмя участками овощей и цветов, окаймлёнными низким самшитом. Все очень наглядно – работы с такими изгородями раз в несколько лет много. Только ботаники не кочуют, а в свободное от изгородей время занимаются другими делами в своём прекрасном ботаническом саду.

А я кочую. Видно, моими далёкими предками были кочевые огородники. Но мне и самой нравится прийти на чужой запущенный участок, освободить его от всего лишнего, найти выжившие среди крапивы и сныти многолетники, откопать их, поделить и посадить заново в подготовленную почву, создавая в саду новый рисунок, проявляя суть и миф этого сада. Добродетель вознаграждается – посадочного материала у меня всегда в избытке, больше, чем я сама могу освоить. А в последние годы бог стал посылать мне подарки. На большом участке, которым я занималась три года, сначала появилась луговая орхидея – ятрышник. Я обнаружила её розово-фиолетовый цветок на краю крохотной чесночной грядки, откопала и перенесла на базу. Долго всем хвасталась, что у меня теперь орхидея рядом с магнолией цветёт. На другое лето на том же участке под сливой расцвела лесная Любка двулистная. Поскольку на том участке кроме меня никто ничего не делает, я и её присвоила как очередной дар богов мне. Стало их две под магнолией. Всю зиму я донимала ботаников своим ожиданием следующей орхидеи, но от них мне Венерин башмачок не достался, у самих один всего. А мне – всё на том же участке, рядом с древогубцем, посаженным мною же, вырос желтый Анемон лютиковый. Его я впервые увидела в голландском Кекенхофе, восхитилась им и возжелала его много лет назад. Он тоже уже на базе, растёт между подофилами. Теперь я с замирание сердца жду следующего лета – к хорошему привыкаешь быстро.

Только вот крапивника у меня нет, но зато гнездится милая птичка малиновка, английский Робин. И когда я копаю, смотрит на меня своим веселым глазом – бусинкой.

ГЕРБАРИЙ

Я живу по циклическому времени. Я живу по циклическому времени давно, с тех пор, как мои дети закончили учиться, и прекратились все мои взаимоотношения с наробразом.

Линейное время принадлежит истории, цивилизации, прогрессу, антропоцентризму и молодости. Ещё оно принадлежит Природе, только думает, что это Природа принадлежит ему.

На самом деле Природе всё равно, что когда было. Она точно знает, что за Зимой придёт Весна, за Весной – Лето, за Летом – Осень, за Осенью – Зима, а за Зимой – опять Весна.

Хоть Шекспир и писал, что «Время… в беге круговом уносит всё, что радовало глаз», но он не сомневался, что розы, пусть и другие, зацветут снова. Главное, оставить потомство.

Я свой геном заслала в будущее и могу наслаждаться сменой сезонов и круговоротом веществ в природе. Правда, я ещё не совсем готова стать субстратом этого круговорота, мне пока хорошо и с сезонами.

ВЕСНА: – Пойдём, я покажу тебе цветочек. Это называется как? – Спрашивает меня двухлетняя младшая внучка.

– Это хионодокса, – отвечаю я.

– Хионодокса, –овторяет детка. И вдруг:

– А-а-а… Папа, папа, это хионодокса!

ЛЕТО: – Нам задали сделать гербарий из двадцати деревьев, – говорит двенадцатилетняя старшая внучка и показывает список требований к гербарию на уровне биофака университета.

Она не знает этих деревьев даже по-немецки.

Корней в списке не было, а так как дело было в конце лета, то и цветов тоже. Зато были плоды. Вы видели когда-нибудь плоды платана? Как из них сделать гербарий? Листья платана тоже плохо помещаются в формат А4. Для начала мы пошли в городскую библиотеку и взяли почти все наличные определители, опередив конкурентов. Потому что оказалось, что этот гербарий стал конкурсом для родителей.

Правда, на четырехчасовую экскурсию в парк детей сводили, но время они провели на игровой площадке и за совместным завтраком на экскурсии. Седьмой класс, гуляют мало, вот и подышали, заодно социальные навыки укрепили. Это полезно, но гербарий-то относится к ботанике, и делать его надо по всем правилам ботанической науки. Но я волшебная бабушка, я могу всё. И я учу внучку делать профессиональный гербарий, что нетрудно, потому что она умеет и любит всё красиво оформлять.

– Лучший гербарий в гимназии, единица с плюсом, – гордо сообщает она мне и дарит огромный марципан за заслуги. Теперь гербарий с жирной отличной отметкой хранится в шкафу рядом с альбомами по искусству.

ОСЕНЬ: – Мама, а когда облетают листья с этого дуба, – спрашивает меня старшая дочь, когда мы в субботу идём на рынок.

– Это Quercus robur «Fastigiata», растёт быстро, листья облетают, наверное, к весне. Не видела, в это время года меня здесь нет. При мне он всегда с листьями, либо зелеными, либо коричневыми.

И вот дочь мне пишет, что учительница, вдохновлённая гербарием, задала детям и их родителям новый проект: целый год раз в неделю фотографировать одно и то же дерево. Ура, вот они всё про дуб и выяснят!

Дети потеряли интерес к деревьям через пару недель, эту учительницу сменила другая со своими идеями. А моя дочь впервые в жизни выполнила самостоятельно биопроект, сделала альбом из этих фотографий и поставила рядом с гербарием. Тоже произведение искусства.

ЗИМА: – Мама, мама, – спрашивает её сын, – мы можем срочно заказать резиновое ядро, чтобы его доставили к воскресным соревнованиям в зале? Железное ядро можно толкать только на улице.

Теперь красное резиновое ядро лежит в холле на специальной чёрной стойке для гирь и ядер, сильно напоминая остролист «Blue Angel», или инь-ангела по Калеру, красное на чёрном. А о приходе весны узнаём по смене ядер, резиновое ядро уступает место железным.

ВЕСНА. Младший внук не ждёт весну, он делает её сам: сеет кошке овёс в белую плошку на подоконнике. Овёс всходит всегда.

– Как щётка для посуды, – говорит трёхлетний мальчик, проводя рукой по верхушкам плотных всходов.

С этого момента кошечка спит рядом со своим овсом и ревностно его охраняет. У неё весна круглый год.

Думаю, что мои садовые инструменты я завещаю мальчику. Когда-нибудь.

РОЖДЕСТВО

В декабре солнце садится за замковую гору рано. В половине второго оно так низко над домами, что если бы я работала, то уже хотелось бы закрыть контору и идти домой. Нет у меня ни конторы, ни дома. Я сижу на скамейке на берегу пруда. На красной скамейке рядом с урной и надписью «Уток кормить запрещено». А в моём родном городе уток на прудах съели прошлой зимой. Я сижу на скамейке и плачу. Мне жалко съеденных уток. Мне жалко мой родной город. Ещё больше мне жалко себя. Я плачу, и рядом со мной шелестит бамбук. Мне известен не один пруд со скамейкой и бамбуком на берегу. Но только бамбук в Кройцфир-

теле вызвал из глубин памяти китайские строчки тысячелетней давности: «Бамбук и сосны в зелени нарядной, с последним снегом в царственном уборе…». Я плачу впервые в жизни без страха, что сердце моё не выдержит и разорвётся, как разорвалось оно у моего несчастного деда в первую блокадную зиму. Ещё до войны его посадили за жуткое преступление – он продал для поминок два килограмма мяса одним куском. И выпустили, когда началась война. Он был слишком стар, чтобы отправить его на фронт или рыть окопы. И слишком враг, чтобы дать ему работу в осаждённом городе. Он был не нужен своей стране. Я оплакиваю своего деда, которого никогда не видела. Я плачу, и камень прожитых десятилетий растворяется в моей груди, наверное, слезы – это универсальный растворитель. Тают, исчезают последние преграды между мной и Мюнстером. Вот где я хочу жить – в белом доме на берегу этого пруда. И чтобы на балконе стояло рождественское дерево, украшенное огоньками. Я хочу видеть из окна пруд с утками. Мне хватит этой воды, чтобы слиться с ней и снова родиться – деревом на маленьком круглом островке. Только я всё ещё не знаю, что это за дерево растёт посередине пруда. Скорее, я знаю, чем оно не является. Это не гинкго и не тис: гинкго, усеянное плодами, растёт на дальнем берегу, а тисы – на ближнем. Это не бук, не берёза и, конечно, не сосна… Рождественские свечки отражаются в тёмной воде моего пруда. Я не хочу гадать, у меня хватит терпения подождать до весны.

ЛАБИРИНТ

Сидим мы с младшим внуком на кухне и собираемся наклейки приклеивать.

– А какие возьмём?

– Давай, с зайцами!

– Давай.

Только на самом деле это не просто зайцы, а специальный немецкий пасхальный альбом с наклейками и заданиями: яйца, зайцы, овцы… Очень архетипично. Как писал Юнг, добропорядочный немец всегда отрицает, что он язычник, но на Пасху у него обязательно зайцы несут яйца и прячут в садах. У нас сейчас снег и минус десять, хоть и март, мы – в Петербурге. Но Солнце и у нас разогревается, Пасха скоро. Надо открытки поздравительные родственникам делать, вот внук и клеит яркие пасхальные наклейки на картонные разноцветные яйца. Устал быть солнцем, листаем альбом дальше, в самой его середине – лабиринт. Стали рассматривать: извилистые дорожки, некоторые заканчиваются у тёмных силуэтов – угадай, кто? и наклей. Нашли мы наклейки ко всем силуэтам: все те же зайцы, яйца и овцы. Благо, альбом в двадцать страниц и наклеек больше трёхсот штук, для всего их хватит. А когда приклеили к силуэтам

пять нужных наклеек, оказалось, что пять других дорожек на формате А4 заканчиваются пустыми местами.

– А знаешь, – говорю я, – мы сюда можем цветы наклеить, будет сад, и все будут в саду.

– Давай, – важно говорит внук и продолжает своими маленькими пальчиками ловко наклейки отделять и приклеивать.

Так мы от одного символического действия перешли к другому. Получился садовый лабиринт из весенних цветов, можно схему в сад переносить. Когда я была маленькой, то в Летнем саду лабиринта уже давно не было, а в Петродворце и вообще не было. Они были только в детских журналах: найди для пионера правильный путь в школу, например. Так и жила всю жизнь, твёрдо зная, что лабиринт, это перепутаница, где легко можно заблудиться. Но однажды, лет десять назад, старший внук пришёл домой из своей немецкой начальной школы и стал мне рассказывать, что они изучают лабиринты. И, о ужас, я – не права, это не лабиринт, а ir-garten, то есть сад-путаница.

Честно скажу, я не поверила. Посмотрела в его учебник, там было несколько строк. Всё равно не поверила, пошла в библиотеку, благо недалеко, и взяла книгу про волшебство в саду. Вот в ней-то была целая глава про лабиринты. Внук был прав, пришлось извиняться.

На самом деле странная история с этими лабиринтами и заблуждениями. И моё личное заблуждение, разделявшееся многими, по поводу лабиринтов очень похоже на их историю. Первоначальные древние лабиринты не позволяли в них заблудиться, всегда однозначно приводили к цели – центру, и также – обратно, достигнув просветления и благодати. Потому что центр в них – всегда Солнце, Исток, Мать, самопознание, слияние с Богом, в зависимости от эпохи. Сначала это был простой круг, как солнце, и хождение по кругу. Потом – спираль и хождение, и вращение по спирали. Потом – лабиринт из извивающихся вокруг центра дорожек и танцы по его фигурам. На самом деле давным-давно разработан способ построения классического лабиринта, в несколько простых шагов позволяющий получить длинный извилистый лабиринт с центром посередине. Все великое просто, только вот нас в школе этому не учили. Вдруг дочь вычитала в газете, что в окрестностях Мюнстера один предприимчивый крестьянин на своём огромном поле устроил ir-garten из кукурузы, и мы в воскресенье можем туда поехать. Крестьянин действовал с размахом и опытом, он делает это уже давно и каждый год. Видимо, доход от лабиринта и кафе при нём выше, чем просто от продажи кукурузы с этого гектара. Двухметровые стебли взрослой кукурузы, плотно посаженные в несколько рядов по линии, совершенно исключали возможность пробраться сквозь них на другую дорожку, когда вы оказывались в тупике, и не давали посмотреть поверх них, куда же идти дальше. Плот-

ные, зеленые, благоухающие стебли, звенящие насекомые и как ориентир – солнце над головой. Но не можем же мы целый день бродить, дожидаясь, пока солнце сдвинется с места: есть хочется, пить хочется, писать хочется, дети маленькие… Зять вспомнил, что он снаружи видел высокую смотровую площадку над лабиринтом, устроенную по всем правилам садового искусства. Нам не до самопознания, стали её искать, чтобы с нее увидеть путь к цивилизации. Когда мы её нашли по восторженным голосам, то решили потерпеть и не кидаться сразу к выходу, а посмотреть на весь лабиринт сверху: зрелище завораживающее и впечатляющее, границы еле видны. Я думаю, что сконструировать такой лабиринт дорого, настолько он запутан. А на плакате этой смотровой площадки представлена схема и написано, что каждый год она разная. То есть нить Ариадны, такая же схема, напечатанная на рекламном буклете и продающаяся у входа в лабиринт, в следующем году не позволит сэкономить, придётся покупать новую. С облегчением мы сидели на террасе крестьянского кафе с видом на лабиринт, ели крестьянские пироги, пили крепкий кофе и рассуждали о том, насколько интересна и продуманна программа школы и её учебники. В них материал сам организован как занимательное путешествие по формам информации к центру – знанию. Это вам не лабиринт-путаница, приводящий к заблуждению, как были приведены к нему мои сверстники. И ещё одно заблуждение, рассеявшееся тогда же. Имя Ариадны у нас прочно связано с Тезеем и окутано флёром несчастной любви. И практически выпадает из поля зрения, что на самом деле она – жена самого младшего бога греческого пантеона Диониса – богиня Ариадна. И что Тезея использовали как мессенджер-приманку, потому что Дионис давно приметил Ариадну и положил на неё глаз. Но было нужно, чтобы её к нему доставили, а разве на молодую девушку действуют уговоры и доводы рассудка? Нет, ей влюбленность подавай, вот ей и подали красавца-героя Тезея. Непривычным становится мир, когда на месте заблуждений появляется Истина, приходится много работать над собой, чтобы из кривого своего положения выпрямиться. Это и есть Просветление, я думаю.

Из античности оба типа лабиринтов дожили до наших дней. Их прибежищем на заре христианства стала церковь, в храмах они символизировали путь к Богу, непрямой и полный испытаний. В замковых садах они были украшением, развлечением, игрушкой, демонстрацией искусства садовых дел мастера и богатства хозяина… Постепенно мода на лабиринты угасла, появилась путаница в представлениях, особенно после того, как вместо классических лабиринтов в садах начали строить парнасы – искусственные холмы со спиралевидными дорожками – серпантинами к верхней центральной площадке, откуда можно было увидеть перспективу сада во всех направлениях – символ символа. Солнце, круг, спираль,

крест, формирующий центр схемы лабиринта, распятие и страдание, Пасха, воскрешение и возрождение, бог, снова Солнце и яйцо как живой символ всего этого. Поэтому зайцы и несут яйца в садах. Старшая внучка до сих пор ходит с отцом в мюнстерский ботанический сад, где на Пасху сотрудники вместо зайцев прячут великое множество крашеных яиц. Вход бесплатный. А языческое имя Ариадна стало каноническим православным, так окрестили мою младшую внучку, которой родители дали чисто русское имя.

Александр Поповский[1]

ВРЕМЯ ЛЕТИТ, ЗАКУСИВ УДИЛА…

***

Лицо своё теряет белый снег –
Вид будто после грандиозной пьянки.
Для личных нужд соорудил ковчег
В миниатюре из консервной банки.

Над мачтой гордо реют брюки «клёш».
Скорей всего, чтоб подбодрить потуги
На УКВ шипят: «Ну, ты даёшь!».
И ни одной живой души в округе.

***

На заднем дворе мокнут брёвна.
Злой ветер срывает медали
С деревьев, а те поголовно
Какими-то нервными стали.

Кустарник – известный как птичий
Насест – сжался весь в непогоду.
Теперь вот без знаков отличий
К любому готов повороту

Событий – торчащая палка
Царапает воздух бескровно.
И всё ничего, только жалко –
На заднем дворе мокнут брёвна.

***

Поспешно бросил суету,
И за желаньем безграничным
Не просто так себе иду,
А в чём-то разобраться лично.

Перехожу пространство вброд.
Поодаль – не Пегас, а пони
Осуществляет переход
Со мною в мир потусторонний.

***

Писал стихи, как будто между прочим
Жизнь незаметно пролетала прочь,

© Поповский А.С.

Земля вращалась, и электросчётчик
Без остановки диск крутил всю ночь.

В цепном угаре лаялись собаки,
Мембрану на окне бросало в дрожь.
По правде говоря, я ждал атаки
Стремительной в метеоритный дождь,

Чтоб брызги от вселенского потока
Потом искать в нескошенной траве,
Лоб потирать до просветленья стёкол
В изрядно запотевшей голове.

***

Время летит, закусив удила,
В общем и целом – нескучно.
Спрыгнула сытая тень со стола
На табуретку беззвучно.

Хватит, дружище, заглядывать в рот,
Вряд ли что этим изменишь.
На – получи минимальный комфорт –
Лучшее средство для лени.

Линию жизни щекочут лучи,
Что же творится на свете –
Запросто солнце к себе приручил –
Бац, и я снова в ответе.

***

Морозим сопли на перроне –
Туман от выдохов и вдохов.
Пять звёзд сошлись в одном флаконе,
Что в целом всё-таки неплохо,

Да что там – супер, если кратко –
Всеобщей радости по пояс.
Фольгой мигает шоколадка –
На первый приглашает поезд.

***

В среде одушевлённых тел
Тянусь к карандашу.
Не написал, чего хотел.
И вряд ли напишу.
От тараканов и стрекоз
Рассудок помутнел –
Твержу заучено под нос,

Что это – мой удел,
Что это – скользкая стезя –
До крови прикусил
Язык. Но отступать нельзя,
А наступать нет сил…
Родня подходит к стеллажу –
На «Пэ» – сплошная мгла.
Я неопознанным лежу
В чём мама родила.

***

Когда не дышишь – молча ждёшь момента,
Чтобы его не прозевать случайно –
И железобетонным аргументам
Дать выход – в час хотя б по ложке чайной.
Неважно, что тебя совсем не слышат
Те, кто стоят толпой с другого края,
Что постепенно проседает крыша,
В которой с детства ты души не чаял,
Что солнцу преграждают турникеты
Путь напрямую до чесночной грядки,
И в это ж время, может быть, планеты
Расположились в шахматном порядке.

***

Теперь могу себе позволить всё,
Пока по мне ещё не голосят –
Катить по бездорожью колесо
И жизнь свою вращать вперёд-назад.
Брать белый лист по триста раз на дню,
Чтоб тут же класть обратно под сукно,
И становиться ближе на одну
Ступеньку к яркой вспышке за окном.

***

Гром среди ясного неба –
Незабываемый гром.
Вечно я путаюсь в скрепах –
Мучаюсь задним числом.

Грохнет и – самую малость
Светом кольнёт изнутри.
Сколько ж до встречи осталось,
Господи, лучше соври –
Скажем потом, что во благо.
А под прицелами линз

Стерпят перо и бумага
Этот мой жалкий каприз.

***

Цедили туман через белую марлю –
Ловили от роя отбившихся мошек.
И в ковш раритетный с добротной эмалью
Ссыпали сухие остатки для кошек.

Бог знает, откуда возникшая пена –
За миг превращалась в молочные реки.
И волны плескались чуть выше колена
С эскортом страниц из лесной картотеки.

***

С улицы зашёл – нажал на паузу,
Чтоб глаза привыкли к темноте.
Стал терпимей к мировому хаосу
И чуть-чуть добрее к пустоте.

Без проблем – за миг собрался с мыслями,
Впопыхах предначертал свой путь –
Прогремел крылатым коромыслом. И
Как тут виновато не вздохнуть?

Гонор испарился весь на холоде –
Мой скелет не слушает меня.
За большим столом в передней комнате
Отмечает Новый год родня.

Я к всеобщей новогодней радости
На пороге как сюрприз возник,
Чтобы на щеках следы помад нести,
Расстегнув комфортно воротник.

***

Закончился лимит на чувство долга.
Рассерженная совесть спать легла.
В капроновом чулке стоит метёлка –
Грозит всем без разбора из угла:
Пропущенной над люстрой паутинке
И мне. Но я почти что идеал –
За шифоньер в переводных картинках
В местах известных честно отстоял.

***

Ты передал подарок мне, да ещё какой!
Целый день от радости не нахожу себе места –

Ношусь как с писаной торбою со строкой,
Уже и не помню себя таким, если честно.
Может, впервые с волненьем нащупав дно,
Не оттолкнул подошвами часть опоры.
Жаль, что живым такого вот не дано.
Особенно утомительны те разговоры,
Которые повышают градус и вызывают зуд.
Читаю, как будто бы пью ароматные лекарства.
Периферическим зрением вижу, что там и тут
Зарубцевалась депрессия на «раз-два».

***

Кишит пространство – дронами
С мигающими точками,
Стихами с закидонами
И суперзаморочками,
Низвергнутыми мифами
С разбитыми коленями,
Всего на час – калифами,
Точнее – приведеньями.

А в круге мира бренного,
В квадрате заоконного,
Так хочется – нетленного –
До винтиков знакомого.
Чтоб было всё отлажено
Навек. И, кроме прочего,
Чтоб у мехтока скважина
К утру замироточила.

***

Вот так не по-детски живём –
Тоску разгоняем усердно.
Зачах без дождей водоём
И сгинул куда-то бесследно.

Жара всё сгубила к шутам.
Пока не обуглилась местность,

За тенью бежим по пятам
И трепетно лайкаем вечность.

***

Ржавею в погоду сырую.
Как будто будильник испорченный
Приткнулся – лежу на обочине,
И время для мёртвых ворую.
Карманы грехами набиты.

Осталось местечко – за пазухой.
Вот если б вприпрыжку над радугой,
Где – ластятся метеориты,
Где край света – библиотека
Заблудших всех учит приличию.

Меня не торопят с добычею,
Но – ждут уже больше полвека.

***

Мой элегантный стиль –
На ровном месте – паника –
Разглядываю пыль
На бёдрах подстаканника.

Как мир банальна суть –
На свет не вижу грации.
Нет жажды – отхлебнуть
Сомнительной субстанции.

Нет повода и для
Программных заявлений.
Что сделал – всё не зря,
Ведь я обычный гений.

ТВОРЧЕСТВО ЮНЫХ

СЛОВО УЧАСТНИКАМ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА

«Моя Родина солнечный Крым – часть единой великой России»

Алёна Пенхерская

МОЙ ДОМ

Крым… Передо мной чистый лист бумаги. Я хочу написать о Крыме, признаться в любви. Но ведь когда мы любим, мы не думаем о том, почему и за что…

Моё родное море и плоские невысокие горы, мысы, тёплые ласковые заливы, жаркая тревожная степь, шум ветров и летящие цветы софоры… – да, конечно, да! – вы касаетесь моего сердца.

Но всё же Крым в сердце моем – это мой маленький город, вся достопримечательность которого заключается в его древности и курортной зоне и ещё в том, что здесь – мой дом, что здесь живёт моя семья и близкие мне люди.

Это звук мотоцикла брата, который так дорог моему сердцу. Когда сквозь закрытые окна слышишь его рокот и на автомате думаешь: «Сашка приехал». Он живёт по соседству. Недавно они с женой собрались куда-то переезжать, и мне грустно думать, что я не услышу этот рык мотоцикла, не вдохну запах бензина от его болоньевой жилетки, не увижу родные пальцы в мазуте.

Его железный зверь поражает меня своей мощью и красотой. Такой тяжёлый, несколько тонн весом, с двигателем в двести кубов, рычит и несётся навстречу ветру по дороге... И это чувство дрожи и вибрации, гул в ушах, ощущение под собой железного коня, который верен тебе и мчит вдаль вместе с тобой далеко-далеко.

Крым – это звук мопеда. Когда слышишь, как подъезжает папа, открывает калитку, подсвечивая жёлтой фарой путь, заезжает во двор и останавливает маленького железного пони. Пока папа пристёгивает мопед к решётке с другой стороны кухонного окна, ты залезаешь на подоконник и говоришь в открытое окно: «Ку-ку». Это мы в семье так здороваемся.

Крым – это наш дом. Когда мама, уставшая от работы, приходит домой и начинается: «Почему со стола не вытерто? Почему на столе не убрано? Где должна висеть куртка? В шкафу, а не на стуле! Опять ты в телефон втыкаешь?!», и ты с уставшей миной, закатив глаза и тяжело вздохнув, идешь за тряпкой, а мама опять: «Не надо, я сама вытру! Иди, переодевайся!», а вечером, когда ты лишних пять минут посидишь за ноутбуком, общаясь с Лёшей, она тебе кричит: «Алёна, ты на время смотришь?». В итоге ты просишь: «Ну ещё пять минут!», а сидишь целых двадцать.

А ещё, когда брат жил вместе с нами, я легко угадывала по звуку, кто приехал. Если аккуратно и тихо – значит папа. Если не сбавляя оборотов и тормозя ногами, со скрипом тормозов и шарканьем шлёпок – брат. А вечером, когда окна закрыты и уже ничего не слышно, угадывали по цвету фонаря. У папы – жёлтый, у брата – белый.

Крым – это мой кот, воспитанный на мелодии тяжёлого рока. Он может лежать у меня на руках и слушать любую музыку, но когда я врубаю metal, он начинает мурчать и засыпает. А я вспоминаю, что рок люблю из-за брата. Ведь когда я была маленькой, меня часто оставляли с братом, а он громко включал рок или басы. Я звонила маме и жаловалась: «Вот Сашка опять громко музыку включил!». А брат потом мне начинал высказывать: «Чего ты ноешь? Хватит ябедничать!». Зато вечером уже сердился папа: «Саша, убери басы!».

Я помню, как не могла посчитать пример, сидела в слезах, втихаря добралась до калькулятора, а он не работал. Вернулась за рабочий стол и снова заплакала, брат мне принёс спички, сказал: «Считай!» и ушёл. Не помню, посчитала я или нет...

Крым – это лагерь «Сокол» в селе Соколиное. Там я провела пятнадцать дней замечательного отдыха. И я хочу вернуться обратно. Я подружилась со многими ребятами не только из своего отряда, но и из других. Мы вместе снимали видео для новостей. Я подружилась с Лёшей, Сашей и Никитой. С Лёхой я общаюсь до сих пор. Почти все, кто был в лагере, – из моего города, поэтому я встречаю многих, даже незнакомых мне близко ребят, просто идя по улице. Незабываемые дискотеки, на которых меня никто не приглашал на «медляк», но я отжигала под другие ритмы.

Крым – это фестиваль холи. Когда все обкидывают друг друга красками и ходят цветные. Не забуду, как к нам подошли наши мальчишки и попросили краски, а мы кинули в них цветным порошком. Они – в ответ. Бедный Саша, он только приехал, и сразу же с двух сторон был атакован цветной пылью. А как мы ждали Лёшу! Он пришёл с другой стороны, и мы разминулись. Тем радостнее была встреча на фестивальной площади! Не забуду, как он нёсся с краской, едва завидев нас. И что случилось потом! Но веселее всего было отмываться, потому что я пришла домой с зелёно-синим лицом и волосами.

Крым – это литературная студия имени писателя Бориса Балтера. Это тоже мой дом. В нём я сейчас пишу о Крыме, рядом – чашка горячего душистого чая, во рту – привкус шоколадного печенья. Людмила Юрьевна что-то втолковывает Ане. У Ани явно не получается, и кажется, что от этого её кудряшки закручиваются ещё больше. Она всегда пишет на клочках бумаги, исписывает их вдоль и поперек. Рукой, потом карандашом, чтобы не запутаться. Разобрать эти иероглифы может только она сама. Как она их не теряет? Её тетрадь всегда забыта дома. В кабинете аромат кофе и нежности. Асине, подперев голову рукой, сосредоточенно думает. Мы всегда ждём, когда же она будет читать то, что написала. Как только она кладёт ручку на стол, в кабинете повисает напряжённое ожидание. Алиса что-то печатает в телефоне. Здесь все родное и любимое. Помню, когда в студию пришли новые пятиклашки, Полина неожиданно спросила, глядя на них: «Людмила Юрьевна, а Вы нас не разлюбите?». «Вы – моя жизнь…», – ответила Людмила Юрьевна.

Крым – это моя школа. Гимназия имени Ильи Сельвинского. Любимые занятия физкультурой с девятым классом по субботам, ненавистная алгебра с геометрией, хронические самостоятельные по физике... и эта техничка, которая орёт: «Отойдите от цветов, вы их поломаете!», хотя эти «цветы» давно засохли и, как палки, торчат из потрескавшейся земли.

…Моя гимназия. Это о ней сказал Владимир Маяковский, разглядывая море из окна (теперь уже нашего класса) вместе с Ильёй Сельвинским:

– Не смог бы учиться здесь!

– Почему?

– Море лезет в окна!

Моя гимназия стоит на берегу моря, ей 145 лет.

…Моя гимназия. Это сюда приходила юная Анна Горенко (будущая Анна Ахматова), здесь в старших классах обучались её брат Андрей и младшая сестра Ия. Здесь та, чья рука напишет мужественные строки в дни Сталинградской битвы: «Не страшно под пулями мертвыми лечь, / Не горько остаться без крова, / И мы сохраним тебя, русская речь, / Великое русское слово», сокрушалась по поводу своих беспомощных стихов и брала частные уроки у гимназиста Миши Массарского.

…Здесь бывала царская семья.

И обитые временем мраморные ступеньки лестницы, ведущие на второй этаж, не меняют – история, а историю кто убережёт, если не мы?!

Да, Крым – это история. Моему городу 2500 лет. Две тысячи пятьсот лет, вместившие столько жизней и столько судеб, рождений, любви, страдания и войн, песен и легенд. Помню, когда отец выкапывал подвал в доме, я собрала множество обломков глиняной посуды и курительные трубки шестнадцатого века. В нашем краеведческом музее их не взяли – слишком много в запасниках подобных раритетов. Зато летом я раздаривала древние сувениры своим гостям! То-то было удивление! И древность моего города сразу приняла не метафорическое, а материальное выражение.

А ещё гильзы первой и второй мировых, которые мы находим в лимане.

Юрий Волков, известный художник-баталист и выпускник тридцать восьмого года моей гимназии, в 1941 году бежал, раненный в руку, из лагеря для военнопленных в Евпаторию и видел расстрел фашистами на Красной Горке мирных евпаторийцев. Я всматриваюсь в лица людей на эскизах художника. Детей, женщин и стариков гонят на расстрел. Может быть, среди них и мои родные…

Я рассматриваю репродукции его исторических полотен защиты Севастополя, и моя душа сжимается от боли.

Где отыскать ту парту, за которой когда-то сидел Юрий Волков? Все старые парты давно сменили на новенькие. Но осталась история в красках, и я вижу Великую Отечественную войну глазами художника, и я знаю правду.

Борис Балтер и Илья Сельвинский, тоже выпускники моей гимназии, я держу в руках их книги и слышу голос истории. «До свидания, мальчики», «Аджимушкай» – рукопожатие правды моего народа. Голос моей истории, голос моего народа, голос моего рода. Как можно не гордиться тобой, моя земля, мой народ, мой Российский Крым?!

Крым – это то, что невозможно вместить в мой рассказ. Я могу писать о Крыме много, потому что истории и ассоциации, связанные с Крымом, заполняют моё сердце до самых краев. Крым – это мой дом, моя жизнь!

Евпатория

Асине Меджитова

Я говорю о моей Родине, о моей России…

Как сладок, нежен Крым...
Я вдыхаю его.
Чувствую, как дрожат пальцы и сжимается сердце...
Я вдыхаю его. Слышите, вдыхаю!
Набираю морскую воду в пригоршни,
и солнце смеётся в моих ладонях,
и убегает сквозь пальцы, вниз, вниз, вниз…
Я вдыхаю его.
Горы, похожие на спящих драконов,
плоские яйлы,
морозный воздух и листья, шелестящие под ногами,
призрачные водопады,
потоки прозрачных ручьёв,
гладкие скользкие камни,
влажность, от которой кудрявятся волосы.
Я люблю Крым.
Щемит сердце глубоко-глубоко.
Воспоминания образами тревожат душу.
Легенды Крыма, впитанные с молоком матери…
Сердце их помнит, потому что оно едино с моим народом, с моим Крымом.
И небо, ночное небо! – чёрное и бесконечное, блистающее мириадами звёзд.
Посмотри в Бесконечность и Бесконечность откроется тебе.
А если боишься, сделай шаг на исхоженные мной тропинки Крыма,
и он останется в твоём сердце
монеткой из Бахчисарайского фонтана.
Крым – моё сердце…
Слышите! –
Я говорю о моей Родине.
У нас лето девять месяцев в году,
море нежное, как материнские руки,
раскалённый прибрежный песок
и жаркий степной ветер, пышущий пылью и духотой.
А зима – три ноября и неделя снега и гололёда –
закованные в лёд алые головки шиповника,
море, покрывшееся ледяным панцирем, будто лужа,

в которой дети любят проламывать лёд,
а затем дожди – мелкие со снегом,
свинцовое небо и свежесть,
изредка выпадает хрустящий пушистый снег,
и декабрьские розы на клумбах в безветренных местах.
Я вдыхаю его.
У меня дрожат пальцы и сжимается сердце от нежности...
Движутся по кругу – девять частей июля на три ноября – горы-степь-море…
Горы, степь, море.
Солёная вода течёт сквозь пальцы и жжёт все мелкие царапинки.
У меня в венах, артериях и капиллярах течёт соленая вода.
Солёная.
Черноморская.
Я вдыхаю его.
Слышите?!
...Я кидаю монетку в Бахчисарайский фонтан.
Крымом грезили мои деды,
Мои родители,
А я вдыхаю его.
Крым – моё сердце…
Слышите!

Евпатория, 2016 год

Анна Нестерова

Крым золотой

Божий ковчег – наш Крым золотой,
Странствуем все многоликой семьёй.
Утром нас будит молитва муллы,
Звон колокольный и песня волны.

Солнышко – мама крымских детей,
Всех обнимает любовью своей:
Анну, Шасне, Олесю, Армена,
Мойшу, Оксану, Катю, Рустема.

Край виноградный, край наш родной
Вновь называем мы Русской землёй.
Смотрит на Крым удивлённый мир:
Франция, Англия, Штаты, Памир.

В гости зовём: приезжайте скорей!
Крым – это Рай на Планете людей!

Нашей земле мы признательны очень,
Мы – сыновья твои, Крым, и дочери!

Евпатория

Георгий Иванов

СЛАДКАЯ РЯБИНА

Эта история началась более ста лет назад. В одном степном селе в двух семьях родились мальчик и девочка. Мальчика назвали Фёдор-дар Божий, потому что родился он долгожданным сыночком в семье, где уже было четыре дочери. А девочку назвали Мавра, дома её звали Маруся. Нелегкое было у Маруси детство. В восемь лет умерла её мама, и отец остался один с четырьмя детьми на руках. Отдал он Марусю в услужение в богатую еврейскую семью. Там Марусю научили шить, читать, убирать и готовить. Маруся была резвая и голосистая, на всё у неё была своя присказка и меткое словечко.

Жила она с Федей на одной улице. Часто дети играли вместе, ссорились и мирились. Так незаметно и выросли Федька по прозвищу Джиджеря и Маруся-щебетушка в красивых парубка и девушку. И фамилии у них были казацкие – Добродий и Беда. Проводили Федю с песнями в армию, и обещала Маруся его ждать. И дождалась.

Пришёл Федя из армии бравым солдатом. Сыграли они свадьбу, и увёз Федя Марусю в Крым, где был военный аэродром в посёлке Кача. Там Федя проходил службу авиамехаником. Маруся устроилась на работу в офицерскую столовую, а Фёдор Иванович служил на аэродроме. И так им было хорошо и ладно вместе, что много-много лет спустя, на закате своей жизни, любили они вспоминать эти годы в Крыму как самые лучшие. И дети, и внуки их слышали с самого детства: Севастополь, Балаклава, Форос, Инкерман, и видели, как молодели их лица и светились улыбкой глаза.

Через год после переезда в Качу родился у них мальчик Володя. Ещё через несколько лет – Василёк. Но Василёк тяжело заболел, и его не смогли спасти. Потом появились на свет две девочки – Дина (старшая) и Неля, как день и ночь: Дина голубоглазая с льняными кудрями, а Неля – темноволосая и темноглазая. Жить бы Марусе и Феде и горя не знать, да пришла великая беда – началась война.

Володе исполнилось тогда уже восемь лет, маленькой Дине – три годика, а Неле не было и года. Всех мужчин забрали на фронт. В части остались одни женщины с детьми. И стали в часть приходить люди разных национальностей и выгонять женщин: «Уходите отсюда, а то мы вас всех перережем». Потом приехали немцы на грузовике, всех женщин с детьми посадили в кузов и куда-то повезли. Надо сказать, что маленькая Дина с её небесно-голубыми глазами и белыми кудряшками очень умиляла немцев, может потому, что походила на немецких ребятишек. Через несколько часов у реки Альма грузовик остановился, и немцы почему-то вытолкнули из него Марусю с тремя детьми и какого-то старого мужчину, а остальных женщин повезли дальше. Что с ними случилось, Маруся так и не узнала.

Куда идти бедной Марусе с маленькой Нелей на руках, малышкой Диной и восьмилетним Володей? И решила Маруся идти в родное село, где остались сестры мужа и его мама. На последние деньги купила Маруся в ближайшем посёлке худую лошадку и возок. Посадила на возок детей, положила пожитки, и поехали в сторону Джанкоя. Володя по дороге подстреливал голубей, их жарили, и этим питались.

Вскоре оказалось, что лошадь больна коростой, от неё заразились дети. Маленькая Неля всё время плакала. Добрались до какой-то железнодорожной станции. Дину немцы стали угощать печеньем и сахаром. А один вдруг наставил на малышку пистолет. У Маруси обмерло сердце. Немец громко сказал: «Пиф-паф» и засмеялся.

Ночью Маруся тихо пробралась с детьми в пустой вагон, и им удалось немного проехать в сторону Джанкоя. Но под утро маленькая Неля громко расплакалась, и Марусю с детьми выгнали из вагона. Дальше шла Маруся с маленькими детьми пешком, и на ночь остановились в селе у местных жителей. А ночью услышала Маруся, как сын хозяина спрашивал у отца: «Зарежем их?», и как отец ответил: «Не трогай, пусть идёт».

По родной степи Маруся пришла в родное село. Пришла, а в селе голод, бедность – никому лишние рты не нужны. Накинулись на неё свекровь и золовки, где гуляла, где Федя? И пришлось Марусе терпеть их попреки.

Спустя время услышала она, как рассказывают люди, что под Николаевом есть большой лагерь для военнопленных, и будто бы там видели Федю и других односельчан. А ещё говорили, что будут гнать колонну пленных пешком до вокзала, а потом погрузят в поезд и отправят в Германию. Забилось сердце у Маруси, и сказала она свекрови, что пойдет искать Федю. А та ей в ответ: «Сиди дома! Не нагулялась ещё?». А Маруся её не слушает, верит, что найдёт своего Федю.

Пошла Маруся, а пленных с того места уже увели, и пришлось ей вернуться домой ни с чем. Хорошо, добрые люди сказали, куда увели пленных, что Федю тоже видели там. Пошла Маруся второй раз, а путь неблизкий – сто пятьдесят километров в одну сторону. Пришла Маруся на ту дорогу, где должны пленных вести, а вдоль дороги стоят женщины и своих мужей и сыновей по имени выкликают, по полдня выкликают и не уходят. Стала и Маруся громко кричать: «Федя Добродий из Малой Лепетихи! Федя Добродий из Малой Лепетихи!».

И вдруг как кинется к ней худой оборванный солдат с перебинтованной ногой: «Маруся, это я!». Быстро Маруся протянула ему хлеб, а он в рубаху его прячет, да быстрее пытается съесть, пока не отобрали немцы. Другие пленные тоже подбежали к ней, хлеба просят, руки протягивают. Маруся и им в руки кладёт кому яичко, кому кусочек хлеба.

Потом уже, спустя много лет, Фёдор Иванович рассказывал, что в лагере для военнопленных их совсем не кормили. Картофельные очистки считались лучшей едой. И ещё часто повторял: «Как хорошо, что Маруся меня нашла. Я не знал, жива ли она с детьми или погибла, где она, что с ней. А когда увидел Марусю, обрадовался, и появилось у меня желание выжить, несмотря ни на что».

А Маруся радостная вернулась домой. Рассказала родным, что Федя жив. Как все обрадовались, и потекла молитва к Богу, чтобы Федя вернулся домой

живым. А надо сказать, что во время войны женщины и дети очень много молились. И маленькая Дина, и Неля, ещё не умевшая говорить, вставали на коленочки, и Дина говорила: «Дай, Бозе, чтобы папка домой присёл».

И решил Федя, во что бы то ни стало бежать из плена. Вскоре пленных пригнали на железнодорожную станцию и начали загонять в вагоны. Сговорился Федя с одним товарищем оторвать в полу вагона доски и через это отверстие убежать. Другие пленные их отговаривали: «Ничего у вас не выйдет! Поймают! Расстреляют!».

Но Федя твёрдо решил бежать, пока их недалеко увезли от дома. Начали расшатывать доску. Когда заглядывали часовые, доску прикрывали или кто-то из них ложился на пол. Когда же всё было готово, поздно ночью на одной из станций, как только поезд тронулся, Федя и его друг выпрыгнули и легли на рельсы, пока не проехал над ними весь состав. Было очень страшно. Потом раненого Федю спрятали у себя добрые люди, кормили, ухаживали за ним, дали ему одежду. Когда Федя поправился, он вернулся на фронт. Закончил войну в Болгарии.

И возвратился Фёдор Иванович домой. В большом бараке, где жила после войны Маруся с детьми, Федя он был единственным мужчиной, пришедшим с войны. А после войны, через два года, в очень голодное и трудное время родилась моя бабушка, которой в этом году исполнится 70 лет.

Много всякого было потом у Феди и Маруси: и послевоенный голод, и нужда, и болел Федя лихорадкой, которая его чуть не погубила, и тяжёлый труд в колхозе. Но всё Маруся и Федя преодолели. Вырастили они четверых детей и одиннадцать внуков. И всегда оставались добрыми и приветливыми людьми, и жили они со всеми людьми в ладу.

Я, Георгий Иванов, – правнук Фёдора и Маруси. Мама нам часто пересказывает историю нашего рода, говоря о том, что самое важное для человека – знать, какого он рода и племени, знать, что пережили его прадеды, чтобы сохранять честь и достоинство своего рода, своей семьи, чтобы не потерять смысл жизни.

Я смотрю на пожелтевшие фотографии. И вижу в лицах моих предков верность, благородство, преданность и любовь, руки их – натруженные, сильные, честные. Люди славного солнечного Крыма, моей родной земли – это гордость России. Нет больше нигде таких прекрасных и сильных людей. И до тех пор, пока такие люди живут с нами, – Россия будет непобедима.

Евпатория

Ангелина Картавцева

***

Крым – родина моя,
Моя душа под светом солнца,
Мой дом под крышей голубой,
Моя любовь!
Крым – золото моё,
Мое призванье – вечно

Любить тебя,
Крым – родина моя,
России доблестное сердце!

Евпатория

Анна Ложкина

****

Нечто утром встаёт и идёт заварить себе кофе.
Нечто, сделав глоток, сразу кружку поставит на место.
Не мечтатель теперь. Вместо завтрака – трусость и морфий.
Нечто губит себя и читает вчерашние вести.

И не то, чтоб не выспалось. Жалко, что все же проснулось.
И не то, чтобы чёрный, но белый, что вылинял в серый.
Понедельник стучится в висок задержавшейся пулей.
На зубах всё скрипят отвердевшие косточки веры.

Нечто, утрамбовав свои мощи в потёртую куртку,
С верхней полки в кладовой достанет теплее ботинки.
Это утро похоже на каждое буднее утро,
Как монетки в бездонном желудке у свинки-копилки.

Снова утренний ад. Транспорт будто бы камера пыток.
Палача себе тут подыскать не составит труда вам.
Поэтичность разбита о скалы безбожного быта.
Шею шарф обвивает колючим беззубым удавом.

Нечто вновь проспало, но спешить это вовсе не повод.
Нечто вновь попыталось собрать поэтичность-осколки.
Куртку снимет, наденет, без разницы. Все равно холод.
Сослуживец – Иуда и бес, на тебя смотрит волком.

Время брызжет и плещется... Вытекло смутное время.
День истрёпанный кончился. Без происшествий, и славно.
«Ну, работа – не волк», все твердя про себя теорему,
Нечто едет домой и не строит далёкие планы.

Нечто думать устало, прискорбно и так безобразно.
И без образа быть научилось подвижным и тёплым.
Отстраняться привыкло от светлой, искусной заразы.
И привыкло гулять по осколкам, не мучая стопы.

В голове ничего, потускневший отключен экранчик.
Затерялись куда-то таблицы, рисунки и строфы.
Поздно ночью, однако, внутри что-то воет и плачет...
Нечто утром встаёт и идёт заварить себе кофе.

Керчь

Евгений Анциферов

Керчь не сломить!

Керчь – город великий и древний,
Стоит на берегах двух лазурных морей.
Тут разных племён бродят тени,
И римляне брали наш Пантикапей.

Как феникс, вставал он из пепла,
Наш город собой покоряет людей,
А слава его лишь окрепла –
Построили мост для себя, для детей.

Был тихим наш город зелёный,
Жестокая смерть в Керчь внезапно пришла –
Изорвана детскою болью,
От ужаса будто на миг замерла.

Проносят гробы через площадь,
В курсанты где нас посвящали как раз,
Жизнь бьёт, не жалея, наотмашь
Родных, что детей отправляли в тот класс…

В тот колледж, где смертник-мальчишка
Расстреливал всех неповинных ребят.
Не верится нам, что парнишка
Один всё придумал, лишь он виноват.

Тут злая, жестокая сила
Заставила Керчь чашу горя испить!
Врагам вопреки мы едины,
Дух Керчи той силе никак не сломить!

Керчь

Екатерина Кобельник

Родной край в моём сердце

На листе рисуем сердце.
Чтоб его теплом согреться –
Душу только открывай!
В центре сердца – Крым – наш край.

Смотрим в атлас и в тетрадке:
Центр Крыма – Пятихатка.
Я люблю своё село.
В сердце у меня оно!

Это маленький мой мир.
Здесь течёт река Салгир,
Здесь дорога к родной школе
И народ вокруг весёлый!

Есть у нас поля пшеницы.
И зерном мы все гордимся!
Потому что на столе
Хлеб лежит в любой семье.

Все друг друга уважают,
Часто в гости приглашают.
Всем гостям предложат чай,
А почётным – каравай.

В Пятихатке живут дружно.
Это важно! Это нужно!
Ведь село – наш общий дом.
Дом, в котором все живём.

Наибольший интерес
Представляет в селе лес.
Лесу уж сто сорок пять!
Вам позвольте рассказать:

Издавна здесь степь была.
Украшением села
Стал фруктовый чудный сад.
Радовал и вкус, и взгляд.

Заведовал садом Купец Даниил Люстих.
Каждое деревце и каждый кустик
Растил он с любовью, с большой добротой.
С широкой, открытой и тёплой душой.

Растёт в наши дни дивный Люстиха дуб.
А вдруг здесь ходил Кот учёных наук?
Остались и клёны, кизил и орех.
Имел на весь Крым сад огромный успех!

Ещё здесь хранятся истории с кладом.
Быть может об этом нам фильм снять бы надо.
Но это чуть позже… Пока лишь учусь.
Но краем своим очень-очень горжусь!

О нём напишу в письме тёплые строчки.
Письмо для потомков оставлю в мешочке.

Под дубом старинным его закопаю.
И краю родному от сердца желаю:

Цвети, развивайся и славься, село!
Ведь место родное на карте одно!
Пусть солнце всегда освещает наш дом,
А Крым навсегда будет в сердце моём!

Красногвардейский район

Вера Вострикова

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

На высоком уступе скалы стоял необычайнейший дворец: величественный и очень красивый. Его окружало бескрайнее синее море, чарующее своей красотой, манящее безграничностью и в то же время настораживающее бушующими всплесками волн. Зачаровывали высокие горы, которые казались вечными хранителями этой чарующей красоты.

Во дворце жила королевская семья: король, королева и маленькое, милейшее создание этого замка, принцесса. Она росла очень доброй, весёлой девчушкой, а простота её души освещала дворец. Всё это передалось ей от матери. Шло время, и принцесса становилась все краше. И чем старше она становилась, тем больше притягивало её море, оно зачаровывало её то таинственным спокойствием, то бушующими неспокойными волнами. Тогда принцесса могла часами смотреть на него и мечтать о чём-то прекрасном. Часто вечером принцесса приходила на мыс Ай-Тодор и любовалась закатом солнца, а ещё она обожала ласточек, которые вили свои гнёзда на скале, у самого обрыва. Девочка так часто приходила, что ласточки уже совсем не пугались её, а потом и вовсе к ней привыкли.

Как-то раз девушка решила прогуляться по чарующему берегу. Шагая по тёплому песку, она увидела юношу, который тоже прогуливался у моря. Они познакомились и долго беседовали. Юноша знал очень много занимательных историй, и принцессе нравилось слушать, как интересно он рассказывал, а она, завороженно слушала. Юноша поведал ей много историй о море и морских жителях, о своих, как ему казалось, несбывшихся мечтах. Таким образом, они могли болтать часами и не замечать, как небо затягивало багрянцем и наступал задумчивый вечер. Так шли дни, годы. Принцесса и юноша сдружились ещё больше и даже не представляли себе жизни друг без друга. И её совершенно не смущало то, что он всего лишь сын простого рыбака. Их встречи стали случаться всё чаще и чаще. Ребята проводили много времени в компании друг друга, беседуя и прогуливаясь по берегу Чёрного моря.

Но вот король с королевой начали подумывать о замужестве дочери. Они мечтали выдать принцессу за знатного человека, ведь девушке уже исполнилось двадцать лет. Узнав об этом, немало принцев и знатных господ стали съезжаться в замок. Молодая принцесса очень опечалилась, ведь ей совсем не хотелось выходить замуж, тем более она полюбила Грея, сына бедного рыбака.

Узнав о встречах принцессы и бедного юноши, родители девушки были очень удивлены. Ведь не о том мечтал король, чтобы выдать свою дорогую принцессу за бедняка. Он запретил ей даже видеться с рыбаком, так как тот, по мнению короля, был вовсе ей не пара.

Теперь на мысе можно было часто видеть красивую, но грустную девушку, она очень скучала и печалилась оттого, что не может видеться с любимым. Юноша тоже страдал, ведь он уже успел полюбить добрую и милую девушку, которая, к сожалению, была самой что ни на есть принцессой.

И вот наступил тот день, когда король с королевой, наконец, нашли подходящую пару для своей дочери и объявили о помолвке на всё королевство, на весь Крымский полуостров. Когда об этом узнал бедный юноша, печаль и горе пронзили его сердце. Принцесса же плакала и умоляла короля не выдавать её за нелюбимого, но, увы, король с королевой были уверены, что дочь забудет о бедном рыбаке и будет счастлива со знатным юношей.

Шло время, приблизился день свадебного торжества. Весь город радовался и был в предвкушении веселья. Во дворце царила атмосфера праздника. Лишь только два несчастных сердца были в грусти и безмолвии.

Вечером, накануне свадьбы, девушка решила выйти на родной мыс Ай-Тодор, чтобы попрощаться с бескрайним морем, поскольку жених собирался увезти принцессу к себе во дворец на холодный север. Вечернее море было беспокойное, волны налетали на скалы и разбивались на мелкие брызги. Вдруг она увидела силуэт своего возлюбленного. Он тоже пришёл к скале, к морю, с которым было связанно много добрых воспоминаний, а сердце его было неспокойно, как то самое бушующее море.

Они взялись за руки, и их сердца сказали всё за них. Несчастные понимали, что не смогут друг без друга, что не затянется душевная рана и что живая душа обречена на погибель. Взглянув в глаза друг другу, оба поняли всё без слов. Взявшись за руки, они подошли к самому краю скалы и полетели вниз, навстречу шумящей бездне. Но они не разбились о волны, а превратились в прекрасных ласточек. И взмыли вверх.

Спустя много лет об этой истории, о вечной любви юноши и принцессы узнал один князь. Он решил построить на мысе Ай-Тодор прекрасный замок и назвать его «Ласточкино гнездо». С тех пор слагают легенды об этом замечательном месте, которое давно стало достопримечательностью Крымского полуострова, а ласточки остаются священными созданиями, ведь это птица приносит в дом благополучие, мир и согласие.

Керчь

Никита Демьяненко

Моя семья – моя опора

Моя семья – моя опора,
Моя надежда и душа,
Какие б не были заторы,
Моя обитель хороша!
Семья – небесное творенье,

Семья – это любви этюд,
С семьи приходит уваженье,
Его хранить – великий труд.
Лишь тут приходит вдохновенье,
Лишь тут начало всех начал,
Души заблудшей просветленье,
На этом русский дух стоял!
Когда вдали от дома – я тоскую,
Не нужен мне «чужой уют»,
Не отыскать страну такую,
Где широту души куют.
И каждый русский это знает,
За Родину он жизнь отдаст,
Пусть Крым родной мой процветает,
Пусть крепнет единенья власть!
Моя семья – моя опора,
Как много смысла в этом слове!

Керчь

Ярослав Степаненко

МОЙ ВКЛАД В БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОГО КРЫМА

Эссе

...Свой вклад внести осмелюсь я; не побоюсь того сказать,
что Крым отныне и вовек не перестану прославлять

С давних пор считается, что долг каждого человека, настоящего гражданина, истинного патриота – внести весомый вклад в развитие родины. Некоторые люди с оружием в руках встают на её защиту, другие же способствуют её развитию посредством искусства или спортивных достижений, а кто-то – серьёзно занимается наукой и даже совершает открытия в различных её областях. В совокупности всё это и есть прогресс, означающий стремительное движение вверх, к новым высотам, к новым свершениям, к новым результатам. И этот процесс не стоит на месте, а ступает в ногу со временем, как правило, соответствуя нашим потребностям и желаниям, а иногда – даже предваряя их. Однако прогресс, в свою очередь, диктует свои условия и нам, словно напоминая, что преобразование мира нужно начинать прежде всего с самих себя. От нас, ныне живущих, зависит не только настоящее, но и будущее целого поколения и страны. Если мы будем стремительно двигаться вперед, к достижению целей, то и прогресс не будет стоять на месте, будет расти благосостояние родного края, да и мир в целом будет становиться лучше, светлее, добрее. Но для всего этого просто жизненно необходимы знания – знания не поверхностные, кратковременные, а основательные, фундаментальные.

К сожалению, саморазвитие в наше время не пользуется популярностью, а точнее – им практически никто не занимается. Люди перестали стремиться к собственному совершенствованию, правильнее будет заметить, что лишь едини-

цы стараются выбиться из общей колеи. Современное общество будто зависло в облаках. Люди то и дело твердят о нехватке мотивации, при этом устраивая свою жизнь как безудержное пиршество. Из-за этого, к сожалению, о молодежи зачастую говорят как о некой серой, безликой массе, не способной на серьёзные действия и поступки. Но среди молодых людей всё же есть те, кому не чужд этап самовоспитания и занятия личностным развитием и ростом.

Молодому человеку, по-настоящему мыслящему, свойственно задумываться над тем, каким же образом он сможет внести свой вклад в развитие малой родины. И если подойти к этому вопросу вплотную, то рано или поздно приходишь к выводу: как много идей можно сначала создать в своей голове, выносить их, а потом и воплотить в жизнь. Как бы вы отнеслись, например, к мысли о закреплении за Крымом статуса средоточия целого века современного искусства. Что же для этого необходимо? Прежде всего, собрать воедино всех самых выдающихся искусствоведов нашего времени на этом баснословно прекрасном полуострове. Именно им будет отведена роль первооткрывателей; именно они должны будут распахнуть перед грядущими поколениями двери в будущее: обогатить культурный опыт русского народа свежими прозой и лирикой, концептуальной архитектурой, невероятно реалистичными художественными полотнами, а также шедеврами музыкального стиля, которым в будущем уготована судьба классики.

Именно посредством культуры человек становится настоящей личностью. Он знакомится с лучшими образцами русской и зарубежной классической литературы, которые помогают ему разбираться в людях, спокойно и адекватно оценивать сложившиеся ситуации; случается, что человек иногда даже смотрит на мир сквозь призму взгляда своих любимых литературных героев.

В основе такой идеи заложено духовное начало. Возможно, лучшим местом для формирования основ новой культурной эпохи должен стать наш родной Крым – край неистово волшебный, с бескрайними просторами, недосягаемыми вершинами и изумрудным морским побережьем. Первостепенным должно быть создание духовного и нравственного фундамента для воспитания последующих поколений, для формирования, выявления и развития новых талантов. Очень хочется, чтобы Крым удивлял всех не только своей неописуемой красотой, но также незаурядными, выдающимися, поистине великими личностями, которых подарит миру эта земля, – великими в искусстве, науке, творческой деятельности.

Чтобы найти единомышленников, необходимо создать некий институт культуры, в котором каждый сможет заниматься любимым делом, черпая вдохновение в нескончаемых красотах полуострова. Путешествуя по нему, никогда не перестаёшь удивляться, сколько же новых открытий ждёт тебя уже за следующим поворотом. Великий Чехов однажды справедливо заметил: «На берегу его можно жить 1000 лет и не соскучиться».

Но, к огромному сожалению, у современной молодёжи совершенно нет желания тратить своё время на эдакое «бессмысленное» занятие. Отсюда и некоторая несостоятельность их патриотизма. Молодые люди привыкли «прожигать» эту жизнь, проводить время в своё удовольствие, не внимая тому, что происходит вокруг, не вникая ни в чьи проблемы, не строя далеко идущих планов:

Распустились мы, однако, произвола и не счесть.
Коль в расцвете сил ты, парень, то неси благую весть…

Если попробовать заглянуть в прошлое, то можно было бы заметить, что внешне жизнь была более будничной, блеклой, однообразной. Но люди умели наслаждаться каждым прожитым днём, учились, развивались и стремились к самореализации. А мы же, имея доступ не только к миллионам книг, но и к интернет-ресурсам, к самым различным средствам информации, лишь нелепо отшучиваемся, мол, это нас не касается. Так о какой духовной культуре может идти речь, когда современный молодой человек вовсе не осознает своего основного предназначения в этом мире? Ведь он – венец природы. И на него возлагаются огромные надежды: «Если вы есть – будьте первыми, первым труднее и легче!»

Необходимо стремиться к достижению поставленной цели. Давайте постараемся вместе с единомышленниками изменить взгляды сверстников, разбудить в них духовное начало. Ведь у каждого из них есть душа, которая хоть изредка не прочь окунуться в мир грёз и мечтаний, которой не чужды идеи добра, милосердия и справедливости. А значит, эта идея не безнадёжна. И, как знать, возможно, спустя некоторое время Крым станет той самой землёй обетованной, поисками которой так увлечено человечество.

Керчь

Марина Трусевич

Крым – песня моя

Мне песен о тебе не перепеть!
Стою над древней скифскою усадьбой.
Красней, июнем зацелованная степь,
Как крымская татарка перед свадьбой.
Полей пшеничных золотой простор,
В гречишных складках шёлковые платья,
Горячих маков огненный узор,
Ветров свободных вечные объятья.
Танцуй, не зная плена и оков,
Запястья изогнув в пленительном движенье,
Надев хиджаб российских облаков,
Отбрось руки чужой прикосновенье.
Мне песен о тебе не перепеть,
Страна над древней скифскою усадьбой!
Цвети, июнем зацелованная степь,
Как крымская татарка перед свадьбой.

Саки

Ксения Сметанина

ДЕТСКИЕ СУДЬБЫ СОРОКОВЫХ

О прошлом, о былом

Как только не рушила судьбы война, как только не испытывала на прочность человеческие жизни. Ведь не было пощады никому: и стар и млад ощутили этот неравный бой: страх в душе, потеря близких людей. Каждой семьи коснулось горе-война. Крым утопал в крови в это тяжёлое время. Учились люди выживать, а с ними их дети, которые, подражая своим родителям, выживали на войне, как могли. Конечно, у каждого человека своя судьба, но насколько судьба моей семьи отразилась в судьбе моей страны, я и не могла себе представить.

И вот однажды мне довелось услышать эту необыкновенную историю, которая освещает прошлое моих предков, а в целом – и моей семьи.

История дедушки

Мой дедушка – дитя войны. Он и поведал мне эту историю. Тот самый Ванюша… Ах, сколько же было их, тех самых детей, которые и подумать не могли, какую жестокую шутку сыграет с ними судьба. Но нет! Они выжили и продолжают передавать из уст в уста истории военных лет.

А я, слушая рассказы деда, переспрашивала о некоторых фактах, как будто слышу эту историю впервые. Хотя и знала, каким будет ответ наперёд. Так завораживали меня рассказы деда, а особенно интересовали меня занимательные истории из его детства.

– Слушай, внученька, – говорил дед. И я, затаив дыхание, устремляла все свое внимание на него.

Настоящее счастье

В городе Севастополь стоял маленький домик, он состоял из маленькой уютной кухоньки, спальни и детской комнаты. Жителями этого дома был мужчина лет сорока, звали его Пётр. Он был невысокого роста, темные волосы, красивые глаза, в которых при любых обстоятельствах отражалась доброта души крымчанина. У Петра была жена Варвара. Девушка с длинной косой и пухленькими щёчками. Когда она улыбалась, её темные, как вишни, зрачки расширялись, вспыхивая невыразимо приятным светом, улыбка весело обнажала белые крепкие зубы и, несмотря на множество морщин в тёмной коже щёк, всё лицо сияло молодостью и светом. Варвара любила своих детей неземной материнской любовью. Маше и Ване отдавала всю себя без остатка. Дочь-красавица росла. Папины глаза, мамины щёчки и веснушки по всему лицу. Ваня был младше своей сестры на два года, ему всего девять. Иван очень похож на свою сестру, они были неразлучны и почти никогда не ссорились, придумывали разные игры и играли с собакой Рыськой все дни напролёт. А вечером, когда в деревне всё затихало и слышно было только, как стрекочут кузнечики в саду, брат с сестрой взбирались на высокую русскую печь и рассказывали друг другу легенды, истории о крымских героях. Дед рассказывал, что сестрёнка Маша была старше, но свои истории она рассказывала на доступном для мальчика языке. Она завора-

живала своими рассказами, что замирало сердце от счастья. В сознании всплывали небольшие бухточки и невообразимые красоты Крыма. Маша же, понимая, что для Ванечки всё это было необычайно интересно, продолжала свой рассказ. А потом прибавляла: «Конечно же, кое-что здесь является вымыслом. Да и кто его знает, было это вовсе или нет…». А потом как засмеётся весло и задорно, а добрые её глаза светились в темноте, словно звёздочки. Так и жили они в мире, две родные души, два огонёчка.

Жестокая война

Но однажды раздался голос Молотова, от которого по сей день словно «мурашки по коже». Конечно же, была объявлена война, которая «похитила» не только годы, но и целые жизни.

Теперь и в детских ясных глазах поселилась задумчивость, которую я замечала в дедушкиных глазах и сейчас, когда слушала его рассказ. Даже в те минуты, когда мы играли, глаза его были наполнены тоской. А мне и в голову не приходило, почему же не забавляла дедушку игра в «войнушки», когда мой младший брат направлял на деда игрушечный пистолет и с улыбкой на лице говорил: «Сдавайся!».

Моя история может и не сильно отличается от других, но то, что я услышала от деда, героя моего рассказа, ещё долго не давало мне сомкнуть глаз по ночам. Всё чаще задавалась я вопросом, что же пришлось пережить этим детям, ведь их детство было обречено: кто потерял близких, а кто выживал вопреки всему в те роковые дни. Что чувствовали они под грохот снарядов? И что заставило детские души повзрослеть в одно мгновенье?! Жестокая война не щадила ни взрослых, ни детей, калечила тела и судьбы людей.

Пётр пошёл в десантники, а Варвара осталась с детьми одна. Нелёгкая судьба женщин военного времени, которые вынуждены были в одиночку воспитывать детей, быть им и за отца, и за мать.

Невыносимая боль потерь

Был тёплый осенний денёк. Птицы как будто и не думали лететь на юг. Бабочки порхали, словно на дворе стоял месяц май. Варвара в очередной раз собиралась на работу, где заработную плату выдавали в виде пайка. Но дети и не подозревали, что мама больше не вернётся домой. И не сразу узнают они, что погибла мать от разорвавшегося снаряда. Маше с Ваней пришлось очень нелегко. Детей взяло беспокойство, почему так долго нет матери. Ребята ждали её возвращения, но Варвара так и не пришла. Девочка поняла первая, что мама не вернётся, что пришла в их дом беда, и они с братом решили обратиться за помощью к партизанам. После того дня, как погибла Варвара, детей не оставляла мысль о том, чтобы разыскать маму. «А может она попала в плен? Или же, раненая, ждёт помощи. Надежда теплилась в детских сердцах. Но где-то в глубине души они понимали, что мамы больше нет.

Выживали как могли

Ване и его сестре приходилось туго, ведь им нужно было выживать самостоятельно.

Они были совсем маленькие, но так много им предстояло пережить. После смерти родителей детей приютили партизаны. Так и жили они…

Невольно вспомнились мне слова из стихотворения Константина Симонова:

Мы довольно близко видели смерть
и, пожалуй, сами могли умереть,
мы ходили везде, где можно ходить,
и смотрели на всё, на что можно смотреть...

Жили брат с сестрой, как научили их родители: добром платили за добро. Машенька управлялась по хозяйству, Ванюшка осваивал военное дело.

Приходилось и жизнью рисковать, и в окопе сидеть по несколько суток, но это не сломило мальчонку, а наоборот, как будто придавало сил, жажда жизни крепчала, ведь так хотелось жить, видеть мирное крымское небо над головой, солнце, радостную улыбку сестрёнки на её прекрасном белоснежном лице.

Мечты о мирном небе

Прошли годы. У детей была только одна мечта, чтобы поскорее закончилась война, но война все не прекращалась. Маша и Ваня продолжали тосковать по родителям, ведь ни на минуту они не забывали о них. Каждый день будто рвалась душа на кусочки, тоска съедала изнутри, но всё это чередовалось с тёплыми воспоминаниями о маме, снились Машеньке глубоко посаженные, полные любви глаза отца.

Любовь к жизни, которую привили детям родители, придавала им сил, заставляла идти вперед и не сдаваться. И в самые страшные натиски врага в их сердцах жили воспоминания о маме и папе, которые словно освещали им путь в том жестоком, омрачённом войной мире.

Время шло, ребята не опускали руки, помогали партизанам, как могли. Два одиноких сердца бились в унисон, ведь так рано они повзрослели, так рано поняли, что значит служить самоотверженно своему Отечеству.

Так и пролетели долгие четыре года. Пока не настал тот долгожданный день, День Великой Победы. 9 мая 1945 года закончилась война. Был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии.

Долгожданная победа

Сейчас Марье Петровне 86 лет, а Ивану Петровичу 84 года. Они живут под городом Севастополь в селе Родном по улице Садовой. Их глаза полны жизни. Со слезами на глазах и с гордостью в душе они поделились со мной воспоминаниями из своего детства. Вспоминают с теплотой о родителях, которых так и не смогли похоронить по всем христианским законам. Вот уже 71 год как закончилась война, а в сердцах Вани и Маши незажившая рана потерь и слышатся взрывы снарядов. Помните, как у Твардовского:

Прошла война. Прошла страда.
Но боль взывает к людям.
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.

Закончилась война, прошли годы. Мы ведь с вами, дорогие мои, живём в мирное время. Так мало осталось людей, которые могли бы рассказать о времени беспощадной войны. Давайте помнить тех, кого нет с нами, и будем помнить подвиг тех, кто подарил нам Мир!

Керчь

Сергей Марков

Увидев Крым

Увидев Крым, я понял – это место
Совсем не схоже ни с каким другим.
Не проводил в Крыму своё я детство,
Но мне он всё равно давно родим.

Хоть родина моя совсем иная,
И Крым я видел только в строках книг,
Но красота – она здесь не земная!
Великолепен, чуден каждый миг!

Зима не кроет белым снегом город,
Лишь ветер дует с моря ледяной,
Но это ведь совсем ещё не повод,
Чтоб не любить морских стихий покой!

Однажды я в прекрасный летний полдень,
Когда летают чайки над водой,
На волны глядя, почему-то вспомнил,
Что Керчь не просто город, а Герой!

Ты, город-порт, почти ровесник Рима.
И в глубине истории своей
Была всегда ты, Керчь, несокрушима,
Незыблем славный град Пантикапей!

Керчь

Георгий Шакуро

Прогресс

Запах мазута, горелые шины.
В бой свой кипящий рвётся машина!
Бьётся, как сердце, сей гордый мотор,
Клапаны ели удержат напор.

Движение, взрыв, изохор, изобар.
Миром давно позабыт уже пар.
Предки все знания нам передали,
Нами открыты новейшие дали.

О, человечество, как ты прекрасно!
Но губит прогресс нас! Это ужасно.
И в организмах разумных существ
Смолкнет уж скоро обмен всех веществ.

Мы ищем спасенье в железных вождях,
Расчётливых, умных, холодных друзьях.
Спрос невелик с человека без глаз –
Ответ за прогресс пусть лежит не на нас.

Керчь

Елена Данилова

Наш Гоголь

В Васильевке раз Гоголь заскучал,
Сидел в раздумье: предпочесть ли Крым Кавказу?
Всё взвесив, летом в Саки к нам попал,
Чтоб «перепачкаться» в живительные грязи.

Где останавливался Гоголь – не известно.
О том историки, увы, не говорят.
Но всё ему здесь было интересно:
И степь, и озеро, и женский яркий взгляд.

Ах, Николай Васильевич, мы рады,
А, может, и горды, что в двадцать шесть
Вы оценили озеро здоровья
И познакомились здесь с доктором Оже.

Два Николая целеустремленных
Тут очутились по велению души.
Один остался здесь лечить болезных,
Второй в июле уж домой спешит.

Надеемся, поправивши здоровье
И отбыв за границу, чтоб творить,
Вы, Николай Васильевич, на взморье
Сумели степь-сакчанку не забыть!

Саки

Владислав Саввин

Амет-Хану посвящается

Его манили небеса,
Простой «чудак» с душой героя
Он с детства верил в чудеса,
Готов был жертвовать собою.

Кавказ и Крым – один замес,
Огонь и разум непреклонный,
Он то ли ангел, то ли бес,
Горячий и непревзойдённый.

Взлетал и падал без конца,
И в жесточайшей мясорубке
Сумел не потерять лица
Орёл и сокол всей Алупки.

Бесстрашно шёл он на таран
В тревожном небе Ярославля,
И всё же выпрыгнул в туман,
Едва в кабине не раздавлен.

Меняя технику, всегда
Он асом становился снова,
Героя Первая Звезда
Нашла его в борьбе суровой.

Была вторая за Берлин,
Там наш пилот добился славы,
Они все были как один
Достойные своей державы.

Но боль за свой родной народ
Его на время подкосила,
Как будто кончился заряд,
Иссякла жизненная сила.

И всё же небо, как магнит, –
Герои просто не сдаются,
Он – испытатель, он – летит,
Вот так характеры куются.

Как песня, как тревожный крик,
Он растворился в небосклоне,

В своей мечте был так велик,
В борьбе с врагом был непреклонен.

Керчь

Послесловие редакции

Подведены итоги конкурса произведений в стихах и прозе учащихся образовательных учреждений «Моя Родина солнечный Крым – часть единой великой России», посвященного 5-летию воссоединения Крыма и Севастополя с Россией. Он был организован редакцией журнала при участии педагогов и литературных наставников молодёжи из разных городов и районов Крымского полуострова.

По итогам конкурса Дипломами первой степени и памятными медалями редакции отмечены работы Никиты Демьяненко, Георгия Иванова, Асине Меджитовой, Алёны Пенхерской, Ксении Сметаниной, Марины Трусевич.

Дипломами второй степени редакция отметила Евгения Анциферова, Веру Вострикову, Екатерину Кобельник, Анну Ложкину, Сергея Маркова, Анну Нестерову, Владислава Саввина, Ярослава Степаненко.

Почетными дипломами отмечены Елена Данилова, Ангелина Картавцева, Георгий Шакуро.

Редакция выражает особую благодарность тем, кто раскрывает перед молодежью горизонты творчества, учит их любить Родину и находить простые и возвышенные слова для выражения своих чувств. Это руководитель литературной студии имени Б. Балтера (Евпатория) Людмила Юрьевна Вальченко, член-корреспондент Международной педагогической академии Людмила Яковлевна Полищук (Керчь), руководитель литературной студии «Депо Пегаса» (Керчь) Вячеслав Игоревич Демченко, педагоги Олеся Викторовна Солодовникова, Екатерина Александровна Дубинец, Иван Александрович Петин, Ирина Ивановна Бондарева.

Лидия Огурцова[1]

ИЗУМРУДНАЯ СКРИЖАЛЬ

Повесть

Глава 1
Куратор

В жизни не бывает безвыходных ситуаций,
любое испытание человеку даётся по его силам
и учит избавляться от слабостей

Солнце нещадно палило с самого утра. Двое мужчин шли вдоль набережной небольшого курортного города. Один, статный блондин, одетый в шёлковую небесно-голубую рубашку с коротким рукавом, в народе именуемую «шведкой», держал в руке металлический предмет, похожий на портсигар. Второй, маленький и плотный обладатель загорелой лысины, нёс небольшой портфель.

– Вы уверены, что она здесь? – Промокнув влажную лысину аккуратно сложенным платком, спросил коренастый мужчина.

– Уверен, – останавливаясь, ответил блондин.

Он поискал глазами свободную скамейку и, не найдя, пристроился на горячем от солнца каменном бордюре. Затем открыл металлический портсигар, внутри которого оказался мерцающий плоский экран со множеством непонятных символов.

– Как я и предполагал, она на пляже, – сосредоточенно проговорил он.

– В самом деле? Тогда можно не спешить, – откликнулся изнывающий от жары попутчик.

Они спустились к морю. Коренастый мужчина пошёл впереди, высматривая свободное место. Внезапно он остановился и, повернувшись к блондину, решительно заговорил:

– Товарищ Куратор, вы знаете, как я Вас уважаю, – он вытер в очередной раз вспотевшую лысину. – Мы уже не один год вместе, и я никогда не отказывался Вам помогать, но я бы хотел попросить… – Тут он замялся, неловко опустил портфель на песок. – Я хотел попросить не привлекать меня больше… Понимаете, я немолод, очень немолод, у меня семья, дети. Вы ведь знаете, в какое время мы живём, – здесь он испуганно оглянулся. – Не дай бог, кто-то сообщит кое-куда… И что тогда? – Он беспомощно развёл руками и сам же ответил. – А тогда, скажу я Вам, меня посадят!

© Огурцова Л.В.

– И за что же Вас, милейший Фёдор Фёдорович, посадят? – Лениво спросил Куратор.

– За шпионаж! – Обречённо произнёс Фёдор Фёдорович.

– И на какое государство, если не секрет, Вы «шпионите»? – Куратор усмехнулся.

– Смеётесь? Как Вам не стыдно, – выразительно зашептал Фёдор Фёдорович. – Они ведь ни за что не поверят, если я начну рассказывать про Идеальное пространство и небожителей, а в шпионаж поверят. И то, что я уже десять лет Вам помогаю, узнают. Как пить дать узнают!

Третий слой Земли, а попросту Энроф, почти ничем не отличался от четвёртого измерения. Здесь были такие же деревья, такое же море и такое же солнце. Люди, которые называли себя землянами, были как две капли воды похожи на жителей Идеального мира. Но только внешне. Да иначе и быть не могло. За тридцать тысяч лет до Рождества Христова этот слой был заселён колонистами из Идеального пространства. Небожители использовали Энроф для ссылки преступников, изгнанных из своего круга за тяжкие правонарушения. И хотя нынешние жители были потомками первых поселенцев, они сильно отличались от своих «высоконравственных» предков. Главное отличие заключалось в функции сверхчувственного восприятия. Сосланным в Энроф ставили блок, после чего восприятие мира ограничивалось работой лишь пяти анализаторов: зрения, слуха, вкуса, запаха и тактильных ощущений. Даже животные на Земле получали больше информации об окружающем мире. Блок передавался по наследству, и дети рождались с мозгом, функционирующим всего на десять процентов своих возможностей. У людей заметно преобладало одно полушарие, и эпифиз (или, как его часто называли земляне, шишковидная железа) не выполнял свои основные задачи координации и управления.

Но иногда природа брала своё, и тогда в Энрофе рождался ребёнок-индиго. Его мозг трудился, что называется, на полную катушку. Ясновидение, телекинез, перемещение по слоям Шаданакара были врождёнными способностями малыша. Эти дети вели себя крайне осторожно. После неудачных попыток в нежном возрасте поделиться своими знаниями с родителями они чаще всего замыкались в себе. Зная о реальном соотношении вещей гораздо больше сверстников, малыши со временем полностью прекращали демонстрировать свои возможности. И только посвящённые по отдельным поступкам и обрывкам фраз могли распознать уникального ребёнка.

Для контроля рождаемости и поведения людей Совет Старейшин присылал на Землю кураторов, в обязанности которых входило выявление отклонений в психических способностях людей. Самое же большое отличие землян заключалось в том, что их просто переполняли, захлёстывали эмоции. Это был мир любви и ненависти, зависти и жадности, мир человече-

ских иллюзий и грёз. И этим он сильно отличался от рационального мира прародителей.

Фёдор Фёдорович стал агентом небожителей не по собственной воле – его отыскал Куратор. Отца и мать Фёдор Фёдорович не знал. Он помнил только детдомовское детство, студенческую стройку на сибирских просторах, работу на заводе во время войны и голодные спазмы в желудке по ночам. После войны жизнь понемногу устроилась, он женился, обзавёлся детьми и многочисленными деревенскими родственниками жены. Он почти поверил в свою планиду, когда однажды его угораздило попасть в аварию, после которой он обнаружил, что слышит и видит всякую чертовщину. Люди вокруг временами становились почти прозрачными, их мысли и желания преследовали и мешали нормально жить. Тогда-то его и нашёл Куратор. Десять лет совместной работы не прошли даром: Фёдор Фёдорович заметно поправил своё материальное положение, научившись, не без помощи небожителей, решать свои проблемы. Он не свихнулся и не попал в психушку. Он выполнял несложные поручения жителей соседнего пространства, встречал и наставлял новичков из Оркона, но всё время боялся, что его вторая, тайная жизнь станет достоянием «компетентных органов». Последние месяцы он плохо спал, и сегодня дал себе слово поговорить с Куратором.

– Вы уж похлопочите там за меня, – продолжал настаивать Фёдор Фёдорович.

– Ну не стоит так огорчаться из-за пустяков, – равнодушно протянул Куратор. Сейчас его меньше всего беспокоили опасения подопечного агента. Он знал, что Фёдор Фёдорович достаточно умён и осторожен.

Для Куратора рождение Феди никогда не было загадкой. Отец мальчика, коллега из команды ликвидаторов, увлёкшийся пышногрудой революционеркой, в девичестве Глафирой Мухиной, превратившейся после «революционного крещения» в Октябрину Пролетарскую, внёс свой вклад в разрешение революционной ситуации 1917 года появлением в Питере пухленького младенца. В тот год для управления событиями в России привлекались многие ведомства небожителей. События неожиданно вышли из-под контроля, и случайно родившийся ребёнок остался неучтённым. Когда же страсти утихли, Куратор записал в свой актив уже подросшего Фёдора, отправленного в детский дом новоиспечённой Октябриной, впоследствии затерявшейся где-то в степных просторах Украины, и только после появления у Фёдора способностей вступил с ним в контакт. Работать с подопечным было нетрудно: задания он выполнял обстоятельно, точно и без лишних вопросов. Сегодняшний всплеск эмоций можно не считать.

Сбросив шведку, Куратор раскинул руки, подставляя солнцу широкую загорелую спину. Он гордился своим телом и с удовольствием демонстрировал окружающим натренированные мышцы рук и волосатую грудь.

Он был строен и красив: открытый лоб и прямой, совершенной формы нос дополняли слегка припухшие губы, обрамлённые тонкой полоской элегантных усов. Немного крупные уши с грушевидной мочкой не портили общее впечатление, а скорее придавали его лицу некоторую импозантность. А ленивый взгляд синих глаз вызывал восторг и желание нравиться у женщин. В общем, смотреть на него было приятно, в чём Куратор ничуть не сомневался.

Фёдор Фёдорович тоже разделся. Положив брюки и рубашку аккуратной стопкой на портфель, он сел рядом и опустил бледные с голубоватыми прожилками ноги в воду.

Сзади послышался плач. Толстый мальчишка, вырвавшись из родительских объятий, побежал в сторону моря. Споткнувшись, он завалился набок и снова заревел. Всполошившийся отец подхватил карапуза, унося подальше от воды.

Куратор проводил взглядом ребёнка. Он недолюбливал жителей третьего измерения. Вокруг них слишком много эмоций, которыми питаются ненасытные лярвы. В последние годы эти сущности совсем заполонили Энроф. «Пора возвращаться. Ещё год такой работы и можно будет позволить отдых, а возможно, и рождение сына.»

Едва заметная усмешка появилась на лице Куратора. Слово «родить» было из третьего измерения. Небожители не рожали детей. Их клонировали.

– Вы получили разрешение на клонирование сына? – Отозвался на его мысли Фёдор Фёдорович. По рассказам шефа он знал, что ребёнка-клона можно было заказать в Центре Зачатия Идеального пространства, предварительно получив разрешение Совета.

– Я назову его Лео, – удовлетворенно ответил Куратор. – Это земное имя очень нравится моему отцу, который был знаком с живописцем Лео да Винчи.

– Насколько я знаю, Ваш батюшка ещё жив, – устыдившись за недавний срыв, расплылся в улыбке Фёдор Фёдорович. – Сколько ему? Пятьсот двадцать?

– Чуть больше, – нехотя подтвердил Куратор.

– Да-да, чуть больше, – что-то подсчитывая в уме, не унимался любознательный Фёдор Фёдорович. – А Вам сколько? Сто восемьдесят девять?.. А ведь не дашь, ей-богу не дашь… Максимум тридцать пять! Впрочем, по меркам небожителей Вы ведь ещё юнец?

Вопрос агента остался без ответа. Его шеф снова прикрыл глаза, наслаждаясь морской прохладой.

Последние сорок лет Куратор работал в Крыму – спокойном провинциальном уголке Земли, где большую часть времени можно было посвящать своему хобби – восстановлению галактической матрицы погибшей

планеты Прозерпины. Работа заключалась в сканировании потока сознания и новых стереотипов мышления жителей региона. Отчёты он посылал регулярно, нареканий на него не было, и оставшийся до пенсии год можно было провести, как и прежде, в полном спокойствии.

Шагнув в воду, Куратор обернулся и заговорщически подмигнул Фёдору Фёдоровичу:

– Может, плюнуть на все запреты и завести себе земную красавицу? Такую вот блондинку с тонкой талией и стройными ногами, – Куратор кивнул в сторону плещущейся у берега девушки. – Она родит мне сына, пухленького земного младенца, и мы будем с ним барахтаться в море, а по ночам заниматься любовью с его мамочкой.

Его спутник водрузил мокрый платок на лысину и отрицательно покачал головой:

– Нельзя позволять безрассудство, товарищ Куратор. Вы лучше меня знаете, как с этими детьми поступают ваши «друзья» из ведомства ликвидаторов.

Отогнав соблазнительную картинку, Куратор подпрыгнул и нырнул в прохладную освежающую воду.

«Старею, стал сентиментальным. Этот мир бьющих через край эмоций кого хочешь сделает мягкотелым.»

Сегодня он нашёл то, что искал: девчонку, чей папаша, бесспорно, был небожителем. Кое-что ещё нужно уточнить. Куратор не любил подчищать чужие грехи, но что же делать, если в Энрофе появляются те, кто через несколько лет станет претендовать на Идеальное пространство?

«А ведь девчонку могут оставить в живых.»

За последние годы так уже было не раз… Но его это не касается, свою часть работы он выполнил.

Шёл 1964 год.

***

– Мам, ну это же совсем просто! – Марийка медленно провела ладонью над поверхностью камней.

– Белый, белый, серый, опять белый, а этот розовый.

Разноцветная галька лежала в ряд на старом покрывале, поверх которого с закрытыми глазами сидела маленькая девочка.

– Ну попробуй ещё раз, – упрашивала она черноволосую женщину с хорошей фигурой и печальным взглядом.

– Я не подсматриваю, я их вижу руками, – малышка продолжала плотно сжимать веки и старательно водить рукой над цветной галькой.

– Не выдумывай, – мать наклонилась, достала слетевшую панамку и натянула её на голову дочери. – Видеть руками невозможно! Эх ты, фантазёрка!

Девочка вздохнула и, собрав разноцветные камни, пошла к воде. Море всегда её понимало, а мама нет. И почему взрослые такие глупые? Вот сегодня мама с самого утра нервничает: не будет ли дождя, успеют ли они на автобус, не забудет ли дядя Серёжа зонтик от солнца? Марийка ещё вчера, укладываясь спать, знала, что день будет солнечный, место в автобусе будет, как она любит, у окна, а дядя Серёжа возьмёт не только зонтик, но и приёмник, маленький такой, и мама улыбнётся и станет напевать песню про чёрного кота, которому всё время не везёт. Только маме об этом говорить нельзя, всё равно не поверит.

В свои шесть лет Марийка знала очень многое из того, о чём маме сообщать не стоило. Она могла остановить дождь и разогнать тучи. Она всегда так и делала, когда мама забывала зонтик. Ещё Марийка могла стать невидимой и прозрачной. Нет, она не исчезала совсем: для того, чтобы её не заметили, нужно было замереть и не думать, что отнюдь не легко для такой непоседы, как она. Что значит «стать прозрачной», знала только Марийка Россицкая, воспитанница старшей группы детского сада № 5.

Часто, отстояв вместе с мамой длинную очередь за синеватой курицей, пахнущей совсем невкусно, и услышав от продавщицы, что «кур мало и дальше уже можно не стоять», Марийка делала так, что этих самых синих кур всем хватало. Откуда-то появлялся ещё один «совершенно забытый ящик», и мама улыбалась, сглотнув навернувшиеся слёзы, благодарила изумлённую продавщицу, а Марийка прикрывала ладошкой рот, боясь засмеяться и выдать свою тайну.

***

В четвёртом слое Земли, или, проще говоря, Идеальном пространстве, выражение эмоций считалось верхом неприличия. Это относилось не только к словам. Ребёнка с малых лет учили контролировать свои чувства, быть благодарным Совету Старейшин и любить сограждан-небожителей. Но настоящей любви не получалось. Научившись управлять эмоциями, ребёнок вырастал в рационального бесчувственного потребителя, достойного представителя своего разумного слоя. Тех, кто не смог освоить контроль, изгоняли из «рая» в третий слой, именуемый Энрофом. Несчастные изгнанники попадали туда, где шла постоянная борьба за выживание, где поощрялись самые разнузданные страсти и извращённые желания.

Для привыкших к комфорту, уравновешенных небожителей ссылка была равносильна смерти. Этим наказанием родители с рождения пугали своих детей. Конечно, любой представитель четвёртого измерения мог бы запросто выжить в земных условиях. И не просто выжить, а жить припеваючи. Но немилосердные судьи лишали переселенцев чудесных способностей к целительству, удивительной интуиции, способности к ясновидению,

и самое главное – они теряли те знания, которые были присущи жителям их измерения.

В последние двести лет ссылки прекратились. Это было связано с тем, что детей Идеального мира стали клонировать. Клон не приносил никаких хлопот: он был точной копией своего родителя, не только тела, но и мыслей, желаний, поступков. Чувства клонов, всегда правильные и предусмотренные законом Идеального пространства, не доставляли беспокойства высшему руководству.

***

Море сливалось с небом, и одинокий огонёк на горизонте напоминал упавшую в море звезду. Девочка сидела на песке и строила башню.

Куратор приблизил изображение. Нужно найти знаки отличия на теле ребёнка. Большую мочку уха он увидел сразу. Она была грушевидной формы и гораздо больше обычной. В девочке чувствовалась порода. Любая женщина четвёртого измерения гордилась бы такими ушами. Этот последний писк моды был генетически запрограммирован не более 30 лет назад. Значит, отец девочки – ещё молодой шалопай, оставивший на Земле свой биологический материал в виде новорождённого ребёнка-индиго.

Куратор развернул изображение на экране. Он искал родинку в форме звёздочки на затылке. Пышные локоны малышки закрывали шею. Дав команду коспу – компьютерному сканеру пространства – убрать волосы, он удовлетворённо присвистнул. Слегка вытянутый голый череп ребёнка напоминал молодой кокос. На затылке виднелось «украшение» четвёртого измерения – звезда Идеального пространства.

«Это, без сомнения, она», – обрадовался Куратор и включил систему послойного сканирования. Мозг функционировал полностью.

«Что и требовалось доказать», – удовлетворённо подумал он, отправляя отчёт в центр Совета Старейшин.

Ответ пришёл через минуту. Ему было поручено заблокировать у ребёнка часть мозга. Его удивило не то, что девчонку оставили в живых, а то, что блок необходимо было поставить на 48 лет. Значит, в 2012 году она станет полноправным жителем четвёртого измерения.

С какой целью Совет Старейшин оставил в Энрофе очередного ребёнка с паранормальными способностями, Куратор так и не понял.

***

Клонирование небожителей проводили учёные во главе с профессором Итокой. Возможность сохранить свой генетический материал, перенести себя через время, а затем создать полную биологическую копию перестала быть фантастикой.

Контейнер № 12547, содержащий десять миллилитров крови, был извлечён из центральной ячейки банка «Сори» и доставлен в лабораторию. К нему был прикреплён второй контейнер, хранящий стволовые клетки небожителя.

Занимаясь привычной работой в святая святых Идеального пространства – Центре Зачатия, профессор Итоко мысленно улыбнулся. Он был богом, подарившим жизнь нынешнему поколению обитателей Идеального мира. Ещё два столетия назад клоны выращивались в утробе земных женщин, но потом всё изменилось. Создать тело, конечно, не значило создать душу. Теперь всем желающим получить собственную копию приходилось не только оставлять в генеральном компьютере воспоминания, наговаривая на лазерный диск всё, что должен был знать их потомок, но и получать специальное разрешение Совета. А это было отнюдь не просто.

Профессор изредка посматривал на монитор. Работа была привычной, не требующей особого контроля. Процесс клонирования подходил к завершающему этапу. Профессор извлёк из слота диск с воспоминаниями биологического отца № 12547 и заменил его другим. Компьютер тут же заметил ошибку и включил систему оповещения. Итоко нажал кнопку Delete. Предупреждение полетело в корзину.

***

Девочка сидела рядом с морем. Башня из песка была построена, оставалось только окружить её рвом. Девочка отложила лопатку и принялась похлопывать мокрыми руками по бокам сооружения.

Коротко стриженый блондин присел на корточки.

– Как тебя зовут?

– Марийка, – она подняла на незнакомца огромные зелёные глаза.

– А фамилия у тебя есть?

– Россицкая, – ответила девочка, продолжая хлопать ладошкой по сырому песку.

– Смелая… – протянул незнакомец.

– Я тебя не боюсь: ты жёлтый!

«Надо же! Она знает, какого цвета стоит опасаться. Хотя чему я удивляюсь, в её возрасте малыши из Оркона и не то умеют. Может, протестировать её на работу с пространством? И что это даст? Наверняка у неё всё получится…»

– Когда дядя Володя ругает маму, он становится красный-красный, а рядом с ним чёрные бабки-ёжки прыгают, – продолжала рассуждать Марийка, старательно разгребая песок возле башни.

«Это она о лярвах, – догадался Куратор. – Забавная девчонка.»

Он не мог понять, почему тянет время, почему говорит с этим земным ребёнком.

– Ты кому-нибудь об этом рассказывала?

– Они мне не верят, – по-детски мило пожала плечами Марийка.

– А мама?

– Мама? Тоже не верит, а папы у меня нет, – огорчённо вздохнула девочка и опять посмотрела на него своими зелёными глазами. – Забери меня…

– Куда?

– Ты знаешь.

– Нет.

– Не обманывай, ты пришёл за мной, я вижу.

Девочка запросто читала его мысли.

– Это тебе! – Куратор положил ей на ладонь большой кристалл.

Марийка повертела камень и поднесла к глазам. Тонкий голубой луч отразился от холодной грани кристалла. Она покачнулась.

– Я ничего не вижу, – жалобно застонала девочка.

Куратор склонился над ребёнком.

– Ты видишь достаточно для этого мира, – прошептал он. И, подобрав упавший в мокрый песок кристалл, уже громче добавил:

– Никогда не разговаривай с незнакомцами, малышка.

Глава 2
Инна

У каждого человека нужно найти то,
за что его можно простить

Всё в её жизни было ненастоящим. Ненастоящий дом, в котором она жила с ненастоящим мужем. Дом, который, казалось, не любил её настолько, что в нём постоянно что-то ломалось. И её ненастоящий муж не по-настоящему время от времени что-то чинил в этом доме. Даже волосы у неё были ненастоящие: огненно-рыжая завитая шевелюра – результат стараний молоденькой парикмахерши из соседнего подъезда. И только мир её фантазий, мир, в котором она проводила большую часть времени, был истинным. В свои тридцать два Инночка Горелова оставалась сущим ребёнком – ранимым, нежным, доверчивым.

Настроение с самого утра было плохим. Инночка посмотрела на часы: пятнадцать минут восьмого. В праздничный день можно было бы поспать и подольше, но спать не хотелось, в носу противно пощипывало, горло саднило. Неужели простуда?

Инночка бросила взгляд на пустующую половину кровати. На розовом пододеяльнике лежал пульт от телевизора. Мужа не было. Он вчера вечером ушёл навсегда. Так и сказал: «Я ухожу навсегда».

Стало обидно – праздник ведь, мог бы и остаться. Но он вообще не признаёт праздники, особенно Восьмое марта. «Женщину нужно любить триста шестьдесят пять дней в году, а не только Восьмого марта», – повторял он каждый праздник и уезжал к бывшей жене.

Подумав об этом, Инночка расстроилась ещё больше. Какой он муж? Ненастоящий.

Горло болело, надо бы выпить горячего чаю. Инночка решительно отбросила одеяло, накинула розовый халатик и пошлёпала в кухню.

Солнце по-весеннему ярко светило в окно. Два голубых пакета с мусором стояли возле мойки, в которой лежала гора немытой посуды.

«С праздником!», – поздравила себя Инночка.

Чайник уютно заурчал. Но заварки не оказалось. Инночка налила в чашку кипяток, добавила малиновое варенье, ломтик лимона и выпила. Першить в горле перестало. Вернувшись в спальню, она нырнула под одеяло и закрыла глаза.

Однажды (они прожили вместе тогда только год) ей очень захотелось, чтобы муж пригласил её в ресторан. Всю дорогу он молчал и хмурился. Уже выходя из машины, раздражённо спросил: «Ты выбрала, куда мы идём?». От такого тона Инночке выбирать расхотелось, она подумала о тёплой кухне, зажаренных окорочках в духовке и, глотая слёзы, бодро ответила: «Домой». Больше она никуда не просилась.

Инночка посмотрела на часы и потрогала телефон. Может, ещё позвонит? Поздравит с праздником и, как прежде, станет её уговаривать никуда не ходить, полежать, посмотреть телевизор. Хотя что его смотреть? Чужая жизнь, чужой праздник.

Телефон молчал. Почему-то вспомнился сон: изрытая дорога, уходящая за горизонт; она идёт, держа на руках ребёнка. Нужно успеть, обязательно успеть, вот и автобус, она бежит за автобусом, пытаясь протиснуться в открытую дверь. Ступенька так высоко, а ноги тяжёлые. Нет, не успела. А зачем ехать? Остановка-то рядом, надо немного пройти. Она опускает ребёнка и берёт его за руку, они идут. Они ищут дом, свой дом.

Телефон призывно звякнул – звонила Дашка. Потом ещё кто-то, и этот кто-то поздравлял, желал ей всего-всего, а праздника всё равно не было. Он не позвонил, и Инночка окончательно расстроилась.

***

Благотворительный фонд «Луч надежды» доживал последние дни. Его руководитель Василий Кузякин понимал это лучше кого бы то ни было.

Фонд достался ему от Антона Загорского, известного в 90-х годах писателя и режиссера. Идея создания фонда возникла у Загорского после развала Союза, когда фонды росли, как грибы. «Луч надежды» работал в основном на его руководителя, «гениального и непревзойдённого Антона

Станиславовича». Рухнувшая социалистическая система прекратила финансирование творческих союзов. Но многочисленные друзья, всё ещё остававшиеся во властных структурах, щедро делились с фондом «чем Бог послал». Но всё когда-то заканчивается. Коммунистов сменила оппозиция, Загорский к тому времени слёг с язвой желудка, а после операции так и не смог вернуться. Возможно, если бы ему пришла в голову мысль передать фонд более гибкому руководителю, всё сложилось бы иначе.

Беда нового начальника, Василия Кузякина, была в его жадности. С юных лет вечно взъерошенный, пухленький Вася Кузякин боялся остаться с носом. С годами на пышном дереве многочисленных Васиных комплексов распустились цветы параноидальной подозрительности. Кузякин просто не мог не думать о деньгах. В каждом он видел жулика и, став руководителем, мучился, не спал ночами, представляя, как его обворовывают немногочисленные подчинённые.

Часто, проснувшись от дурного сна, он доставал калькулятор и погружался в расчёты. Он считал чужие деньги, воображая, как бы он потратил полученный гонорар, завидовал коллегам, выпустившим новую книгу, и ненавидел поэтов, получивших очередную награду. Он был ужасно скуп. Если он покупал для фонда канцтовары, то они были самыми дешёвыми. Если печатал пригласительные билеты, то их стыдно было взять в руки, до того блёклыми и неинтересными они были. На работе он изводил мелочными придирками бухгалтера и секретаршу – основной штат сотрудников фонда. И те не увольнялись только потому, что болезненную даму-бухгалтера устраивала работа рядом с домом, а молоденькая заочница-секретарша работала всего пару часов, и то с конспектом в руках.

Кузякина не любили. Те, кто занимал высокий пост, использовали его в своих интересах. Те, кто наивно надеялись что-то получить от фонда, ему льстили. Кузякина не любили женщины, потому что женщины не любят жадных и потому что, завидев бутылку «Перцовки», он делал выбор не в их пользу. Нет, он не был пьяницей. Он был унылым, уже немолодым поэтом, обременённым большими амбициями, маленькой зарплатой и мучившей по ночам одышкой.

Он был женат дважды, и оба раза неудачно. Так считала мама. Первый ребёнок родился «по молодости», второй – «из-за женского коварства». Мать всегда старалась оградить Васеньку от раскинувших сети на её мальчика женщин. С малых лет она внушала Василию, что всему он обязан только ей, и он добросовестно выполнял сыновний долг, не пытаясь уклониться, но иногда вдруг чувствовал, как задыхается в объятиях неимоверной материнской любви. Прожив с первой женой год и услышав от матери сакраментальную фразу «Или жена, или машина», Василий выбрал машину.

Прошло пять лет, и он снова женился. Во второй раз выбирать было сложнее. Хрупкая жена Зиночка и маленькая дочка Ляля доверчиво заглядывали в глаза в ожидании его любви и защиты. И хотя Василий покорно отбывал свою повинность, мать снова предложила выбор: жена или полдома в её завещании. Тогда-то Василий и пристрастился к бутылке. Родители Зины, узнав о незавидной участи дочери, забрали её и маленькую внучку в Москву.

Как-то незаметно плотские утехи перестали волновать Василия. Любовные игры не доставляли ему удовольствия. Он быстро загорался и тут же остывал. Его мужское достоинство, как спущенный воздушный шарик, с грустью напоминало о былых подвигах. «Бог дал на раз пописать», говорят о таких, как он, мужики. Единственное, что ещё радовало Кузякина, – это праздники. Особенно женский день, когда можно вдоволь поесть и выпить «на дурняка». Он и сегодня пришёл на работу с расчётом попраздновать оставшимися деликатесами. Девчонки вчера накрыли шикарный стол: бутерброды с икрой, крабовый салат, фаршированная рыба...

Василий распахнул старый холодильник и уставился на пустые полки. Еды не было. Вымытые тарелки стояли у него на столе. «Вот стервы, всё унесли домой, а ведь ещё много оставалось».

Голова гудела, будто растревоженный осиный рой. Как это он вчера так набрался?

Василий открыл сейф, в котором самым ценным была печать фонда, и вытащил заначку – наполненную на треть бутылку коньяка. Достал граненый совдеповский стакан, дунул на мутное стекло, брезгливо протёр его полой пиджака и налил из бутылки тёмную жидкость. Залпом выпил, при этом негромко крякнул и, откинувшись на спинку стула, закурил.

Тяжёлая входная дверь противно заскрипела, и на пороге комнаты появился высокий мужчина в длинном чёрном плаще и чёрной шляпе. Окинув взглядом убогую обстановку комнаты, он сделал шаг в сторону курившего председателя.

– Прошу прощения, что отрываю Вас от работы, но я хотел бы видеть Кузякина Василия Фараоновича, – чётко проговаривая каждое слово, произнёс мужчина в чёрном плаще.

Схватив со стола бутылку, Кузякин метнулся к сейфу. Затем, устыдившись своей суетливости, покраснел и недружелюбно посмотрел на незнакомца.

– Всем подавай Кузякина. Сегодня выходной, между прочим. Женский день!

– О, простите, – любезно заговорил мужчина, – я только на одну минутку.

Кузякин почувствовал, как тёплая волна пробежала по позвоночнику. «Коньяк, – мелькнуло в голове, – хорошо-то как.»

– Ну если на минутку, – Кузякин блаженно улыбнулся, – тогда, как говорится, милости прошу к нашему шалашу.

Довольный собой, он показал на стул для посетителей. Незнакомец сел и демонстративно окинул взглядом комнату. Мебель была убогой: обивка кресел местами вытерта, обшарпанные книжные шкафы были забиты старыми журналами, с потолка свисала пыльная допотопная люстра. За спиной у Кузякина, прямо над сейфом, висел старый календарь за 1995 год, а рядом – огромная афиша с улыбающимся предшественником.

– Вам бы, Василий Фараонович, ремонт небольшой сделать, да и мебель прикупить не мешает.

– Какой там ремонт, – махнул рукой Кузякин, – денег на счету совсем нет. Брошу я этот фонд, уеду на заработки.

– И куда ж изволите, если не секрет? – Откинувшись на спинку стула, продолжал незнакомец.

– Да хотя бы в Киев. Помощником депутата пойду. Сейчас партий как собак нерезаных. Выборы на носу, пристроиться можно.

– Похвально, похвально. Только выборы-то через год будут, а кушать каждый день надо.

– Вот и я о том, – вздохнул Кузякин, – денег на счету совсем нет.

– А я как раз о помощи и пришёл с Вами поговорить.

Василий с интересом посмотрел на незнакомца.

– Хочу предложить небольшую сумму в обмен на скромную информацию.

Незнакомец открыл портмоне и вынул стодолларовую купюру. Василий напряжённо следил за рукой.

Положив купюру на стол, мужчина достал следующую. «Пять… Шесть... Семь... Восемь... Десять», – шевелил губами Кузякин. Когда последняя стодолларовая бумажка легла поверх остальных, Василий нервно сглотнул.

– Мне бы адресок один, Дарьи Дмитриевны Гусевой.

– Гусевой? Не знаю я Гусевой, – растерянно произнёс Кузякин.

– Знаете, милейший, Вы даже влюблены в неё были.

– В Гусеву?

– В Гусеву! Только фамилия у неё другая была – Ткачёва.

– Ткачёва, – облегчённо выдохнул Кузякин. – Дашка? Ну как же, помню. Она на первый курс поступила, а я на кафедре лаборантом работал.

Кузякин мечтательно закрыл глаза.

– Красивая девчонка, скажу я вам. Живёт она в доме родителей, Некрасова, двадцать пять. После смерти матери туда и переехала со своим очкариком. И что она в нём нашла?

Вспомнив Дашкиного мужа, Кузякин поморщился.

– Вы бы посмотрели на него. Хлюпик! Откуда только деньги берёт, паршивец? Как у них, молодых, получается деньги зарабатывать, ума не приложу!

Дашкиного мужа Кузякин не любил. Ничего не делает, у компьютера сутками сидит, и на тебе – иномарку купил. А он, Василий, так и промучается всю жизнь со своим «запорожцем».

Воспоминание о новой машине Дашкиного мужа вызвало прилив раздражения. И тут же заболел желудок.

– Да Вы успокойтесь, – миролюбиво заговорил незнакомец. – Поедете в Киев, займётесь политикой, скоро и у Вас новая машина будет.

«Про машину я разве сказал? Или уже думать вслух начинаю, вот дурак!»

– Вот Вы говорите – займётесь политикой! Грязное дело, скажу я Вам. Кто хотя бы раз прорвался к позолоченной кормушке, уже ни за что её не оставит. А остальным как быть? Ввязываться в драку? Вбросить шайбу в зону, а потом устроить хорошую свалку? Многие так и делают, пока остальные дерутся, сами к корыту пропихиваются, ещё и миротворцами прикидываются.

Кузякин поднял указательный палец и зачем-то погрозил висевшему на стене портрету своего предшественника.

– Политики приходят и уходят, а родимые пятна лжи передаются от поколения к поколению. Нищета растёт! Вы скажете – демагогия? Согласен – чистая демагогия. Но тогда ответьте, почему тот, кто хочет прийти к власти, вбивает в голову народу, что он, народ, есть быдло, не умеющее распоряжаться своей жизнью, и ему нужен царь-батюшка, который всё решит за него? Мы все участники преступления! Все! – Кузякин снова погрозил портрету.

– А Вы циник, – усмехнулся посетитель.

Кузякин хмуро кивнул и воззрился на пачку денег.

– Хотите анекдот? – Василий с трудом оторвал взгляд от вожделенной стопки банкнот. – Политичес-с-ский! Встретились два депутата. Один другому говорит: «А знаешь, женщины умнее нас». «Это ещё почему?» – спрашивает второй. «Они не выходят замуж только за то, что у тебя длинные ноги!».

Рука Кузякина потянулась к стопке.

– Берите, берите, – незнакомец подвинул деньги. – А мне пора.

– А может?.. – Кузякин сделал выразительный жест, предлагая гостю выпить. – Совсем немного, в честь праздника?

– Нет, нет, это Вы уж сами, – ответил странный посетитель, поворачиваясь к нему спиной.

– Ну как знаете, – махнул рукой захмелевший Василий закрывшейся за незнакомцем входной двери.

Допив оставшийся коньяк и пересчитав купюры, Василий довольно хмыкнул.

– Вот урод! И откуда деньги такие…

Он ещё не успел договорить о том, откуда у незнакомца могут быть деньги, как дверь опять хлопнула, и Кузякин с удивлением уставился на недавнего благодетеля. Тот был уже без шляпы и плаща, в старой кожаной куртке.

– Что-то забыли?

Кузякин сжал подаренные купюры и сунул руку под стол. Посетитель молчал. «Какой-то он странный, – подумал Василий, – вроде и не тот совсем.»

Вошедший показал на лист бумаги.

– Записать? Адрес записать? – Засуетился Кузякин. – Некрасова, двадцать пять, Даша Ткачёва, тьфу ты, Гусева, конечно, Гусева,– протянул он листок с адресом нежданному гостю.

Странный посетитель сунул листок в карман и, не сказав ни слова, вышел вон.

– Фу ты, напугал как. Вот урод!

Василий Кузякин с сожалением посмотрел на пустую бутылку, снял с вешалки куртку и, в очередной раз икнув, подумал: «Пойду-ка я отсюда от греха подальше».

***

Тёплые мягкие пальцы, едва касаясь, скользили по голой спине. Было приятно и немного щекотно. Поглаживание вверх-вниз продолжалось пару минут. Усыпив бдительность, рука вползла под резинку кружевных трусиков. Инночка напряглась и перестала дышать. Рука нежно погладила ягодицы и нырнула в заветную ложбинку. Инночка тихо застонала, подставляя под тёплые пальцы живот. Рука послушно погладила нежную кожу живота и, описав круг, сжала напрягшуюся грудь. Сосок сладостно заныл. «Ещё, ещё», – пронеслось у неё в голове. Рука послушно повторила движение. Нахлынувшие волны света пульсировали перед глазами. Яркие сине-красные круги мешали смотреть. Сердце бешено застучало. Она повернула голову и уткнулась в требовательные горячие губы, уносящие её в море света.

«Где я? – испугалась Инночка, оглядев погружённую во мрак чужую комнату. Она напряжённо таращилась в незнакомое пространство, ничего не соображая. – Как я сюда попала, почему голая?»

В голове была какая-то каша: обрывки фраз, мягкое поглаживание рук, требовательные губы и свет, море света. Луна смотрела сквозь незадёрну-

тое окно. Огромный чёрный предмет в углу комнаты, какая-то решётка и вторая ухмыляющаяся морда луны, смотрящая на неё прямо со стены.

«Где я?»

Рядом что-то засопело, зашевелилось. Волосатая нога выползла из-под одеяла. Инночка собралась закричать, дыхание перехватило, и вдруг она всё вспомнила. Она у Даши! Чёрный предмет – просто шкаф, решётка – кроватка маленького Тимура, а жёлтая морда луны – зеркало, висящее напротив кровати, а в нём луна, та, что в окне. Всё встало на свои места. Инночка тихо засмеялась. Как всё просто, просто и замечательно! И волосатую ногу она тоже вспомнила. Это тот мужчина, с которым оказалось так легко и приятно.

…Когда Инночка Горелова уже решила, что день 8 Марта окончательно испорчен, позвонила Дашка.

– Хватит кукситься, Инесса-баронесса! Ты, как всегда, одна? – Просипела трубка простуженным Дашкиным голосом. – Приезжай к нам, будет пицца из колбасы, заезжие барды и местные поэты.

Погода к вечеру окончательно испортилась. На душе у Инночки было так же хмуро, как и за окном, идти никуда не хотелось. Ей не хотелось колбасы, ещё меньше бардов и местных поэтов, но вечер в полном одиночестве неминуемо предвещал начало депрессии, и она согласилась.

Дашка, единственная подруга со студенческих времён, жила в самом центре города с мужем, тремя детьми, котом Кексом и двумя попугаями – Тёмой и Изюмом. Близнецы Катя и Саша и новорожденный малыш Тимур были её гордостью.

Инночка и Дашка дружили с первого курса, голубоглазая красавица Дашка была любимицей всей группы. На пятом курсе она влюбилась в профессора Званцева. Это был человек, у которого, как, смеясь, говорила Дашка, осталось много бывших друзей. Когда-то, ещё до того, как он занялся политикой, он был милым, добрым, интеллигентным. Потом, чтобы выжить, ему пришлось принять другие правила: игру больших мальчиков из большого бизнеса. Но тогда, на пятом курсе, Дашка умирала от безответной любви, писала стихи, караулила его на кафедре и увлажняла по ночам подушку невинными девичьими слезами. В тот год Званцев разошёлся с очередной женой, был полон новых планов и брызжущей энергии. Он самозабвенно читал лекции, на которые собирались студенты даже с других факультетов, раздавал обещания, которые тут же умудрялся забывать, выступал на международных форумах и конгрессах, менял поклонниц, в общем, жил полноценной жизнью молодого энергичного профессора, не обременённого заботой о семье. Дашка вздыхала, писала в своём дневнике слезливые стишки и таяла на глазах от неразделённой любви.

Инночка с грустью наблюдала, как подруга погружалась в «бездну разочарования, прогоняя рой немыслимых фантазий», читала незамысловатые

строки её стихов и тоже мечтала влюбиться вот так, по-настоящему, как Дашка. Но под конец учёбы та выскочила замуж за Руслана, долговязого программиста с соседнего факультета. Нарожав ему детей и защитив кандидатскую диссертацию, она учредила свою газету, преподавала бог весть в каких вузах, оставаясь при этом весёлой и заводной душой компании.

Праздники в этой семье обожали. Как всегда, гостей было много и на удивление самых разных: кандидат наук и студент-третьекурсник, астролог, писатель, восходящий политик, молодой и уже немолодой бард, редактор опального журнала и несостоявшийся поэт.

Сбросив с себя плащ и водрузив на холодильник торт, купленный по дороге, Инночка сразу окунулась в атмосферу домашнего тепла и аромата дрожжевого теста.

– Иннуля, как хорошо, что ты пришла, – радостно бросилась на шею Дашка, – я с этими мужиками совсем с ног сбилась. Тут ещё Тимур весь вечер капризничает. Видно, народу много, он маму и ревнует, от себя не отпускает.

Тимур висел в «кенгуру» на животе у Дашки и громко пыхтел, пытаясь расстегнуть пуговицы на её кофточке.

– Видишь, опять сиську ищет, – счастливо улыбнулась та.

– Дашка, ну почему так происходит? – Дрогнувшим голосом прямо с порога заговорила Инночка. – Почему человек так наивен? Почему думает, что может всем помочь? Облагодетельствовать. Растрачивает себя на работе, по капельке отдаёт себя другим, при этом начисто забыв о тех, кто рядом. Рядом каждый день! Понимаешь, он занят только собой! Успех, признание – всё это призрак, манящий и ничего не дающий взамен. А я? Я понимаю, что человек вправе выбирать сам, но почему он не хочет нести ответственность за свой выбор? Капризничает, обижается, как маленький ребёнок, и совсем не видит возникшую проблему.

– Как сказал неповторимый Оскар Уайльд: создавая человека, Господь Бог переоценил свои возможности, – невесело улыбнулась подруга, став на минутку мудрым кандидатом наук и верно поставив диагноз Инночкиной тираде. – Я давно говорила, что рано или поздно вы с Костей расстанетесь. Это не твой мужчина, а ты не его женщина. Вы разные. И потом, когда уходишь, нужно закрыть дверь в прошлое. А твой драгоценный Костик так и не ушёл из прежней семьи. Да и что это за жизнь? Ты мучаешься, ревнуешь. Он постоянно чувствует себя виноватым. Перед тобой, перед бывшей женой, дочкой. И тем, согласись, несладко.

– Самое ужасное, что каждое воскресенье он идёт к ней. Он ни за что не допустит, чтобы его бывшая вышла замуж.

– Может, боится? А вдруг у вас с ним ничего не получится?

– Скорее, сохраняет запасной аэродром.

– Он с ней спит?

– Кто его знает? Говорит, что нет, но я ему не верю.

– Не понимаю, как ты миришься? Я бы не смогла.

– И, главное, врёт постоянно. Ходит с ней к друзьям, берёт её на выставки своих картин, а я, как дура, дома одна сижу. Больше не могу, надоело всё, годы уходят.

– Да что ты, Иннуля, ты молодая, ещё встретишь своего принца. Отпусти его, не пытайся вернуть.

– Ты мудрая, – прижавшись к подруге, всхлипнула Инночка. – Я думаю, никого отпускать уже не нужно. Он вчера ушёл и, наверное, навсегда…

– Я старая и многодетная, – ответила подруга, погладив Инночку по руке. – У меня трое детей, муж, два кота и огромная собака. И у каждого свой особый характер. Давай после ужина посекретничаем, как в старые добрые времена.

Инночка так долго делала вид, что у неё всё хорошо, что совсем забыла, как это может быть здорово – поплакаться на плече всё понимающей подруги.

– Иди к народу. Там пицца в духовке. Я тоже сейчас приду, только зайчика своего покормлю, – сказала Дашка, нежно пощипывая щёчку маленького Тимура.

В центре кухни громоздился самодельный деревянный стол. Руслан крутил в руках электрический самовар, пытаясь понять, почему он опять не работает. Остальные гости просто курили и вели неторопливую умную беседу.

Инночка протиснулась между раковиной и чьей-то широкой спиной, заглянула в духовку и незаметно обвела глазами присутствующих. Широкая спина, надёжно укрывшая Инночку от народа, шевельнулась и заговорила хорошо поставленным баритоном:

– И в нашем обществе, и у животных одни и те же законы. Выживает сильнейший! Люди исказили человеческую природу, выдумав мораль. Вспомните московский погром в июне двухтысячного года. Футбольный матч «Россия – Япония» превратился в массовое помешательство подростков. Обезумевшая восьмитысячная толпа, вооружённая бутылками пива, с радостным воплем бросилась громить мониторы, транслирующие матч, иномарки, припаркованные на Тверской. Она сметала на своём пути конную милицию и представителей ОМОНа. А вы говорите о морали. Уж какая тут мораль? Мораль выгодна слабым. Как говорится: высшая свобода – выбирать рабство по своему вкусу.

– Конечно! – Послышался хрипловатый молодой голос.

Инночка высунулась из-за спины и увидела стриженую девицу в очках с сигаретой в руке.

– Конечно, мораль – выдумка одних для одурачивания других, она противоестественна, так как извращает человеческую природу. Люди по-

стоянно усложняют себе жизнь, придумывая разные правила. Стыд противоестественен! Сколько существуют люди, столько и существует условность человеческих обычаев. Если у одних народов плохо выходить замуж девственницей, то у других, наоборот, это хорошо.

Для убедительности девица вдавила окурок в пепельницу и закинула ногу на ногу. Хлипкий студент-аспирант, сидящий по правую руку от стриженой девицы, встрепенулся и неуверенно произнёс:

– Невозможно одними уговорами сделать людей добрыми…

– Вы ещё скажите, что добро идёт от человеческой слабости, – забасила спина. – Ответьте мне, почему добро хорошо, а зло плохо? Есть только один универсальный закон мироздания – стремление к власти. Покажите мне дерево, которое не борется с другими из-за света.

– Да о чём мы спорим? – Вскинула руки стриженая девица – Человек человеку волк! Поймите же, если мы не самодостаточны, то мы просто используем другого. Мы не любим его. Тот, другой – вечный враг, покушающийся на наше счастье, но он и предмет наших желаний, он часть, ещё не «проглоченная» нами. Наша вечно голодная воля утверждается через другого, более слабого. Она приковывает нас к нему, но не узами любви, а страстью к удовлетворению. А вся человеческая культура – лишь набор мифов, скрывающих устремления эгоистической воли.

Девица гневно взмахнула рукой, изобразив то ли набор мифов человечества, то ли устремления эгоистической воли. Инночке на миг показалось, что каждый говорил о самом себе, о том, что беспокоило только его, при этом совсем не слыша соседа.

– Но ведь даже животное сохраняет своё потомство, это и есть мораль, – покраснев, вставил студент.

Спина напротив Инночки вздохнула:

– Всё, что вы говорите, – вздор. Да, не люди придумали мораль. Мораль существует и у животных. Люди всего лишь подражают им. Добро и зло существуют самостоятельно. Эти два бога воюют друг с другом, а мы лишь выбираем, кому из них молиться.

– Люди отпали от Бога и стали понимать свободу как своеволие, – заговорил куривший у окна блондин. – Этот мир возник в результате самоограничения Бога. Так проявился закон жертвы. А по-вашему выходит, что Бог виноват в том, что в этом мире существует зло…

– Есть только д-д-добро, и оно от Бога, – слегка заикаясь, перебил его студент. – Наш мир – иллюзия. Абсолютное добро воплощено в Боге, п-п-персонифицировано. Познавший эту истину сделается свободным от греха.

– Ерунда, – замахала руками экзальтированная девица, – человек уже приходит в этот мир со своими греховными желаниями. С первым криком он требует, требует, требует…

– Тогда получается, что болезнь – расплата за грехи? И Богу необходимы наши страдания? – Бросил с вызовом студент.

Блондин стряхнул пепел в открытую форточку и, подмигнув выглянувшей из-за скрывавшей её спины Инночке, ответил:

– Ещё Платон считал, что качество изделия, в данном случае тело человека, зависит не только от ваятеля, то есть Бога, но и от качества материала, от нашей с вами нравственной природы. Когда страдает тело, душа очищается. Через смирение. Но Вы ошибаетесь, юноша, Богу неугодны наши страдания. Он не посылает их специально – мы сами их выбираем. Мы выбираем меру своей вины, а затем изводим себя раскаянием. Но это уже из раздела психологии…

– А как же душа? Вы сказали, страдания очищают душу, – не унимался студент.

– Душа очищается, если человек принимает себя не таким уж идеальным, а совершающим ошибки. Ещё он признаёт, точнее, принимает других такими, каковы они есть на самом деле, – слабыми, греховными, несовершенными. Принимает смерть, болезнь и волю Бога.

– Что же тогда зло? Неотъемлемая наша часть, наша греховная натура?

– Поймите, люди по своей натуре больше глупы, чем аморальны, – продолжая смотреть на Инночку, ответил блондин. – Зло рождается от несовершенства социального организма. Если бы общество было совершенным, то зла бы не существовало…

– Не существовало? Если всё так, как Вы говорите, то что нам мешает быть счастливыми? – Перебил его студент.

Блондин насмешливо пожал плечами и затянулся сигаретой.

– Первое – это страх! – Забасила спина, закрывавшая Инночку. – Страх потери денег, времени, отношений. Второе – сомнения. Мы не видим дальше собственного носа, не видим перспективу, изменение в целом. Третье – это лень! Мы прикрываемся чрезвычайной занятостью. Я занят! Чем? А ничем, занят и всё! Нам лень заботиться о своём здоровье. Зарядка? Спорт? Бассейн? Витамины? Даже к стоматологу сходить лень. Я занят! Очень! Нам лень заботиться о своём богатстве. Зачем куда-то идти? Звонить? С кем-то говорить? Нам лень! Четвёртое – нам постоянно мешает привычка. Вся наша жизнь – чередование наших привычек. А есть ещё высокомерие. Если вы встретили высокомерного человека, знайте: перед вами монстр, состоящий из эгоизма и невежества.

– По-вашему выходит, что стать успешным просто? – Запальчиво возразил студент.

– Очень просто! Любое дело должно иметь цель. Желательно грандиозную. У вас есть выбор. Всегда! Как говорил один мудрец, у человека два уха и один рот. Только рот он не закрывает: спорит и спорит вместо

того, чтобы задавать вопросы и слушать! И ещё одно. Очень важно научиться осторожно выбирать друзей. И уж, конечно, не слушать советы бедных и напуганных. Цените владеющих информацией! Девиз моего отца, а он, скажу вам, многое повидал в этом мире: деньги – тесто. Нужно только найти рецепт, как его приготовить. Заплатите сначала себе – это и будет началом вашего успеха.

– Всё, починил, – подал голос Руслан, установив самовар в центре стола. – Хватит спорить, будем пить чай.

***

Инночка Горелова сладко потянулась и села на кровати. Было ещё очень рано. В доме все спали, а в незадёрнутое окно заглядывало серое весеннее утро.

«Ну почему на женский праздник всегда хмуро и сыро?»

Инночка нырнула обратно под одеяло и зажмурилась. Костя так часто говорил, что ей нужно найти другого мужчину, что она наконец поверила, и вот результат. Она узнала его сразу: с той первой минуты, когда вошла на кухню и увидела насмешливые синие глаза, будто невидимая нить прикрепилась к её истосковавшейся по счастью душе.

Всю ночь она прижималась к своему блондинистому кумиру. «Его зовут Герхард. Имя-то какое, и не выговоришь!» Инночка мысленно засмеялась. Она будет называть его Гера, а ещё лучше Героч-ка. «Милый, милый Герочка.»

Инночка уткнулась носом в подушку и вдохнула едва уловимый запах любимого мужчины.

«Куда он делся? Наверное, курит. Холодно, заболеть может. Вылечим, всё вылечим.»

Дверь спальни тихонько скрипнула. «Ага, вот и ты, мой блондин-искуситель.» Инночка обернулась и увидела встревоженные Дашкины глаза.

– Ты Тимура не видела?

– Кого? – Чуть охрипшим после сна голосом спросила Инночка.

– Тимочку, маленького Тимура, – с надеждой посмотрела Дашка.

– Нет, – растерялась Инночка.

Дашка села поверх одеяла и заплакала.

– Он исчез.

– Кто исчез?

– Тимка, его нигде нет. Я всю квартиру обошла, думала, может, кто из гостей к себе взял. Ну, мало ли, – не совсем уверенно пожала плечами Дашка. – Может, заплакал и кто-то взял, чтобы меня не будить. Я так крепко уснула, легли-то поздно.

Спать действительно легли поздно. После вечернего чаепития с пиццей, сухим вином и умными разговорами все долго не могли угомониться.

Дашка как радушная хозяйка держалась до последнего, но в начале второго, шепнув Инночке: «Я вам постелила в комнате Тимура», ушла с малышом спать в комнату к близнецам.

Подруга тогда залилась краской, но благодарно улыбнулась – Герхард весь вечер ухаживал за ней, и продолжение прелюдии плавно перешло в спальню маленького Тимура.

Инночка помнила, что ночью она просыпалась. Было ещё темно, Герхард посапывал рядом, а из кухни доносились голоса и пение под гитару. Потом она снова уснула, и вот, малыш Тимур исчез.

Они искали его молча. Инночка и Дашка ползали по ковру, заглядывая под столы, стулья и за кровати. Квартира была большая, столов и кроватей было много, но с каждой минутой надежда найти ребёнка таяла. Проснувшиеся гости включались в поиск. В ванной нашли погремушку, шумели, переговаривались, и это больше было похоже на игру в прятки, чем на поиски ребёнка. Ещё через четверть часа Дашка беспомощно сидела на полу, уставившись на Тимкину погремушку полными слёз глазами.

– Я вызываю милицию, – решительно проговорил Руслан.

Дальнейшие события Инночка помнила плохо. К обеду пришёл участковый инспектор, потом ещё кто-то из уголовного розыска, и она, как автомат, отвечала на вопросы, искала фотографии Тимура для какой-то ориентировки, диктовала приметы малыша, кормила близнецов, прижимала к себе растерянную Дашку и всё думала: «Куда подевался Герхард?».

Мужчина, с которым она провела лучшую в своей жизни ночь, пропал, сгинул, не сказав ни слова. От него не осталось ничего: ни телефона, ни фотографии, ни имени.

Геры, любимого Герочки Вагнера, преподавателя русской литературы, профессора Хайдельбергского университета, не существовало в природе. Теоретически и даже практически Герхард Вагнер был. Им оказался пожилой остроносый немец, который вместе со своими студентами был предъявлен на опознание Дашке. Дашка немца не опознала. Того, другого Герхарда, она встретила в библиотеке университета два дня назад. Он подошёл сам и предложил спонсорскую помощь для газеты. Поговорив с полчаса, она почти влюбилась в обаятельного «профессора», перезнакомила его со всеми и пригласила в гости, правда, при этом забыв записать свой адрес. Но он пришёл с цветами и апельсинами. А потом пропал Тимур, и «профессор» тоже исчез.

Инночка и Дашка отказывались верить в то, что именно Герхард похитил Тимура. Инночка – потому что влюбилась, а Дашка – потому что доверяла своей интуиции и никогда не заблуждалась в людях. Ну почти никогда.

Инночка осталась ночевать в комнате Тимура. Она взяла из дома сумку с вещами и после работы возвращалась к Дашке. По вечерам они теперь больше молчали, думая каждая о своём. К концу месяца Дашке выдали бумагу, в которой было написано, что по указанным приметам найти ребёнка не представляется возможным. Дашка положила бумагу в коробку с документами и горестно вздохнула:

– Господи, что же мне делать? Где мой малыш?

Инночка прижалась к подруге и тоже заплакала.

Глава 3
Наташка

21 октября 2012 года Галактические Солнца
встанут в один ряд с Млечным Путём.
Галактическое солнцестояние возвестит
о возрождении и обновлении мира.
Воины Света будут готовы

***

Наташка пропала неделю назад. Просто так взяла и пропала. Вечером, накануне, она принесла свой дневник и попросила спрятать. Вероника прятать не стала, положила в стол возле компьютера и тут же о нём забыла.

– Сегодня Ольга Фёдоровна звонила, – сказала Наталья, по-хозяйски распоряжаясь на кухне у подруги. Она поставила на огонь турку с водой, ополоснула заварочный чайник и всыпала туда заварку.

– Мирить вас собралась? – Улыбнулась Вероника, выкладывая на тарелку любимое Наташино печенье.

Ольга Фёдоровна, мать бывшего мужа Натальи, никак не могла поверить в то, что они расстались. Сашка был неплохим фотографом и послушным сыном, но на дух не переносил критику. Любое замечание по поводу и без повода вызывало у него всплеск негодования и обиды. Наталья же, даже если была неправа, никогда не уступала, и переспорить её было невозможно. Оскорблённый непониманием со стороны супруги, Сашка действовал по давно отработанному сценарию: выпивал «на посошок» стакан водки и исчезал из дома. Спустя несколько дней Наташка находила исхудавшего и дурно пахнущего мужа на тусовках местного андерграунда, среди нечёсаных девиц и таких же лохматых парней. Отмывала, откармливала и возвращала к нормальной жизни. Он каялся, клялся в вечной любви, но уже через месяц всё повторялось: в сердцах Наталья делала ему замечание, а потом с трудом вырывала из объятий неистовой молодёжи. Так продолжалось два года супружеской жизни и ещё год после развода. Наконец, в прошлом месяце она отселила экс-

супруга-фотографа со своей жилплощади в коммуналку, которую эти годы перманентно занимали его друзья по художественному цеху.

– Ты не поверишь, – потешалась Наташка, – вчера ко мне домой Жига заявился. Ну помнишь, заводной такой парень с филфака?

Сашку Жигунова по прозвищу Жига Вероника помнила. Он пел чудесные песни под гитару на всех студенческих вечерах, и о нём вздыхала без малого треть обитательниц женского общежития.

– Попросился на одну ночь. Его на конференцию в Москву командировали, а в гостинице что-то перепутали, и место забронировали только с сегодняшнего числа, – продолжала рассказ подруга. – Я ему на кухне постелила. А сегодня ведь воскресенье, ну мы и дрыхли до девяти. А тут телефон звонит. Жига спросонья трубку взял.

Ему: «Алло, Сашенька!».

Он: «Да».

Ему: «Сыночек, ты чего не звонишь?».

Жига в ответ: «Мам, а как ты меня нашла?».

В трубке: «Да я и не надеялась. Как там Наташа?».

Он: «Спит ещё. Я тебе открытку с видом на Кремль купил».

В трубке: «А зачем? Ты бы лучше приехал! Недалеко ведь живёшь?».

Тут Жига окончательно проснулся, понял, что это вообще-то не его мама, трубку бросил и пришёл меня будить. Я ему: «Дурак! Это свекровь звонила! Моего бывшего тоже Сашкой зовут. Что я теперь ей скажу? Ну зачем ты трубку взял?».

– Так ты же спишь! – Резонно заметил Жига.

– Короче, – выходя из роли рассказчицы, продолжала Наталья, – только я выпроводила огорчённого «благодетеля», как снова звонит Ольга Фёдоровна:

– Наташенька, я утром, кажется, не туда попала. Представляешь, там тоже Саша ответил.

– Бывает, – отозвалась я, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

– Послушай, Натуля, а может, вы того… сойдётесь? – Вероника с надеждой заглянула в лицо подруги.

– Вот ещё! Я сейчас себя человеком чувствую. А то, как нянька при дитятке великовозрастном. Ольгу Фёдоровну жалко, хорошая свекровь мне досталась, намучается она ещё с сыночком… Я тут, Вероника, с интересным типом познакомилась, – она понизила голос, – такие вещи рассказывает – закачаешься! Клоном себя называет, завтра встречаемся. Да, вот ещё, – Наташка замялась, – помнишь, когда мы в Крыму отдыхали, я у экстрасенса училась?

Вероника кивнула.

– Мне увидеть её нужно. Ты дяде Серёже позвони, я недельку у него поживу. Хорошо, зайчик?

– Ох, Наталья, и чего тебя в мистику тянет? Вроде и не внушаемая ты.

– Не говори чепухи! Какая мистика? Это всё прикрытие для дамочек экзальтированных. Я сначала тоже всему верила, а потом узнала, какие за этим люди стоят и какие дела делаются… Ладно, позже как-нибудь расскажу.

Проговорив до позднего вечера, они расстались. О дневнике Вероника забыла, да и кому нужен Наташкин дневник в серой глянцевой обложке?

А вчера в редакцию пришёл участковый майор и долго задавал странные вопросы. На столе у главного редактора оказалась записка, в которой правильным Натальиным почерком было выведено: «Прошу отпуск без содержания. Вернусь с сенсационным материалом. Не ищите. Н. Грекова».

– Ну и где эта ваша Грекова? – Встал, с шумом отодвигая стул, майор.

Начальник беспомощно развёл руками.

– Ночью в пожарную охрану поступило заявление от соседей, жильцов по Садовой, 28. Из квартиры вашей сотрудницы доносились странные звуки и валили клубы дыма. Когда пожарные открыли дверь, то увидели такое… – участковый обвёл осуждающим взглядом собравшийся коллектив. – Всё вверх тормашками, музыка гремит, мебель сдвинута, на потолке грязные следы, а стена напротив кровати… Вы бы видели эту стену! Какие-то знаки… Иероглифы, что ли? А уж аромат от них! Так, простите, воняет, что соседи до сих пор возмущаются! – майор сердито смотрел на сотрудников редакции. Как будто именно главный редактор вместе со своими подчинёнными устроили погром в Наташкиной квартире.

– В общем, разыскивайте Н. Грекову, где хотите! У меня хороший участок, нечего вашей журналистке мне показатели портить! Это надо ж такое в квартире устроить!..

Тогда-то Вероника и вспомнила про забытый дневник. Вернувшись домой, она первым делом нашла серую тетрадь. На титульном листе крупным Наташиным почерком был выведен заголовок: ***«Тайная наука Марии Росс».*** Вероника перевернула страницу и начала читать.

20.08.99

Моя встреча с Марией Росс произошла совершенно случайно.

В редакции журнала вдруг решили, что для поднятия рейтинга популярности им необходима статья об экстрасенсорных способностях человека. И меня, молодого журналиста, тут же откомандировали на встречу с «провидицей Ольгой». Я только начинала свою трудовую деятельность. И каждый репортаж представлялся мне верхом совершенства. К «провидице» я так и не попала – сеанс был перенесён на весьма неопределённое время.

Возможно, я совсем забыла бы о своём желании сделать сенсационный сюжет, если бы не поездка в Крым. Отправившись с Вероникой на

отдых к её родственникам и опрометчиво пообещав шефу привезти из отпуска что-нибудь необычное, я открыла для себя удивительные вещи. Люди, а главное, информация, полученная от них, перевернули мои представления о мире.

Но всё по порядку.

В Ялте я встретила однокурсницу Наденьку Сомову, работавшую в местной газете. Мы весело щебетали, уплетали мороженое и вдыхали запах магнолий, сидя на скамейке в парке. Тут-то я и поведала Надежде о своём желании сделать материал об экстрасенсах.

– Нет проблем! – С энтузиазмом отозвалась она. – Завтра познакомлю тебя с Марией Росс. Женщина замечательная! Приходи утречком в редакцию, запишу адрес. Думаю, начальная подготовка по парапсихологии тебе не помешает.

В то время я имела слабое представление о так называемых чакрах, полях и ауре.

Квартира Росс находилась на окраине города. Это была ничем не примечательная квартира. Только внутреннее ощущение покоя и комфорта. Ощущение, которое охватывает тебя, когда ты после долгой дороги возвращаешься домой. Мне было удивительно хорошо в этой обычной городской квартире. Это уже потом я узнала, что, прислушиваясь к голосу интуиции, человек познаёт других людей и окружающее его пространство. Порой, когда сидишь в автобусе со случайным попутчиком, чувствуешь себя хорошо и спокойно, а бывает неприятно и что-то постоянно раздражает. Это дают о себе знать вибрации поля человека, вибрации его чувств и мыслей. Но тогда я была как чистый лист, не обременённый опытом в экстрасенсорной науке.

– Давайте знакомиться, – сказала симпатичная невысокая женщина.

Стройная фигура и миловидное лицо ничем не выдавали её возраст. И хотя по рассказам Надежды я знала, что ей за пятьдесят, весь её облик сиял молодостью. Большие зелёные глаза, улыбаясь, излучали удивительный свет. Казалось, что они всегда любили, любят и будут любить вас. И лёгкое напряжение, сковывающее при встрече с незнакомым человеком, тут же прошло.

Немного смущаясь, я представилась:

– Меня зовут Наташа, я журналист и очень надеюсь с Вашей помощью написать статью по биоэнергетике.

– Я не уверена, что смогу рассказать Вам больше, чем Вы можете узнать из книг, – улыбнулась Росс. – Как не существует двух одинаковых врачей, двух одинаковых художников и, по большому счёту, двух одинаковых людей на нашей планете, также не существует двух одинаковых биоэнерготерапевтов. Каждый из нас, получив знание, пропускает его через себя. Истина одна, но путей её реализации множество. Вы, навер-

ное, помните, у Христа было много учеников. Четверо из них написали Евангелие. И каждый, описывая один и тот же урок учителя, изложил его по-своему, вынес своё знание, сделал свой вывод. Это говорит о том, что в зависимости от степени восприимчивости души, её готовности она может вместить определённое количество знания. Вот посмотрите, Наташенька, – чашечка большая и чашечка маленькая, – Росс поставила передо мной две чашки. – Если я буду лить в маленькую чашечку такое же количество воды, как в большую, вода расплещется. Так и душа человека: одна может взять больше знания, другая – меньше. И та, что вместила меньше, ни в чём не виновата, просто она ещё маленькая.

– Но ведь учитель для того и существует, чтобы давать знание? – Возразила я.

– Порой, дав знание, к которому человек ещё не готов, мы нанесём ему непоправимый вред, поэтому в древности у пифагорейцев, франкмасонов, розенкрейцеров существовали обряды посвящения. «Чашечка» должна стать больше, душа человека должна быть готова к принятию знания о духовных законах развития. Каждый человек несёт ответственность за совет, данный другому человеку, а уж за знание и подавно.

– Значит, давать советы рискованно? – Удивилась я.

– Приведу пример. К вам зашла соседка и, ругая мужа, спрашивает у вас, что ей делать. Может, разойтись с ним, а может, устроить ему очередной скандал по поводу длительного времяпрепровождения в гараже с друзьями и пивом? Как Вы поступите?

– Я человек категоричный. Могу посоветовать бросить этого зануду или поискать развлечение на стороне, чтобы потом не обидно было, – честно призналась я.

– Тот, кто не знаком с работой духовных законов, поступит, как Вы. По крайней мере, так поступают многие. Вы не знаете, что результат действия, которое по вашему совету совершит соседка, через определённое время отразится на вашем здоровье или материальном благополучии. Понаблюдайте за собой в течение дня. Сколько раз Вы даёте рекомендации? И порой в форме, не терпящей возражения. Советы детям, родителям, сослуживцам, знакомым, да и просто случайным попутчикам или соседке по палате в больнице.

– Как же быть? Никогда не давать советов? – Возмутилась я.

– Вы можете предложить человеку выбор, объяснив, что произойдёт в том или ином случае. Вы можете сказать: «Если ты промолчишь, будет вот так, а если устроишь скандал, будет так». Но выбирать он должен сам, так как это его жизнь, его судьба, его выбор. Каждый день мы стоим перед выбором.

Что нам надеть: брюки или юбку? На чём доехать до работы? Выбрать троллейбус – это недорого, но долго, и все толкаются. Выбрать

такси – быстро, удобно, но дорого. И так далее. Выбор есть всегда и в любой ситуации. В зависимости от него меняется наша жизнь. Порой мы выбираем подсознательно, не думая, – всё зависит от программы, которая заложена в нас. Поэтому всегда нужно помнить, что за данный вами совет вы несёте персональную ответственность.

– Люди очень непредсказуемы в своём выборе. Мне кажется, чтобы понять человека, нужно научиться думать, как он, – заметила я.

– Вы, наверное, считаете, Наташенька, что человек – это только наше физическое тело. Но это не так. Человек – не только физическая «обезьянка», которой необходимо кушать как минимум три раза в сутки и спать по шесть – восемь часов. Попробуйте не покормить свою обезьянку или не давайте ей спать, ведь зарычит! – Росс рассмеялась. – Человек – это биокомпьютер, это совокупность тел и полей. Настраиваясь, он «считывает» информацию из окружающего его пространства. Одни могут настраиваться и считывать информацию лучше, другие – хуже. Обычно мы называем это предчувствием или интуицией. Иногда мы слышим от своих знакомых: «Я как чувствовала, что начальник меня подведёт». А ведь на самом деле наша знакомая просто «прочитала» информацию о нежелании её начальника поступить так, как они договаривались.

«Верно, – промелькнуло у меня, – человек часто не желает знать правду. Он видит маску другого человека, тот образ, который другой пытается ему навязать. И запросто включается в предложенную ему игру.»

– Получая достаточное количество информации о другом, мы не анализируем её. Мы даже не знаем, что мы знаем!

– Стало быть, обмануть другого человека невозможно… – подвела итог я.

– Совершенно невозможно, Наташенька! Можно захотеть обмануться, сыграть роль уверовавшего. Обмануть может только тот человек, который сам верит в то, что говорит. Когда хороший актёр играет на сцене и изображает любовь или ненависть, он должен сам любить или ненавидеть. Иначе зал не поверит. Вибрации его поля расскажут правду. Хотите ещё пример?

– Конечно, – согласилась я.

– Вы заходите в кабинет к своему шефу, и если вы его боитесь, то на уровне поля он обязательно «прочитает» эту информацию. Он почувствует вибрацию страха, идущую от вас. В его теле возникнет ответная реакция. Какая? У одного – желание унизить, насытиться импульсами трепета, исходящими из поля подчинённого. Они возбуждают его, дают прилив энергии. Такой начальник, словно вампир, будет вновь и вновь заставлять вас испытывать страх. У другого руководителя ваши

вибрации вызовут чувство жалости, у третьего – превосходства. И каждый будет действовать соответственно. Точно так же и при сдаче экзамена: Вы ещё не открыли рот, а ваша энергия всё «рассказала» экзаменатору. Поэтому психологи рекомендуют расслабиться, сосчитать до десяти, глубоко вдохнуть, то есть изменить свою частоту. Вибрируйте не в ритме страха, а в частоте добродушия и любви, и всё будет в порядке.

– Следовательно, можно научиться чувствовать вибрации? – Спросила я.

– Конечно. Мы живём в океане вибраций, всё движется и всё вибрирует. Вот мы и подошли к одному из духовных законов – закону вибраций, но об этом мы поговорим завтра, – сказала моя новая знакомая, и на этом мы расстались.

Вибрация

21.08.99

День начался как обычно. Вероника отправилась загорать на пляж, а я к десяти утра была уже у своей необычной учительницы. Я застала её на открытой веранде за чашечкой утреннего чая. Отпив несколько глотков предложенного напитка и положив на стол старенький диктофон, я приступила к расспросам.

– Мне не терпится узнать, о каких законах Вы вчера говорили? – Первым делом спросила я у Марии Росс.

– Это законы, которым подчиняется всё в нашей проявленной Вселенной. Они работают, даже если мы о них не знаем. Возьмём закон тяготения. Если кто-то, не зная о нём, прыгнет с десятого этажа, то он разобьётся. Точно так же, нарушая один из духовных законов, человек получает удар. Люди всегда догадывались о существовании этих законов. Мы говорим «Не кличь беду» или «Не каркай» – это Закон Менталиизма, мысленного программирования себя и других. Или «Отдавая, ты получаешь» – это Закон Дарения. Часто мы повторяем «Что посеешь, то и пожнёшь» – это о Законе Кармы, или, как его часто называют, причинно-следственном законе.

Но вернёмся к вибрации. Материя, энергия и дух – одно и то же, только в разных вибрационных состояниях. Это как лёд, вода и пар – везде молекула воды, а состояние разное. Свет, тепло, электричество – всё это разные формы вибрации. Иногда при общении с человеком мы не понимаем его, это значит, что нам необходимо подстроиться, как радиоприёмнику, на длину и частоту его ментальной волны.

А ещё существует вибрация толпы. Вы вдруг раскричались на собрании, хотя и не собирались выступать, или откликнулись на перебранку в автобусе. Уже потом, немного остыв, вы спрашиваете себя: «Чего это я так завелась?». А всё очень просто: вы поддались воздействию нега-

тивной вибрации, так называемому «синдрому толпы». Человек легко подстраивается под чужую волну, ошибочно принимая её за свою.

– Теперь понятно, как действует лидер большой группы, – проговорила я, – какой властью он обладает. Получается, он задаёт толпе вибрацию гнева или разрушения, и люди, как зомби, содрогаются в посланной им волне?

– Всё правильно, Наташенька. Но вибрация бывает и положительной. Священник в храме, как камертон, даёт определенный настрой своей пастве – вибрацию любви, всепрощения. И если все присутствующие прихожане воспримут эту частоту, подстроятся под неё, то мощный поток энергии любви омоет и очистит всех собравшихся в этом храме. Так происходят чудеса. Люди могут ощутить энергию города. Излучения людей проникают в окружающие вещи, стены домов, насыщая их положительной или отрицательной информацией. Вы можете надеть на себя куртку своей подруги и почувствуете себя плохо. Значит, ваши вибрации не совпадают. Вещи, которые кто-то носил, насыщаются энергией этого человека. И не только вещи, но и драгоценности, камни, продукты, вода…

– Значит, воду заряжают вибрацией?

– То, что в народе называют сглазом, не что иное, как действие Закона Вибраций. Хотите пример?

– Конечно, – ответила я.

– Вы пьёте чай у своей подруги, но она по какой-то причине обижена на вас. Предположим, она ничего вам не говорит, она просто думает, наливая при этом чай: «Как ты могла так со мной поступить? Зачем всё рассказала Серёжке? Тебе бы столько неприятностей, сколько имею я», и так далее.

Ваша подруга обижена, она злится, и своей негативной частотой заряжает воду, то есть чай. Вы выпили и в лучшем случае провели несколько часов с мучительной болью в желудке. Но зарядить можно не только воду. Бабуля продаёт семечки, и в этот момент ругает кого-то, кричит, Вы попробовали, и в результате ваш кишечник вышел из-под контроля. «Семечки плохие», – думаете вы. Нет, Наташенька! Вы опять «съели» отрицательную информацию.

– Я вспомнила, говорят, что нельзя есть в доме своего врага. Это потому, что можно «съесть» его проклятие?

– Проклятие не только накапливает, но и направляет разрушительные вибрации, – вздохнула Росс. – То же самое происходит и при благословении, но при этом включаются положительные силы.

– Я почему-то всегда считала, что вибрация существует только в мире звуков.

– И в мире звуков. Ведь инфразвуком можно убить человека, а ультразвук используется в лечебных целях. Слушая хорошую музыку, человек подстраивается под её вибрации. Гармонизируется. А вот окрик каратиста первоначально имел цель парализовать действие противника. Он требует определённого тона и частоты, иначе не будет иметь эффекта.

– Вот как? А я думала, что в карате главное – приёмы...

– Наташа, а Вы знаете, что существует вибрация удачи?

Я удивлённо посмотрела на Росс.

– Вспомните, мы говорим: «С кем поведёшься, от того и наберёшься». Когда рядом с вами находится удачливый человек, то интуитивно вы «читаете» информацию удачи с его поля, и если сможете удержать её в себе, то и вам повезёт.

Я скептически улыбнулась.

– Не верите? Одна моя знакомая, занимающаяся торговлей, рассказывала, что в те дни, когда у неё ничего не продаётся, она ищет более удачливую конкурентку и, подойдя к ней, стоит рядом несколько минут. Стараясь при этом даже улыбаться так, как она. А вернувшись на своё место, с удовлетворением замечает, что её торговля наладилась. И в этом нет ничего удивительного. Она интуитивно «снимала» частоту вибраций удачи.

– Я где-то читала, что определённый участок земли может нести целебную или разрушительную информацию.

– Каждое место, Наташенька, где человек сидел и думал, впитывает его мысли. Вы можете сесть на тот же стул, и мысль, вам не свойственная, возникнет у вас. Вещи удерживают информацию гораздо дольше, чем длится жизнь самого человека. Есть места, гибельные для проживания людей. Они вобрали в себя вибрации человеческих убийств. Существует старая арабская легенда, согласно которой место заклания сына Авраамом – Мекка. Именно там был поставлен им первый камень, «центр Земного Мироздания», который впитал его молитву, голос его души. И паломники со всего света приходят туда, чтобы почувствовать душу Авраама.

Но я вижу, что утомила Вас своими рассказами. Давайте продолжим завтра, предположим, часиков в пять вечера, согласны?

Человек-матрёшка

22.08.99

День пролетел незаметно. Я была под впечатлением от нашего разговора. Полдня я просидела за компьютером в редакции у Надежды и всё прислушивалась к голосу своей интуиции. Я даже пыталась определить, о чём на самом деле думает дизайнер Леночка, когда, ярко накрасившись,

идёт отпрашиваться к шефу. То, что она врёт, было очевидно не только для меня. Ни в какую школу к классному руководителю своего сына она не пойдёт, и её взъерошенный отпрыск ещё не один раз принесёт в своём дневнике отчаянную запись от учителя. Но, слушая жалобы на несносного мальчишку, все почему-то сочувственно кивали в ответ, а сотрудницы постарше вспоминали быстро пролетевшие школьные годы своих детей…

Я в предвкушении чудесной тайны ждала вечера.

– Может быть, с сегодняшнего дня займёмся практикой? – Спросила Росс, садясь в кресло напротив меня.

Я согласилась и приготовилась слушать.

– Тогда я обязана объяснить Вам, Наташа, как проводит диагностику биоэнерготерапевт и как он работает. Для начала Вам нужно усвоить, что человек имеет несколько тел, предположим, семь.

– Семь? – удивилась я.

– Тела, как матрёшки, находятся одно в другом. Наше физическое тело – самая маленькая матрёшка. Точнее, это клеточная субстанция, оформленная и удерживаемая полем. Примерно на сантиметр от физического тела выступает поле-магнит, которое удерживает клетки. Назовём его этерик. Вот простое упражнение. Поднимите руки к потолку и, не напрягая зрение, посмотрите на свои пальцы.

Я подняла руки и запрокинула голову.

– Нет, Наташенька, Вы очень напряжены,– тут же поправила меня Росс. – Не пытайтесь ничего увидеть, смотрите на контуры пальцев. И ничего не выдумывайте. Просто смотрите!

– Я вижу какой-то дымок. Он повторяет очертания пальцев, – я старательно рассматривала свои руки. – Он плотный, дышит и плывёт. Да, правильно, плывет. Как интересно! Он серо-голубой и плотный, – закончила я и опустила руки на колени.

– Всё правильно, Наташа. Вы видели этерик – поле-магнит, которое чётко обрисовывает контуры нашего тела. После смерти человека этерик покидает физическое тело, и оно распадается на составные элементы. Вспомните железные опилки на бумаге, а внизу магнит. Он удерживает форму опилок. Но вот вы убрали магнитик – и опилки рассыпались. Следующее после физического, тело, в которое плавно перетекает этерик, – эфирное, оно серо-голубого цвета и состоит из крошечных энергетических линий. Это матрица клеток физического тела. Болезнь к нам проникает с эфирного уровня. Если матрица клеток изменена в сторону болезни, то в физическом теле рождаются больные клетки. Биотерапевт обычно работает с матрицей, восстанавливая её и «стирая» с неё информацию о болезни. И лишь после этого он насыщает тело жизненной силой.

– А матрица существует только у людей? – Спросила я.

– Не только. Американские учёные обнаружили, что растения сначала проецируют эфирную матрицу листа. Затем лист растёт и заполняет уже существующую форму.

– Можно ли увидеть эфирную матрицу? – Задала я очередной вопрос.

– Давайте попробуем. Смотреть желательно на белом или чёрном фоне при тусклом свете.

Росс щёлкнула выключателем. Мягкий полумрак заполнил комнату. Свет из коридора обрисовал дверной проём.

– Наташа, посмотрите на мою руку.

На фоне тёмного пространства комнаты фигура Росс казалась какой-то призрачной. Я вспомнила, что смотреть нужно расслабившись, и удобнее села в кресле.

Уже знакомое серое свечение этерика повторило контур её руки. За ним появилось пространство, окутанное голубоватой дымкой света. Но вот от плеча вниз по руке вспыхнула и пробежала яркая пульсирующая волна. За ней ещё одна. Искры голубовато-белого цвета постоянно перемещались. Пространство вокруг тела Росс как будто ожило, оно дышало и пребывало в непрерывном движении.

– Вижу, – тихо прошептала я, боясь спугнуть увиденное чудо. Но глаза тут же начали слезиться, и пространство исчезло. Вокруг был полумрак. Мне стало немного грустно. Я словно что-то потеряла.

– То, что Вы видели, Наташа, могут видеть очень многие. И хотя глаз человека воспринимает только небольшой диапазон световых вибраций, точно также и наш слух имеет определённый предел чувствительности, но с помощью тренировки мы можем расширить своё восприятие.

А теперь давайте перейдём к изучению следующего тела, эмоционального. Увидеть его гораздо труднее. Оно связано с чувствами человека и только приблизительно повторяет очертания нашего физического тела. Эмоциональное тело состоит из цветовых сгустков, движущихся в матрице общего поля человека.

– Мне уже не терпится его увидеть, – азартно проговорила я.

– Помните, каждое тело вибрирует с определённой частотой, и чем оно тоньше, тем выше частота его вибрации. Значит, для того, чтобы увидеть следующее тело, нужно настроиться на его частоту. Теперь представьте, что Вы радиоприёмник. Трансляция понравившейся тебе передачи идёт на определённой волне. И если ты хороший приёмник, то будешь чисто, без помех воспринимать информацию от передающего устройства. То, что мы называем ясновидением, яснослышанием, общением с учителем и просто неплохой интуицией, зависит от того, хороший ты «приёмник» или скверный.

– Хороший «приёмник» из меня вряд ли получится, думаю, для этого нужно по-особому питаться, – предположила я.

– Безусловно, питание человека играет большую роль в его сенсорном восприятии.

– Мясо кушать вредно? – Усмехнулась я.

– Не всегда, смотря какую цель ты преследуешь. Мясо понижает вибрации, как бы утяжеляет их. Оно имеет мужскую полярность, дает ян-энергию. И человеку нерешительному, слабовольному, которому нужно дать силу, оно необходимо. Кстати, на днях у меня был интересный случай. На приёме – семейная пара. Муж – властный, упрямый, занимается торговлей. Жена – старше его, цельная натура, но не терпящая возражений, привыкшая брать инициативу в свои руки. Их брак на грани разрыва. Постоянные конфликты, обиды, недопонимание. Пытаюсь объяснить им, что происходит на энергетическом уровне. Идёт явное нарушение одного из законов – Закона Полярности. Женщина не мягкая и податливая, а жесткая, мужеподобная. Циркуляция мужской энергии в организме превышает пятьдесят процентов. Энергетический пол женщины меняется на противоположный. В таком положении есть два выхода. Брак будет сохранён, если мужчина станет мягким, безвольным, послушным или жена станет более женственной, более слабой. Второе предпочтительней. Объясняю и даю рекомендации по питанию: мясо и острую пищу для женщины исключить полностью. Но мы, кажется, отвлеклись.

Росс включила свет и села в кресло.

– Ещё в древности люди знали о существовании тел ауры и пытались передать нам это в своих картинах. Вспомните нимб, изображаемый на иконах. Считается, что золотой ореол – сияние святых. Вообще свечение над головой может иметь разные цвета, но сам свет должен быть чистым, ярким. Основной цвет, базисный, может быть голубым – у интеллектуалов, светло-зелёным – у врачей, фиолетовым – у людей верующих и владеющих тайной наукой, даром пророчества, ярко-жёлтый – у личностей одарённых, розовый – у влюблённых и так далее.

– Значит, цвет всегда один и тот же?

– Цвет говорит о личности человека и о его эмоциях. Изменились эмоции – добавился новый цвет в ауре. Если человек любит, появляется розовое свечение, если сердится – появляются красные вспышки. Бывает так: приходит спокойная на вид женщина, садится передо мной, смотрю ауру – а там всё «кипит». Одна эмоция сменяет другую, цветные сгустки энергии выбрасываются в пространство, проплывая медленно, как клубы пара, или разлетаются яркими вспышками молнии.

– Как жалко, что мы не видим друг друга такими, – огорчилась я.

– Встречаясь с людьми, мы часто видим только их маску. Узнать, каков человек на самом деле, можно, посмотрев его ауру. Чисты ли его помыслы? Каков уровень интеллекта? Мешают или помогают ему эмоции? Люди очень красивы в цвете, все красивы, но аура избранных сияет удивительно ярко. Внутренняя жизнь этих людей насыщенна и очень гармонична.

– А дети? Какой цвет у детей?

– Есть дети, личность которых сформирована уже в пять – шесть лет. Они обладают свечением духовных учителей. В обычной жизни они отличаются от сверстников. Родители не всегда понимают их рассуждения и считают их большими фантазёрами. Но они владеют знаниями…

Росс умолкла. Я попыталась вернуть её к интересующей меня теме:

– А следующее тело ауры тоже из света?

– Третье тело – самое удивительное! Его называют ментальным. Представьте себе, Наташа, окружающий человека ярко-жёлтый свет, в котором можно увидеть мыслеформы в виде сгустков различной конфигурации

– Мыслеформы?

– Да, это кристаллы наших мыслей, идей, представлений. Они обладают могущественной силой, изменяющей нашу жизнь. Как Вы думаете, Наташенька, в чём человек подобен Богу?

– Не знаю… Конечно, человек не похож на Бога внешне. В Библии есть фраза «сотворил по образу и подобию». Я думала над этими словами. Но объяснение найти так и не смогла.

– Это объяснение много веков до нашей эры оставил нам великий учитель Гермес Трисмегист. И эта тайна передавалась жрецами при обрядах посвящения. Но об этом мы поговорим при следующей встрече.

Дальше ни о чём существенном мы не говорили. Я выключила диктофон, и на этом мы расстались.

25.08.99

Уже два дня, как я не видела Росс. И всё из-за Вероники. Мою беспечную подругу угораздило подхватить какой-то вирус. И это летом! В тридцатиградусную жару! Я усердно лечу её горло и сопливый нос. К счастью, температура упала, и я могу поехать на очередной урок. Надеюсь, он того стоит!

***

Отложив дневник, Вероника погрузилась в размышления. То, что Наташка интересовалась паранормальными способностями людей, не было секретом ни для кого. События, описанные в дневнике, происходили три года назад, когда Вероника с подругой отдыхали у дяди Серёжи в

Крыму. Наташка обещала главному редактору, что привезёт из отпуска что-нибудь «сногсшибательное». Вероника весь день валялась на пляже, тогда как Наталья с самого утра куда-то исчезала. Увлечение подруги потусторонним миром её не волновало, и думать об этом было лень. Солнце, море, возможность отоспаться занимали всё время Вероники. Но, кажется, на этот раз Наташка попала в какую-то жуткую историю.

Захлопнув тетрадь, Вероника неожиданно решила, что найдёт загадочную Марию Росс. Неспроста Наталья просила сохранить дневник.

Достать билет в Крым в августе оказалось довольно трудно. Вероника уже совсем отчаялась, когда позвонил Сева из отдела маркетинга и всё решил наилучшим образом. У неё была нижняя полка в купейном вагоне.

Утром, собирая вещи, Вероника наткнулась на ключи от квартиры подруги. Ключи лежали под зеркалом в прихожей. Покрутив колечко на пальце, она засунула их в карман спортивной куртки и выскочила из квартиры.

«Надо кое-что проверить. До отхода поезда ещё пять часов. Успею!»

Наташка жила недалеко. Выбрав самый короткий маршрут, огибая ларьки и пробираясь через палисадники, Вероника шла той дорогой, по которой они когда-то ходили в школу.

Наталья жила с бабушкой. Бабушка умерла три года назад, оставив ей наследство: квартиру на улице Садовой и старенькую дачку в Рощино.

Они стали подругами в первом классе, когда Маргарита Семёновна разрешила им сесть за одну парту, Вероника считала, что знает о Наташке всё. Сколько вечеров они провели вместе, сидя за чашечкой чая в бабушкиной кухне и раскрывая друг другу маленькие секреты!

Наташка любила детективные истории, апельсиновый сок и морочить головы своим ухажёрам. Ненавидела молоко с пенкой, короткие юбки и утренний секс. С детства Вероника привыкла подчиняться ей и всегда слушалась подругу. В последний год у Натальи появилась какая-то тайна, они стали реже встречаться. И вот, получите результат. Что там сказал майор о Наташкиной квартире? Вся мебель перевёрнута, на потолке странные следы, стена напротив кровати исписана непонятными знаками. Какими ещё знаками? Магическими? Откуда в однокомнатной московской квартире молодой журналистки странные символы, испускающие едкий дым, насмерть перепугавший соседей?

Ключ легко повернулся, замок щелкнул и, бросив на пол отодранную бумажку с круглой фиолетовой печатью, Вероника оказалась в квартире подруги. Мебель действительно была сдвинута, как будто здесь что-то искали. Задёрнутые шторы, скомканная постель, вывернутое содержимое ящиков стола, посуда, почему-то очутившаяся на кровати, – всё это наводило на печальные мысли.

Где-то в тумбочке должен быть диктофон. Вероника наклонилась. Под ногой что-то хрустнуло. Чёрная книга с серебряной застёжкой лежала на полу. Застёжка была открыта, на неё-то и наступила Вероника.

Странно, что майор ничего не сказал о книге. Книга оказалась тяжёлой. Мягкий кожаный переплёт был немного влажным.

Это вовсе не книга. Вероника запустила руку во влажную утробу кожаной шкатулки. Внутри лежал круглый тонкий браслет из белого металла. Необычная вещица. Откуда она у Наташки?

Включив настольную лампу, чтобы лучше рассмотреть то ли книгу, то ли шкатулку, Вероника села на кровать. Она уже достала тонкую змейку браслета и хотела приложить его к запястью, как вдруг увидела ЭТО.

ЭТО смотрело немигающими глазами с противоположной стены. Свет неожиданно погас. Предметы приобрели неясные очертания. Что-то изменилось. Квартира с опрокинутой мебелью и скомканной постелью начала исчезать. Веронике показалось, что она оторвалась от пола и неумолимо приближается к стене, откуда на неё смотрят глаза жуткой пентаграммы. Волосы на голове зашевелились. Казалось, страх парализовал каждую клеточку её молодого сильного тела, он был внутри, она сама стала пульсирующим у горла страхом.

«Боже, помоги…»

Сильный стук заставил Веронику очнуться. Что это было? Входная дверь хлопнула ещё раз, послышались голоса. Кто-то поднимался по лестнице. Она не закрыла дверь, какая умница!

Оказавшись у входа, Вероника оглянулась: скомканная постель, опрокинутая мебель, кожаная шкатулка на полу и чёрная пентаграмма на противоположной стене. Глаза исчезли. Резкий запах серы заставил выскочить на улицу. Вероника задыхалась.

Из дневника Наташи

Тайна Гермеса

25.08.99 (вечер)

Дорогой мой дневник, спешу поделиться с тобой своими знаниями. Наш разговор с Росс начался почти сразу. Признаюсь, в этот день я была немного нетерпелива, и мне пришлось сдерживать себя, чтобы не подгонять мою учительницу.

– Силою своей мысли, – начала рассказ Росс, – человек рождает «энергетического детёныша», его ещё называют мыслеформой. Этот ментальный ребёнок связан пуповиной с ментальным телом родителя и требует постоянного питания.

– Как это?– не поняла я.

– К примеру, вы поругались с подругой, и в момент эмоциональной вспышки сформировали детёныша-мыслеформу, состоящую из обиды, злости и жалости к себе. Проходит время, всё как будто успокоилось,

вы в хорошем настроении – вдруг накатило, всплыло воспоминание, и вы тут же погружаетесь в прошлое, начинаете мысленно разговаривать, оправдываться, что-то доказывать. В этот момент вы питаете детёныша-мыслеформу своей жизненной силой. Обращали ли Вы внимание, Наташенька, на людей, бредущих по улице с отсутствующим, стеклянным взглядом, размахивающих руками и разговаривающих сами с собой?

– Да уж, приходилось.

– Это дойные коровы для своих мыслеформ. Человек может всю жизнь кормить собственного энергетического ребенка. Некоторые люди, как новогодние ёлки игрушками, увешаны мыслеформами. Эти энергетические пиявки требуют питания с определённым промежутком времени. Алкоголики, наркоманы, курильщики впадают в зависимость от демонических детёнышей. Силою своей мысли мы творим, и в этом мы подобны Богу.

– Не зря, наверное, люди говорят «Не сотвори себе кумира», – подсказала я.

– Сотворив чудовище в астральном плане, они будут свою жизнь кормить его и зависеть от него.

– Но как-то же можно избавиться от этого монстра?

– Очень просто – не кормите его,– ответила Росс.

– Значит, не думать о плохом, не вспоминать обиду, простить?

– Да, и это тоже. Если Вы видите, что не можете справиться со своими мыслями и погружаетесь в прошлую обиду, то отвлекитесь, включите телевизор, магнитофон, возьмите книгу, пойдите к соседке, наконец, но не кормите «чудовище», не расстраивайтесь!

– А как я узнаю, покормила я его или нет?

– Вы почувствуете себя обессиленной, уставшей, ведь Вы отдали ему свою энергию.

– Но я не хочу быть дойной коровой этой мерзкой сущности!

– Помогает медитация, молитва, размышления о тщетности земной суеты. Но вначале постарайтесь отвлечься, переключиться на другие мысли.

Я тут же подумала, что у меня этих «детёнышей» предостаточно. Я постоянно в мыслях прокручиваю прошлые неприятности и обиды по полгода вспоминаю.

– Не забывайте, что сейчас мы говорили об отрицательных мыслеформах.

– А что, есть и положительные?

– Есть. Энергетические детёныши, рождённые человеком в момент душевного восторга, приносят счастье.

– Для этого нужно думать о приятных минутах своей жизни?

– Безусловно! Вспоминайте часы своего триумфа, и Ваша жизнь обязательно изменится к лучшему, – закончила Росс.

Неожиданно я вспомнила тренинг по психологии. Тренер просил нас сосредоточиться сначала на своей проблеме, а затем припомнить самое счастливое событие своей жизни. Он говорил, что так происходит смена негативного «якоря» на позитивный. Возможно, объяснение скрытого смысла этого упражнения я только что узнала от Росс.

– Давайте же закончим наш урок о трёх нижних телах ауры человека. Что Вы запомнили, Наташенька?

– Первое тело – эфирное, или матрица клеток. Здоровье человека зависит от повреждений в этой матрице, – начала перечислять я. – Второе тело – эмоциональное, оно кипит, как пар в чайнике, и выбрасывает «молнии» в пространство. Третье – тело мысли, его ещё называют ментальным, ярко-жёлтое, всё усыпано мыслеформами, как будто ёлка игрушками, – загибая пальцы, весело закончила я.

– Ну что же, барышня, – удовлетворённая ответом, наклонила голову Росс, – я вижу, Вы хорошая ученица. Тогда продолжим. Следующие тела относятся к духовному миру. Четвёртое тело связано с сердечным центром и является воротами, через которые энергия духа преобразовывается в физическую. Пятое – огненное, или кармическое тело, в котором звук порождает материю. Следующее за ним – шестое тело – золотисто-серебряного цвета с оттенками опала, подобно пламени свечи. Именно в этом теле мы переживаем духовный экстаз во время молитвы или медитации. И последнее, седьмое тело – каузальное. В нём мы познаём единство со своим Творцом.

– А дальше?

– Космос, дорогая, – развела руками Росс. – Оболочка седьмого тела прочная и эластичная, она защищает от постороннего проникновения внутрь нашего поля, как скорлупа защищает цыплёнка. На внешнем уровне заложены план жизни человека, а также информация о его прежних существованиях. Наша медицина направлена в основном на лечение физического тела. Но мы с Вами, Наташенька, выяснили, что кроме физического тела у человека есть ещё семь. Обычно нарушения биохимических процессов и работы физических систем человека приводят к заболеванию тела...

– И тогда мы используем медикаменты…– подсказала я.

– Дающие быстрый, но временный эффект, – удовлетворённо кивнула Росс. – Травы более естественны для организма, но действие проявляется через довольно большой промежуток времени.

– Гомеопатию, – вспомнила я.

– Да, и гомеопатию. Все эти лекарственные препараты направлены на устранение проявлений болезни в теле человека. Но так как мы не

устранили причину болезни, которая может находиться в других телах ауры, то заболевание переходит в разряд хронических.

– Получается, что лечить хронические болезни нет смысла, болезнь всё равно вернётся?

– Да, потому что искажена матрица, программа, по которой клетки каждый день рождаются в теле человека. Нарушение естественного обмена энергии в эфирном теле, нарушение баланса инь и ян ведут к поражению в самой матрице.

– Но ведь должен же быть способ, чтобы вылечить эфирное тело?

– Конечно. При помощи мануальной терапии и иглоукалывания. Они регулируют баланс инь и ян, тем самым выравнивая циркуляцию энергии. Биоэнергетика и лечение светом тоже восстанавливают повреждённую матрицу клеток.

– А может ли болезнь зародиться в эмоциональном теле? – Увлечённо спросила я.

– При перевозбуждении, а также при подавлении чувств многие люди заболевают. Эти болезни зарождаются именно в эмоциональном теле. Бывает, что свои чувства человек направляет внутрь, тогда обида, злость, страх, гнев, огорчение приводят к остановке вращения чакр, перекрывают потоки энергии. Загнанные чувства «разъедают» тело изнутри. И тогда появляется боль, возникает язва, бронхиальная астма или заболевания сердца…

– В этих случаях лечение лучше начинать с эмоционального тела? – Догадалась я.

– Вот именно. Плач, крик, физические упражнения помогают снять блок с эмоционального уровня. Прятать внутрь свои чувства опасно, – закончила Мария Росс.

– Я читала, что в Америке для таких целей используют звуконепроницаемые автомобили. Там можно всласть покричать. А ещё полезно поколотить подушку. Можно представить, что это ваш начальник или провинившийся муж. Но самое лучшее – это, наверное, проконсультироваться у хорошего психолога?

– Да, психологи достаточно хорошо справляются с эмоциональными проблемами. И для следующего, ментального тела нам обязательно потребуется психолог.

– Это почему же?

– Мы уже говорили об опасности создания негативной мыслеформы. Зародившись в ментальном теле, она приводит к его искажению. Мыслеформа как программа, введённая в компьютер. Она требует своей реализации.

– Люди часто повторяют «Думай о хорошем», «Всё перемелется», но сами-то, сами... – я огорчённо махнула рукой.

– В медицине есть понятие «эффект плацебо», – улыбнулась Росс, – то есть эффект пустышки. Представьте себе, Наташенька, что двум больным с высоким артериальным давлением дают по таблетке, одна из которых просто имитация – пустышка. Через определённый промежуток времени давление приходит в норму и у того, и у другого больного. Это яркий пример создания силою своей мысли программы выздоровления. Поэтому очень опасно разворачивать негативные программы в воображении.

– И как долго может работать такая программа?

– К примеру, в детстве мать говорит своей дочери, что у неё некрасивые, кривые ноги, да и замуж её, такую плохую хозяйку, никто не возьмёт. В этот момент мать не понимает, что программирует свою дочь. Проходит время, всё забылось, но почему-то никто не может убедить девушку снять длинную юбку и не комплексовать при общении с молодыми людьми. А ведь всё достаточно просто: она ещё в детстве запрограммирована на одиночество и ущербность своей матерью. Воистину не ведаем, что творим.

В этот момент я подумала, как много у меня знакомых с похожими программами-комплексами.

– Да, без психолога здесь уж точно не обойтись, – вздохнула я, прощаясь с Росс и укладывая свои тетрадки в сумку. – Теперь понятно, почему американцы так часто общаются со своими психоаналитиками.

– Не грустите, Наташенька! Люди-оптимисты имеют здоровое эмоциональное тело, а это не так уж мало, – сказала на прощание Росс.

Было уже совсем поздно, когда я возвращалась домой. Город не спал. Я шла по улицам и с грустью думала о том, что ночная жизнь, подмигивая неоновыми огнями, бесцеремонно предъявляет свои права на чувства людей, возбуждает желания и щедро одаривает болезнями…

***

Поезд «Москва – Симферополь» весело постукивал и покачивал. Всю дорогу Вероника запрещала себе думать о «нехорошей квартире» и пентаграмме на стене.

За окном побелённые домики, которым больше подошло бы название хатки, соседствовали с массивными коттеджами «новых украинцев».

Жирная тётка с умопомрачительной стрижкой «иголки от ёжика» недовольно ворчала у бачка с кипятком.

– Отвратительный вагон – кондиционер не работает. А проводница, Вы обратили внимание на проводницу? Разве это юбка? В такой юбке на сцене ногами дрыгать, а не вагоны убирать.

Пожилой татарин, лежащий на верхней полке, заговорил, явно обращаясь к Веронике:

– Женщине аллах даёт всего настолько, насколько это нужно мужчине.

– По-моему, он несправедлив, – отозвался сосед снизу. – Одним достаётся всё, а другим кукиш с маком!

– Э, брат, – зацокал языком татарин и подмигнул девушке, – надо быть очень сильным мужчиной, чтобы позволить себе иметь яркую женщину. Каждый мужчина заслуживает своей женщины…

Вероника вышла в коридор. Говорить не хотелось, а полежать и подумать не получалось. Соседи по купе всё время навязывали свою беседу.

В коридоре никого не было, только в тамбуре явно начинающий бизнесмен громко жаловался кому-то по телефону на сумасшедший ритм собственной жизни.

Отпуск с самого начала получился неудачным. Вместо радости она чувствовала горечь и раздражение. Шеф не хотел её отпускать, пришлось упрашивать, унижаться. Неожиданно выяснилось, что у неё могут забрать рубрику в журнале. Её любимую, вынянченную, можно сказать, вскормленную бессонными ночами рубрику светской хроники. И кто? Та, кого вся редакция за глаза ласково называла Розовый Поросёночек. Поросёночек оказался приличной свинкой, сумевшей оклеветать коллег и поссорить их дружный коллектив. Хитрые подкрашенные глазки розовощёкой пассии начальника всегда внимательно следили за окружающими. Короткая юбка и сладострастно колышущаяся грудь сделали своё подлое дело: рубрика досталась ей, а Веронику перевели в отдел рекламы, где отпуск полагался только в конце сентября.

Уговаривать шефа пришлось в ущерб собственным принципам: независимость и отстранённость. На душе было противно. Как там говорил, провожая её, Сева?

– Люди, которые тебя ненавидят, обычно делятся на две категории: первые – глупцы. Если ты постараешься, то они непременно тебя полюбят. Вторые – те, кто нам завидует. Эти не полюбят никогда. Так стоит ли обращать на них внимание? И никогда нельзя работать с неудачниками и козлами. Неудача перейдёт к тебе, а козлы подставят в любой момент. Все лавры заберут, а недочёты спишут на тебя. И не дай бог работать с дураками – это катастрофа.

– Да, это катастрофа, – прошептала Вероника, думая о так неудачно начавшемся отпуске.

Из дневника Наташи

Чудо медитации

26.08.99

Утром я отправилась к морю. Мысли не дают мне покоя. Я вспоминала друзей, их комплексы и заморочки и понимала, что и я, и они превращаем фразы, сказанные родителями и учителями, в программы, которые

хранятся в нашей памяти всю жизнь. Испытывая чувство вины за то, что поступили не так, как «нужно», как «должны были поступить», потому что это «хорошо и правильно», мы даже не задумываемся, что уже выросли из этих «хорошо и правильно», как из коротких штанишек. Мы забываем, что сегодня достаточно опытны, чтобы выбирать свои действия и модели поведения, согласуясь с давно изменившейся действительностью.

– У меня вопрос, – придя к своей учительнице, первым делом начала я. – Может ли человек сам избавиться от неправильных мыслей, и как уничтожить поставленные в нас программы?

– Безусловно, может, – ответила она. – Если не привлекать к работе психолога и не использовать самоанализ, то разрушить нежелательную установку поможет молитва или медитация.

– Медитация?

– Что вас удивляет? Медитация – это состояние безмолвия, это тишина, гладь озера, нетронутая ветерком. Достичь безмолвия очень трудно. Понаблюдайте за собой. Вы всё время мысленно болтаете! Ваш внутренний диалог никогда не прекращается: Вы ругаете себя или других, планируете, жалуетесь, завидуете и ни минуты не молчите! – Росс протянула руку, указывая на магнитофон. – Включив музыку, я прошу пациентов сосредоточиться на одной точке и слушать. Просто слушать музыку. Что же Вы думаете, Наташа? Мысли, как надоедливые мухи, не дают им покоя. Никакая информация не может поступать по интуитивному каналу, если сознание постоянно «болтает». Это всё равно, что два абонента на одном телефонном аппарате: один любит поговорить, а другой и слова вставить не может. Научитесь слушать безмолвие, и Вы услышите другой Мир, – закончила она.

– Значит, медитируя, мы наводим порядок в ментальном теле?

– И в духовном тоже, – улыбнулась Росс. – К искажениям в духовном теле обычно приводит бунт против воли Бога, обида на него, недовольство близкими, возмущение программой развития человечества. И, как следствие, возникает ощущение страшного одиночества.

– Разве можно обижаться на Бога? Это же глупо!

– Глупо, – согласилась Росс. – Одна девушка, попавшая в нехорошую компанию и узнавшая предательство друзей, со слезами кричала мне: «Как Бог посмел так поступить? Почему не защитил меня?». При этом она в собственных ошибках отчего-то винила Бога.

– Людям свойственно перекладывать ответственность за свою жизнь если не на Бога, то на государство или родителей, – заметила я.

– Поэтому болезни у них будут начинаться с духовного уровня.

– А лечение?

– Духовное тело лечат духовным лекарством: прощением себя и других. Для того, чтобы произошло выравнивание и гармонизация потоков энергии во всей энергосистеме человека, надо постараться погрузить себя в состояние духовного экстаза. Тогда произойдёт сброс всей негативной информации. Простое же повторение слов мантры или молитвы ничего не даст.

– Я не очень представляю состояние духовного экстаза, – произнесла я.

– Давайте попробуем, – с готовностью предложила Росс. – Кого Вы любите больше всего, Наташенька?

– Бабушку, – не задумываясь, ответила я.

– Хорошо, бабушку. Но это может быть ваш брат, любимый мужчина, ребёнок. Теперь попытайтесь настроиться на эту любовь.

Я закрыла глаза. Росс заговорила медленно, на выдохе произнося слова. Эти слова подчинялись какому-то ритму, убаюкивали и обволакивали моё сознание:

– Вы любите бабушку, Вам хорошо, она гладит Вас по головке, Вы любите бабушку… Вы любите море, ласковое, тёплое море… А теперь Вы любите горы, покрытые зелёными лесами в нежной голубоватой дымке... Вы любите солнце, ласкающее Ваши руки. Вы любите землю, такую большую и такую маленькую. Маленький голубой шарик в огромном космосе. Вы любите звёзды, яркие, поющие звёзды. Вы любите Бога, Творца Неба и Земли, нашего небесного Отца, и Вы любимы Богом, Вы его любимое дитя, доброе и ласковое. Вы подчиняетесь Его воле. Ваша воля и воля Бога – едины…

Удивительное состояние счастья и покоя заполнило каждую частичку моего тела. В груди я ощутила горячую пульсацию, и лёгкая дрожь пробежала по моей коже. Я растворялась. Я стала морем, солнцем, я заполнила собой всю Вселенную с маленькой Землёй и поющими звездами. Я была Богом. Я ощутила мягкое прикосновение воды. Моё тело ласкали лучи солнца. Я слышала шелест зелёной листвы, и вдруг мощный аккорд заставил затрепетать всё мое существо.

– Я слышу музыку, – прошептала я.

– Вы хорошая ученица, Наташенька. Это Музыка Сфер, – произнесла Росс. – А сейчас откройте глаза и посмотрите на меня, – она пересекла комнату и села напротив. – Смотреть нужно в пространство над моей головой.

Я старательно сосредоточилась на её макушке.

– Не напрягайтесь! Расслабьте мышцы лица. Вы ничего не хотите увидеть, вы просто смотрите…

Я откинулась на спинку стула и расслабилась.

– Теперь почувствуйте, будто «нечто» входит в ваши глаза. Не торопитесь, – тихо говорила Росс.

Уже знакомая голубоватая дымка повторила контуры её головы. Словно венчик короны, в самом центре заиграл фонтан синего цвета и, смешиваясь с нежным пламенем розы, заструился серебристо-фиолетовым свечением. Пульсирующий яркий столб золотого света, поднявшийся от плеч, простирался далеко вверх. Как язычки, вспыхнули и заиграли по бокам нежно-зелёные лепестки.

Аура жила! Она дышала, переливалась и струилась. Чарующая красота неведомого манила к себе. Боже! Как мы красивы в цвете! Чувство восторга и непонятной гордости переполняло меня.

Сейчас, вспоминая тот вечер и пытаясь подобрать слова, чтобы описать увиденное, я поражаюсь своей беспомощности. А может быть, это и правильно? Как передать о неземном земными словами? Действительно, лучше один раз увидеть, чем сотни раз услышать.

Я, как Фома неверующий, жаждущий этой веры, но поверивший лишь увидев, испытала чувство облегчения и покоя. Неведомое чудо существует! Исчезли сомнения и страх. Страх, терзающий по ночам, сковывающий страх смерти.

Оказывается, всё устроено очень разумно. А мы, глупые маленькие дети, копошащиеся в ворохе своих глупых проблем, даже не пытаемся посмотреть в небо и осознать, кто мы на самом деле. «Познай самого себя» – говорили древние. Ну как же! Нам некогда! Мы постоянно суетимся в текучке наших дел. А решив одни, быстро находим для себя другие. Как будто мы боимся остаться один на один с собой, один на один с Богом. Ведь познавая себя, мы познаём Творца. А соединившись с ним в благодарной молитве, мы получаем знание. Не то земное, придуманное для сегодняшнего дня, а знание вечное, знание, не подверженное изменению временем. И чем больше мы отдаём себя Богу, тем больше мы получаем для себя взамен.

Нахлынувшие чувства быстро сменяли друг друга.

– На сегодня достаточно, – сказала Росс.– Вы очень возбуждены, Наташенька, но это пошло Вам только на пользу. Своими размышлениями Вы подняли вибрации сознания до уровня духовного тела и привели в гармонию энергосистему Ваших высших тел. Я прощаюсь и жду Вас завтра ровно в четыре. Мы будем заниматься диагностикой чакр.

Глава 4
Лео

Рождение ребёнка в Идеальном пространстве было целым событием. Женщины не хотели рожать детей. И если в третьем слое Земли, Энрофе, логическим продолжением семейных отношений считалось рождение малыша, то в четвёртом измерении семей не существовало вовсе. Да и как могла существовать нормальная семья, когда небожители видели чувства друг друга как на ладони?

Любовные восторги по мере узнавания второй половины часто сменялись раздражением. Это сразу становилось достоянием окружающих, и в первую очередь супруга или супруги. Появившуюся неприязнь скрыть было невозможно. И земная поговорка «Стерпится – слюбится» здесь не работала. Женщины четвёртого измерения не нуждались в словах – они читали мысли своих избранников. А так как в их мыслях мало было любви, то семьи распадались и рождаемость детей катастрофически сокращалась.

Уменьшение рождаемости могло привести к исчезновению цивилизации небожителей. Угроза гибели цивилизации, возникшая два века назад, повлекла за собой изменение законов. Но ни запрет на разводы, принятый Советом Старейшин, ни требование к обязательному рождению ребёнка каждой парой не принесли ожидаемых результатов.

Тогда-то и возникла идея клонирования, снявшая напряжение сообщества. Но неожиданно появилась новая проблема. Каждый последующий клон оказывался генетически слабее предыдущего. Особенно пострадал ген интеллекта. Цивилизация была на грани деградации.

У землян же всё было наоборот. Рождаемость возрастала, несмотря на войны и экологические катастрофы. Люди быстро развивались, даже с частично работающим мозгом. И время от времени в Энрофе рождались гении. Они-то и выводили общество на новый виток развития.

А тут ещё кураторы из четвёртого измерения начали потихоньку влюбляться в земных женщин. В третьем слое появились дети, владеющие сверхчувственным восприятием и знаниями Идеального пространства. Сначала таких детей уничтожали, затем решили блокировать их мозг. Но бывали случаи, когда ребёнка забирали в четвёртое измерение на воспитание. …Так произошло и с Леонардо.

***

В начальных классах Лео учили владеть своим телом и поддерживать здоровье. Болеть в четвёртом измерении считалось верхом неприличия. Уроки по перевоплощению проходили интересно и весело. Он сам выбирал

форму будущего тела и заполнял этот образец. Рост, вес, размер стопы – всё поддавалось изменению.

По закону небожителей в момент рождения ребёнка считывался вибрационный код, который потом в обязательном порядке заносился в информационную ячейку. Доступ к ячейке имелся не только у родителей, но и у Старейшин. И если вдруг, что случалось крайне редко, ребёнок заболевал, то, получив чип с врождённой вибрацией, достаточно было лишь вставить его в усилитель. Устроившись перед этим сверхсовременным изобретением, небожители в течение минуты могли отрегулировать искажения в организме, вызванные болезнью. Но до этого никогда не доходило. Даже самые маленькие дети умели управлять энергетическими потоками тела, снимать блоки и зажимы в мышцах, восстанавливать матрицу повреждённых органов.

Впрочем, для поддержания здоровья в четвёртом измерении существовало много традиционных приспособлений. Светомузыкальный душ и музыкальная пирамида имелись в каждом доме.

Леонардо знал, что его мать умерла при родах. Младенец пробыл в роддоме ещё два месяца и однажды ночью исчез. У главного врача были неприятности, но дело замяли. Умершая женщина значилась матерью-одиночкой, а дальние родственники от ребёнка отказались. Так неожиданно Лео попал в мир своего отца, который получил разрешение Совета на возвращение незаконнорожденного сына.

В школе Леонардо с лёгкостью усваивал премудрости параллельного мира. И только в одном земная природа брала своё: чувства его были столь яркими и искренними, в отличие от невозмутимых друзей-клонов, что ему не всегда удавалось скрыть их от окружающих. Он был слишком земным в этом рациональном холодном мире.

Может быть, поэтому сейчас ему так хорошо в Энрофе? Здесь не нужно было маскировать свои душевные переживания. Оставаясь внешне спокойным, он мог излучать в пространство ярость или любовь, гнев или обиду – здесь этого никто даже не заметит.

Лео любил Энроф. После школы, пройдя специализацию, он был направлен сюда в качестве ликвидатора. Работа ликвидатора была опасной. Совет Старейшин контролировал развитие человеческой цивилизации во всех её проявлениях.

***

Веронику он приметил ещё на перроне. Девушка была красива, но чем-то встревожена. Пространство вокруг неё вибрировало страхом. На запах страха тут же слетелись лярвы – мерзкие фиолетовые твари второго измерения. Одна из них уже выпустила присоски, чтобы прикрепиться к затылку девушки, и в предвкушении лёгкой наживы выпустила из скверного желуд-

ка остатки воздуха. Мощным броском энергии Лео отшвырнул её в конец вагона. Лярва тупо уставилась на неожиданное препятствие в образе Леонардо и, выпустив зловонный сгусток, исчезла.

Девушка ничего не заметила. Она смотрела невидящими глазами в окно на пробегающие мимо деревья, пасущиеся стада, речушки с огромными металлическими столбами мостовых перекрытий, засеянные поля и думала о далёком и страшном.

Прикрыв за собой дверь купе, Леонардо устроился на верхней полке. Вагон был дрянной, пусть и с бантиками на занавесках, потёртыми ковриками и «альтернативным бельём». Альтернативные простыни отличались от обычных, белых, лиловыми цветочками. К ним в придачу полагались две салфетки: одна на унитаз и одна для обуви. Серые дерматиновые сиденья, разболтанные двери, плохо закрытые окна – всё напоминало об убожестве, в котором увязла когда-то крепкая, а теперь расползающаяся по швам держава.

В купе каждый занимался своим делом. Плотный мужчина сидел у стола за ноутбуком. Над ним, отгородившись от внешнего мира наушниками, вслушивался в иноземную речь худощавый сосед. Молоденькая студентка листала журнал «Магик», обложка которого соблазняла животрепещущими темами. «Интервью с того света», «Сакральная сила рун» и «Мистика бытия» полностью поглотили внимание девушки. Заглянувшая проводница угодливо предложила орешки и пиво по шесть гривен, но, встретив равнодушные взгляды, зашуршала с ними дальше.

Леонардо достал косп и задумался. Работа ликвидатора в последние годы изменилась. Небожители уже не сражались с людьми, хотя попрежнему контролировали их развитие, невидимая борьба велась со вторым слоем земного Шаданакара. Сущности этого слоя начали предъявлять свои права на людей. Вернее, на их чувства, которые превратились в любимое лакомство мерзких тварей. Человечество всё глубже и глубже погружалось в свои страсти, и лярвы размножались со страшной скоростью. Это беспокоило руководство Совета, а ликвидаторам прибавляло работы.

Лео вздохнул и стал настраивать сканирующее устройство на вибрации соседей. На экране появилось изображение Вероники. Рядом двое мужчин, изощряясь друг перед другом в словесном поединке, пытались произвести впечатление на девушку.

Леонардо тронул мерцающую панель, и маленький экран коспа замелькал строками перфокарты.

Сейрам Умеров, 50 лет, женат, добропорядочный отец семейства, общительный, любит поговорить. Возвращается со свадьбы сына. Дальше шёл послужной список Сейрама: работа автослесарем, водителем и, наконец, завгаром в Ташкенте, переезд в Крым в начале девяностых, участие в митин-

гах и демонстрациях в канун годовщины депортации татар, рождение внучки, свадьба младшего сына.

Бегло ознакомившись с файлом и не найдя ничего интересного, Лео открыл следующий.

Григорий Лизогуб, 40 лет, разведён, имеет ребёнка от первой жены. В политических событиях не участвовал, в криминальных разборках не замечен.

Жизнь Гриши была наполнена приключениями и с трудом помещалась на двух страничках электронного файла. К файлу прилагались фотографии эротического содержания. Гриша часто влюблялся, но ни одна женщина не оставила в его душе тот неизгладимый след, который приятно вспоминать, когда всё уже прошло. Меняя женщин, как будто прочитывая ежемесячный мужской журнал, а затем выбрасывая его за ненужностью, он никогда не объяснял, почему уходит, и жил по давно отработанной схеме: встреча, знакомство, секс с разговорами до утра и бегство. Стадия «секс с разговорами до утра» была самой захватывающей и временами тянулась целых шесть месяцев. Но ни на день больше. Его жаждущая новизны натура требовала свежих впечатлений. Гриша не мог толком объяснить, какими были его женщины. И почему интересные собеседницы в самом начале романа, они к концу любовной связи превращались в невыносимых зануд.

Многие были умны. Он вспоминал их с особой благодарностью. Были и совсем глупые. Эти пытались его приручить и начинали контролировать Гришу чуть ли ни с первых минут знакомства. Их он бросал быстро и безжалостно, ничего не объясняя, уходил, уезжал, улетал. В Москве он торговал рыбой, в Ялте – работал массажистом, в Красноярске – на лесозаготовках. И везде находил ту, которая стремилась быть брошенной.

Третий пассажир лежал, уткнувшись в газету, и не вёл никаких разговоров. Лео приблизил изображение. Надо же, профессор Званцев собственной персоной!

Пять лет назад Леонардо получил задание Совета Старейшин оберегать этого оригинального субъекта. Помнится, профессор тогда занимал пост в парламенте. В его жизни тоже была любовь. Как оказалось, одна на всю жизнь. Лео знал, что каждый год профессор берёт билет и едет в Питер, где с замиранием сердца ждёт встречи с любимой. Его друг Женька дипломатично уходит в соседнюю комнату, оставив Званцева и свою жену наедине, с остывающим чаем.

Они учились в одном институте, кормились на одну стипендию и спали с одними и теми же девчонками. А потом появилась Элка. Через год она стала Женькиной женой, а через десять друг как-то признался, что полюбил Элку только благодаря рассказам самого Владимира. И хотя Званцев дважды был женат и имел массу воздыхательниц, он раз в год брал билет и ехал в прошлое, к своему другу и его жене – единственной любви на всю

жизнь. Страх быть отвергнутым засел в нём навсегда. Чтобы как-то заглушить его, он домогался привязанности недоступных для него женщин. Влюблённые студентки-аспирантки были ему неинтересны – он стремился к вершине. И эта вершина должна была быть умнее, талантливее, выше него. Это походило на соревнование. Вершина пугала и притягивала одновременно. И с настырностью старого скрипучего подъёмника он карабкался вверх. С возрастом его страсть переросла в стремление покорить единственную достойную, капризную и непредсказуемую, коварную, и от этого ещё более желанную даму – Политику. Став депутатом и получив пост в правительстве республики, Званцев давно уже обещал больше, чем способен был сделать. И не потому, что не мог. Как заправский вампир, он вбирал в себя энергию друзей. И, напитавшись силой любви, на гребне человеческих эмоций получал очередной пост. Но то, что взял в долг, рано или поздно придётся отдать. Разочарованные приятели, обманутые коллеги, так неосмотрительно доверившие ему часть своей силы, с обидой вспоминали обманщика. Собравшийся в лавину мощный выброс эмоций мог обрушиться, и Званцев, предчувствуя своё падение, ощущал страшную тоску, от которой хотелось завыть, заголосить, как деревенская баба на похоронах. Он ещё надеялся, перебегал из партии в партию, создавал политические блоки, срывал жидкие аплодисменты – последние восторги своих избирателей. Но горизонт его жизненного пути потемнел, и вся сила человеческой боли и обиды приготовилась поглотить его, разбить и растоптать.

Свернув перфокарту профессора, Лео с сожалением подумал о зря потраченном времени. Пять лет назад он сделал всё, чтобы этот человек выполнил волю Совета, став во главе парламента республики. Но Званцев отработал по минимуму, сила, заключённая в нём, была растрачена на ненужные споры и выяснение отношений, и Совет принял решение оставить ему его выбор: суету земной жизни, карьерный крах – и забвение. Сегодня его объект – девушка, чему Лео был безмерно рад.

Просканировав пространство вагона, Леонардо успокоился: вокруг было чисто. Даже лярвы куда-то подевались.

Вспомнив о лярвах, Леонардо нахмурился. Как и все небожители, он ненавидел лярв. Эти отвратительные сущности питались самыми низменными эмоциями людей. Они селились в домах, где «вкусно пахло» скандалом, где всегда было достаточно страха и гнева. Накануне на перроне Леонардо наблюдал, как разбухшая от удовольствия лярва вела на «поводке» – длинной присоске – худую ворчливую тётку. Мерзкие твари покидали свою жертву только в двух случаях: когда её дни были сочтены или, что бывало крайне редко, когда жертва прекращала «кормить» прикрепившуюся хозяйку, полюбив этот мир. Любовь для лярв была противопоказана, она загоняла расползающуюся мерзость обратно в свой слой.

Через час поезд уже приближался к конечной станции. На окраине Симферополя красовались разрисованные стены гаражей – графические эксперименты тинейджеров. Политические лозунги типа «Крым – Россия», украсившие бетонную стену, сменяли откровенные объяснения в любви какого-то Жени неизвестной девочке по имени Катя.

Лео нырнул в мысленное пространство Вероники. Его лицо не выразило ни удивления, ни радости, хотя именно эти чувства он испытал.

«Как хорошо, что я её встретил. Только бы не испугать. Нужно держаться на расстоянии. У неё есть то, что мне нужно».

Глава 5
Вероника

Вероника лежала на кровати. Ветер теребил капроновую занавеску. В открытую дверь балкона был виден кусочек бескрайнего моря, лазурно-голубого с белыми барашками. Она старательно вслушивалась в размеренный шум набегающих волн и пыталась расслабиться. Тревога, пульсирующая внутри, вызывала сильное напряжение мышц. Она гнала от себя мысли, сосредоточившись на единственном желании – оставаться «здесь и сейчас». «Здесь, – говорила она себе, – я слышу этот убаюкивающий шум волны. Здесь я любуюсь восхитительным лазурным великолепием моря и чувствую прохладное дуновение ветерка, а тело наслаждается мягким прикосновением чистой постели».

Всё ненужное, тревожное и страшное осталось там и тогда. Где-то в прошлом остались пустые разговоры, непонимание и зависть. Там, в будущем, появятся новые тревоги. И только здесь, в этой ослепительно белой гостинице, она с наслаждением вдыхала, слушала, ощущала.

«Как хорошо, – откинувшись на подушку, думала она, – как замечательно просто лежать и наслаждаться покоем».

Она с блаженством потянулась и открыла тетрадь.

Из дневника Наташи

Семь волшебных колёс

27.08.99

День промелькнул незаметно. С самого утра я была рассеяна: куда-то засунула ключи, дважды ходила в магазин, потому что забыла купить хлеб, и в довершение не позвонила бабуле в Москву, а ведь обещала.

Вероника укатила на экскурсию, и я решила посетить редакцию. Немного поговорив с Надюшкиными сотрудницами «о девичьем», я села к компьютеру, но работа как-то не клеилась. Я поняла, что с нетерпением жду вечера.

Войдя в комнату и увидев, что Росс занимается с пациенткой, я тихонько проскользнула в своё любимое кресло. Света (так звали больную), закрыв глаза, лежала на диване.

– А вот и моя студентка пожаловала, – обрадовалась Росс. – Сегодня мы поработаем с энергетическими центрами. Вам, Светлана, это понравится, – сказала она пациентке, – а Наташа быстро поймёт, что к чему.

Не открывая глаз, Света согласно закивала:

– Конечно, конечно… Я тоже с удовольствием послушаю.

– Знаете ли Вы, что такое чакра? – Тут же спросила Росс, повернувшись ко мне.

Я была готова к вопросу и, не задумываясь, ответила:

– «Чакра» или «чакрам» в переводе с индусского – колесо. Так назвал их Будда.

Росс удовлетворённо наклонила голову.

– Да, чакра – это колесо, которое вращает энергию по системе человеческих тел, она выполняет обмен энергией с универсальным полем Вселенной и считывает информацию из окружающего нас пространства. Как Вы думаете, Наташа, сколько чакр в теле человека?

Я задумалась.

– То ли семь, то ли девять…

– Около двух с половиной тысяч, – усмехнулась Росс.

– Не может быть! – Я вытаращила глаза.

– Начнём с того, что существует поток энергии, пульсирующий вверх и вниз вдоль позвоночника. На нём в местах, где световые линии пересекаются двадцать один раз, расположено семь больших чакр. Есть ещё малые, где энергетические линии перекрещиваются четырнадцать раз. Например, на ладонях рук и на стопах. А там, где линии соединяются семь раз, находятся ещё меньшие вихри, они очень точно соответствуют точкам акупунктуры китайской медицины.

– Так много?

– Основные семь чакр парные, – продолжала Росс. – Передние чакры – сенсорные, то есть чувствительные. Они, как губка, впитывают и обрабатывают информацию из окружающего мира. А задние, те, что на спине, – волевые, они-то и заставляют нас действовать.

– Это что же получается, у нас к позвоночнику с двух сторон воронки прикручены? – Вырвалось у меня.

– Чакра действительно похожа на вращающуюся воронку. Но они не все двойные. Самая нижняя, первая по счёту чакра, та, что на копчике, и седьмая, на макушке головы, с экзотическим названием Тысячелепестковый лотос, не имеют пары.

– И что, они тоже вращаются?

– Конечно! Интересно, что каждая чакра имеет свой тон, свою музыкальную ноту или, если хотите, свою частоту вибрации. Когда чакра открыта, то совершает обороты по часовой стрелке.

– А если против?

– Тогда вместо того, чтобы получать энергию и информацию из окружающего мира, чакра будет выбрасывать энергию из энергосистемы человека, а заодно и проецировать на окружающий мир его представление о жизни, сформировавшееся ещё в детстве. В психологии это называется «синдром проекции».

– А правда, что у чакры есть какие-то лепестки? – Вспомнила я.

– Их называют вихрями. Каждый большой центр имеет несколько маленьких вихрей, которые перерабатывают поступившую информацию и производят определённый вид энергии.

Я представила огромный вентилятор, лопасти которого состояли из маленьких вращающихся пропеллеров.

– Сложный агрегат,– восхитилась я. – Но ведь вокруг нас столько мусора! Получается, если чакра втянет не только хорошую энергию, она может засориться?

Видимо, моя учительница ожидала этого вопроса.

– Чакра имеет защитную оболочку, которой, к сожалению, нет у маленьких детей. Поэтому дети очень уязвимы и поддаются энергетическому влиянию. Только в семилетнем возрасте вокруг отверстий чакры малыша образовывается защитная плёнка, фильтрующая поступающую энергию.

– Значит, ребёнка надо защищать?

– Когда малыш садится на колени к матери или отцу, он уже защищён от внешних влияний полем родителя, – ответила Росс. – Многие и не догадываются, что кормление грудью даёт ребёнку, помимо физического питания, эфирную энергию. В каждом соске матери есть маленькая чакра, которая снабжает младенца энергией. Но самое удивительное заключается в том, что, когда люди общаются друг с другом, из энергетических центров растут нити, связывающие их.

– Какие ещё нити? – Удивилась я.

– Нити партнёрства между партнёрами, нити дружбы между друзьями, нити любви между влюблёнными.

Я представила, как из моего тела во все стороны тянутся разноцветные верёвочки: вот эта, зелёная, – к сердцу Вероники, а розовая – к рукам бабушки…

– Когда обрываются отношения, обрываются и нити, связывающие людей. Иногда это очень больно. Боль может быть и физической. Разрыв отношений – это разъединение и корчевание нитей, прикреплённых к чакрам.

«Наверное, когда говорят «связан по рукам и ногам», подразумевают эти нити», – подумала я и спросила:

– Если болезнь человека зависит от работы чакры, значит, можно легко определить, чем именно болеет человек?

– Да, и не только каким заболеванием он страдает, но и что он думает, чувствует, какие у него имеются проблемы.

Я недоверчиво покачала головой.

– И всё это можно узнать, взглянув на чакру?

– Давайте рассмотрим чакры Светланы.

Росс включила музыку и, подойдя к девушке, несколько раз провела руками над её телом. Я отложила блокнот, внимательно наблюдая за каждым движением своей учительницы. Покачиваясь в такт дыханию пациентки, её руки двинулись к ногам, но, дойдя лишь до середины туловища, разделились: левая переместилась к голове, а правая замерла внизу живота Светланы.

– Нижняя чакра связана с физической энергией и волей к жизни. Этот центр определяет устойчивость человека в материальном мире, и его энергия питает ноги, – комментировала свою работу Росс. – Если человек закрывает чакру, то у него прерывается связь с землёй и, как следствие, развивается неуверенность в материальном положении, шаткость. Возможно и наоборот: человек беспокоится за своё материальное состояние. В панике он думает, что ничего не может изменить к лучшему в своей жизни. Тем самым он ставит блок, останавливая поток энергии, проходящий через нижний центр, и закрывает его. Недостаток энергии приводит к заболеванию в теле в районе действия чакры. У Светланы нижняя чакра открыта, работает хорошо. Её копчик, как насос, помогает поднять энергию вверх по позвоночнику.

Росс передвинула руки выше, продолжая при этом совершать ими круговые движения. Со стороны казалось, что она нежно гладит воздух над расслабленным телом девушки.

– Вторая чакра – сакральный центр показывает запас сексуальной энергии. Истощение этого центра приводит к ослаблению полового влечения. Психологически человек испытывает страх унижения, у него может отсутствовать оргазм.

Я вспомнила, что где-то читала о пользе секса, и не преминула сообщить об этом Росс.

– Действительно, во время оргазма происходит снятие глубокого напряжения. В этот момент тела влюблённых омываются жизненной силой и начинается очищение всей энергосистемы. Знание об этом использовали йоги в тантрической традиции и науке о Кундалини. Есть и такой вид духовного пути.

– А в каком случае чакра может ослабнуть?

– Когда человек много планирует, тогда энергия из второго центра «перебрасывается» в ментальные центры, и чакра истощается.

– То есть когда нарушается закон равновесия?

– Конечно! Если энергия, циркулирующая в системе человека, уравновешена, то рассудок, воля и эмоции сбалансированы, а жизнь человека счастлива и гармонична. Хотите почувствовать чакру сами? – Предложила Росс.

Я кивнула и подошла к лежащей на диване Светлане. Росс взяла мою руку и приблизила к её телу. Неожиданно я ощутила в своей ладони упругий шарик и отдёрнула руку.

Росс засмеялась.

– Не бойтесь, Вы всё делаете правильно. У Светланы есть небольшое напряжение в этой чакре. Чувствуете, как она вращается?

– Слишком быстро… – неуверенно проговорила я, прислушиваясь к ощущениям в руке.

– Да, она чересчур активна. Поэтому восприятие реальности у нашей пациентки смещено к мужской стороне, к ян-потоку, и в теле девушки начинает развиваться миома матки.

Я чуть-чуть сжала вращающийся «шарик». Воздух внутри ладони был плотный и прохладный.

– Неужели ничего нельзя сделать? – Ещё раз погладив «шарик», я убрала руку.

– У женщины, которая принимает на себя излишнюю заботу за финансовое положение семьи, которая берёт на себя не свойственные ей функции мужской активности на работе, нарушается закон полярности, – продолжала растолковывать мне Росс. – Тогда отрицательный заряд инь, присущий женскому организму, меняется на положительный заряд ян, характеризующий мужскую особь.

У меня мелькнула мысль, что в периоды экономической нестабильности общества, когда мужчины растеряны и основные тяготы по обеспечению семьи перекладываются на хрупкие плечи наших женщин, процент заболеваний доброкачественными опухолями будет увеличиваться. «Неплохо бы проверить статистические данные», – подумала я.

– Значит, энергия может изменить уровень гормонов в физическом теле?

– Преломляясь в чакрах, энергия по энергетическим каналам поступает в нервную систему, затем – в эндокринную и кровь. Именно качество энергии влияет на качество гормонов, выбрасываемых эндокринной системой, тем самым меняя гормональное равновесие в физическом теле. Дайте мне Вашу руку, Наташа.

Я послушно протянула руку и почувствовала, как что-то упругое щекочет мне ладонь.

– Посмотрите сюда, – Росс установила мою руку над желудком Светланы. – Здесь расположена третья чакра – Манипура, или чакра солнечного сплетения. Она связана с эмоциональной жизнью людей. Если этот центр открыт, то жизнь человека эмоционально наполнена и поддаётся контролю. Но предположим, повреждена защитная мембрана чакры, тогда неуправляемый поток энергии вызывает физическую боль в области желудка. У Светы центр очень активен. Неконтролируемый поток её эмоций повредил правый вихрь в районе проекции желчного пузыря. Каждый раз, когда Светлана раздражается, она ещё больше отрывает вихрь от корня чакры. В эти моменты в правом подреберье появляется боль, – Росс передвинула мою руку в район печени девушки.

– Вот так, немного в сторону, – мне показалось, будто тоненькие иголки забарабанили по руке. Я поморщилась.

– Колется? – Росс усмехнулась. – Это камушки, мелкие.

– А почему мне больно?

– У неё начинается воспаление желчного пузыря, и Вы это чувствуете.

– А если этот центр будет закрыт, что тогда?

Я села обратно в кресло и приготовилась слушать.

– Этот центр очень важный. Он связывает сердце и сексуальность в теле человека. Если он закрыт или слишком активен, то у людей возникает чувство гнева, страха, огорчения. Центр солнечного сплетения иногда закрывается при сдерживании чувств, что приводит к «разъеданию» тела человека эмоцией изнутри.

– Значит, появившаяся боль – это сигнал к поиску выхода?

– Когда у Вас, Наташенька, или у Ваших друзей заболит сердце, желудок, голова, спросите себя: что я делаю не так? Боль физическая или эмоциональная всегда подталкивает нас к поиску решения.

Росс опять склонилась над Светланой и переместила руки к сердцу девушки.

– Перейдём к четвёртому центру в теле нашей пациентки. Сердечная чакра, или Анахата, – это центр любви и единения со всякой жизнью на земле. Из неё растут «струны сердца» к сердцам тех, кого мы любим. Через этот центр человек воспринимает уникальность своего ближнего. Энергия любви, движущаяся через него, часто вызывает у нас слёзы. Когда мы слушаем музыку или смотрим фильм и любовь переполняет нас, то поток усиливается, и эта чакра распускается, как благоухающая роза, а мы плачем от счастья и любви. Обида, гнев мгновенно закрывают её и проявляются болью в физическом теле.

Светлана – любящий человек. Её сердечный центр открыт, но она очень обидчива, иногда обидой она перекрывает любовь, останавливая при этом вращение чакры. В такие моменты у неё возникает боль в сердце и обостряется астматический бронхит.

Подняв Светлану, Мария Росс провела рукой вдоль её позвоночника.

– Сзади, между лопаток, находится вторая половинка сердечного центра. Она связана с нашей волей и желаниями, через неё мы действуем в физическом мире. Если мы не можем реализовать наши желания или считаем, что люди и судьба препятствуют их исполнению, то эта чакра начинает вращаться против часовой стрелки. В такие моменты человек действует с позиции силы, пытаясь контролировать других. А уж если этот центр слишком активен, то воля берёт на себя функции любви, и у человека исчезает способность доверять другим людям. К примеру, из-за этого искажения муж может считать жену не равной себе, а своей собственностью.

«Потрясающе, какую огромную силу имеют мысли и желания человека!», – подумала я.

– И это как-то проявляется в физическом плане?

Росс согласно кивнула:

– В теле человека возникают боли в грудном отделе позвоночника.

– Значит, чтобы не болеть, нужно постараться, чтобы «наши желания совпадали с нашими возможностями», – перефразировала я известную поговорку.

– Все наши желания будут реализованы, если мы уверены, что наша воля и воля Бога едины. А другие люди действуют для исполнения этих желаний, – улыбнулась Росс. – Но вернёмся к учёбе.

Склонившись над пациенткой, она поднесла руки к шее Светланы.

– Следующий центр – горловой, он отвечает за нужды человека. Младенец сосёт грудь матери, насыщаясь. Взрослый человек получает желаемое, если его пятый центр открыт. Чувство неудовлетворённости жизнью, окружающим обществом, претензии к близким, возмущение знакомыми, а также обвинение в своих неудачах других ставят блок на эту чакру. Закрыв центр, вы не сможете воспользоваться теми возможностями, которые к вам приходят. Вспомните, Наташа, мы говорили, что в мире энергий действует закон подобия. Подобное не отталкивается, а притягивается подобным. И если человек носит в себе зародыш насилия, он и привлечёт к себе насилие, неудачи – привлечёт неудачу, враждебности – получит враждебность, унижения – обретёт унижение.

Неожиданно вспомнился закон подобия, применяемый в гомеопатии. Очень давно доктор Ганеман лечил согласно этому закону. «Подобное лечится подобным», – был его девиз.

«Возможно, он знал о существовании законов мира энергий», – подумала тогда я.

– Вторая половинка чакры, – продолжала Росс, – расположена на тыльной стороне шеи. Она расскажет о наших комплексах. Чувство вины, кем-то внушённое нам в детстве, или недостаток самоуважения закрывают её. Часто человек защищается гордостью, чтобы скрыть отчаяние, терзающее его внутри. Иногда он будет играть роль жертвы, жалуясь, что судьба не предоставила ему возможности раскрыть свой «большой талант». Страх неудачи является программой, блокирующей этот центр. Гордость, с одной стороны, и страх быть непризнанным – с другой, заставляют человека избегать контактов. Но ограничивая круг общения, вы ограничиваете возможности раскрытия собственной личности. Что же мы видим в поле Светланы?

Росс повернулась ко мне, продолжая совершать манипуляции руками над телом пациентки. Казалось, что правая рука учительницы что-то «проталкивает» в горловой центр, одновременно левая что-то «вытягивает» из макушки Светланы.

– В детстве Светлана была послушным ребёнком, но её многое не устраивало в отношениях с родителями. На подсознательном уровне она возмущалась, злилась, но высказать свои претензии боялась. Энергия горлового центра застаивалась, и Света часто болела простудными заболеваниями. С другой стороны, ещё в детстве она привыкла довольствоваться малым, отрицая свои потребности. Из этого развился комплекс неуверенности в себе, заставляющий чакру в такие минуты вращаться сверхактивно. Периодически открывая и закрывая свой пятый центр, Света приобрела ряд хронических заболеваний.

– Значит ли это, что дети, болеющие простудой, закрывают горловой центр? – Предположила я.

Росс улыбнулась.

– Я вспомнила интересный случай. На приёме – мама и мальчик десяти лет. На момент обследования у ребёнка хронический тонзиллит в фазе обострения, а на уровне поля, в матрице клеток, идут ревматоидные изменения в районе сердца и суставов. Пятый центр закрыт недовольством. В сердечной чакре – обида и страх потери. Оказалось, что состояние ребёнка было связано с его отношением к дедушке. Мальчик боялся его потерять. Разговаривая с ребёнком, я поняла, что мама, в последнее время очень недовольная своим престарелым отцом, при каждом удобном случае ругает его в присутствии мальчика. Эмоциональная и убедительная в своих рассказах она жалуется подругам на своего отца, не замечая при этом, что ребёнок воспринимает её слова буквально. Но он любит и маму, и деда. И так как мальчик ничего не может изменить в реальном мире, то на уровне поля он просто перекрывает все свои цен-

тры восприятия. Подсознательно он отказывается чувствовать, ему больно и страшно. И, изменив потоки энергии, он погружает тело в болезнь.

– И как же быть?

– Поговорив с мамой и объяснив ей, что происходит с сыном, мы улучшили ситуацию. И хотя путь к выздоровлению был длительным, мама в данном случае была мне хорошим помощником.

Этот рассказ меня удивил. Объяснения Росс каждый раз заставляли по-новому взглянуть на события жизни. Я отвлеклась и чуть не пропустила интересный момент.

– Знаешь ли ты, милая, что у тебя начинается правосторонний отит? – Росс озабоченно смотрела на Свету.

– У меня всю ночь болело правое ухо, – пожаловалась та.

– На матрице клеток с правой стороны головы у тебя стоит негативная программа. Называется она: «Не буду слушать». И кого же, позволь спросить, ты не хочешь слушать?

Росс прищурилась и строго посмотрела на девушку.

– Всю неделю ругаюсь с сыном, – удручённо созналась Светлана. – Он собирается поступать в институт в другом городе, а я даже слышать об этом не хочу.

Росс повернулась ко мне.

– Вам понятно, что происходит в её поле?

– Она сформировала мыслеформу «Не хочу слышать», – ответила я.

– Да. При этом её подсознание чётко выполняет приказ, рождая в физическом теле больные клетки. Начинается воспаление уха, и если не остановить работу этой программы, то в дальнейшем Света потеряет слух.

Светлана горестно вздохнула, выслушав невесёлый прогноз.

– Я знала одну молодую женщину, которая сразу после женитьбы сына была страшно недовольна невесткой, – продолжала Росс, – она не хотела её видеть и всё время говорила об этом. Дальше пошли скандалы с сыном, и она постоянно выкрикивала своё желание. Её зрение с детства не было идеальным, это был её слабый орган. А где тонко, там и рвётся. Внушив подсознанию «не видеть», она, к сожалению, ослепла. И хотя это крайний вариант, стоит задуматься, какой высокой ценой мы оплачиваем свои желания.

– Но если провести аналогию, то получается, что при травмах пальцев рук мы приказываем себе: «Не бери!» или «Не давай!», при травмах ног – «Не спеши!», «Посиди, подумай, ещё не время», а уж при ушибах носа предупреждаем себя: «Не лезь не в своё дело», – смеясь, констатировала я.

– Вы, как всегда, всё упрощаете, Наташенька, – улыбнулась Росс. – Тогда уж дополните свои умозаключения, что при близорукости наша задача – обратить внимание на близких, а при дальнозоркости – помогать людям, делиться своим опытом с окружающими, смотреть вдаль, то есть жить и работать для общества. Но мы отвлеклись. Давайте перейдём к центру, расположенному в середине лба, который называется чакрой «третьего глаза».

– О, я об этом много читала!

Я решила блеснуть эрудицией, припоминая понравившуюся теорию:

– Есть научное объяснение ясновидения. Оказывается, свет входит через физические глаза и как бы течёт по оптическим каналам. Высокие вибрации света могут проникать и сквозь кожу, затем свет проходит через зрительный перекрёст вокруг гипофиза и двумя путями обеспечивает видение образа предмета. Первый для обычного зрения проецируется к зрительным буграм, а второй, для ясновидения, – к таламусу. Используя медитацию, можно заставить гипофиз излучать аурический свет, направляя его к шишковидному телу, которое и является центром ясновидения, – бодро закончила я.

– Ну что ж, возможно, всё так, как Вы и говорите, Наташенька, – не оценила мои познания Росс. – Все представления человека об окружающем мире и о его взаимоотношениях с этим миром связаны с центром «третьего глаза». Если чакра вращается в обратном направлении, то мысли будут беспорядочными. У таких людей искажается представление о действительности, появляется агрессия, непрощение.

– Но ведь есть ещё один центр? – Вспомнила я.

Мария Росс прикоснулась к макушке Светланы и объяснила:

– Йоги называют этот центр лотосом, состоящим из тысячи лепестков. Эта чакра имеет девятьсот семьдесят два малых вихря и связывает нас с духовным началом человека, объединяя всю его сущность: физическую, эмоциональную, ментальную, духовную. Через этот центр душа человека входит в физическое тело, рождаясь, и через этот центр она покидает его, умирая.

Светлана, до этого только внимавшая нашим разговорам, вдруг улыбнулась:

– Я вижу фиолетовые круги, они то удаляются, то приближаются.

– Как можно видеть, если твои глаза закрыты? – Недоверчиво хмыкнула я.

– Она видит работу седьмого центра,– усмехнулась Росс, – он у неё сейчас открыт и общается с пространством.

– Ах, как чудесно, как здорово… – продолжала восторженно бормотать Света.

Я только пожала плечами и зашелестела страницами конспекта.

Закончив манипуляции, Росс опустила руки и, посмотрев на меня, спросила:

– Вы хотите что-то узнать?

– Что будет с человеком, если у него закрыт «цветок лотоса»?

– У такого человека нарушается связь с его духовностью, он не понимает, о чём говорят окружающие его люди, когда рассказывают о своём духовном опыте. В нём работает программа «Я – атеист». Если же центр откроется, человек почувствует единство мира и веры и осознает цель своего существования.

Завершив, наконец, сеанс и отправив Светлану домой, мы расположились на лоджии для чаепития. Мария Росс никому не доверяла процесс заваривания чая и придавала этому ритуалу большое значение.

Немного поколдовав над заварочным чайником, она стала разливать по чашкам удивительно ароматный напиток. Усевшись в мягком кресле, я наслаждалась её творением. Вокруг меня разместился странный ботанический сад, состоящий из пальмы, кактусов, разросшихся лимонов и каких-то одному Богу известных растений. Однажды я застала Росс за тем, что она ругала кактус, а в другой раз уговаривала апельсиновое деревце. Но увидев меня, она всегда прекращала своё общение с зелёными питомцами, и передо мной вместо забавного ребёнка появлялся строгий учитель.

– Так что же такое болезнь? – Неожиданно спросила Росс. – Теперь-то Вы можете ответить на этот вопрос, Наташенька?

– Конечно, – уверенно начала я. – Нарушение равновесия в жизни человека, нарушение гармонии во всех телах ауры приводит к болезням. Человек здоров, когда находится в единстве со своим духом. Тогда на астральном уровне он любит человечество, что в свою очередь отражается на его мыслях и чувствах. А так как его чувства положительные, то поступление энергии из универсального поля Вселенной сохранится, и тело-матрица будет поддерживать равновесие потоков инь и ян. Ну а здоровая матрица создаёт здоровое физическое тело, все системы которого хорошо функционируют, – отвечала я, поглядывая в свои записи. – Итак, в здоровой системе «человек – поле» энергии каждого тела уравновешены.

Было видно, что Росс довольна моим ответом.

– Я хотела бы немного дополнить Ваши рассуждения, Наташа, – снова заговорила она. – Вы правы в том, что заболевание проникает в физическое тело человека с высших уровней. Но внимательно посмотрев на свою жизнь, Вы поймёте, что она подобна учебному классу. Любое недомогание, любая болезнь или проблема – это ещё и послание, из которого человек должен извлечь урок…

Глава 6
Знакомство

Звёзды появлялись там, где заканчивалось море. Было ещё довольно светло. Вероника захлопнула тетрадь и прислушалась. Откуда взялась эта тревога?

С той самой минуты, как она побывала в разгромленной Наташкиной квартире, её не покидало ощущение чужого присутствия. Хорошо бы пойти искупаться. Но выходить из гостиницы лучше ночью.

Вероника открыла дверь на балкон.

Прямо над головой на тёмно-голубом небе лучилась звезда. Холодный неподвижный свет притягивал взгляд, навевая тоску. Но уже через миг ночной покров стал темнее, и рядышком появилась мерцающая подружка. Затем ещё одна, ещё…

Нахлынувшие чувства отозвались аккордом в душе Вероники. «Едино всё! Отбрось тревоги! Живи! Творец мудр! Почувствуй, как бьётся жизнь!»

Глаза девушки наполнились слезами.

Неожиданно она почувствовала, как чужая воля заставляет её одеться и выйти на улицу. Тревога нарастала, но девушка послушно спустилась к морю и села у кромки воды. Жёлтый фонарь освещал кусочек пустынного пляжа, и свет от него золотой дорожкой убегал по зеркальной глади моря, растворяясь в солёном аромате воды. Как во сне, девушка видела одинокую мужскую фигуру на пирсе. Сердце сжалось.

В соседнем кафе фальшиво надрывался местный Карузо. Вдали плясали огни курортного города. Тёмная южная ночь обволакивала бархатной прохладой.

«Боже, как фальшиво поёт», – подумала она.

– Отвратительно поёт, – послышался голос за спиной.

– У меня даже голова разболелась, – стряхивая оцепенение, отозвалась Вероника, – так хочется, чтобы он замолчал.

– Сейчас замолчит, – сказал незнакомец. И через секунду певец умолк.

– Как Вы это сделали? – Изумилась девушка.

– Я? Я ничего не делал, – с усмешкой ответил он.

Незнакомец присел на корточки рядом с Вероникой. Музыка продолжала играть, но пение не возобновилось. Девушка поёжилась. Ей вдруг стало холодно, захотелось горячего и сладкого.

– Хотите кофе? – Участливо спросил незнакомец. – А может, горячий шоколад? Здесь рядом есть неплохое кафе, у самого моря.

– Вы кто, отдыхающий?

Вероника пыталась сопротивляться его обаянию.

– Какая же Вы невнимательная, ведь мы попутчики, в одном вагоне из Москвы ехали.

– Точно, – обрадовалась девушка. – Какое хорошее слово – попутчик, – доверчиво улыбнулась она, – идёмте пить кофе.

***

«Лео очень милый. Ему совсем не подходит имя Леонардо, вот Лео – действительно симпатично. Он замечательный: добрый и надёжный».

Она всегда мечтала встретить такого, как Лео, доброго и надёжного. Вероника тихо засмеялась. «Кажется, я влюбилась.»

Было раннее утро. Солнце ещё не успело набрать полную силу, только ласково поглаживало лицо, шею, руки. Вероника сидела на балконе, укрывшись простынёй, вслушивалась в шелест набегающих волн и думала о Леонардо.

Всю ночь они целовались на лестнице. Целовались, как целуются подростки: пылко и целомудренно. Расставшись, Вероника ненадолго забылась тревожным сном без сновидений и, разбуженная птичьим гомоном, ушла на балкон, наслаждаясь вновь родившимся днём и сладким воспоминанием о прошедшей ночи. Как-то так получилось, что рядом с ним она перестала бояться. Страх исчез, или почти исчез, свернулся в маленький клубочек и спрятался где-то внутри. С Лео было хорошо и надёжно. С ним было хорошо молчать, молчать вдвоём. Иногда ей казалось, что он знал её мысли, её желания, но от этого не было страшно, а наоборот, спокойно и радостно. Вероника растворилась в своём счастье и лишь увидев дневник подруги, небрежно брошенный вечером на подоконник, почувствовала угрызения совести.

Что это она вчера так разоткровенничалась? Она ведь его совсем не знает. Кто такой Лео? Попутчик? А может, он из тех, кто разгромил Наташкину квартиру? Может, это он следит за ней? Как он появился на пирсе? Выслеживал? Зачем? Что может быть у неё такого, что нужно кому-то ещё? Дневник? Да сейчас любую книгу по парапсихологии можно купить. Кому нужен дневник не первой свежести? Может быть, там есть ещё что-то, что она не прочитала или не поняла?

Покрутившись на стуле, Вероника открыла очередную страницу серой тетради.

Из дневника Наташи

Уроки жизни

28.08.99

Дорогой дневник, спешу исписать твои чудесные белые страницы. Знание переполняет меня, равно как и эмоции. Прошло всего восемь дней, а мне кажется – вечность. Итак, продолжим.

– Представьте себе, Наташенька, что Вы в детском саду, – заговорила Мария Росс, оставшись наедине со мной на следующий день после очередного сеанса. – Воспитательница предлагает ребенку надеть колготки. Он надевает их неправильно. Воспитательница снимает колготки и вновь предлагает ребенку надеть их правильно. Ребёнок снова ошибается. Тогда ситуация повторяется снова и снова до тех пор, пока ребёнок не сделает правильный выбор. А то, что он начнёт вдруг плакать, кричать, топать ногами, отказываясь учиться, никого не интересует. Он только поранит свои ноги и испортит себе настроение.

Мы – маленькие дети Вселенной. А наша жизнь состоит из сплошных уроков. Если ситуация неоднократно повторяется, значит это наш жизненный урок. К примеру, девушка выходит замуж и через некоторое время разводится. Почему? Плохая свекровь. Так повторяется трижды. Каждый раз разные мужья, разные свекрови, но ситуация повторяется и следует развод. Проблема не в свекрови, а в правилах игры, которые устанавливает сама девушка. Второй пример: девушка выходит замуж за состоятельного мужчину, а через определённый период времени семья – на грани нищеты. Она уходит от мужа, и он снова богат. Возвращается – он всё теряет. И до тех пор, пока она не поймёт, в чём заключается урок, ситуация будет повторяться. Каждый день перед нами возникает проблема выбора. Как поступить? Нам предлагаются уроки, и если мы поступаем правильно, больше похожей ситуации не будет. Нас перевели в «следующий класс».

У каждого человека свои уроки, необходимые для его индивидуального развития. Для того чтобы развить уверенность в собственных силах, умение управлять другими людьми, ваша жизнь сложится так, что вам придётся работать с большими аудиториями. Ваш начальник станет поручать вам проведение конференций или же совершенно неожиданно для себя вы будете с увлечением проводить презентации какой-либо компании в качестве дистрибьютора. Судьба предоставит вам материальное вознаграждение за правильно выполненное задание. Так вы разовьёте в себе смелость и умение общаться с людьми. Если же ваша жизненная задача на сегодняшний день заключена в том, чтобы укротить свои эмоции, то всегда рядом с вами будет присутствовать человек, раздражающий вас, заставляющий вас обижаться и плакать. Это может быть сын, муж или начальник. И до тех пор, пока вы не измените свою реакцию на эту проблему, ситуация будет повторяться не один раз. Как только вы осознаёте, что это ваш жизненный урок, и начинаете искать другой вариант ответа для человека, который обидел вас, вы поймёте, что жизнь прекрасна, и вы выполнили задание на «отлично».

Но жизненные уроки не прекращаются, и, закончив с одним, мы переходим к другому. И так из класса в класс. Чтобы понять, в чём заключа-

ется урок и почему мы создали в своей жизни определенную ситуацию, а также причинили своему телу боль, мы должны спросить об этом себя. Просто спросите: «Чему я должен научиться? Зачем эта ситуация, эта боль, которая возвращается снова и снова?».

– Выходит, она будет повторяться до тех пор, пока не научит или не сломит человека?

– Ваш лучший учитель – Вы сами, Наташенька. И Ваши уроки хорошо спланированы. Вы не перейдёте к следующему, не усвоив предыдущего, – ответила Росс. – Попробуйте сосредоточиться на своей боли или на жизненной ситуации, которая Вас беспокоит. Что Вы чувствуете? Гнев, страх? За любой Вашей болью или неразрешённой проблемой скрывается страх. Страх потерять любимого, страх быть смешным или непонятым. Страх одиночества и страх нарваться на обидчика. Страх потерять материальное благополучие и страх выйти за рамки общепризнанной морали. Страх смерти и страх новых жизненных перемен, сковывающий нас рабством старых привычек.

– Получается, что страх – это недостаток любви к себе! – Воскликнула я.

– Это вообще противоположность любви! Болезнь говорит о том, что вы не желаете быть собой. Полюбите себя хотя бы за то, что вы – частица Божественного и едины со своим Творцом.

Росс задумчиво повернулась к окну. За окном было темно: лишь россыпь звёздных алмазов сверкала на бархате небосвода, да полная Луна благосклонно дарила желтоватый свет.

– Мне пора, – с сожаленьем проговорила я. Росс согласно кивнула.

Уходя, я думала о том, что вот уже несколько дней я нахожусь как бы вне времени. Я считала, что проходили минуты, а проходили часы. Наше общение было столь захватывающим, что время растянулось до немыслимых размеров, вместив мои мысли, тревоги и чувства. Голос Росс звучал в моих снах, продолжая рассказывать небесные тайны, и я уже не понимала, где заканчивалась я и начиналась она...

Я жила в двух плоскостях: реальной – в которой нужно было куда-то ходить и что-то делать, и виртуальной – где присутствовали радость и восторг от душевной мудрости и знания…

Прошёл месяц. Вероника вернулась в Москву. Я осталась и продолжила учёбу. За это время во мне что-то изменилось. Я научилась чувствовать людей. Встречаясь с человеком, я знала, говорит он правду или лжёт. Я задавала себе вопрос: «Что нужно этому человеку от меня?», и что-то во мне раскрывало его истинную сущность.

Каждый раз, заставляя работать свое внутреннее восприятие, я поражалась двуличию людей. Их слова не соответствовали их внутренним побуждениям. Разговаривая с человеком, я как бы со стороны наблюдала

за его игрой, за работой программ-установок, заложенных в нём когда-то давно, может быть, в детстве.

«Вот этот играет в сочувствие, хотя на самом деле ему безразлично моё положение, и в глубине души он даже рад, что его не коснулись мои проблемы. А этот – в покровителя. Как он упивается своей значимостью, своим положением. Поучая меня, он, словно павлин, распускает хвост, любуясь собой. Но это только сейчас, только сегодня он на вершине. Завтра всё может рухнуть, и его благополучию придёт конец. И уже кто-то другой будет лживо утешать и важно давать советы. Так мало любви дарят люди друг другу, и также мало они ценят подаренную им любовь.»

Ежедневная трескотня и суета перестали будоражить меня. Казалось, я видела глубже. И то, что я видела, не радовало, а огорчало.

Росс внимательно наблюдала за мной.

– То, что происходит с Вами, Наташенька, очень важно, но я вынуждена прервать эти пессимистические эманации, – как-то проговорила она. – Давайте-ка перейдём к более важному разделу тайной науки.

– Что может быть важнее знания о человеке и его отношении к себе подобным?

– Законы, работающие каждый день, каждый час и каждую минуту в нашей маленькой Вселенной. Помните, Наташа, при первой встрече мы говорили о существовании духовных законов, о том, что очень давно учителя человечества оставили это знание на Земле. Мы даже разобрали один из законов – Закон Вибрации.

Я согласно кивнула.

– Мы часто нарушаем эти законы просто потому, что и не подозреваем об их существовании. Считается, что первые семь законов были оставлены для нас на каменной скрижали Гермесом Трисмегистом.

– Я что-то читала о философии Гермеса.

– Любая религия и философия проповедует лишь внешние аспекты знания. Но его ядро глубоко скрыто от глаз непосвящённых. Вот примеры: иудаизм – для всех, каббала – для избранных. Религия ислама – для всех, суфизм – для посвященных. Христианство – для обычного человека. Эзотерическое христианство – великое таинство. Все современные религии и философские учения берут своё начало от учения Гермеса Трисмегиста.

– Что же в нём необычного?

– Согласно Гермесу, строение космоса и строение человека подобны. Познание себя равноценно познанию природы, которая является проекцией Бога на земле и не имеет ни начала, ни конца. Истинная мудрость непостижима для человека. Она постигается им через Бытие. Первый

закон – Закон Ментализма – гласит: «Всё сущее есть сознание. Вселенная – ментальна».

Тайна первая: мы – фантазия Бога

Написав этот заголовок, я снова перенеслась в уютную комнату на побережье, где, затаив дыхание, слушала свою учительницу.

– Не удивляйтесь, Наташенька, мы – фантазия Бога, его мысль, его ментальное творение.

– Но как может мысль превратиться в дерево, в камень, в человека?

– Подумай, – загадочно улыбнулась Росс. – Мысль – это энергия, она имеет свою частоту вибрации, высокую частоту. Но если эта частота станет ниже, мысль будет видимой.

– Это как пар становится водой, а вода превращается в кристаллики льда. Всё зависит от разных агрегатных состояний молекулы воды? – Я попыталась уловить ускользающий смысл.

– Да, Наташенька, физические тела и всё проявленное во Вселенной имеют свою грубую вибрацию. Но вибрации могут быть лёгкими, тонкими, невидимыми, как пар, а уплотняясь, они проявляются видимыми ощутимыми предметами. Мысль Бога воплотилась разными сочетаниями вибрации на нашей Земле. От лёгкого дуновенья ветра до застывших каменных глыб. Человек подобен своему Творцу. Он единственное существо во Вселенной, которое участвует в природе Мыслителя. Он может проявлять свои мысли и фантазии в физический мир.

– Как это?

– Мы говорили с Вами о том, что силою своей мысли человек способен создавать программы-установки. Эти энергетические детёныши разворачиваются в энергосистеме человека и проявляются в его жизни. На этом феномене основаны все лечебные методики психотерапевтов и чудеса суггестии. Я думаю, что люди всегда подозревали об этом законе. Ведь они часто повторяют: «Думай о хорошем», «Не кличь беду».

– А иногда люди повторяют: «Говоришь «свинья, свинья» – он и захрюкает», – смеясь, напомнила я. И опять задумалась над тем, как сильно родители влияют на своих детей. Моя школьная подруга была запрограммирована на неудачный брак. Она верила в то, что не будет счастлива в семейном союзе, что, в конце концов, и реализовала в жизни. Теперь-то я понимаю, как с помощью веры в авторитет матери она периодически подпитывала эту мысль. И хотя в начале супружества её отношения с мужем складывались удачно, наступил момент, когда программа из области непроявленного начала воплощаться в жизнь, и всё разрушилось.

– Мы действительно есть то, о чём мы думаем, – продолжала Росс. – Не зря ведь психологи говорят: «Этой проблемы не существует, эта

проблема у вас в голове, выбросьте её». Мы часто нянчимся со своими проблемами. Мы не только «кормим» их, мы не желаем их отдать, будь то мысль о болезни или об отсутствии денег. Мы часто рассказываем о своих болезнях, неудачах или о том, как мало мы зарабатываем, при этом продолжая кормить негативную мысль-программу. Нам бывает трудно отпустить её, тем более заменить позитивной установкой и с помощью веры и желанья наполнить её собственной силой. Мы не подозреваем, что мы – боги собственной Вселенной. И только от нас зависит наше здоровье и материальное благополучие. Если бы мы могли в какой-то момент сосредоточить всю свою энергию мысли на одной-единственной цели, то совершили бы чудо! Постоянное блуждание человеческой мысли является причиной фантастической растраты энергии, и человек впадает в состояние энергетической рассеянности. Для того, чтобы улучшить жизнь, необходимо подчинить своё воображение, иначе судьба будет тяжёлой, полной лишений, так как всякая мысль материализуется!

– Удивительный закон! – Воскликнула я. – Просто волшебство какое-то. Думай о хорошем – и у тебя всё будет хорошо.

Я стала расхаживать по комнате, в волнении потирая руки.

– Но если материя обладает плотной вибрацией, а частота вибрации духовного очень высока, то скажите мне, как могут материя и дух подчиняться одним и тем же законам?

– Об этом Вы узнаете из второй тайны Гермеса, – улыбаясь мне, ответила Мария Росс...

Закон Соответствия, или Неприбранная комната

– Как внизу, так и наверху, – говорил Гермес Трисмегист. – Как наверху, так и внизу. Этот закон называется Законом Соответствия, – протянув мне чашку чая, продолжала Мария Росс.

Мы сидели в маленькой уютной кухне и с наслаждением потягивали из больших чашек душистый напиток. Я приготовилась слушать дальше.

– Предположим, Наташенька, что Ваша комната в страшном беспорядке. Это значит, что и Ваша психика соответственно становится похожей на неприбранную комнату. И наоборот: Вы начинаете добросовестно наводить порядок, занимаясь уборкой своей комнаты, и, согласно Закону Соответствия, приводите в порядок свои мысли и чувства. В астрологии, например, через соответствие планеты проявляют свое влияние на определённые части нашего тела. Овен соответствует голове, Рыбы – ногам. При помощи талисмана можно установить связь между человеком, нуждающимся в защите, и силами космоса. Но нужно не забывать, что при этом всегда присутствует обратная связь.

– Действие камня, брошенного в озеро, рано или поздно отразится в границах Вселенной, – философски заметила я.

– Отразится, – подтвердила Росс. – Если мы решили кому-либо отомстить, то сила, которую мы приводим в движение, в конечном счёте обрушится на нас. В древности принцип соответствия применялся магами для установления искусственной связи между человеком и восковой фигурой.

– Я вспомнила: в одном фильме три колдуньи кололи иголками восковую фигурку, а человек в это время истекал кровью. Но я считала, что всё это выдумка.

– Это закон, Наташенька. Но в жизни не всегда так, как показано в кино. На экране всё слишком примитивно. Человек, владеющий знанием, может войти в соответствие с деревом или другим предметом, может передать ему своё заболевание и таким образом исцелиться. Многие магические практики работают на Законе Соответствия. Даже лечение с помощью акупунктуры основано на том же принципе.

– Потому что точки акупунктуры соответствуют органам?

– Да, эти приёмы внешнего соответствия видимы и узнаваемы. Но вот о работе внутреннего соответствия мы и не догадываемся, – продолжала мудрая учительница. – К примеру, женщина решила расстаться со своим мужем, но развод не оформила. Тогда, согласно Закону Соответствия, она прочно связана с мужем и не может освободиться от его энергии, которая будет причинять ей вред.

– Даже если супруги расстались несколько лет назад?

– Даже если расстались. Помнишь слова «Как наверху, так и внизу»?

Я молча кивнула.

– До тех пор, пока не произойдёт расторжение законного брака, эти люди будут связаны неразрывными узами. Ведь согласно принципу соответствия, человеческие законы тоже оказывают влияние на мир энергий.

– А как же деловые партнёры, они тоже связаны? – спросила я.

– До тех пор, пока заверенный нотариусом документ имеет силу, партнеры связаны друг с другом, и каждый из них оказывает влияние на жизнь остальных…

– Положительное или отрицательное, – продолжила я.

– Положительное или отрицательное, – согласилась Росс.

– Значит, есть опасность соединить свою жизнь с человеком, имеющим трудную карму?

– Да, и при законной связи судьба вам может преподнести неприятный сюрприз…

Я задумалась. Если хорошенько всё осмыслить, то можно использовать Закон Соответствия для улучшения жизни. Во-первых, разобраться с партнёрами, во-вторых, комнату убирать придётся уж точно…

– Вы когда-нибудь читали, Наташенька, о том, что древние египтяне обожествляли животных? – Прервала мои мысли Росс.

– Да, многие археологи считают это признаком отсталости и нравственного упадка, – заявила я.

– Глупые люди. Египтяне владели вершинами герметических знаний. Обожествление животных было необходимо для сохранения чистоты человеческой расы, её совершенствования и предотвращения проникновения животных на человеческий уровень при перевоплощении.

– Не понимаю, при чём тут животные?

– Когда люди общаются со своими домашними питомцами, например, с собаками, дрессируют их, наполняют эманациями своей любви, то в эти минуты они передают излучения своего разума, энергию своей божественной искры. Согласно верованию египтян, это даёт животному возможность после смерти попасть на шкалу человеческих ценностей.

– То есть стать человеком?

– При первом воплощении в человека животное находится на очень низком уровне, обладает сильными животными инстинктами и обычно становится преступником, извращенцем.

– Или маньяком, – подсказала я.

– Для того чтобы сохранить чистоту человеческой расы и для защиты от воплощения животного в человека египетские жрецы с помощью ритуальной магии создавали Великого стража.

– Стража?

– Смысл этого тайного обряда заключался в том, что, принеся животное (чаще всего это была собака) в жертву, жрецы давали ему имя и провозглашали его божеством, великим стражем собак. Страж следил, чтобы собаки не попадали на человеческий уровень. Обряд этот полностью основывался на знании Закона Соответствия. Итак, Наташа, – Росс лукаво улыбнулась, – мы с Вами выучили три закона: Ментализма, Соответствия и третий – Закон Вибрации.

– Да, да, я помню… Мы говорили о том, что каждый человек имеет свою вибрацию и, как радиоприёмник, может подстраиваться под частоту другого человека. Актёр, который на самом деле любит, заставляет весь зал почувствовать его любовь, – подвела я итог нашей беседе.

– Помните, Наташенька, что тот, кто излучает вибрации боли, также встретит боль. Тот, чьи вибрации несут в себе бедность, найдёт бедность. Чьи вибрации сохраняют в себе любовь, встретит любовь. А вибрации ненависти встретят ненависть. Любите – и будете любимы. Испытывайте ненависть, и будете ненавидимы. Презирайте – и будете презираемы. Закон есть закон. Он работает, даже если мы и не знаем о его существовании…

Глава 7
Клон № 1314

Часы на привокзальной площади показывали двенадцать. Время замерло вместе с остановившимися стрелками башенных часов. Двенадцать было и рано утром, и в минуты полуденного отдыха, и поздно вечером, когда ещё не хочется спать, а южная ночь пахнет лавандой и ночной фиалкой.

Высокий, коротко стриженый мужчина шёл, внимательно всматриваясь в пассажиров. Вот крашеная блондинка, разложив на коленях журнал и покусывая белыми зубками кончик ручки, заполняет тест «на депрессию». Седой старик с выцветшими от старости глазами кружит возле автобуса, заглядывая в окна. Группа подростков потягивает баночное пиво. Девчонки из Москвы среди них не было.

Достав из кармана новенькую пластмассовую зажигалку с изображением сексуальной дивы, мужчина закурил. В окне автобуса показалось девичье лицо. Прильнув к стеклу, девушка напряженно всматривалась в фигуру старика. Увидев её, старик улыбнулся всеми своими морщинами и торопливо засеменил к двери.

Нет, это не она. Та, худая и смуглая, сразу же бросалась в глаза. Было в её обличье что-то, что волновало. Он чувствовал её запах – она где-то рядом, и рано или поздно он её найдёт.

Блондинка лениво перелистала оставшиеся страницы глянцевого журнала, несколько секунд задержалась над гороскопом и спрятала журнал в сумку.

Мужчина щелчком отшвырнул сигарету и вскочил в подошедшее маршрутное такси.

***

Маршрутка медленно поднималась по горной дороге. Возле перекрёстка водитель притормозил, впуская очередную группу пассажиров. Мужчина, сидящий у окна, криво усмехнулся.

На середину дороги, помахивая хвостом, вышла чёрная кошка. Серебристый «мерседес», ехавший слева, резко затормозил. Чёрный «фольксваген», шедший ему навстречу, стал тоже сбрасывать скорость. Водитель серебристого выругался. Кошка лениво прошествовала через дорогу к кустам. «Фольксваген» ползком пересёк роковую черту. У водителя серебристого «мерса» отлегло от сердца.

– Ишь, чёрная бестия, – сплюнул в окно шофёр маршрутки и зычно крикнул набившимся пассажирам:

– Салон, в середину продвиньтесь! Ещё двое, проезд оплачиваем!

Кривая усмешка сползла с лица, как подтаявшая маска. Мужчина у окна снова погрузился в себя. Этот мир был ему неинтересен. Он только выполняет

задание. Он Клон № 1314, гордость своего создателя профессора Итоко, найдёт девчонку и заберёт то, что ей не принадлежит.

Взобравшись на самый верх, маршрутка чихнула выхлопной трубой и вытряхнула оставшихся пассажиров на конечной остановке.

Пройдя по захудалой улочке с одноэтажными, покосившимися от старости домиками, Клон № 1314 вошёл в калитку крайнего палисадника. Поджидавшая его у соседнего забора старуха тут же накинулась на вошедшего.

– Ходют тут всякие, понаехали, курортники чёртовы, – послышались крики с той стороны забора.

Клон остановился и бесстрастно уставился на неё.

– Чё вылупился? Ирод окаянный, небось, ты бутылки в огород кидаешь, – покраснев от злости, шипела старуха.

Клон неторопливо развернулся в сторону соседского забора и поднял руку.

– Ты чё, ты чё? Ишь, глазищи выпучил, ударить хочешь? А я милицию. Люди! – Завопила старуха и попятилась к дому.

Клон сжал кулак и резко выпрямил руку в сторону старухи. Та покачнулась, схватилась обеими руками за сердце и стала медленно оседать на землю. Красное лицо приобрело синюшный оттенок, на губах выступила пена и бабка, захрипев, свалилась у забора.

Пошарив под наличником, Клон достал ключ и открыл дверь, которая вела в душную комнату с мутным пыльным окном. Стянув с себя джинсы и футболку, он плюхнулся на кровать. Огромная фиолетовая лярва расположилась под самым потолком захламлённой комнаты.

Убивать людей было неприятно. Они такие беззащитные. Но отец учил – любой поступок имеет цель. Ничего не делается просто так. Вот и эта старуха хотела умереть. Он видел, как почернела её аура, как гнев разнёсся кровью по всему телу, как старательно она накручивала себя, сколько сил потратила, сотрясая пространство. Она всё сделала сама, а он только помог – собрал в кулак всю её злость и послал в сердце. И оно остановилось. Чему же тут удивляться? Отец всегда говорил: «На Земле учись понимать желания людей. Будь таким, каким тебя хотят видеть другие».

Клон № 1314 перевернулся на спину и уставился в потолок, сосредоточенно сканируя страницы, которые в белой гостинице на берегу моря читала девушка по имени Вероника.

Из дневника Наташи

30.09.99

Дорогой мой дневник! Я не успеваю записывать. Весь день занимаюсь с Марией Росс. Мы приступили к практической части, и у меня уже кое-что получается. Но об этом потом. Постараюсь писать только самое

необходимое. Итак, закончив с Законом Соответствия, ещё вчера мы перешли к следующему – Закону Полярности.

– Всё двойственно. Всё имеет два полюса. Всё имеет свою противоположность. Крайности соприкасаются. Любая истина есть полуистина, – начала своё объяснение Мария Росс. – Я думаю, Наташа, Вы сможете привести мне примеры, которые будут характеризовать работу этого закона.

– Свет и тьма представляют две крайности одного и того же явления, – начала я перечислять. – Тепло и холод – две противоположности. Любовь и ненависть – два полюса ощущений притягивания и отталкивания. Ещё жизнь и смерть, добро и зло и так далее.

– Вы правы, эти противоположности находятся на разных полюсах, но, повышая свои вибрации, можно изменить минус на плюс, и страх превратить в смелость, бедность – в богатство, ненависть – в любовь.

– А грушу можно превратить в яблоко? – Развеселилась я.

– Нет, – засмеялась Росс. – Можно трансформировать противоположности одного и того же ряда. Но из зелёной груши сделать спелую, я думаю, возможно. Знаете, какой символ Закона Полярности?

Я отрицательно качнула головой.

– Ну как же, Наташенька, это змея, кусающая кончик своего хвоста. Две крайности неустанно притягиваются, стремясь к взаимопоглощению, которое так никогда и не происходит. Вакуум притягивает изобилие. И, согласно Закону Полярности, ни добро, ни зло в отдельности победить не могут. Эти две крайности абсолютно относительны.

– Даже так?

– Лиса съела курицу, это плохо для курицы и хорошо для лисы, которая следует закону природы, и ей нужно выжить. Жизнь работает на смерть, так как с момента рождения мы начинаем умирать. Смерть работает на жизнь, ибо любой распад есть создание новой формы жизни. Свет не может существовать без темноты. Нужно всегда помнить, что любая истина – лишь полуистина, и нежелательное можно уничтожить через изменение полярности. А так как крайности соприкасаются…

– То «от любви до ненависти всегда один шаг», – закончила я.

– Совершенно верно! – Удовлетворённо заметила Росс.

Холодный порыв ветра ворвался в комнату и приподнял занавеску. Мне показалось, что с ветром ворвался кто-то, кто решил помешать нашей беседе. Возможно, мои ощущения передались Росс. Она резко встала и закрыла окно.

– Давайте, Наташенька, побалуемся чайком.

Мы переместились на кухню и с наслаждением выпили по чашечке крепкого чая с гренками, малиновым джемом и неимоверно вкусным сыром.

– То, о чём Вы сейчас мне говорили, – задумчиво сказала я, – кажется таким знакомым. Я сотни раз слышала об истине и полуистине, любви и ненависти, о лисице, съедающей курицу, просто это звучало как красивое изречение. Но сейчас я вижу это как-то иначе, как будто в моей голове всё разложили по полочкам.

– Много ли ещё полочек осталось в этой мудрой головке? – Усмехнулась Росс.

– Думаю, много, – серьёзно ответила я.

– Тогда продолжим, – поставила чашку Росс.

Я согласно кивнула и, взяв ручку, приготовилась писать.

Тайна ритма

– Следующая наша тайна, а точнее, тайна Гермеса Трисмегиста, гласит: «Всё состоит из приливов и отливов. Всё поднимается и опускается. Колебания маятника присутствуют во всём. Отклонение влево равно отклонению вправо. Ритм – это компенсация».

– И что это значит? – Полюбопытствовала я.

– Принцип учит, что сила действия равна силе противодействия. Наша планета, природа и человек, наша цивилизация рождаются, достигают вершины, переживают упадок и гибель – так совершается цикл жизни. Приливы и отливы присутствуют в физическом теле человека, в его эмоциях, чувствах, инстинктах. Их чередование и составляет нашу жизнь.

Я отложила ручку и мысленно увидела громадный маятник. Влево – вправо, влево – вправо, вдох – выдох, жизнь – смерть.

– Эманация Бога, его дыхание достигает вершины, проявляясь в физическом творении, – продолжала Росс, – получая максимальную степень материализации. Затем маятник движется в обратном направлении – начинается разрушение, приходит смерть. А божественная энергия, освобождаясь, сливается со своим первоисточником. Также проявляется могущество цивилизации, нации или отдельного человека. Маятник вправо – вершина, а затем – постепенный распад.

– Как грустно, – сказала я. – А можно ли определить, когда человек или цивилизация достигнет своего зенита?

– Трудно, но упадок всегда неизбежен. Помните, мы с Вами говорили о том, что необходимо поддерживать равновесие в теле человека? Законы равновесия и ритма связаны между собой. Болезнь физического тела иногда возникает из-за нарушения ритма и полярности. Тело нужда-

ется в поддержании постоянного равновесия. Биение сердца, сон, бодрствование, дыхание подчиняются закону маятника.

– Сейчас много говорят о биоритмах человека, о сочетании удачных и неудачных дней, – вспомнила я.

– Записывайте все счастливые и несчастливые случаи из Вашей жизни, и Вы определите, какой из ритмов для Вас имеет решающее значение. Ритм возникает при частом повторении определённых действий. Иногда повторяющиеся отрицательные события в жизни человека не зависят от него самого и имеют свой определённый ритм.

– То есть можно отследить зарождение ритма?

Росс задумалась.

– Предположим, Вашу знакомую обворовали, но она не стала искать воров. Создавшийся ритм ущерба будет периодически приносить ей убытки. И это произойдёт при том сочетании планет, которое было в день первой неудачи. Ритм, образующийся в момент семейного скандала, вызывает возникновение новых, более серьёзных проблем. Есть ритм богатства и ритм бедности, счастья и несчастья. Один раз возникнув, эти ритмы очень трудно нейтрализуются. Точно волны прилива, они обрушиваются на человека, не давая ему опомниться. Уже в момент своего рождения человек воспринимает какой-то определённый ритм.

– Можно ли передать кому-то свой ритм?

– Отрицательный ритм, как и положительный, может передаваться детям, которые будут расплачиваться за ошибки родителей. Воздействие ритма похоже на порывы ветра, по воле которого сорванные с деревьев листья носятся из стороны в сторону, не в силах остановить бесконечное движение.

Росс умолкла. Прохладная темнота заполнила окружающее пространство. Мне стало грустно. Какая-то обречённость присутствовала в этом законе. Зная закон Ментализма и обнаружив в своём сознании негативную программу-мыслеформу, я могла этому противостоять, так как, выявив эту программу, я стала бы думать о хорошем. Представлять только положительный выход из ситуации и, как следствие, реализовывать его в своей жизни. Зная Закон Вибрации, я постаралась бы изменяться, излучать в окружающий мир любовь, богатство, самодостаточность, силу, тем самым притягивая эти качества к себе. Зная Закон Полярности и оказавшись на отрицательном конце полюса, в состоянии горя или ненависти, я стала бы двигаться к состоянию равновесия, а возможно, и к вершине положительного полюса, то есть к счастью и любви. Но как бороться с отрицательным ритмом? Как изменить разрушающий ритм? Предположим, однажды я разорвала старые отношения. И этот разрыв сопровождался скандалом и болезнью. Значит, через определённый промежуток времени скандал, болезнь или разрушение отношений

настигнет меня опять? Но это же несправедливо! И от этого никуда не спрячешься, не убежишь. Закон Ритма безжалостно ударит вне зависимости от того, знаешь ты об этом или живёшь в неведении. Получается, что август для России ещё долго будет разрушительным. Сформировав отрицательный ритм во время путча, страна каждый год ощущает на себе его катастрофическое действие. Закон работает одинаково как для отдельного человека, так и для огромного государства. Как это печально…

Очередная встреча началась с моих вопросов:

– Можно ли преодолеть влияние ритма?

– Все духовные законы взаимосвязаны и часто работают в сочетании, – ответила Росс. – Ослабить ритмические колебания поможет знание о высшем уровне причин, то есть знание Причинно-следственного Закона, его ещё называют Законом Кармы. Но прежде я бы хотела рассказать о Законе Компенсации, который имеет много общего с ритмом.

– Компенсации?

Росс терпеливо продолжала.

– Компенсация означает фиксирование определённого количества вещей, которые сейчас тебе принадлежат, и вещей, которых тебе недостаёт.

– Это что же, балансирование между тем, что имеешь, и тем, что ещё не приобрёл? – Предположила я.

– Вспомни поговорку «Не везёт в картах – повезёт в любви», – улыбнулась Росс.

– То есть богатый будет лишён удовольствий бедных, – догадалась я.

– Каждый из нас владеет определённым набором преимуществ, подаренных при рождении, – поясняла Росс.

– Как это?

– Если человек богат, то обычно все его жизненные единицы подчинены деланию денег. Любовь, духовные запросы, семейное счастье и так далее переходят в разряд недостающих качеств. Никому не дано иметь больше ста символических единиц, но распределяются они по-разному. Если они распределены равномерно, то жизнь человека уравновешена. Сосредоточение в одном направлении предполагает отказ от многого.

– Что же получается? – возмутилась я – Если я богата на пятьдесят единиц, имею власть на двадцать единиц, то здорова, счастлива и благородна всего по десять единиц? А для любви вообще ничего не остаётся?

– Но Вы можете быть богаты всего на десять единиц. Обладать властью на десять единиц, зато в твоей жизни любви, дружбы, благородства, интеллигентности и счастья будет гораздо больше – по пятнадцать единиц, и ещё пять единиц останется для здоровья, – усмехнулась Росс.

– Значит, чем более человек уравновешен, тем жизнь его богаче, так как включает в себя больше элементов?

– Да, примерно так, – ответила Росс. – Зная Закон Компенсации, Вы можете проанализировать любую ситуацию в своей жизни. Не бывает на сто процентов положительных и на сто процентов отрицательных ситуаций. Бывает только определённый набор качеств. Предположим, два молодых человека сделали тебе предложение выйти замуж. Один из них красивый, добрый, интеллигентный, с чувством юмора, но бедный и к тому же храпит. Второй – богатый, сильный, щедрый, но ревнивый и несексуальный. В зависимости от того, с какими из этих качеств ты согласна мириться, ты и сделаешь свой выбор. Но прежде чем осуществить выбор, необходимо внимательно проанализировать ситуацию и выявить все её положительные и отрицательные стороны. Всегда помни, что, согласно Закону Компенсации, увеличивая одно качество, ты теряешь в другом, – подытожила Росс.

Я задумалась. О том, что любая ситуация имеет и положительные, и отрицательные стороны, я знала давно, но тестировать ситуацию – это хорошая мысль.

– Вы, наверное, устали, Наташенька? – По-своему поняла мою задумчивость Росс.

– Нет, – возразила я,– мне очень интересно.

– Тогда перейдём к следующему закону – Причины и следствия, или, как его часто называют, Закону Кармы.

Закон Судьбы

– «Что посеешь, то и пожнёшь!» – говорим мы. У Гермеса написано так: «Всякая причина имеет своё следствие, всякое следствие имеет свою причину». Случайность, Наташенька, не что иное, как названный так людьми неизвестный им закон. Если мы не знаем причину случившегося, то мы говорим: «случайно упала», «случайно разбила», «случайно потеряла». Мы живём в мире следствий или случайностей, а причина чаще всего давно забыта, и связь между этими двумя событиями утрачена.

– Утрачена?

– Предположим, Вы разбили тарелку. Как Вы реагируешь?

– Я, наверное, расстроюсь или начну ругать кошку за то, что не вовремя крутилась у меня под ногами, – оживилась я.

– Разбитые тарелка или чашка – это только следствие, а также испорченная утюгом кофточка, разорвавшиеся колготки. Всё это следствия, удары кармы, а кошка тут вообще ни при чём. Но если в этот момент ты станешь возмущаться, обвинять других, то родится новая

причина, и её следствие, и возмездие впереди. Многие религии учат не только со смирением принимать удары судьбы, но и благодарить за них.

– За что же благодарить? – Удивилась я.

– За то, что Вы только порвали колготки, а не сломали ногу. За то, что разбили тарелку, а не машину, или сгорел утюг…

– А не телевизор?

– Конечно, – согласилась Росс. – Считают, что Закон Кармы связан с повторным рождением человека на Земле. Он объясняет, почему дети рождаются болезненными и рано умирают. Почему люди с утончённой душой живут в бедности, а скотоподобные купаются в золоте. Этот закон объясняет феномен детской сверходарённости, появление детей, которые в раннем возрасте демонстрируют исключительные музыкальные способности или по счастливой случайности становятся обладателями огромного состояния. Знающему этот закон станет ясно, почему человек, который трудится в поте лица, прозябает в бедности, а судьба улыбается другому, ленивому. Мы не знаем причину, которая поставила у власти Гитлера или Сталина, но их рождение обусловлено действием Закона Кармы. Жизнь – огромное полотно, и все события тесно переплетены. Мы имеем дело с покровом Майя, проникнуть за который простым смертным не дано.

– Получается, поговорка «Как на роду написано» правдива, – произнесла я.

– Согласно тайным знаниям, существуют властелины судьбы, которые контролируют судьбу человека. Награждая или наказывая людей, они планируют и ставят инсценировки, чтобы люди могли извлечь полезные уроки из жизненных ситуаций и приобрести ценный опыт.

– А можно ли «заразиться» отрицательной кармой? – Неожиданно спросила я.

– Хороший вопрос, – Росс задумалась. – Есть закон, согласно которому тот, кто окажет помощь человеку с отрицательной кармой, примет на себя её удар, и это вызовет серьёзные проблемы. Вспомните, Наташенька, людей, которые постоянно ищут слушателей, рассказывая о своих несчастьях. Подсознательно они стремятся освободиться от накопившихся отрицательных эмоций и передать их тем, кто из сочувствия слушает их жалобы. И тем самым обрекает себя на страдания, приняв на свои плечи чужую беду.

– Я всегда считала американцев бессердечными, потому что они на жалобы окружающих отвечают: «Это твои проблемы!».

– Нужно отличать людей с отрицательной кармой от тех, кто, жалуясь, ждёт от вас подтверждения любви. Или тех, кто играет с вами, изображая жертву, чтобы получить так называемую вторичную выгоду.

– Какую выгоду?

– Вторичную. Например, услышать фразу: «Да тебе при жизни памятник надо поставить!». Есть и такие, кто использует жалобы как защиту от зависти. На самом-то деле у них всё хорошо, но окружающим зачем об этом знать?

– Но почему? Я понимаю стариков, которые впитали страх перед репрессиями. Для того, чтобы избежать зависти и клеветы, они скрывают свои доходы и достижения, но почему так поступают их дети, внуки?

– Иногда это просто модель поведения, родовой сценарий, который передаётся по наследству, как шкатулка с драгоценностями.

– Да уж, хороши драгоценности. Значит, вмешиваясь в чужую судьбу, я могу погибнуть?

– Только если человек, которому Вы помогли, действовал по отношению к Вам в эгоистических целях. Таким милосердие бесполезно.

– А если человек изменился, осознал свои ошибки, стал приносить пользу, значит, он усвоил урок, преподнесённый ему кармой, и его жизнь изменится к лучшему?

– Непременно! Вы, наверное, слышали фразу «За всё приходится платить»? Ничего в этом мире нам не даётся бесплатно. Мы платим за свою жизнь, за минуты удовольствий, за любовь, за знание, за силу и даже за воздух, которым дышим. За это мы платим общему фонду природы. У природы вообще ничего нельзя украсть. Рано или поздно всё равно придётся вернуть украденное, добытое нечестным путём или же расплатиться за него. Закон неумолим. И если мы поможем человеку укравшему, то будем вынуждены принять на себя ответственность за ход его жизни. Природа потребует от нас уплатить его долг. Люди почему-то считают единственным средством платежа деньги. Они не понимают, что в космическом плане деньги не имеют стоимости. Согласно Закону Кармы любая причина, приведённая в действие, рано или поздно реализуется в конкретном следствии.

– И чашечка разобьётся? – Невесело улыбнулась я.

…Сейчас два часа ночи. Не спится. Всё думаю о сегодняшнем, вернее, уже вчерашнем дне. Подготовила материал для журнала. Завтра (нет, сегодня) отправлю в редакцию с Надюшкой. У неё командировка в Москву.

Похолодало. Кажется, в Крым пришла осень.

Окончание следует

Владимир Докшин[1]

ИЗ КНИГИ «ПОСЛЕДНИЙ ХОМО»

***

Мы – не коллекция миров.
Мы – только отблески Вселенной.
Зачем же будоражит кровь
Нам мысль о будущности тленной?

Хочу от жизни отрезветь,
Навек забыть тоску и скуку,
От суеты ослепнуть в муках
И вечным разумом прозреть.

***

Ты выбирать решила? Выбирай.
Я мнителен, а он самоуверен.
С тобой я робок, капельку растерян,
А он остроты сыпет через край.
Ты выбирать решила? Выбирай.

Ты выбирать решила? Выбирай.
Он – супермен, а я закомплексован.
Он так красив, а я недорисован.
Я хилый. Он здоровый, как сарай.
Ты выбирать решила? Выбирай.

***

Во мне растёт сопротивленье
Стандартизации мозгов.
Меня тошнит от умных слов,
Меня тошнит от тех ослов,
Что мне читают наставленья.
«Ты должен то, ты должен это».
Когда успел я задолжать?
Я ж не просил меня рожать.
Но никуда не убежать
От их настырного совета.
И я хожу и улыбаюсь,
Смиренно голову склоня,
Мол, вот он я, бери меня,

© Докшин В.В.

Я побеждён. А сам жду дня,
Когда со всеми расквитаюсь.

***

Отдай все краски мира за одну,
За чёрную, и ты не прогадаешь.
Коль ты живёшь, то ты уже страдаешь.
Подобна только смерть цветному сну.

***

Являются большие перемены…
Д. Филимонов

О юный необузданный джентльмен!
Жизнь не спешит дарить тебя грядущему.
Она полна прекрасных перемен,
И все они, как говорится, к лучшему.
Судьбы благоприятен гороскоп.
Отсчёт секунд ещё не упорядочен,
А мир вокруг – цветной калейдоскоп –
Непредсказуем, вечен и загадочен.
Но стоит сделать шаг,
Но стоит кинуть взгляд,
На всех земных путях
Грозит тебе то шах,
То мат.
Упрёшься, как ишак,
Глотнёшь свободы яд,
А собственный твой страх –
Хвать за пиджак
И – брысь назад!
Теряет мир всю прелесть новизны.
В жизнь взрослых мы спешим дорогой трудною,
Как после яркой, взбалмошной весны
Мы входим в лето знойное и нудное,
И, новым годом старый перекрыв,
Осознаем, пускай без прежней прыти, мы,
Что перемена – просто перерыв
Между двумя банальными событьями.
Круговорот идей –
Бесплодная игра –
Преследует людей,
Как тень,
До смертного одра.
Ешь. Спи. Сними. Одень.
Как чёрная дыра,
На завтрашний твой день

Роняет тень
Позавчера.
Куда ты волочешь, мой зрелый друг,
Гарантии от взлёта и падения,
Набитый хламом прошлого сундук –
Набор стереотипов поведения,
Груз лет и партбилет, авторитет
Среди коллег, сидящих на завалинках,
Приобретённый впрок иммунитет
От перемен, любых, больших и маленьких?
И замкнуто кольцо.
Судьбы замкнулся круг.
Плюют тебе в лицо
Шевчук и Цой.
Твой сын. Твой внук.
Мой брат – ты ретроград.
Ты – плесень. Ты – лишай.
Ты можешь лишь назад?
Так сядь на зад
И не мешай.

***

Дух поэта – ангел павший,
Тот, кто ищет к Богу путь,
Грех паденья осознавший,
Небо жаждущий вернуть.

***

Я жил шутя. Я шёл легко, дышал свободно,
Ничем не связан и не должен никому.
Судьбе и Богу, видно, было так угодно,
Чтоб этот мир принадлежал мне одному,
И без труда весь мир в себя вместили
В то время стены дома моего,
И в доме том друзья мои гостили,
Не замечая, в сущности, его.
Она пришла в мой мир из детской сказки,
Меня дразнила и к себе влекла,
Меняла облик, голос, лица-маски,
Но оставалась той же, кем была.
Я ей сказал: «Мой мир не так уж тесен.
Войди в него под своды синевы.
Бери, что хочешь: лучшую из песен,
Алмазы рос иль золото листвы».
Тогда в ответ пропела мне жар-птица,
Жемчужным клювом перья теребя:

«Мой друг, давай не будем мелочиться.
Отдай свой мир, а я отдам себя».
«Отдать свой мир? Отдать такое чудо!
За поцелуй! За ночь наедине!
Уж лучше я тебя навек забуду,
Зато мой мир останется при мне».
И я ушёл, свободою богатый,
На чьих-то свадьбах тосты говорил,
И превращались в жён, чужих, брюхатых,
Все те, кому алмазы я дарил.
Друзьям мой мир вдруг показался тесным,
Простились второпях они со мной
И разбежались по миркам двухместным
Делить свой рай с любимою женой.
Я был не удручён, но озадачен.
К чему богатством жертвовать своим?
Ведь даль светла, и небосвод прозрачен,
Прекрасен мир, и я владею им.
Но время шло, и небо нависало
Все ниже, угрожая раздавить,
Мир сузился, и солнца в нём не стало,
И птицы перестали гнезда вить,
И чистый воздух, как в тюрьме, стал душен,
Впились в меня, терзая тело, вши,
И понял я, что никому не нужен,
Что нет со мною рядом ни души.
И я, свобода чьим была кумиром,
Не вылезая из зловонных ям,
Задавленный своим огромным миром,
Впервые позавидовал друзьям.

***

Схороню и любовь, и отчаянье,
Радость, ненависть, дружбу, вражду,
Лишь с надеждой – блондинкой печальною
По безвременью в ночь побреду.
Ночью той соловьиною, летнею
Жалость сердце раздавит, сомнёт,
Ведь она умирает последнею.
Кто ж последнюю-то помянёт?
Эк у светлой судьба-нескладуха!
Как же ей без: «Помянем! Налей!»,
Как же ей без: «Земля тебе – пухом!»,
Как без Царства Небесного ей?
Ночью летней, порой предрассветною,

До того, как придёт мой черед,
Я убью свою спутницу светлую,
А последней пусть жалость умрёт.

***

Я лампой был из тонкого стекла,
Светил во тьму и был насквозь прозрачен,
Но тех, кому мой свет был предназначен,
Я, подманив, не мог не сжечь дотла.
Когда кружилась в бешеном огне
Очередная жертва в танце смерти,
Я так же, как она, страдал, поверьте,
Возможно, что больнее было мне.
Мой свет тускнел и мерк из состраданья,
Все меньше я губил крылатых фей,
И эскалатор быстротечных дней
Совсем задул во мне огонь желанья,
А перед тем, как я совсем погас,
Коварством я был сильно озадачен.
Сказали все с презреньем: «Он прозрачен»,
Сказали и покинули тотчас.
И долго я в кромешной темноте
Скрывал свой жар в коптящем прозябанье,
А жалкие крылатые созданья
Летели к новой огненной черте.

***

Мир, отражённый в капельке росы,
Подлунному, увы, неадекватен.
В нем шорох трав и внятен, и понятен,
А я в нём – лишь одно из ярких пятен,
И быть мне в нём не годы, но часы.
Когда баланс в созвездии Весы
Всесильная энтропия нарушит,
Когда «внутри» сольётся со «снаружи»,
Змей с Древа Зла в раю осыплет груши,
И Гончие сорвутся с места Псы,
Когда опять до Млечной Полосы
Сожмётся разнозвездья бесконечность,
Душа моя покинет космос-вечность
И, окунувшись в Солнца мегасвечность,
Вновь станет бликом неземной красы,
Чтоб отразить меня в слезе росы.

***

Скажите ей, ушедшей Деве-Птице,

Скажите той, чьи крылья звёзд коснулись,
Чьё сердце продолжает ясно биться
В меридианах равнодушных улиц.
Скажите всё, о чём недосказали
Здесь, в Новом Свете: здесь, на этом свете.
Пуская слова, как лепестки азалий,
Поднимет в небо беспризорный ветер.
Скажите ей, что в суете пустяшной
Мир не растоптан чередою дней,
Что жив рассвет, что живо эхо в башне…
Что любите её,
Скажите ей.

***

«Усталым солнышком просвечен,
Кончался молча за чертой
Обыкновенный добрый вечер,
Коричневый и золотой…»
А. Чепуров. «Тем и живу»

Я не бегу за информацией,
Тем и живу, что жить мне нечем,
Любуюсь, как в реанимации
Отходит к Богу добрый вечер.
Вчера кончался. Завтра кончится.
И снова землю ночь остудит.
А мне писать об этом хочется,
Хотя читать никто не будет.

***

Если настрою мозг на приём
Волн уловимых едва,
Слышу порою – звёзд окоём
Шепчет мне эти слова:
«Больше в веках нас ничто не разделит.
Пусть на муку время мир наших грёз перемелет,
Мы с тобою всегда
Два колебанья одной амплитуды,
Зная, куда мы стремимся и взялись откуда,
Возвратимся сюда,
Где в оконном стекле
Скачет солнечный зайчик,
Где в мире большом и простом
На старушке-Земле
Встретил маленький мальчик
Девчонку с противным бантом.
Время над нами уж больше не властно.
Мы и представить не можем, что были несчастны

Друг от друга вдали,
Два электрона, но с разной орбитой,
Два астероида – части планеты разбитой,
Два кита на мели,
Два потухших огня,
Что остыли, отчаясь
Зажечь голубую звезду,
Но счастливее дня,
Когда мы повстречались,
Я даже в раю не найду.
И в бесконечной цепи превращений
Нет ничего этой вечной секунды священней
Для тебя и меня.
Пусть мы теперь – колебанья эфира,
Пусть мы свободны от плена трёхмерного мира,
Свет далекого дня
Нас согреет во мгле,
Будто солнечный зайчик,
И когда-то (мы знаем о том)
На старушке-Земле
Встретит маленький мальчик
Девчонку с противным бантом».
«Черной дырою» замкнут объём
Снов, но планета жива,
Если настрою мозг на приём
Волн уловимых едва.

***

Я устал от войны.
Войны за хлеб. Войны за страсть.
За то, чтоб в память и в сны
Никто не влез, не смог украсть
То, что я называю собой,
Без чего планета пуста.
Погасите свет. Прекратите бой.
Я устал.
Я устал от себя.
Своих надежд. Своих утрат.
Устал, минуты губя,
Брести за край. Не в рай. Не в ад.
В то, что я называю «смерть».
В антисмысл Иисуса Христа.
Погасите свет. Приглушите медь.
Я устал.

***

Татьяне Алюновой

Когда фальшивит злой осенний ветер,
В гобои водосточные трубя,
Увижу я в случайном силуэте
Тебя
Всего лишь на какое-то мгновенье,
И снова повернётся карусель
От памяти назад, к поминовенью,
В мир сей,
И снова станет душно от бездушья,
Опять сдержать обиды не смогу.
Смой своё эго траурною тушью
Ты, ГУВ.
Прощу тебе изгнанье каравана
И то, что псов бродячих ты любил,
Но Чайку ты свою за что так рано
Убил?!
Вспять не текут, увы, ни дни, ни реки.
Крик Чайки канул в дымке голубой.
Той Чайки, что помолвлена навеки
С тобой.

***

Эк раскрутилась подлая планета!
Остановись, кричу ей, не кружись!
Ведь сколько недосказано, не спето.
Я не скурил последней сигареты.
Я не решил, на что потратить лето.
Я не решил, на что потратить жизнь.
Пусть не сойти Земле с шальной орбиты,
И бег времён нельзя остановить,
Но времени я так скажу: иди ты!..
Хоть в пепел сигаретный преврати ты
Гранитные надгробия и плиты,
Меня тебе вовек не умертвить.
Я мозг. Я разум. Я душа Вселенной.
Костлявая с косою, отвяжись!
Пойми меня, мне надо непременно
Не превратиться в мусор, в кучу тлена, –
Я не решил, на что потратить жизнь.

***

Михаилу Медведеву

В чём же поэта предназначенье?
Именно в этом – против течения.
Против иллюзий. Стадности против.
Против диктата собственной плоти.
Против всей жизнью с момента рождения.
Против – из принципа, из убеждения.
Всё для того, чтоб в молчанья мгновение
Мы, поминая, сказали бы мысленно:
«Миша, спасибо за стих твой воинственный.
Мы не забыли. Мы против забвения».

***

Я научился смотреть Оттуда
Без тени надежды на веру в чудо.
Вера слепа. Высшее знание – свет.
Есть тьма вопросов. Один из них лишний:
Выдуман или реален Всевышний?
Есть Бог для тех, в которых он есть.
Для остальных его нет.

Максим Сентяков[1]

МГЛА

Баллада

I.

Как мается земля в июльский зной,
Молящая дожди пролиться с неба
И ждущая так праведно и слепо,
Как нищие пред царскою казной
Потёртый грош и ломоть чёрствый хлеба!
Градская суета и летний пыл
Меня свлекли в предместье, в плен аллейный,
Где ветер благотворный и елейный
Порожний дух свершает полным сил;
Где вековых дубов несметный строй
Пронзает крепостей немых остатки,
Чьи дни прошли – безудержны, но кратки,
И днесь они, поникнув головой,
В листву нырнув, играют с Фебом в прятки;
Где прошлое вздымает пыль арен,
Где след веков минувших дик и страшен
В оскале неприступных ране стен
И гордо ввысь скелет поднявших башен.
Предавшись этой тайне старины,
Склонившей перед временем колени,
Я сделал шаг на ветхие ступени
И эхом царство вечной тишины
Лишил забвения и сон наведшей лени!
По лестнице, скручённой, словно рок,
Нас рвущий на куски в земной юдоли,
Я также, предаваясь Вышней воле,
Взбираясь, всё молился, чтобы Бог
Меня бы вниз сорваться уберёг!
И здесь во оны дни горел очаг,
Да факелы чернили стены сажей,
И сталь клинков изменчивых и вражьих
Крошил в сраженьях истовый смельчак…
Но этот мир погиб, а свет зачах!

© Сентяков М.А.

II.
Подъём свершён! Раскрыта дверь во мрак,
Царивший здесь всевластно многи лета,
Не терпящий лучей слепящих света,
Не слышавший доселе гулкий шаг
Пришедшего взглянуть на тьму поэта!
Ни звука не ворвалось в сей удел,
Обёрнутый, как в саван, немотою,
Порочной и безудержно святою,
Но вдруг раздался голос: «Кто посмел
Прийти сюда, свет дня смешав со тьмою?».
И ужас охватил меня от слов,
Столь хладно прозвучавших в эти своды,
В молчании влачивших свои годы,
Кой вид был так серьёзен и суров,
Лишённый говорить любой охоты.
«– Чей голос возвещает мне укор
И будит сонм теней немых доселе?»
«– Я! – Шторм, ко дну пускающий линкор,
Уткнувшийся в заточенные мели!
Я! – То, что остаётся сотни лет
Растить зерно погибели и мести.
Я! – Вдовий флёр на плачущей невесте,
Нарушенный монашеский обет.
Я! – Пьяный хохот в самом свЯтом месте!
А ты – посмевший дерзостно войти
В нетронутый покой пустого склепа,
Отныне не узришь лазури неба,
И сердце остановит бег в груди,
Что прежде билось глупо и нелепо!»
«– Неужто ты, порочный омут тьмы,
Слова в пылу вонзающий, как жердья,
В сём мраке отворённой мной тюрьмы
Не знаешь ни любви, ни милосердья?»
«– Ты жаждешь милосердья и любви?
Слепец! Людей не ведавший природу,
Терзающих себя от года к году,
И век вершащих в собственной крови,
Впивая её бархат, словно воду!
Я тоже жил мечтой и был пленён
Тоской любви к подобию Венеры,
Храня в себе крупицу чистой веры
И вверх вздымая тысячи знамён,
Не знал ни удержу, ни отдыха, ни меры!
Я, словно паж, клонился перед ней,

Лелеял и хранил, страшась открыться,
И, словно в клетку пойманная птица,
Потоком безнадёжных серых дней
Лишь только знал, что в прутья с болью биться!
И приклонить колени пробил час
Пред жрицей, восседающей на троне,
И дерзостно припав к её ладони,
Я о любви поведал в первый раз,
Но встречен был лишь смехом карих глаз,
И раненый навек – бежал во стоне!
Чтоб призраком до Страшного Суда
Лишь ненависть питать к людскому роду,
Чтоб лживую двуличную породу
Сводить в Аид, сметая города
С лица земли, как старых карт колоду!
И ты, наивный узник этих стен,
Уйдёшь во мрак, отчаянно вздыхая,
Как птиц с дерев взлетающая стая,
Покинув духом тела жалкий плен!»
И он открыл пред мною скорбный лик:
Лишь черепа мертвецкие ланиты,
Да огнь глаз, что теменью налиты,
Хранящих мглы страданий скорбный крик.
Он жалко улыбнулся – сотня рук,
Меня схватив, на части растерзала,
И только хрип – последний смертный звук
Нарушил тишину пустого зала!

Иван Жердев[1]

АЛКОГОЛИК ВАСЯ, БИЗНЕСМЕН, ПОЭТ И СВОЛОЧЬ

Рассказ

А я люблю писать про алкоголиков. Был бы художником, писал бы их в масле, да не сподобил господь, и потому – словами. А слова – материал славный, мягкий да податливый. Знай лепи обороты и предложения, обжигай да раскрашивай. Тут главное, чтобы вверх, чтоб в ноосферу, а не по погребам в банках закатанных.

Русский алкоголик – человек широкий, тотальный и искренний. Он каждый день своего самоубийства норовит в праздник превратить, всё песни поёт, да стихи читает. Не замечал ли ты, мой умный и трезвый читатель, что человек подвыпивший обязательно спеть должен. Драки, бабы – всё потом, всё вторично. Сначала спеть! И так, чтоб до слезы, до воя. А если не спеть, то стихи почитать. Наш алкоголик очень поэтичен, а наши поэты соответственно… Ну можно даже не перечислять, все знают. И зря поэтов наших винят в грехе этом, мол не пил бы, ещё бы пожил, ещё бы написал. Да вот вам хорей, во всю вашу поэму – и не пожил бы, и не написал. Тут одно без другого никак. Вон Пушкин не пил, не пил… и что… пристрелили. Не стаканом так пулей, а поэту на Руси век недолгий. Про себя, вроде как, и неловко, да скажу – я как пить бросил, сразу на прозу перешёл, потому, скорее всего, и жив до сих пор, предатель. А рассказать хочу не о себе, а об алкоголике Василии Филипповиче, хотя, поди знай, как оно там всё устроено в этом эфире, и как мы все там повязаны – начинаешь о другом писать, а всё равно и про себя поведаешь.

Жил мой друг Вася широко. А чтобы эту ширь ещё расширить Васька пил, много и запойно. То есть если начинал, то и не останавливался, пока можно было добыть зелье и внутрь залить. А добыть он мог всегда, везде и в любой ситуации, а значит и останавливался только когда нутро уже не принимало.

И много было совершено подвигов, поступков, приключений и мерзостей, достойных и более искушённого пера, но здесь поведаю я только одну историю про перелёт нашего героя из России в Америку.

Василий Филиппович был, как ни странно, ещё и удачливым бизнесменом. Хотя – что здесь странного? Русский алкоголик легко сочетает и не такие вещи. Может и залы собирать, и страной руководить. А бизнес, политика и запой – сущности родственные, можно сказать – родные. И

© Жердев И.А.

там и там самое трудное остановиться. Невозможно. Потому что, если остановился, то ты уже не бизнесмен, не политик и не алкоголик. А исконный русский купец, он же нынешний бизнесмен, всё-таки человек русский, с душой и понятиями. И потому, дешевле купив и дороже продав, он где-то там, в глубине ещё не пропитой души, понимает, что совершает мерзость. Не умом своим понимает, ум на другое заточен, а именно внутри своей божественной сути. Умом он так думать не может и словами так никогда не скажет, но ведь понимает же где-то, как-то. Потому и мается, потому и бухает родной.

А вот банкир, например, алкоголиком быть не может. И то, что он мерзость совершает в ежедневном режиме, его никак не тревожит. Это каста особая, непьющая и душой не болящая. Не то, что там души вообще нет, такого и быть, вроде, не может, но она такая вот… не знаю, подлючая что ли… бездушная душонка эта… Да бог с ними, с нелюдями. Вася был всё же человек пьющий и ранимый, с душой страдающей. Так что лучше о нём, сердешном.

Опоздание рейса – всегда повод выпить. И если в аэропорт Василий Филиппович прибыл трезвым, в сопровождении свиты, то на борт он понялся один и подшофе. «Chauffe» в переводе с французского значит «подогретый». Выражение «подшофе» затесалось в русский язык благодаря, отчасти, стараниям молодого гусара Раевского, тоже изрядного шалуна. Я не к тому, что знаю откуда взялось словечко, а от того, что если бы по времени поменять местами Васю и Раевского, то они вели бы себя точно также, каждый в своём веке.

В салон самолёта Вася вошёл весёлый, бодрый и с гитарой. Гитару он в то время всегда возил с собой и в багаж никогда не сдавал, потому что гитара была очень дорогой и ранимой, а он её берёг. К месту тут будет пояснить, что Вася помимо того, что зарабатывал, как мог, ещё и песни писал и пел, и настолько это дело любил, что даже выступал с концертами, на которых как раз ни копейки не зарабатывал, но получал массу эмоций и удовольствия. Как любой успешный человек он был тщеславен. Ну нравилось ему восхищение толпы, аплодисменты и внимание. Ну и девочки, само собой. Не понимал он, в силу возраста и малого осознания, что в любом аплодирующем ему зале ровно половина хлопающих с ещё большим рвением бы стреляла. Прямо в ненавистную Васину рожу с двух рук, по-македонски. Зависть – самый сухой и лучший порох к любому калибру.

Итак, бодрый и весёлый Василий Филиппович с гитарой добрался до своего места и оказался в окружении не менее весёлых соседей, директоров АвтоВАЗА, летящих в Детройт по обмену опытом. То есть люди, выпускающие «Жигули», ехали делиться опытом с людьми, выпускающими

«Крайслер». В самом предназначении экспедиции уже было столько смешного, что поездка не могла пройти скучно.

На высоте десять тысяч метров над землёй всё по-другому. Присутствие опасности, высота и скорость меняют привычные разговоры и ощущения. Почему стюардессы выглядят сексуальнее, чем проводницы? Да высота подстёгивает. И желания острее, и впечатления сильнее.

В соседи Васе угодили работники высшего звена АвтоВАЗА: Аркаша Файнберг, поволжский еврей и главный дизайнер завода, и Скотт Клайнер, финансовый консультант из Британии, оба страшные патриоты России и «Жигулей». Быстро познакомились и сошлись на почве «Столичной» с томатным соком, причём консультант не смешивал, а чисто по-русски запивал. К Василию он сразу начал обращаться «Бэзил», на что Вася вежливо отвечал: «Видите ли, Скотт».

Не помню ни одного анекдота про русского, еврея и англичанина? А ведь забавная троица… И оказалось, что то, что немцу смерть, хорошо еще и англичанину, и еврею. Напились ребята крепко. А когда Вася расчехлился и запел, хорошо стало уже всему рейсу «Москва – Лос-Анжелес – Сан-Франциско». Они сидели в тогда ещё курящем конце салона и пели вечное есенинское «Стою один среди равнины голой…», а последнюю строчку «и ничего в прошедшем мне не жаль» подхватывали и повторяли уже все пассажиры, две стюардессы и второй пилот. Как славно, как уютно устроились двести с лишним человек на высоте десять тысяч метров. За бортом ночь, под крылом океан, и все знают, что, не дай бог, оно случится, ни у кого шансов нет, и поют так, как будто последний раз в жизни. Ни один, в бубен зарепетированный хор, не выдавал такой унисонной задушевности:

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадёт трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова…

И чудится мне, что подлетела в ночи к самолёту тарелочка, включила прослушку салона и умилились два зелёных гуманоида. И сказал один другому: «И чё нам говорили – дебилы, мол, дебилами. Нормальная планета», дослушали песню, пустили зелёную слезу, включили форсаж и умотали на свою Альфа-Центавру. Так Василий Филиппович, сам того не зная, в очередной раз спас человечество.

И не говорите, что такого быть не может. Всё может быть. Голову на отсечение не дам, но ведь летают же, и слушают, так что вполне, вполне… «Есть многое на свете, друг Горацио…»

Однако вернёмся в салон. А вечер переставал быть томным в курящем салоне. Кстати, о курении. С чего бы это вдруг весь мир сошёл с ума и набросился на людей, вдыхающих табак. Тысячелетиями ведь его курили

и даже в культ возводили. И чтобы там не верещали теперь СМИ и, якобы, здравоохранение, но лично для меня изящество красивой трубки не уступает изяществу скрипки. Да, я курю, я привык и я не понимаю – почему я должен толерантно терпеть педика, масляно глядящего на моего сына, и гнобить нормального мужика, скромно дымящего в углу ресторана. Спросите любого знающего учёного про этот бред насчёт пассивного курения, и он просто повертит пальцем у виска, если реально знающий. И любой практикующий врач вам скажет, что запрет на курение в больнице и на территории уже отправил на тот свет массу курящих сердечников. Больница – и так место не вдохновляющее, а если у людей жёстко отнимать пусть вредную для них, но любимую привычку, то человек испытывает стресс, с жизнью, порой, не совместимый. Человек – это сумма прекрасных вредных привычек. Отними их у нас, мы и людьми перестанем быть. А нас опять хотят разделить. Злостная и дебильная пропаганда вроде бы и правильных вещей, очень грамотно разводит нас по сторонам – вот вы ребята хорошие, правильные, а вот те, что курят, они люди вредные, тупые, второго, в общем-то, сорта. С ними можно вот так. И загоняют их в тесные стеклянные кабинки с плохой вентиляцией, и все идут и смотрят, как там изгои коптятся. И думают – так вам и надо. Не хотите бросать, так вот вам. А ведь всё это уже было. Из-за цвета кожи, из-за религии, из-за нации, из-за языка, да из-за чего угодно, главное найти повод, различие и показать – вот вы нормальные и вас много. А вот эти не такие уж и нормальные. Ату их убогих… Пусть станут, как мы, или совсем перестанут.

Однако вернёмся, мой редкий и умный читатель, в салон. Ты меня прости за эти отступления, но ведь оно так и пишется – выскочило слово и повлекло за собой. За каждым словом можно найти событие, явление, нам не постороннее. И когда уцепится мысль за одно всего лишь слово, то так его заласкает, что потом и оторваться трудно. «Ты в салон когда-нибудь вернёшься, филолог хренов?» – слышу я голос своего умного, любимого читателя и возвращаюсь в салон.

А вечер там переставал быть томным. После песен начались бабы и драки. То есть ничего в общем-то нового. Рано гуманоиды улетели, купились на лирику, нужно было до конца досмотреть, дебилы бы всё равно проявились.

Красивая секретарша – обязательный атрибут заграничной командировки большого начальника. А русская красивая секретарша вполне ещё может оказаться девушкой порывистой и необязательной. А тут ещё Вася с гитарой, голосом и Есениным, пропади он пропадом, в смысле – Вася, не Есенин. Секретаршу генерального директора АвтоВАЗА родители-славянофилы назвали при рождении Василисой (не поверите, опять случайная прелесть попадания) и тем уже предопределили судьбу неорди-

нарную и своевольную. Аттестат с медалью, музыкальная школа, модельное агентство и иняз Нижегородского пединститута довершили развитие и растление малолетней поволжской умницы и красавицы.

Разгорячённая высотой, виски и вокалом, Василиса сверлила васильковыми глазами Василия. Здесь не тавтология, боже упаси, а наиболее точное описание процесса в разрезе цвета и чувства. К концу песни об одиночестве она уже любила его, а он уже это понимал и тоже её хотел. А генеральный не зря добился генеральства и процесс отслеживал, но одно дело у себя в Тольятти, где каждый мент и бандит знал, что девка генеральская и взглядом не моги, а тут узкая алюминиевая сигара в небе над океаном, и тут ты просто пассажир и мужик, если ты реально мужик. Надо отдать должное генералу, он мужиком был и за самку свою мог биться, отбросив чины и регалии. И битва состоялась.

В самом хвосте самолёта, там, где кухня, есть маленькая площадка между стойками для подогрева еды. Не поле Куликово, конечно, но для поединка достаточно. Именно там и застал генерал парочку. Тёзки уже обнимались и целовались. Тут уж слова не нужны, всё предельно ясно. Вопрос «Ты чего к ней пристаёшь?» неуместен, а ответ ввиду занятости языка невозможен.

Самолёт вошёл в зону турбулентности во время нанесения удара и сместил направление кулака. А надо сказать, заслуженно получила в глаз красавица Василиса. Я абсолютно против избиения женщин по любой причине, и дело это считаю недостойным мужчины, но тут не я и даже не генерал, тут турбулентность. Ударившись спиной о стойку, Василиса затем упала вперёд и приняла силиконовыми губами ногу Василия, бревном летящую в детородные органы генерала. Божий промысел по-разному выглядит. Не всегда эстетично. При следующем рывке самолёта двое мужчин, быстро и жёстко отметеливших секретаршу, схватились в объятиях и упали на пол. Сверху на них напрыгнула окровавленная красавица и с воплем «Ах вы, суки» молотила, не разбирая, чем попало и гусляра, и генерала. А в руки попался металлический судок из печки с подогретой рыбой в томатном соусе.

Ах, любишь ли ты, мой тонкий, интеллигентный читатель, всю эту мерзкую прелесть пьяной русской драки так, как люблю её я? А я очень люблю.

Ну вы только представьте картину, посмакуйте. Десять тысяч метров реально над уровнем Атлантического океана, советский самолёт-гигант ИЛ-96, напряжённый экипаж вручную преодолевающий грозовой фронт, пассажиры – кто пьёт, кто спит, кто решает проблемы и месиво в хвосте, на кухне. Вот она модель семьи, государства, планеты. Эх, зря улетели гуманоиды, надо было досмотреть.

На шум, хватаясь за кресла и стойки, подоспели автовазовцы и растащили, наконец, любовный треугольник. Женщины с участливыми лицами и радостными сердцами (наконец-то!) приводили в порядок лицо АвтоВАЗА, а мужики, как и положено, усадили рядом самцов и заставили выпить мировую. Британец Скотт откровенно ржал, а еврей Аркаша толково объяснял мужчинам бессмысленность для человека разумного драки за самку. Залитые кровью и томатным соусом бойцы, наконец, выпили и, вроде как, замирились. Но после очередной мировой генерал предъявил Василию разбитые секретарские губы, за которые он заплатил пять штук баксов лучшему хирургу Москвы. И зачем ему теперь секретарша с такими губами, и что она теперь насекретарит. В ответ Вася предъявил автовазовцу последнюю модель жигулей, такую же несуразную и непригодную, как разбитые губы генеральской секретарши. На том и помирились. Один – один.

Расстались они в Лос-Анжелесе почти друзьями. Так бывает. Вася улетел в Сан-Франциско, а генерал с побитой секретаршей и бухой свитой – в Детройт, делиться все-таки опытом. На санитарном кордоне у него отобрали хвост судака, торчащий из нагрудного кармана пиджака, как куриная ножка у Азазелло.

Я к чему это всё рассказал. Не в драке суть, хоть и прикольно. И Аэрофлот – волшебная компания. Но летать надо на наших просторных «ИЛ-96», а не на всяких «Боингах». И я против того, чтобы всякий толстый американец в униформе отбирал хвост нашего русского судака у нашего русского производителя, какой-никакой, а своей машины. И чтобы британский Скотт ржал над нашими внутренними разборками, я тоже не согласен. Мы сами разберёмся. Наш самолёт, наш судак и секретарша наша. И мы наших любим, хотя иногда и бьём. Но только сами. Сами, понятно? Не надо к нам лезть, иначе мы перестанем разбираться между собой и разберёмся с вами.

Клянусь шрамом на виске от горячего кухонного судка компании «Аэрофлот».

Валерий Румянцев[1]

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

Январской тусклою зарёй,
Что свет с небес едва впустила,
Над охладевшею землёй
Метался ангел белокрылый.
И с высоты на чёрный лес,
На льдом окованные реки
Он сыпал белый снег с небес,
Чтоб белым сделать всё навеки.
И покрывалась белизной
Вся грязь в природе понемногу,
И наступал на мир стеной
Покой, торжественный и строгий.
Но чужд покой людским сердцам,
И разгораются кострища.
Мир хижинам – война дворцам,
А людям – зрелища и пищу.
Спасаясь от зимы огнём,
Они весну зовут с надеждой.
И плюнув слякотным дождём,
Умчался ангел белоснежный.

* * *

Когда в душе отчаянье и боль,
И кажется, что жизнь – пустая шутка,
Не забывай, что всё перед тобой
Всего лишь отражение рассудка.
А отражение порою может лгать,
Коль зеркало кривое попадётся,
Поэтому не торопись страдать,
Быть может, всё ещё и обойдётся.

О совести

Есть в сердце человека две пружинки,
Они хранят баланс добра и зла.
Одна из них холодная, как льдинка,
Другая раскалилась докрасна.
И сердце человека выбирает,

© Зорькин Б.И.

Какую из пружинок предпочесть.
Вот почему в сердцах людей бывает
И эгоизм, и доброта, и честь.
Одна пружинка совестью зовётся,
И кто пружинку эту предпочтёт,
Тому удел нелёгкий достаётся:
Он весь в сомнениях мучительных живёт.
Диктует совесть поступать по чести,
И это вызывает часто злость.
Ум, доброта и справедливость вместе
Стоят у многих в горле, словно кость.
Без совести жизнь незамысловата.
Душа в сомнениях не бьётся, не болит.
Себя ни в чём не мысля виноватым,
Бессовестный живёт как пуп земли.
Беря от жизни всё, что удаётся,
Рассеянно плюёт на всех вокруг
И барственно над совестью смеётся,
Её считая за смешной недуг.
Без совести легко прожить на свете.
Но те, кто выбирает этот путь,
Рискует, что их собственные дети
Когда-нибудь решат их в грязь спихнуть.

* * *

Кругом весною радостные тайны.
Люблю я страстный лебединый крик,
Люблю я первый гром, когда случайно
Сквозь небеса он слышится на миг.
Кругом веселье, юность и цветенье.
Ещё в горах возникшая вода
Несётся вниз с каким-то нетерпеньем,
Сбежав от неподвижной жизни льда.
Кругом весною буйные надежды,
Мир серый словно красками покрыт.
Спешит природа в праздничных одеждах
Будить всё то, что слишком долго спит.

* * *

Большое знание несёт большое горе.
Куда несёт, зачем несёт – загадка.
Но в знании, огромном словно море,
Есть горечь настоящей шоколадки.
Кому-то сладких плиток суррогат
Покажется на вкус безукоризнен.
Но в каждом суррогате спрятан яд,

Крадущий часто смысл из нашей жизни.
Бессмысленность – источник наших бед,
И полный штиль куда опасней бури.
Неизлечим духовный диабет,
А инсулина чувств не существует.

* * *

Огонь костра воспоминанья будит,
Хоть много лет прошло уже с тех пор.
Моя душа вовеки не забудет
Тот ветром раздуваемый костёр.
Тогда я жил под именем Джордано,
Теперь сменил и имя, и лицо,
Но, как и прежде, полчища баранов
Кидают хворост на костёр отцов.

* * *

Жить на своё усмотрение –
В этом свободы соль,
Только вот, тем не менее,
Это ещё и боль.
Жизнь на своё усмотрение
Не из утех одних.
Часто это горение,
Чтобы согреть других.

* * *

Умей ценить весь мир в предельно малом,
В избытке ценность падает в цене.
В тайге сибирской ложечка крахмала
Вдруг воплотится в жидком киселе.
И примиришься с комариным зудом,
Глотая ароматное питьё.
И на тропе стволов упавших груды
Не так уж будут вызывать нытьё.
Умей найти и в крошечном усладу –
И в жизни обретёшь надёжный щит.
Пинки судьбы считать за благо надо,
Тогда она плохого не свершит.

* * *

Когда все мысли спутаны в клубок
И не желают выходить на волю,
И кажется, что даже пары строк
Ты написать не в силах будешь боле,
Когда обступит жизни суета,
Словно толпа поклонников артиста,

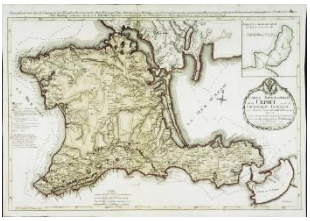
И белизна тетрадного листа
Всё остаётся первозданно чистой,
Пронзит вдруг сердце сладостная боль –
Предвестница его прикосновенья –
И в звуках музыки предстанет пред тобой
Прекрасное как чудо вдохновенье.

* * *

Ночь. Шорох шин. Змеиной шкурой
Дорога растянулась вдаль.
Сижу, усталый и понурый,
И жму сердито на педаль.
И кто погнал меня средь ночи
Через чужие города?
Сидел бы я спокойно в Сочи,
Нет, мчу неведомо куда.
Рычит мотор на поворотах,
Ему бы тоже отдохнуть.
Но продолжает гнать нас что-то
Невидимое в дальний путь.
И так всю жизнь. Без передышки
К неясной цели мы летим.
В душе до старости мальчишки,
Хоть в том признаться не хотим.
А цель мелькнёт за поворотом,
Вгоняя сердце снова в дрожь,
И кажется, что жизнь – охота,
А вот зачем, не разберёшь.

Птица-тройка

Что в России сейчас: перестройка
Или что-то иное – не знаю,
Но безумная русская тройка,
Как и прежде, несётся по краю.
Слева – пропасть, а справа – болото,
Лишь по краю и можно промчаться.
То ли Русь догоняет кого-то,
То ли с кем-то не хочет встречаться.
Мчать по краю – привычное дело.
На «авось», как всегда, уповая,
Русь проносится там, где слетела
В пропасть сразу бы тройка другая.
И хранит Провиденье покуда
Для своей непонятной затеи
Это страшное русское чудо –
Птицу-тройку, что мчит всё быстрее.



ИССЛЕДОВАТЕЛИ КРЫМА

РОМАНТИК ПЕЩЕРНЫХ ГОРОДОВ

К 55-летию Ю.М. Могаричева

10 марта этого года исполнилось 55 лет видному крымскому учёному, доктору исторических наук Юрию Мироновичу Могаричеву. В канун этого события юбиляр дал интервью корреспонденту «Таврии литературной».

***Ред. «ТЛ»**. Юрий Миронович! Как сформировалась Ваша любовь к истории. Может быть, вспомните какой-нибудь эпизод из школьных лет на Вашей родной Херсонщине?*

Ю.М. Могаричев. Думаю, что я в этом смысле не одинок. Уже где-то к пятому – шестому классу определилось, что точные науки – это явно не моё. Хотя я учился хорошо, что в итоге проявилось в пятибалльном аттестате, формулы и теоремы доставались мне достаточно тяжело. К девятому классу у меня было два увлечения – география и история. Тогда школьных олимпиад по истории не было (по крайней мере, я не помню), а по географии я выигрывал районный уровень. Но в итоге история взяла своё, и уже в десятом классе у меня не было сомнений, на какую специальность поступать. Правда, представление об истории тогда у меня было специфическим и ограничивалось современной историей на стыке с политологией.

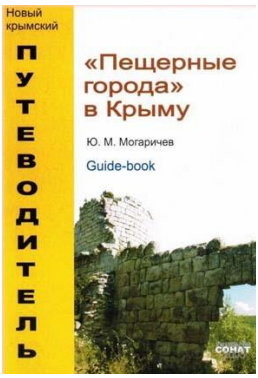
***Ред. «ТЛ»**. Расскажите о Ваших студенческих увлечениях, о работе в экспедициях Института археологии АН УССР, о Ваших учителях.*

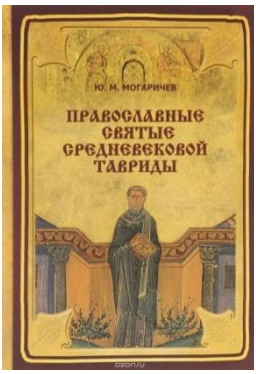
Ю.М. Могаричев. Когда я поступил в 1981 году на исторический факультет Симферопольского госуниверситета (кстати, мне с трудом удаётся произносить его последующие названия, СГУ как-то приятнее и ближе), практически сразу определилась моя специализация. За это я безмерно благодарен моему научному руководителю Александру Германовичу Герцену. На первом курсе он предложил мне тему курсовой работы: Эски-Кермен. С его помощью я достаточно быстро «вжился» в данную проблематику, и, наверное, это стало причиной того, что моей научной специализацией, в широком смысле слова, стала история и археология средневекового Крыма. Конечно, будучи студентом, я работал в разных археологических экспедициях: на Хараксе, Гурзуфском седле, Чуфут-Кале, Мангупе, разведках в разных регионах. Но «базовым» регионом стал Юго-Западный Крым и его средневековая история. Кроме научного руководителя, который сыграл решающую роль в моём становлении как учёного, не могу не вспомнить своих коллег по студенческому археологическому клубу «Эос», названному по имени древнегреческой богини зари. Мы там собирались, вели научные дискуссии (конечно, во многом наивные), но это способствовало моему развитию как исследователя. Куратором этого клуба от преподавателей был замечательный человек Виталий Николаевич Даниленко, который часто «закрывал глаза» на наши не совсем «соответствующие моральному облику советского человека», даже с идеологической точки, деяния. Сейчас многие бывшие члены «Эоса» – доктора и кандидаты наук, причём не только археологи, но и религиоведы, известные в Крыму политологи.

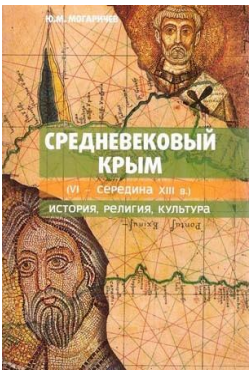
***Ред. «ТЛ»**. Как рождалась Ваша кандидатская диссертация? Почему Вы выбрали темой пещерные города Крыма, ведь эта проблема интересовала многие поколения исследователей?*

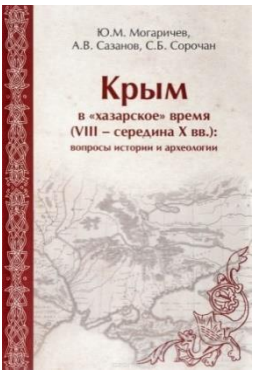
Ю.М. Могаричев. Собственно, кандидатскую диссертацию, как таковую, я начал писать на втором курсе. Тогда уже встал вопрос о специализации на кафедрах. Я выбрал кафедру истории Древнего мира и Средних веков. И Александр Германович Герцен, о чём я всегда вспоминаю с огромной благодарностью, предложил мне тему «Пещерные сооружения Юго-Западного Крыма». Сначала получилась курсовая, потом дипломная работа, затем кандидатская и в итоге – докторская. Знаете, в процессе становления любого историка, если это действительно учёный-историк (хотя я думаю, что это касается всех специальностей), всегда имеется несколько стадий. Сначала ты изучаешь одну статью или книгу по проблеме, и тебе кажется, что ты всё об этом знаешь и, как говорится, с точки зрения научного поиска «тут ловить больше нечего». После прочтения трёх – четырёх работ разных авторов «вдруг» выясняешь, что некоторые сомневаются, казалось бы, в азбучных истинах. И, наконец, когда ты серьёзно

вникаешь в проблему, оказывается, что многие «незыблемые» выводы твоих предшественников основаны на очень зыбких аргументах, и тема не более чем «белое пятно». То есть, происходит стандартное развитие представлений о той или иной научной проблеме.









***Ред «ТЛ»**. Что нового внесла в науку Ваша докторская диссертация о византийской скальной архитектуре Горного Крыма?*

Ю.М. Могаричев. Возвращаясь к предыдущему вопросу, достаточно быстро (конечно, не без «подсказки» научного руководителя) я понял, что проблема искусственных пещер Крыма – это более чем «белое пятно». О пещерах писали многие, нередко авторитетные и замечательные учёные. Конечно, я упоминаю о них в своих диссертациях и монографиях. Но все выводы, как правило, были основаны не на реальных фактах, а на существовавших исторических и, нередко, идеологических доктринах. Например, в конце XIX века в отечественной историографии сложилась точка зрения, что пещерные монастыри были созданы бежавшими в Крым от преследований иконопочитателями. Соответственно, все последующие авторы, и это несмотря на то, что в советское время была тенденция к пересмотру выводов дореволюционных историков, априори датировали эти памятники VIII – IX веками, то есть периодом иконоборчества в Византии. Когда мы с Герценым попытались всерьёз исследовать данную проблему, оказалось, что в Крыму нет ни одной пещерной церкви, которую можно датировать ранее X – XI веков. И это только один аспект. Я попытался найти реперы для датировки искусственных пещер. Как мне кажется, в целом получилось, что вылилось в концепцию истории скальной архитектуры Крыма. Без ложной скромности могу сказать, моя докторская диссертация была защищена в 1998 года, то есть двадцать лет назад, но за это время никто пока ничего лучшего не предложили. Конечно, некоторые выводы ещё нуждаются в корректировке, наука развивается. Однако в целом ни один исследователь не смог эту концепцию опровергнуть.

***Ред. «ТЛ»**. Какие ещё темы соответствуют Вашим научным интересам?*

Ю.М. Могаричев. Кроме собственно истории скальной архитектуры Крыма, я занимаюсь исследованием проблем истории полуострова «хазарского периода», то есть вопросами, связанными с присутствием хазар в Крыму. Здесь тоже очень много «легенд и сказок». Например, бытует мнение, что некоторые крымские народы – потомки именно хазар. Еще одним направлением моей научной деятельности является исследование проблем христианской истории средневекового Крыма. Например, я с коллегами написал монографии о святых Иоанне Готском, Стефане Сурожском, первых Херсонских епископах. Мне кажется, что нам удалось в той или иной степени отделить в этой монографии реальную историю от легендарной.

***Ред. «ТЛ»**. Какие отношения у Вас с соавторами, коллегами, можно ли говорить, что в Крыму сложилась научная школа археологии?*

Ю.М. Могаричев. Что касается отношений с соавторами, то, как правило, это исследователи, научные взгляды которых или совпадают, или близки моим. Чаще всего в таких случаях один раздел книги органично дополняет другой. Невозможно писать совместную работу, находясь на разных полюсах научных представлений. Что касается отношений с иными коллегами, то они, естественно, разные. С кем-то приятельские, с кем-то рабочие, а с кем-то их просто нет. В науке, как и в ряде иных сфер, достаточно серьёзная конкуренция. При этом здесь, как ни странно, встречаются случайные люди. Некоторые болезненно реагируют на критику в свой адрес, переводя научную дискуссию в разряд межличностных отношений. В этом плане наука близка к спорту и культуре. Я бы не стал однозначно говорить о специфической крымской археологической школе. В позднее советское время у нас было два основных центра археологии – университет и отдел археологии Крыма Института археологии АН УССР. Были археологи в музеях: Херсонесском, Бахчисарайском, Керченском, Крымском краеведческом. Это же наблюдалось и в «украинское» время. При этом кто-то из местных специалистов «ориентировался» на московские научные учреждения и школы, кто-то – на ленинградские, кто-то – на киевские. У нас работали выпускники харьковского, екатеринбургского университетов и ряда других вузов. Например, я свои диссертации, как кандидатскую, так и докторскую, защищал в Санкт-Петербурге в Институте истории материальной культуры. Конечно, можно говорить, что многие крымские археологи, в основном работники Отдела археологии Крыма, – ученики легендарного Олега Ивановича Домбровского. И в этом они, несомненно, представители крымской археологической школы.

Но были и другие «центры притяжения». Мне кажется, в целом можно говорить о крымской археологии, но не о единой крымской археологической школе. И это хорошо. В науке должны быть конкуренция и разномыслие. Иначе будет деградация.

Ред. «ТЛ». *Вопрос традиционный: каковы Ваши научные планы?*

Ю.М. Могаричев. Недавно я опубликовал монографию об исследованиях пещерных городов одного из создателей Московского археологического общества и современного Государственного исторического музея Алексея Сергеевича Уварова *(1825 – 1884).* Кстати, сына автора формулы «Православие. Самодержавие. Народность», министра народного просвещения России Сергея Семёновича Уварова. Выявилось много интересного. О планах же лучше говорить, когда они реализованы. Так надёжнее.

Ред. «ТЛ». *Юрий Миронович, что бы Вы хотели пожелать начинающим исследователям Крыма, каковы перспективные направления изучения истории полуострова?*

Ю.М. Могаричев. Я бы хотел, чтобы начинающие исследователи помнили: фальсификация истории это не когда кто-то придумывает «новую историю». Это мифология. А фальсификация, это когда историк в угоду своей, не важно какой – политически, национально, религиозной или иной ангажированной версии сознательно замалчивает или игнорирует факты и источники. Вот и выходит однобокая или сфальсифицированная история. Если вы называете себя историком, должны объективно представить материалы, а выводы – это вторичное. Перспективных направлений в изучении истории Крыма масса. Другое дело, что не все в восторге от того, что всплывают отдельные исторические реалии. Начинаются попытки установить национальную, религиозную и прочую цензуры. Однако, как известно, правда всегда откроет себе дорогу.

Ред. «ТЛ». *Благодарим Вас, уважаемый Юрий Миронович, за интересную и содержательную беседу. Нынешний год по славянского календарю – это год Парящего орла. А значит – новых творческих взлётов. Примите самые искренние пожелания успехов в научной и педагогической деятельности, достойных Вам учеников и, конечно, крепкого здоровья!*

Беседовал Георгий Селин

ПУБЛИЦИСТИКА

Олег Андреев[1]

ПОМЕРКНУВШИЙ ПОЛУМЕСЯЦ

«Панта рей», всё течёт: так сказал когда-то нелюдимый уроженец Эфеса, прозванный Мрачным. Всё течёт и меняется: но каждое утро восходит над миром одно и то же солнце. То же самое светило, что поднимается над нашими городами, с безмерной щедростью разливало когда-то свой свет над крышами древнего Солхата, о котором с немалым удивлением читаем мы теперь на страницах книг. И та же самая могучая гора, знакомая любому жителю восточной части Крымского полуострова, стояла некогда нерушимой стеной на страже города, от былой славы которого остались лишь воспоминания. Панта рей…

Что подумал бы мальчик, уроженец крымских степей, проданный монголами в рабство, если бы услышал, что ему суждено стать султаном Египта и Сирии, перед которым содрогнётся Ближний Восток, что о нём будут помнить через много веков и напишут книги? Что ответил бы султан, бывший некогда этим самым мальчиком, если бы кто-то сказал ему, что Солхат превратится со временем в пыльный маленький городок на пути из Ак-Мечети в Кафу, а величественная мечеть, построенная благодаря ему, будет лежать в руинах, привлекая внимание лишь редких любителей старины? Склонил бы голову в тени цветущего сада, молвил бы «на всё воля Аллаха» или разгневался: «Как смеешь…»? Мы не знаем. Гераклит сказал бы, наверное: всё течёт, всё меняется… Так проходит земная слава.

Осколок мусульманского мира, словно оберегаемый могучей стеной Агармыша от окончательного разрушения, «город тишины, цветов и развалин»[*], над которым и ныне каждый день звучит распевный призыв муэдзина – вот, что представляет собой сегодня Старый Крым, он же Солхат или Сурхат, некогда главный город Крымского улуса Золотой орды, гигантской средневековой империи, раскинувшейся от Енисея до Дуная, от Каспийского моря до Белого…

Середина лета, солнечный день, но откуда-то из далёких краёв, из-за горизонта, поднимаются в золотых лучах света огромные и прекрасные облака. И мы восходим, медленно, то и дело останавливаясь, чтобы полюбоваться захватывающими дух видами, по склону овеянного легендами пепельного Агармыша, производящего впечатление древнего старика (ныне забытое название Агармыша – Эски-Даг, то есть «старая гора»). Мы идём вверх по южному склону, по каменистой тропе, которой, быть может, поднимался некогда на вершину восточного Крыма будущий султан Бейбарс I. Далеко внизу осталась оживлённая автотрасса с её шумом, и теперь кругом звучит стрёкот неутомимых цикад да

© Андреев О.А.

[*] Так назвал город Старый Крым писатель Александр Грин, который провёл здесь последние месяцы своей жизни.

шелестят на ветру листья невысоких деревьев, и ветер шепчет, как шептал когда-то давно… «Иди, иди, мальчик, иди и смотри. Что видишь ты? Эта земля лежит у твоих ног. Время придёт, и судьба приведёт тебя к другим берегам. Время придёт, и ты не сможешь окинуть свои владения взглядом: так велики они будут…»

Через час мы уже наверху, и Эски-Кырым[1] внизу кажется уже даже не городом, а просто селом. Подняв головы, мы замечаем парящего в небесах орла, вскоре скрывающегося от нашего взора где-то за агармышским лесом и как бы зовущего туда, скорей туда…

Подошёл я к опушке лесной.
Тише, сердце, внемли!
Тут светло, а там в глубине –
Словно весь мрак земли[2].

Да, наверху Агармыш почти весь покрыт густым лесом, к счастью, мало затронутым опустошительной и губительной человеческой деятельностью (хотя следы присутствия людей на Агармыше то и дело обнаруживаются, и обнаруживаемое является, как правило, нелестным свидетельством о тех, кто здесь отдыхал или проходил, но не будем о грустном)… Вот уже мы идём по лесной тропинке, всё дальше и дальше – к противоположному склону. Если с южного склона открываются потрясающие, незабываемые виды на Чёрное море, зелёный лес и таинственные горы, то, оказавшись у северного склона, мы видим уже совсем иную картину: степной Крым, а вдалеке, если хорошо приглядеться, можно увидеть и Азовское море. Контраст! Поистине, Крым (романтики предпочитают говорить «Киммерия») – земля ярких контрастов...

Приведя для иллюстрации стихи знаменитого американского поэта Роберта Фроста, мы несколько сгустили краски: в ясный день в агармышском лесу нет какой-то особенной темноты. Тьма здесь укрывается в многочисленных пещерах, служащих пристанищем летучих мышей, и провалах, ведущих в недра горы. Один из самых зловещих провалов в агармышском лесу и вовсе прозвали Бездонным колодцем, вход в который, правда, закрыт в наше время плитой. Кто знает, может быть, это вход в подземное царство? Но узнать это нам не суждено, и мы устремляемся дальше, прочь от жуткого места, от которого даже в июльский день веет мертвящим холодом… Справедливости ради надо сказать, что Агармыш подобен гигантской губке: благодаря всем этим трещинам, провалам, шахтам и колодцам гора (совсем как живой организм) поглощает, впитывает в себя дождевые и талые воды, которые затем вытекают у подножия горы в виде источников, а вода несёт жизнь. Вот такой, казалось бы, странный парадокс: почти могильный холод провалов наверху и освежающая, радостная прохлада воды, прародины всякой земной жизни, внизу…

Поблуждав некоторое время по лесу, мы снова выходим на опушку: над нами, иногда скрываясь за налетающими облаками, светит приветливо солнце.

[1] То есть, Старый Крым.
[2] Фрост Р. «Войди». (В переводе И. Кашкина).

Полдень, вокруг тихо, и эта тишина благодатна. Как тут не вспомнить строки Майкова («Пан»):

Он спит, он спит,
Великий Пан!
Иди тихонько,
Моё дитя.
Не то проснётся...
Иль лучше сядем
В траве густой
И будем слушать, –
Как спит он, слушать,
Как дышит, слушать;
К нам тоже тихо
Начнут слетать
Из самой выси
Святых небес
Такие ж сны.
Какими грезит
Великий Пан,
Великий Пан...

Да, в полдень кажется, что Агармыш спит. Мы сидим в траве, под деревом на краю леса, безмолвно любуясь открывающимися видами: вот там, вдали, костистая Киик-Атлама, а справа – Чёрная гора, словно погружённая в какие-то свои неведомые думы…

Но то – лето, солнечный июльский день. А бывают дни, когда Агармыш вдруг неожиданно преображается, гору окутывает густой движущийся туман, готовый, кажется, вот-вот сорваться вниз и затопить притаившийся, притихший внизу город… Это летийский туман. Почему «летийский»? Ответ следует искать у древних, а именно у древних греков и римлян. Лета – одна из подземных рек греческих мифов. Но какое отношение это имеет к Агармышу и Старому Крыму? А вот какое.

Есть в стороне киммерян гора с каменистой
Мрачной пещерой: издавна там сон обитает ленивый.
Феб не сияет: лишь тонкий туман, от земли поднимаясь,
Влажной стелется мглой и сумрак сомнительный светит.
Медленной струйкой Летийский ручей, по хрящу пробираясь,
Слабым, чуть слышным журчанием сладко наводит дремоту…

Так писал римский поэт Публий Овидий Назон, которому когда-то довелось посетить Киммерию. Что ж, описание поэта подходит к Агармышу: в этом может убедиться каждый, кто побывает в Старом Крыму и поднимется на гору. Даже со стороны зрелище неожиданно возникающего на вершине Агармыша тумана производит впечатление какого-то странного волшебства (быть может, его творят духи крымских гор, о которых писал Грин?).

…Но вот густой туман постепенно начинает рассеиваться, и в застывший лес возвращаются лучи солнца. И сквозь медленно исчезающую пелену тумана ви-

дится внизу, в радостных солнечных лучах, могучий, обнесённый крепостной стеной город, с по-восточному великолепным ханским дворцом со множеством пышных садов, в которых круглый год цветут розы, сонно журчащих фонтанов, устремлённых к вечным лазурным небесам минаретов, среди которых сразу заметен минарет величественной мечети султана Бейбарса I, с огромным восточным рынком, где звучат в шумном многоголосье языки юга, востока и запада: армянская, татарская, китайская, русская, персидская, арабская, итальянская речь… Вот к воротам лежащего на торговом пути из Азии в Европу города, справа и слева от которых высятся гордо две сторожевые башни, тянется медленный караван усталых кораблей пустыни – верблюдов, везущих из сказочных восточных стран, из Леванта и Китая, дорогие шелка, невиданной красоты фарфор, золото, меха, кожи, зелёный чай и белый рис, янтарь, диковинные кораллы и душистые пряности…

Что же это? Неужели померкший века назад полумесяц снова взошёл над древним Кырымом и сияет с прежней яркостью? Или всё – лишь чары духов, обитающих в крымских горах?.. Туман, появившись неожиданно и быстро откуда-то из недр Агармыша, также стремительно исчезает. Снова смотришь вниз: нет, показалось. Видение, сон наяву. Панта рей – всё течёт, всё меняется, меркнет золото и темнеет серебро, и слава земная проходит, оставляя после себя лишь печальные руины да свидетельства на страницах книг, пылящихся на библиотечных полках. Туман исчезает бесследно, также бесследно исчезают и многие творения рук человеческих, рассыпаясь в прах, а иные уходят под землю.

Да, Эски-Кырым – потускневший осколок мусульманского рая (по выражению Волошина), где прошлое, то относительно недавнее в образе памятника Ленину, то средневековое (хочется сказать – допотопное) в виде развалин мечети султана Бейбарса, напоминает о себе буквально на каждом шагу. Маленький город, кажется, застыл во времени, но мы, как и древние греки, знаем, что это впечатление обманчиво, ведь всё меняется. Что будет через сто, тысячу лет? Одно можно сказать с уверенностью: века пройдут, и всё с той же неизменной задумчивостью будет взирать с высоты пепельный Агармыш, словно страж восточного Крыма, перед взором которого сменились эпохи. И сменятся ещё…

(I. 2019)

НАШ КРУГЛЫЙ СТОЛ

ЛИВАДИЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА НИКОЛАЯ II И ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕГО РАЗОРУЖЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

К 120-летию Гаагской мирной конференции. Май – июль 1899 года

Б.К. ТЕБИЕВ

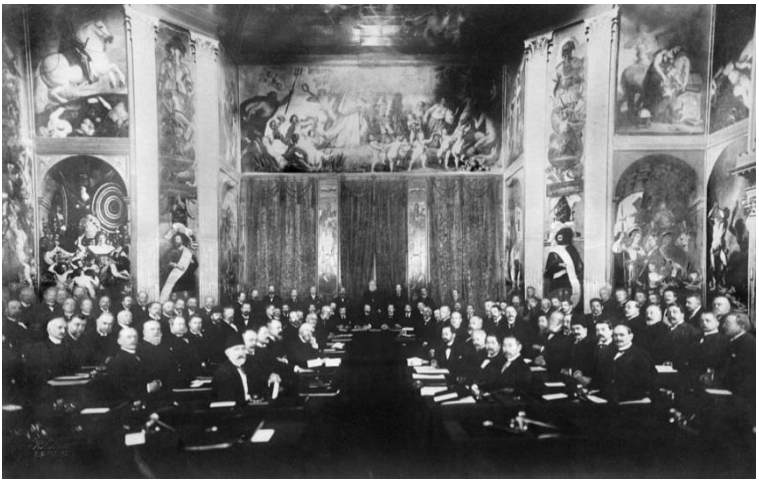
Главы государств и дипломатических ведомств ведущих государств мира были немало удивлены, когда в конце лета 1898 года и зимой 1898 – 1899 годов на их рабочих столах появились весьма странные документы, исходившие из России, а точнее от её тридцатилетнего императора Николая II. Первым из них была циркулярная нота министра иностранных дел Российской империи графа М.Н. Муравьёва от 24 августа представителям России за границей. В ней говорилось: «Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений являются, при настоящем положении вещей, целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств. Всё возрастающее бремя финансовых тягостей в корне расшатывает общественное благосостояние. Духовные и физические силы народов, труд и капитал отвлечены в большей своей части от естественного назначения и расточаются непроизводительно. Сотни миллионов расходуются на приобретение страшных средств истребления, которые, сегодня, представляясь последним словом науки, завтра должны потерять всякую цену ввиду новых изобретений. Просвещение народа и развитие его благосостояния и богатства пресекаются или направляются на ложные пути... Если бы такое положение продолжалось, оно роковым образом привело бы к тому именно бедствию, которого стремятся избегнуть и перед ужасами которого заранее содрогается мысль человека. Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья – таков ныне высший долг для всех государств. Преисполненный этим чувством, Государь Император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при Высочайшем Дворе, с предложением о созыве конференции в видах обсуждения этой

*В работе «круглого стола» приняли участие: доктор философских наук (НИЯУ МИФИ) И.Е. Задорожнюк; доктор исторических наук, заведующая отделом истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН Э.Г. Задорожнюк (Лаврик); доктор педагогических наук, доктор экономических наук, академик РАЕН, главный редактор журнала «Таврия литературная» Б.К. Тебиев; доктор экономических наук, профессор РАНХиГС при Президенте РФ Б.И. Шевченко; доктор исторических наук, профессор МПГУ, академик РАЕН А.И. Юрьев.

важной задачи. С Божьей помощью, конференция эта могла бы стать добрым предзнаменованием для грядущего века».

Этот исторический документ я позволил себе полностью зачитать, поскольку он был продиктован графу М.Н. Муравьёву Николаем II в Ливадийском дворце в Крыму, где в тот год в течение нескольких месяцев император не столько отдыхал, сколько работал. Поэтому вполне логично назвать мирную инициативу царя «ливадийской».

Вторым документом было циркулярное сообщение от 11 января 1899 года иностранным дипломатическим представителям в Петербурге. В нём русское правительство наметило восемь пунктов программы будущей конференции. Из них четыре пункта касались поднятого циркуляром 24 августа вопроса об ограничении вооружений, три последующих – имели в виду право войны, а последний пункт намечал возможность заняться вопросом о мирных средствах разрешения международных столкновений.



Первая мирная конференция в Гааге 1899 года

В мае – июле 1899 года состоялась первая международная конференция, получившая название «мирная». Благодаря активной позиции королевы Нидерландов Вильгельмины местом её проведения был выбран город Гаага, расположенный на западе Нидерландов, резиденция нидерландского правительства и парламента, столица Южной Голландии и местопребывание королевского двора. С этого времени Гаага, в известном смысле, стала колыбелью международного гуманитарного права. В работе первой Гаагской конференции приняли участие представители 26 государств Европы, Азии и Америки, 20 европейских делегаций и шесть неевропейских. Это делегации США, Мексики, Китая, Японии, Персии и Сиама. По предложению королевы Нидерландов начало конференции было приурочено ко дню рождения Николая II 18 мая, а завершилась она 29 июля.

А.И. ЮРЬЕВ

Не лишне напомнить, что мирными инициативами была отмечена политика всех трёх последних российских императоров: Александра II, Александра III и Николая II. Ещё дед Николая, Александр II, приложил немало усилий против

гонки вооружений. В 1868 году в Санкт-Петербурге по его предложению была собрана конференция европейских дипломатов, на которой была подписана конвенция о «правилах войны», запрещавшая применение разрывных и зажигательных пуль. В 1874 году Россия выступила инициатором международной конференции по кодификации «правил войны» в сухопутных сражениях. Международную миротворческую миссию продолжил его сын, Александр III. Во внешнеполитических делах Александр III старался избегать военных конфликтов, поэтому в историю вошёл как «Царь Миротворец». Главным направлением его политического курса стало обеспечение российских интересов за счёт поиска опоры на «самих себя». Сблизившись с Францией, с которой у России не было спорных интересов, он заключил с ней мирный договор, установив этим важное равновесие между европейскими государствами. Другим чрезвычайно важным для России направлением политики было сохранение стабильности в Средней Азии, незадолго до царствования Александра III вошедшей в состав Российской империи.

Как известно, роль мирной инициативы Николая II долгое время принижалась, замалчивалась и даже искажалась отечественной исторической наукой. Ливадийская инициатива русского царя, вопреки исторической правде, именовалась некоторыми авторами «лицемерным манёвром царского правительства», призванным разрешить политические и социально-экономические проблемы страны за чужой счёт. Что касается дореволюционных исследований, то они, к сожалению, носили описательный, поверхностный характер, поскольку их авторы имели весьма ограниченный доступ к международным дипломатическим документам.

Только с начала 90-х годов прошлого столетия появилась возможность развеять миф о монополии большевиков на мирные инициативы. Сегодня некоторые историки трактуют ливадийскую инициативу Николая II едва ли не как центральное событие международной жизни XIX столетия, а первую Гаагскую конференцию – как первый «парламент мира».

Б.К. ТЕБИЕВ

Важно отметить, что кроме «семейных традиций» Романовых, непосредственным поводом инициатив Николая II, «миротворческого поведения» молодого российского императора, явилось его знакомство с книгой экономиста и предпринимателя И.С. Блиоха (1836 – 1901) «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях». Об этом упоминают многие биографы Николая II, в том числе американский писатель и историк Роберт К. Мэсси, автор книги «Николай и Александра». С шеститомным сочинением Блиоха Николай II ознакомился, очевидно, летом 1898 года в Ливадии. Оно произвело на молодого императора огромное впечатление. Позднее состоялась встреча Николая II с Блиохом, которая длилась более пяти часов! Надо сказать, что личность Блиоха неоднозначно оценивается историками экономической мысли. Принято считать, что он скорее предприниматель, чем исследователь. Уместно вспомнить некоторые штрихи его биографии. Иван Станиславович Блиох родился в Варшаве, в семье польского еврея. Там же начал свою карьеру, работая в банке Теплица, затем переехал в Петербург. Образование получил в реальном

училище и Берлинском университете. В конце 60-х годов позапрошлого века, в период так называемой «железнодорожной лихорадки», успешно занимался железнодорожными концессиями, стал организатором ряда прибыльных железнодорожных предприятий, кредитных и страховых учреждений, принимал деятельной участие в делах «Главного общества российских железных дорог». Был назначен членом учёного комитета Министерства финансов. В 1883 году возведён в дворянское достоинство Российской империи. Под именем Блиоха вышло несколько многотомных трудов о железных дорогах, финансах и экономических вопросах. Был ли Блиох их непосредственным автором? Этот вопрос вызывает сомнения. Но несомненно то, что идея издания фундаментальных трудов, их концептуальная направленность принадлежат непосредственно Блиоху. «Будущая война и её экономические последствия» наиболее известная книга Блиоха. Из «Военной энциклопедии» И.Д. Сытина известно, что материалы книги составили ведущие военные эксперты разных стран. Книга предрекала неисчислимые бедствия, которые несёт возможная мировая война. В шеститомнике пророчески отмечалось, что реалии будущей войны сформируют скорострельные винтовки, пулемёты, массовое применение артиллерии, широкое использование минных полей и тому подобное. В результате война ближайшего будущего больше не будет похожа на героические сражения армий, а превратится в кровавую мясорубку, где соотношение потерь наступающих к обороняющимся составит один к четырем. В книге содержался вывод о том, что будущая война превратится в сражения на фронтах протяженностью тысячи километров, где каждое продвижение на несколько километров будет оплачено десятками тысяч жизней. В ходе подготовки войны произойдёт техническая революция. Появятся гигантские бронированные машины на колёсном и гусеничном ходу, будут применены отравляющие газы, в ход пойдут сконструированные к тому времени истребители и бомбардировщики, начнётся неограниченная морская война с использованием подводных лодок и т.д. Подчёркивалось, что исход войны будут решать не столько действия на фронте, сколько экономический потенциал стран, крепость их политических режимов и в особенности состояние промышленности, устойчивость сельского хозяйства и отлаженность железнодорожного сообщения. Ну и, конечно, качество управления на всех уровнях. Кто же выиграет в такой войне? На этот вопрос книга отвечала следующим образом: «В противоположность тому, что происходило в предшествующих войнах, будущая война, по всем вероятиям, прекратится не вследствие того, что большее или меньшее число крупных побед над армиями будет одержано одной из сторон, но по причине разложения военного аппарата одной из сторон вследствие именно влияния экономических и социальных факторов».

Всё это звучало очень доказательно и наглядно, что вызвало незамедлительную реакцию молодого императора.

Б.И. ШЕВЧЕНКО

Интересно проследить, какова же была реакция на послания, исходившие от российского самодержца, на его мирные инициативы. Журнал уже писал об этом. Но хочется ещё раз заострить на этом внимание.

Уже упоминавшийся Р.К. Мэсси пишет: «Невероятное для того времени предложение Санкт-Петербурга изумило Европу. Некоторые политики приветствовали его, утверждая, что русский царь войдёт в историю как Николай Миротворец. Другие же отзывались весьма нелестно, наподобие принца Уэльского, который, говоря о призыве России к миру, сказал, что ничего более смешного и глупого он в своей жизни не слыхал. «Вразумить» Николая II пытался и кайзер Вильгельм. Он телеграфировал своему русскому кузену: «Вообрази монарха, распускающего свои полки, овеянные вековой славой, и предающего свой народ анархии и демократии». В Германии профессором Штенгелем была даже выпущена брошюра, в которой доказывалась неосуществимость и нежелательность миротворческих инициатив, высказанных в русской ноте от 24 августа 1898 года.

Циркуляр графа Муравьёва произвёл сильное впечатление, но далеко не однозначное. Известный русский публицист В.В. Водовозов, характеризуя реакцию Запада, писал: «…большинство европейских газет консервативного и либерального направления восхваляли заключающийся в нём «великодушный почин миролюбивого государя», но считали его непрактичным и неосуществимым; так смотрела и дружественная России французская пресса («Temps», «Figaro», «Gaulois»), которая не без раздражения указывала, что границы Франции обеспечены хуже, чем границы России, и потому частичное и пропорциональное для всех государств разоружение может оказаться для Франции особенно невыгодным». Водовозов подчёркивал, что некоторые органы западной печати видели противоречие между предложением о разоружении и агрессивным образом действий России на Дальнем Востоке. По их мнению, призыв созвать мирную конференцию – это лишь попытка «обмануть бдительность держав-соперниц и привлечь на свою сторону европейское и азиатское общественное мнение». Эта точка зрения особенно полно была развита в статье Карла Каутского «Демократическое и реакционное разоружение», опубликованной в газете «Neue Zeit». Весьма сдержанно оценили миролюбивый почин России и в Вашингтоне.

Всё это обставлялось подловатыми слухами о том, что Россия стремится к миру из-за своей военной слабости и экономической отсталости, опасаясь не поспеть за гонкой вооружений.

Лишь немногие отнеслись к мирной инициативе русского императора с безусловным пониманием. Это были прежде всего участники пацифистского движения, и среди них – австрийская писательница и деятель международного пацифистского движения баронесса Берта фон Зуттнер (1843 – 1914), кстати, удостоенная в 1905 году Нобелевской премии мира, а также её сторонники по движению из Бернского бюро мира и журнала «Долой оружие!».

Конец 1898 года был ознаменован дипломатической перепиской между державами по вопросу о конференции, кстати, до сих пор не опубликованной. Натолкнувшись на непонимание задач мирной конференции, Россия несколько изменила свой взгляд на её задачи. Во второй, зимней, ноте графа М.Н. Муравьёва было отмечено, что правительства и общественное мнение встретили сочувственно проект, долженствовавший «обеспечить всем народам благо действительного и прочного мира и прежде всего положить предел все увеличивающемуся развитию современных вооружений; в то же время обстоятельства, каза-

лось, вполне благоприятствовали осуществлению в более или менее близком будущем означенной человеколюбивой задачи… Однако политическое положение значительно изменилось в последнее время. Многие государства приступили к новым вооружениям, стараясь в ещё большей мере развить свои военные силы». На какое-то время вопрос о конференции по разоружению повис в воздухе. Важно было выяснить: считают ли ведущие государства мира удобной сложившуюся политическую ситуацию для международного обсуждения принципов, изложенных в нотном циркуляре от 24 августа.

И.Е. ЗАДОРОЖНЮК

Тонкость российской дипломатии и настойчивость императора Николая II привели к тому, что конференция состоялась. «Мир был уже поражён, – писал в своей книге о конференции Ж. де Лапрадель, – когда могущественный монарх, глава великой военной державы, объявил себя поборником разоружения и мира в своих посланиях от 24 августа и 11 января. Удивление ещё более возросло, когда, благодаря русской настойчивости, конференция была подготовлена, возникла, открылась».

Каждая из приглашённых стран прислала своих уполномоченных. Конференция открылась, как уже отмечалось, 18 мая. Её президентом (председателем) был избран барон Е.Е. Стааль, видный российский дипломат, в то время посол в Лондоне. Представители прессы на конференцию допущены не были. О её заседаниях были опубликованы лишь краткие сведения.

В результате противоречий между странами-участницами на повестку дня конференции был вынесен лишь ограниченный круг вопросов, требовавших разрешения. Первая Гаагская мирная конференция приняла три конвенции: «О мирном решении международных столкновений», «О законах и обычаях сухопутной войны», «О применении к морской войне начал Женевской конвенции 10 августа 1864 года». А также были приняты три декларации: «О запрещении на пятилетний срок метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров или при помощи иных подобных новых способов», «О неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы», «О неупотреблении пуль, легко разворачивающихся или сплющивающихся в человеческом теле». К этим документа в заключительном протоколе добавили ряд «пожеланий»: о сокращении вооружений, о постановке на очередь будущей конференции вопроса о правах и обязанностях нейтральных держав и другие, не имевшие особого практического значения.

Странам – участницам конференции было предоставлено право подписывать или не подписывать каждый из выработанных документов. Наибольшее значение имела конвенция о мирном улаживании международных столкновений. Она устанавливала право вмешательства третьей державы в столкновение между двумя другими, как до войны, так и после начала военных действий, посредством предложения «добрых услуг», которые ни в каком случае не должны были считаться неприязненным действием по отношению к той или другой стороне. Спорящие державы имели право отвергнуть или принять «добрые услуги». В последнем случае конвенция рекомендовала им (если война ещё не началась) избрать для себя по одной нейтральной державе для выработки условий согла-

шения; при этом во время ведения переговоров все непосредственные сношения между спорящими державами должны были прекращаться на срок до 30 дней. Спорящие державы могли принять предложенное им соглашение или отвергнуть его; в последнем случае разрыв был неизбежен. Но оговаривались случаи, когда спор возникал вследствие различного толкования конфликтующими сторонами фактической обстановки. Для подобных случаев Гаагская конвенция предложила новый способ международного следствия: спорящие стороны избирают каждая по одной нейтральной державе; каждая из четырёх держав (двух спорящих и двух нейтральных) назначает по одному члену следственной комиссии (при которых могут состоять помощники, секретари, юрисконсульты и т.д.); затем четыре комиссара выбирают пятую нейтральную державу, которая назначает комиссара от себя. Сформированная таким образом комиссия из пяти членов является следственной комиссией. Она исследует все обстоятельства спора и представляет свой доклад спорящим державам. Доклад этот, как отмечалось в конвенции, не есть третейское решение, он есть именно только доклад следственной комиссии о фактических обстоятельствах предмета спора; спорящие могут либо сами дипломатическим путем решить спор на основании доклада, либо передать его третейскому суду.

Для третейского суда Гаагская конвенция разработала три варианта судопроизводства: 1) Каждое физическое или юридическое лицо может быть избрано спорящими державами в третейские судьи; 2) Спорящие державы могут передать разбор дела коллегиальному суду; каждая выбирает по два арбитра, арбитры выбирают суперарбитра; 3) В Гааге учреждается постоянный международный третейский трибунал. Высший надзор за организацией суда принадлежит особому бюро в Гааге, состоящему под председательством нидерландского министра иностранных дел и из членов дипломатического корпуса в Гааге. Третейский суд сам определяет свою компетенцию, основываясь на толковании заключённого спорящими державами компромисса.

Существенного влияния на ход мировых событий первая Гаагской конференция не оказала. Она не предупредила ни войны Великобритании с южноафриканскими республиками, ни войны России и Японии; во время последней Россия даже решительно заявила, что она не допустит мирного посредничества держав и согласилась допустить его только после разгрома своего флота при Цусиме (14 мая 1905 года). Точно также конференция не сократила роста вооружений: она только урегулировала способы мирного решения споров, которые встречались и раньше решались мирным способом. Так, спор нескольких европейских держав с Венесуэлой был решён Гаагским международным трибуналом (1904). Обстоятельства, подавшие повод к спору между Англией и Россией из-за бомбардирования английской рыбачьей флотилии, произведённого в октябре 1904 года балтийской эскадрой под командой вице-адмирала Рожественского, были выяснены международной следственной комиссией, заседавшей в Париже в начале 1905 года.

А.И. ЮРЬЕВ

По большинству ставившихся там вопросов страны – участницы конференции договориться не смогли, но даже принятие конвенций о правилах и обычаях войны – уже результат. Николая II, И.С. Блиоха и русского юриста-международника Ф.Ф. Мартенса тогда выдвигали первыми номинантами на Нобелевскую премию мира. К сожалению, Нобелевскую премию они не получили. Нобелевский комитет отдал предпочтение создателю Международного Красного креста швейцарцу Жану Анри Дюнану и французу Фредерику Пасси, основателю Международной Лиги мира. Кстати, номинантом на Нобелевскую премию мира дважды (1945, 1948) выдвигался И.В. Сталин как руководитель страны – члена антигитлеровской коалиции, внесшей вклад в разгром Германии и её сателлитов.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что пацифистские устремления Николая II нашли понимание и живой отклик в русском обществе. Это видно хотя бы на примере инициативы членов московского объединения либеральных земцев «Беседа», из которого вышел целый ряд видных деятелей либерального движения и конституционалистов. Под непосредственным влиянием мирных инициатив Николая II в 1900 и 1901 годах группа активистов «Беседы» разработала устав «Российского общества мира», который, к сожалению, не был утверждён Министерством внутренних дел, поскольку общественные организации и движения в России до поры до времени не приветствовались. Такая же судьба постигла женские пацифистские общества России, пытавшиеся организационно оформиться на рубеже веков. С появлением в России конституционных свобод положение изменилось. В 1909 году, например, было учреждено «Общество мира в Москве», во главе которого стояли П.Д. Долгоруков и старейший русский пацифист, блестящий знаток международного права Л.А. Комаровский. Тогда же было учреждено «Петербургское общество мира», которое возглавил видный юрист, член Государственного Совета профессор М.М. Ковалевский. Общество выпускало «Вестник мира» (1912 – 1914) – центральный периодический орган русского пацифистского движения. Отделения общества действовали в Ревеле, Новочеркасске и Туле, существовали инициативные группы в Одессе, Харькове и Тифлисе. «Общество друзей мира» было основано в 1909 году в Киеве польским пацифистом графом М. Тышкевичем совместно с общественными деятелями Украины О.Т. Глинкой и О.П. Косач. В «Общество» входили историки, дипломаты, представители высшего духовенства.

Как пишут авторы книги «Долгий путь российского пацифизма» (М.: ИВИ РАН, 1997), пацифистская карта России, ограниченная городами, отражала специфику социального состава этого движения. Большинство пацифистов относились к лицам со средним достатком и частично выше среднего, абсолютное большинство являлись представителями интеллигенции, особенно пишущей – журналисты, публицисты, писатели. К их числу относились, например, В.И. Немирович-Данченко, Ю.А. Бунин, П.И. Новгородцев, К.И. Чуковский, Е.П. Семёнов и другие. Вместе с тем в буржуазном по духу движении участвовали большое число аристократов – братья князья Долгоруковы, князья В.В. и Л.Г. Барятинские, князь А.С. Кропоткин. Из числа членов пацифистских обществ четвертую часть составляли женщины.

Э.Г. ЗАДОРОЖНЮК

Действительно, по большинству ставившихся на конференции вопросов страны-участницы договориться не смогли. Но результаты Первой Гаагской конференции не остались незамеченными, их не следует приуменьшать. Главное состоит в том, что был заложен фундамент международных соглашений в области ограничения вооружений и систематизации законов и обычаев войны. Конференция положила начало международному диалогу в области разоружений. Она сделала беспрецедентный шаг к практике урегулирования конфликтов между государствами мирным путём.

Кроме того, в мире усилился протест против гонки вооружений. Давая оценку итогам Гаагской конференции, Николай II писал в 1900 году: «Результаты трудов мирной конференции, созванной в Гааге, дают полную надежду, что осуществлению такой близкой моему сердцу задачи положены твёрдые основы в виду признания всеми державами возможности и необходимости её всестороннего разрешения».

Сегодня нельзя не упомянуть и о Второй Гаагской мирной конференции, состоявшейся в июне – октябре 1907 года по инициативе России и США. В конференции участвовали представители уже 44 государств мира. Председателем конференции вновь был избран россиянин – «первый уполномоченный» российской делегации, российский посол в Париже, действительный тайный советник А.И. Нелидов. На конференции было принято 13 конвенций и одна декларация.

Гаагские конференции известны в международной практике и в литературе под номерами: 1) О мирном разрешении международных споров; 2) Об ограничении случаев обращения к силе для взыскания по договорным долговым обязательствам; 3) Об открытии военных действий; 4) О законах и обычаях сухопутной войны; 5) О правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в сухопутной войне и так далее. Примечательно, что они дополнялись со временем другими международными договорённостями. Так, в 1949 году конвенция № 4 была дополнена Женевской конвенцией о защите гражданского населения во время войны. Гаагские конвенции являются действующими мировыми правовыми нормами. Несоблюдение Гаагский конвенций, принятых в 1899 и 1907 годах, квалифицируется международным правом как подлежащее наказанию военное преступление. Проведению Третьей Гаагской мирной конференции помешала начавшая Первая мировая война.

Примечательно, что в 1942 году правительство СССР заявило, что будет соблюдать Гаагские конвенции на основе взаимности. В своей ноте правительству Нидерландов от 7 марта 1955 года МИД СССР подтвердило, что Советское правительство «признаёт ратифицированные Россией Гаагские конвенции и декларации 1899 и 1907 годов, разумеется, в той мере, в какой эти конвенции и декларации не противоречат Уставу ООН и если они не были изменены или заменены последующими международными соглашениями, участником которых является СССР».

Хочу напомнить коллегам, что в этом году отмечается и столетие Версальского мирного договора. От Версаля до Брюсселя географически дорога короткая – всего около трёхсот километров. Немногим дальше Гаага – место первой миротворческой конференции, состоявшейся за 20 лет до Версальского догово-

ра. Однако эти дороги, к примеру, для стран региона Центральной Европы, в историческом (и геополитическом) ракурсе были предельно протяжённы и открыты для многих катаклизмов.

Это с особой рельефностью выявляется и сегодня, в год юбилея Версаля, подарившего, наконец-то, независимость и свободу народам указанного региона – пояса государств между Балтийским, Адриатическим и Чёрным морями. Одни из них (Болгария, Румыния, Сербия, Черногория и с 1912 года Албания) эту независимость имели, другие государственный суверенитет восстанавливали (Польша и Чехословакия) или изменили (Венгрия).

Дар этот, однако, оказался ограниченным – полноценной независимости указанные страны так и не получили, оставшись на какое-то время «бесхозными». Их же народы и тогда, и затем время от времени или боролись за большую свободу, неся жертвы, или находились под протекторатом «хозяев» – ближних и дальних соседей. Фактически их столетняя история полна попыток обрести полную свободу, равно как их жестокого подавления другими государствами – более мощными и другими народами – более многочисленными. В то же время достижение этой свободы часто обусловливалось давлением на соседние страны и народы, включая территориальные притязания к ним: достаточно вспомнить советско-польскую войну сразу после Первой мировой войны, напряжённые отношения между Болгарией и Югославией, Венгрией и Чехословакией – перед Второй.

Конечно, и порывы к свободе стран и народов Центральной Европы, и их подавление не ушли в прошлое. Более того, на фоне крайне усложнившихся отношений между странами региона восточнее (в первую очередь России и Украины) и западнее (достаточно принять во внимание Брекзит) они приобретают немалое значение. И это так или иначе ощущается и осмысливается в современном мире. Особенно с учётом усиления настроений американофилии (Польша) и евроскептицизма (Венгрия) в северной части региона, реверсных движений между Россией и Западом (Болгария), бурления балканского котла: вступление в НАТО сначала Черногории, а затем Македонии во многом вопреки воле их народов, создание армии Косова – в южной.

Анализируя подобного рода процессы, сдобренные демонстрируемой русофобией и скрытой русофилией ряда лидеров и частей элит стран региона, нельзя не прийти к выводу: перед их форсированной европеизацией горит жёлтый цвет – не без того, что он сменится на красный, а то и совсем угаснет светофор.

Эти общие соображения понуждают по-новому прочитать книгу классика геополитики, активного участника подготовки Версальского договора англичанина Х.Д. Маккиндера «Демократические идеалы и реальность» (1919). Одна из формулировок книги включает часто повторяемый – как мантра или заклинание – тезис: «Кто управляет Восточной Европой, господствует над Хартлендом – Кто господствует над Хартлендом, господствует над Мировым Островом – Кто управляет Мировым Островом, господствует над Миром». Хартленд определяется им как северо-восточная часть Евразии, окаймлённая с юга и востока горными системами. С начала XX века он идентифицировался как *ось истории*, роль которой будет возрастать с развитием сухопутных транспортных путей, в основном железных дорог.

Маккиндер ввёл понятие «стратегический Хартленд», относя его к Восточной Европе. Та в свою очередь идентифицировалась им с Германией, выступавшей и способной выступить в будущем наконечником копья, направленным против морских держав. Если древком этого копья станет Россия, что, согласно Маккиндеру, вполне возможно, то его сила многократно возрастёт. Возможно, потому, что ранее элита России была полунемецкой, да и революция прошла в ней по лекалам немца К. Маркса.

Маккиндера настораживает такая перспектива, подрывающая «демократические идеалы». Ведь революция «приведёт с неизбежностью к марксисткой войне международно организованных классов – пролетариата против буржуазии, а в конечном счете – одной секции пролетариата против других: в России уже городские рабочие сталкиваются с русским крестьянством. Итогом может стать мировая анархия и мировая тирания».

Если этот «итог» положить на геополитическую карту, то он охватит «тиранические формообразования Восточной Европы и Хартленда – династического или большевистского… Русские, прусские и венгерские равнины с присущей им значительной похожестью социальных условий весьма пригодны как для маршей милитаризма, так и для пропаганды синдикализма. И против этого двуглавого орла страны Запада и островов должны постоянно выступать».

Задача несколько более заостренного трактата Маккиндера, поставленная в самом начале его труда, сверхамбициозна – устранить угрозу мировой тирании (world-tyranny) в данный социальных момент, а именно: время «оптимистической трагедии». Для её решения необходимо стратегическое мышление в экономике и этическое укрепление основ демократии в политике. Указанные ценности высвечиваются Маккиндером с учётом позиций двух конфронтирующих сил: Мирового острова и Хартленда, которые в исторической ретроспективе неизбежно сталкиваются с целью обеспечить свободу наций, а через неё – свободу отдельного человека и всех людей.

Цели благородные; от них не отказались бы такие полярные мыслители, как К. Маркс и Л. Толстой, всуе упоминаемые Маккиндером… И крайне редко упоминаемый в книге В. Ленин, из поля зрения которого данная задача не исчезала – несмотря на карательный характер диктатуры пролетариата…

Таков «запев» книги Маккиндера, её «припевом» можно считать утверждение о доминировании носителей «идеалов демократии» – Англии и Америки – в постверсальском мире, в котором Германия побеждена, а охваченную революцией Россию можно проигнорировать.

И.Е. ЗАДОРОЖНЮК

Мы логично перешли от 1899 к 1919 году – времени проведения Версальской конференции, вряд ли только по созвучию дат. Важной задачей конференции была, как отмечалось, легитимация вновь возникших государств Восточной Европы. Этому предшествовала Первая мировая война, итоги которой кроются в конфликтах и провокациях в регионе. Надо заметить, что возможность катастрофического хода событий в нём предвиделась всеми крупными игроками Европы. Более того, эти предвидения, на характер которых влияла мощная военная составляющая, интенсифицировались к концу XIX века. Никаких сомнений в

том, что указанные конфликты и возможные провокации представляют собой своеобразную дымовую завесу для геостратегических притязаний «старых» (Великобритания, Франция, Турция, Австро-Венгрия) и «новых» (Германия и Италия) империй, быть не может.

В этом плане важно было как манифестировать идею о том, что региональные конфликты не должны перерастать в общеевропейские (в перспективе – в мировые; термин «глобальные» в те времена не применялся), так и предложить меры по их оптимальному разрешению и предотвращению. Соответствующую линию как раз и вырабатывал в своём крымском имении Ливадия Николай II с опорой на разработки своих компетентных советников. Итог – реализованный проект по созыву миротворческой конференции в Гааге в 1899 году. Они – как горсти семян – содержали в себе зародыши и Лиги наций, и ООН.

История распорядилась так, что многие из этих семян упали на каменистую почву (если использовать евангельские аналогии), а их сеятель предстал сегодня страстотерпцем, а не миротворцем. Ко времени Версальской конференции он (вместе с семьей) был расстрелян, а до и после этой трагедии подвергался порицанию. О его миротворческих инициативах забыли все, хотя в Генеральном секретариате ООН его бюст среди очень немногих – все же находится.

В новых исторических условиях миссию миротворца взял на себя уже не монарх, а избранный президент США В. Вильсон. Ряд его инициатив получил поддержку, памятники ему воздвигались на площадях городов вновь возникавших государств, в его честь назывались улицы. Но, как доходчиво объяснял Дж. Кейнс, считавшие себя искушенными западноевропейские политики – «тигр» Ж. Клемансо и лейборист Д. Ллойд-Джордж – стремились манипулировать «президентом-идеалистом», и им это удавалось. По их логике получалось, что за развязывание войны придётся расплачиваться одной Германии, хотя вина за мировую катастрофу распределялась более равномерно.

Первая мировая война 1914 – 1918 годов началась в старом стиле, но на третьем её году случилось и нечто принципиально новое: в России прошла революция, и в войну вступили США. В 1918 году Восточная Европа осталась «бесхозной»: Германия и Австро-Венгрия – бывшие хозяева проживавших здесь народов – потерпели поражение. Поэтому и появился шанс сделать мир «безопасным пространством для демократии». Где? В первую очередь в Восточной Европе.

Этой задачей и был вдохновлён президент США В. Вильсон, который освобождал Америку от её островного статуса и побуждал её обитателей к тому, чтобы Соединённые штаты Европы могли стать сестрой Соединённых штатов Америки.

Война и революция настолько смешали карты, включая географические, что на регион следовало смотреть иными глазами – хотя описание перипетий этого региона крайне интересно. Произошла всё же смена декораций, и в момент своеобразной «бесхозности» региона появился шанс сделать входившие в него страны ареалом демократии, чего хотели и населявшие их народы.

Заодно, но позже, появилась возможность избавиться с помощью Англии и Франции от воздействия на них России. «Мы выступили против полунемецкой Российской империи (half-German Russian Czardom), потому что Россия доминировала посредством своей мощи и в Восточной Европе, и в Хартленде в течение

полстолетия», – писал уже упоминавшийся сегодня Маккиндер. Полунемецкая – это, может, и правда: русской крови у Романовых оставалось всё меньше. Но она, как и полностью немецкая империя, и с доминирующим немецким меньшинством австро-венгерская, распалась…

«Свобода, Панчо, свобода!» – как говаривал Дон Кихот, не забыв упомянуть и о связанным со свободой бременем самоопределения. Оно должно произойти через свободу народов, образцы которой задаются западными державами и в первую очередь Англией и США. Они и должны контролировать данный регион – осторожно, с рядом оговорок идентифицируемый Маккиндером как стратегический Хартленд, или по крайней мере ключевая его часть.

А.И. ЮРЬЕВ

Уроки столкновений, ведущих к возникновению Первой (1914 – 1918) и Второй (1939 – 1945) мировых войн, указывают на это со всей определённостью. Именно поэтому важно рассмотреть каждую из упомянутых войн: все черты, присущие войне мировой, проявлялись в них в сжатом виде.

Помешательства, ведущие к катастрофе, обнаруживались постепенно и настораживали многих. Но в целом рассмотрение логики событий говорит о неотвратимости мировой войны, о которой пророчествовал классик марксизма Ф. Энгельс более чем за четверть века до её начала. С одной стороны, она полуконцентрически приближалась к континентальной Европе – Евразии, как отмечал наш журнал в статье самого первого номера, едва ли с неизбежностью греческой трагедии. С другой стороны, осознавалась её беспрецедентная опасность и глобальная деструктивность. И в этих условиях самодержец российский предлагал меры её предотвращения, представ государем-миротворцем. До этого таковыми были древнеиндийский царь Ашока и римский император Марк Аврелий, но роль Николая II как государя-миротворца явно недооценена, причём даже в родном отечестве, где и состоялась Ливадия-1, как мы называем его ливадийскую инициативу.

Разделяя пафос выступления, ориентированного на будущее, всё же попытаемся ответить на вопрос: в чём преемственность между Ливадией-1 и Ливадией-2, под которой имеется в виду Ялтинская конференция, прошедшая с 4 по 11 февраля 1945 года. Тогда, возможно, яснее станет и настоятельность Ливадии-3, то есть мирных соглашений современности. А происходило там то, что внушало человеку надежды на мирное процветание – даже на фоне отдалённых громов и молний, сигнализирующих о первом в истории человечества глобальном конфликте – мировой войне. Голос Николая II, прозвучавший из Ливадии, по нашему глубокому убеждению, мог бы её предотвратить.

Что общего между Ливадией-1 и Ливадией-2? Как и в 1898 и 1899 годах, она явилась *местом*, где были выработаны основы мирового порядка, который складывался в результате Второй мировой войны, порядка, основанного на мире. Ялтинская конференция руководителей трёх союзных государств – СССР, США и Великобритании приняла решение для поддержания мира и безопасности народов создать всеобщую международную организацию, получившую впоследствии название Организации Объединённых Наций. Документы, принятые на Ялтинской конференции, как справедливо пишет в своих работах доктор по-

литических наук, профессор Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского С.В. Юрченко, «решили в условиях своей эпохи задачу, сходную с той, которая стояла в предшествующие времена и стоит сегодня перед государственными деятелями – определение принципов и конфигурации новой мировой системы в условиях изменившегося соотношения мировых сил». Нельзя не согласиться с мнением С.В. Юрченко и о том, что Ялта стоит в одном ряду с такими городами, как Мюнстер (Вестфалия), где в середине XVII века подводились итоги Тридцатилетней войны и закладывались основы Вестфальской системы международных отношений, как Вена, где были подведены итоги изменений в Европе и мире на рубеже XVIII – XIX веков, как Париж и Вашингтон, где после окончания Первой мировой войны создавалась новая, Версальско-Вашингтонская система международных отношений.

И.Е. ЗАДОРОЖНЮК

Несколько библиографических сведений. Ливадийская инициатива царя-миротворца в наши дни всё более привлекает внимание историков. Конкретный пример – выпущенная не так давно книга Ирины Сергеевны Рыбачёнок «Россия и первая конференция мира в 1899 года в Гааге» *(М., 2005).* Автор показала, что добрую волю императора подкрепляли своим умом и чувствами граф М.Н. Муравьёв, барон Е.Е. Стааль, чиновник МИД Ф.Ф. Мартенс. Но цели не достигнуты из-за позиций таких крупных игроков, как Германия, ориентировавшаяся на экспансию, Франция, позицию которой Мартенс называл «подлой», и Англия, заботившаяся исключительно об укреплении империи. Выявляя истинные цели этих государств, автор книги подчеркивает нравственную устремлённость планов царя. Вовсе не «слабака», поскольку он не только говорил: «Мир важнее всего, если только честь не задета», но и следовал этому убеждению.

С этим согласны историки А.В. Олейников и П.В. Мультатули. Первый описал высокую жертвенность всей семьи Романовых в ходе Первой мировой войны, её высокий патриотический и боевой дух: на поле брани пал молодой корнет князь Олег (1892 – 1914), императрица и её дочери были медсестрами *(Олейников А.В. Роль России и Романовых в Великой войне 1914 – 1918. – Екатеринбург, 2018).* Второй настоятельно подчеркивает, что стремление к миру являлось мировоззренческим и стратегическим видением государя, а нравственное обоснование внешней политики унаследовало и советское правительство *(Мультатули П.В. Внешняя политика императора Николая II. 1894 – 1917. Этапы, достижения, итоги. – М., 2019).* Всё же тема лишь начинает обсуждаться на высоком академическом уровне, и такое обсуждение крайне востребовано именно сегодня.

Ещё несколько слов о Версальском мире. Как известно, виновниками Первой мировой войны были практические все её участники. Но в Версале одни из них предстают абсолютными победителями, другие – тотально побеждёнными, третьи попадают в ситуацию социальной катастрофы. Миротворцами предстают самые последние, втянувшиеся в драку, – США. Чреватость неприятия миротворческих инициатив – забытых, уже покойного к тому времени российского императора, и современных, американского президента В. Вильсона, может привести в недалёком будущем к новым столкновениям. Так считали два круп-

нейших английских мыслителя того времени – геополитик К. Маккиндер и экономист Дж. Кейнс. Они отмечали, что перенос вины лишь на Германию может привести к новой катастрофе. Это игнорировал, к примеру, французский лидер «тигр» Ж. Клемансо. Он, как и лидер Британии Ллойд Джордж, смеялся над «идеализмом» миротворца В. Вильсона, не понятого даже сенаторами и конгрессменами в самих США. Как показали последующие события, упоение победой дорого обошлось и Франции, и Англии.

Кстати, ещё пара библиографических сведений. Отечественный историк Н.А. Нарочницкая, детально анализируя миротворческие инициативы В. Вильсона, подчёркивает их противоречивость и некоторую «кривизну» *(Нарочницкая Н.А. Версальский договор и начало новой геополитической эпохи // Русский рубеж. – М., 2018).* Но «прямота» французских и британских участников Версаля оказалась куда более деструктивной для будущего. Нарочницкой как бы вторит английский историк, утверждающий: в Европе «Вильсон пытался пришпилить демократию, но она от него ускользнула» *(Рансимен Д. Ловушка уверенности. История кризиса демократии от Первой мировой войны до наших дней. – М., 2019. С. 104).* По его словам, «ложный рассвет» демократии в 1918 году – результат работы миротворчества «на скорую руку». И добавим от себя – забвения инициатив российского императора: создатели Лиги наций о нём и не вспоминали... Вот такая поистине кривая веха между Ливадией-1 и Ливадией-2.

А.И. ЮРЬЕВ.

Вернёмся всё же к Ливадии-2, обеспечившей существование мира без больших войн и в течение последующего пятидесятилетия, и в наше время. Нет, войны и революции время от времени вспыхивали, но первые были какими-то стыдливыми, что ли, а революции – народно-демократическими, в дальнейшем же и вовсе цветными. Некоторые войны, правда, были очень кровопролитными, к примеру, войны между тутси и хутту в Африке, между Ираном и Ираком в Азии. Счёт жертв шёл на сотни тысяч, а то и на миллионы. Революции разрушали устоявшиеся государства. Мир находился (находится и сегодня) на грани катастрофы. Но что-то всё-таки сдерживало и сдерживает от последнего шага?

Это «что-то» – миротворческие импульсы, в том числе и заложенные царем-миротворцем 120 лет тому назад.

Замечу, что Российской империи в последнем веке своего существования «везло» на Александров. Первый именовался Благословенным – и во многом за то, что смирил Европу после наполеоновских войн. Второй – Освободителем, причём не только крестьян от крепостного состояния, но и, скажем, славян от турецкого владычества. Третий – Миротворец. Считается, в силу того, что он вывел страну из пореформенного состояния, примирив многие сословия. Но и потому, что при нём Европа и весь мир жили без крупных войн – в немалой степени из-за военной мощи империи, которой войны были не нужны, а возникающие конфликты решались миром.

Но не «везло» на Николаев: о первом говорили как о Палкине, а о втором – как о Кровавом… Конечно, всё не так просто, и то же звание Миротворца последнему Романову на троне подходило бы в не меньшей степени, чем его отцу. Не следует забывать, что оба Николая приняли смерть от военных поражений и

внутренних смут – так, наличествует предубеждение, что первый из них принял отраву, не перенеся поражения в Крымской войне, а судьба второго отличается куда большим трагизмом.

Чтобы не углубляться в такого рода относительно легковесные аналогии, приведём последнюю: стоило бы всё же сравнить Венский конгресс 1815 года и Ливадию-2, обнаружив при этом их устремлённость к миротворчеству, присущую практически всем русским императорам XIX века и особенно второй его половины. Устремлённость, совпадающую со значимым для всего человечества вектором развития по направлению ко всеобщему миру.

Б.И. ШЕВЧЕНКО.

Хотелось бы напомнить, что сдержанность в политике сверхдержав во многом была свойственна её лидерам – бывшим фронтовикам. Не будем об отечественных, но напомним, что в числе экс-фронтовиков – президенты США Д. Эйзенхауэр, Дж. Кеннеди, недавно умерший Дж. Буш-старший. В отличие от суперсмелого бакалейщика из Техаса Г. Трумэна, применившего ядерное оружие против уже побеждаемой Японии, или Дж. Буша-младшего, уклонявшегося от прохождения военной службы, но градус военной агрессии поднявшего. Конечно, участие в военных действиях – не гарантия, пример несостоявшегося президента Дж. Маккейна об этом свидетельствует.

Хочу отметить примечательный факт: в дипломатической переписке двух позапрошедших веков императоры часто обращались друг к другу: «мой брат». Исходя не столько из концепта «братство» и из известной революционной триады «свобода, равенство, братство», сколько из династических связей. Правда, в начале XIX века «братские связи» Александра I и Наполеона служили хорошим прикрытием военных устремлений. Не большую цену они имели и к началу века XX века. Известно, что Николай II и Вильгельм II обращались друг к другу как «Ники» и «Вилли», а король Великобритании Георг вообще был внешне похож на своего российского «брата», что, впрочем, не помешало ему забыть о судьбе последнего в 1918 году. Но отношения между «братьями» были так похожи на отношения между Каином и Авелем… Или – если обратиться для образности к представителям более низкого звена природного царства: дряхлеющий лев – престарелый император Австро-Венгрии, хитрый лис Ллойд Джордж, «тигр» Клемансо – не прекращали думать, как бы обмануть «русского медведя»…

Сохранилось немало портретов французского «тигра» – белые усы и насупленный взгляд. Именно он претендовал на роль мироустроителя Европы, попирая побежденную Германию с излишним рвением. В чем-то похож на него внешне – те же усы и насупленность – нынешний «усмиритель» уже России американец Дж. Болтон. Если не ограничиваться лишь этим портретным сопоставлением, то следует признать: любой диктат в современном мире чреват катастрофами, пережить результаты которых будет труднее, чем в 1918 и 1945 годах.

И.Е. ЗАДОРОЖНЮК.

Я благодарю редакцию журнала «Таврия литературная» за предоставленную нам прекрасную возможность воскресить некоторые памятные даты отечественной и мировой истории и обменяться мнениями по существу затронутых вопро-

сов. Журнал – в основном литературно-художественное издание, но уже с самого начала приглашающее к обсуждению и высоко значимых социальных, политических и иных проблем. В историческом и современном ракурсах, а также и с учётом того, что Крым был и остаётся своеобразной микромоделью Евразии, равно как и той частью России, на земле которой происходили её высокие трагедии и большие прозрения.

Действительно, земля, из которой пришёл свет христианства – и земля, где люди Руси гибли на невольничьих рынках и в кровопролитных сражениях; морское побережье, где дважды приходилось топить свои же корабли в 1853 и 1918 годах, чтобы на его рейдах не господствовали чужие – и при этом земля, едва ли не на каждом километре которой обнаруживаются следы мирного общежительства самых разных народов.

И земля значимых для всего человечества миротворческих инициатив в переломные для его истории моменты. А точнее – земля Ливадии, того относительно небольшого пригорода Большой Ялты, из которого исходили импульсы мироустройства на началах мира. Об этом, в частности, писалось в статье первого номера, авторы которой – участники нашего «круглого стола».

Итак, 1898 и 1899 годы – то время, которое необходимо вспомнить сегодня и осмыслить роль Ливадии в современной истории. Именно в 1898 году началась первая война, получившая название империалистической – Испано-американская, за ней последовала череда других войн, а затем – Первая мировая война, которая завершилась сто лет тому назад – в ноябре 1918 года. Они – если учесть порождённые этой войной революцию в Российской империи и её отголоски в Европе – переформатировали всё человечество.

Россия и её последний император, как никто другой, нуждались в мире. Быстрые темпы экономического роста, невиданные культурные достижения, растущая грамотность населения, да и укрепление двух, по словам Александра III, самых надёжных «союзников» – армии и флота позволяли Николаю II уже не первый год спокойно отдыхать и работать в Ливадии, месте, о котором он неоднократно говорил: «Я бы не хотел никогда выезжать отсюда». Но он в это же время трудился над тем зерном, из которого затем взращивались основополагающие документы и Лиги наций, и Организации Объединённых Наций. Контуры последней как раз предуготовлялись всё в той же Ливадии, на встрече руководителей трёх крупнейших держав-победителей в 1945 году, которая получила название Ялтинской конференции. Можно сказать, круг миротворческих усилий как раз здесь и замкнулся.

Ливадия – место, где 120 лет тому назад зародился проект установления мира во всём мире, а 75 лет тому назад – время жизни одного поколения – здесь же пришлось вольно или невольно, осознанно или неосознанно восстановить этот проект. Трудно утверждать, вспоминали ли организаторы Ялтинской конференции 1945 года то, что именно в этих местах российский император не только размышлял о мире без войн, но и готовил документы, фиксирующие такую возможность. История распорядилась так, что именно в Ливадийском дворце эта проблема была осмыслены ещё раз. Сам же император навсегда покинул Ливадийский дворец 12 июня 1914 года, отбыв из Ялты, чтобы встретить войну, в которую был вовлечён вопреки своему стремлению ко всеобщему миру.

Империалистические войны в рассматриваемый период в этом веке – не столько исторические аномалии, сколько неустранимые элементы новой исторической эпохи. Они предстают и как фиксация мнимой неразрешимости межгосударственных конфликтов даже при тех обстоятельствах, когда эти конфликты начинают конструктивно разрешаться. Так продолжается и в XXI веке, и вряд ли стоит недооценивать роль провокаций в их возникновении. А ведь сегодня глобальная война самоистребительна по определению, вопреки тому, что человечество должно остаться жить – хотя бы для того, чтобы осознать недопустимость своего конца. Может, в этом суждении нет логики – но ощущается инстинкт самосохранения.

Сравнительно-исторический анализ истории Ливадии-1 и Ливадии-2, то есть миротворческих поисков российского императора в их взаимосвязи со встречей трёх лидеров антигитлеровской коалиции, – предмет будущих изысканий. Остается отметить, что ливадийская инициатива Николая II во многом получила подтверждение своей безальтернативности – в преддверии весны 1945 года, когда с 4 по 11 февраля здесь же, на Ялтинской конференции встречались Рузвельт, Сталин и Черчилль (перечисление – скорее по алфавиту; Сталин мог быть назван и первым, если бы признал преемственность своей миссии с замыслами Николая II). Здесь же были обсуждены контуры идеологии Организации Объединенных Наций – символа и гаранта, хотя бы формального, мирного мироустройства. Конференции, итоги которой стремятся сегодня похоронить, как хоронили миротворческие инициативы российского императора на переломе веков и такую структуру, как Лига наций, в конце 30-х годов прошлого столетия. Мало беспокоясь тем, что эти «похороны» могут показаться погребением и миропорядка на всей земле. Ливадия-3 могла бы изменить эту самоистребительную ситуацию.

При этом правомерно утверждение о том, что вслед за Ливадией-1 и Ливадией-2 должна последовать Ливадия-3 – встреча государственных деятелей на высочайшем уровне, призванная устроить мир без войн. Она призвана обсудить контуры сосуществования Большой Евразии и большой Евроатлантики; данные понятия-метафоры при всей их условности определяют сегодня понимание сути многих процессов на глобальном и региональном уровнях. Их противостояние обессмысливается на фоне глобальных угроз самого разного рода; достаточно указать на климатические, способные сжечь и затопить очаги общечеловеческой культуры, следов которой очень много как раз в Крыму. Не менее опасны гонка вооружений и суггестия терроризма, этнорелигиозные конфликты и неконтролируемые миграционные потоки.

Если состоится Ливадия-3, то на ней ключевым будет разговор не о победе – как на Ливадии-2, а о мире – как на Ливадии-1. Обращаясь к языку гегелевской философии, разговор этот выстроится по принципу: тезис – антитезис – синтез. Это может быть разговор о глобальном общежительстве народов и государств для противостояния угрозам, к примеру, климатическим, которые как раз усугубляются неконтролируемой гонкой вооружений. Ведь альтернативой могут стать засухи и наводнения, приобретающие всё тот же глобальный характер: земля, как говорится, не мытьём так катаньем прекратит своё существование.

Возможности для такого разговора возникают даже вопреки самым жёстким инициативам военного характера: от милитаризации космоса до торговых войн.

Б.К. ТЕБИЕВ

В том, что Крым предстаёт как земля миротворчества, сомневаться не приходится. Не лишена смысла и его презентация как микромодели Евразии. История свидетельствует, что здесь сосуществовали народы Азии, Европы, а в первую очередь Евразии – представители самых разных культур и вероисповеданий. Образно говоря, вся его история – это нарратив о встречах с «другими» и их принятие. Есть такие площади в центре селений, куда жители сходятся для торговли, праздников, обсуждения значимых событий, представляя все «слободы», его составляющие.

О возможностях такого сосуществования думалось, по всей видимости, российскому императору в ходе подготовки к Гаагской встрече – да и в 1945 году, когда собралась Ялтинская конференция. Знал ли о миротворческих инициативах своего предшественника во главе государства её организатор – Сталин? Думается, знал – хотя громко заявлять об этом не спешил. В частности и потому, что игнорирование этих инициатив одной из участвующих сторон – Великобританией – не очень-то понравилось бы её лидеру Черчиллю. Как бы напоминая ему не только о Гааге, но и о Версале.

XX век – не лучшее время для жизни человечества: две мировые войны, а по некоторым представлениям – одна, растянувшаяся с 1914 по 1945 год – явное тому свидетельство. Мало радости принесла человечеству и война холодная. Именно поэтому столь значим взгляд на перспективы столетия XXI – с той позиции мироустроительства во имя мира, которая была отражена в инициативах российского императора.

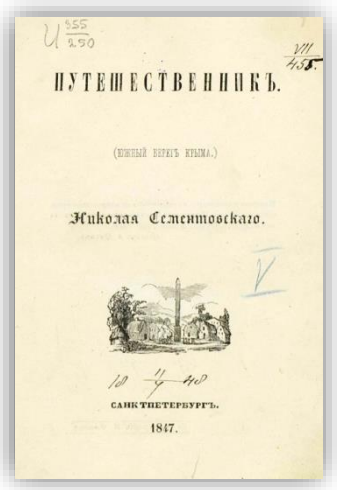
Побуждает к этому и сто лет со времени его гибели, и столетие со времени заключения Версальского договора, и приближающееся 75-летие Ливадии-2. Надеемся, наш «круглый стол» – лишь начало обсуждения многих судьбоносных событий, которые проходили и будут проходить на земле Крыма.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Николай Сементовский
ПУТЕШЕСТВЕННИК[1]

(Южный берег Крыма)

Часто мысленный взор мой блуждает по отдалённым местам пространной России и часто, очарованный дивною разнообразностью местности, я забываюсь и воображаю, что гляжу в волшебное стекло, в котором, как цветы и рисунки в калейдоскопе, с каждым мгновением, при малейшем движении являются новые виды то грозной природы Кавказа, то очаровательной Малороссии, то угрюмого севера, то романтического края южного берега Крыма. Я истинно наслаждаюсь, когда мечта переносит меня в пленительные долины Тавриды, тогда в памяти моей восстают воспоминания минувших лет моей жизни, я хотел сказать, моей юности, когда я, не свя-


ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

(ЮЖНЫЙ БЕРЕГЪ КРЫМА.)

Николая Сементовскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1847.

[1] Публикуется по изданию: Путешественник. (Южный берег Крыма). Николая Сементовского. – СПб., 1847. – 148 с.

Путевые заметки принадлежат Николаю Максимовичу Сементовскому (1819 – 1879), уроженцу Полтавской губернии, русскому и украинскому писателю, историку, археологу. Своё первое произведение «Андроник» он опубликовал в 1838 году, ещё будучи студентом Нежинского юридического лицея. В 1843 году Сементовский служил в Петербурге, в канцелярии Военного ведомства. С этого времени начинается его активная литературная деятельность. Его перу принадлежит повесть «Губернский чиновник» (1843), историческая повесть «Мазепа» (1845), рассказ «Вера Михайловна» (1846). Впоследствии были написаны повесть «Квесторка» и трёхтомный роман «Баронесса Флатсберг», роман «Потёмкин, как казак войска Запорожского». Перу Сементовскому принадлежит цикл очерков «Старина Малороссийская, Запорожская и Донская». Их публикация привлекла внимание специалистов, и в ноябре 1846 года автор был избран членом-сотрудником Императорского Русского географического общества. Это событие побудило Сементовского к изучению Крыма. В 1847 году в журнале «Иллюстрации» он публикует серию из пяти статей «Таврида», посвящённую описанию южного берега Крыма и его достопримечательностей. В том же году они выходят отдельным изданием.

занный никакими препятствиями, оковавшими меня ныне, провёл несколько месяцев в этом очаровательном краю.

Плачу дань прошедшему, передавая впечатления мои читателям, из которых, быть может, многие, подобно мне, путешествовали некогда в этих местах, а ныне вдали от них также как я устремляют мысленные взоры и, припоминая минувшее, истинно наслаждаются.

Помните ли вы, читатель, посещавший южный берег, высокие мечети и минареты, и слышите ли полуночною песнь слепого старца, призывающего на молитву верных сынов Магомета, видите ли сотни поэтических развалин седой древности, разбросанных по горим и долинам Тавриды, упиваетесь ли дивною прелестью южной природы, раскинувшей щедро богатые дары свои, слышите ли песни тысячи птиц и прельщаетесь ли чудными девами юга, стройными как раины, и восхищаетесь ли раинами также нежными, как южные девы? Конечно, на эти вопросы вы будете удовлетворительно отвечать, и я твёрдо уверен, что в памяти вашей оживятся все минувшие события, запечатлённые в сердце вашем надолго, а может быть и навсегда.

Если путешествие на южный берег начиналось не выездом из Одессы на пароходе, то, конечно, сухим путём изнутри России, и тогда проехавши земли, принадлежавшие некогда существовавшему народу борисфенитам, жившим по течению Борисфена, то есть Днепра, приближаясь к Тафроскому полуострову и далеко не доезжая ещё северных ворот Перекопа, или древнего Тафра, или Неаполя, как называет его географ Мелетий, по обе стороны дороги синеются заливы Гнилого моря, мутные воды его стоят без движения и над ними тянется серый туман, по правую же сторону излучистою и блестящую от солнца полосою виднеется Чёрное море.

Рано утром переехал я Перекоп; это было в конце марта; в южном крае всё уже зеленело, кусты и деревья облились снежными благовонными цветами, воздух дышал негою.

Перекоп лежит по середине перешейка, на берегу рва, соединяющего море; через этот ров перекинут мост. Это единственное место, чрез которое проезжаешь сухим путём в Тавриду. За мостом тянутся с версту по обеим сторонам маленькие домики, землянки и кой-где худо выстроенные лавки, это единственная улица, составляющая весь настоящий Перекоп, построенный Мегли-Гиреем в 1515 году. Спустя после него тридцать лет другой хан Сагим-Гирей расширил паланку Феркарманскую, соединил два моря рвом и построил по направлению его каменную стену с башнями, из которых в настоящее время видны развалины двух крайних у берегов моря. У самого Перекопа находятся развалины укрепления, построенные, как предполагают некоторое учёные, генуэзцами; оно обведено глубоким рвом и высоким валом. Среди развалин этой стены уцелели

ворота, обращённые в пороховой погреб; над входом их с одной стороны и доселе существует арабская надпись, с другой – прекрасно иссечена сова. Среди города возвышается церковь во имя Св. Николая; она окружена каменными домами, принадлежащими Крымскому Соляному правлению. В Перекопе ещё и доселе существует каменный дом, построенный по случаю путешествия императрицы Екатерины.

Выехавши из Перекопа по пути вглубь Тавриды, на пятой версте лежит небольшое селение *Армянский Базар*; жиды, греки, татары и русские торгуют здесь всеми произведениями Южного берега, а в особенности смушками, иначе овчинками. Здесь помещаются присутственные места, училища, церкви и мечеть. За Армянским Базаром, как змеи, чернеют по степи две дороги, левая к Соляным озёрам, правая к Симферополю; мой путь лежал по последней.

Пространная и скучная степь тоже длинное и скучное предисловие к историческому роману, после которого утомлённый читатель начинает отдыхать на первых страницах интересного рассказа. Крымская степь от Перекопа простирается на 130 вёрст, и на всём этом протяжении изредка встречаются только одни станции, тесные и неудобные, да по сторонам дороги кой-где виднеются вдали небольшие татарские деревеньки с несколькими хижинами, покрытые плоскими дерновыми крышами. Однообразие степи скоро утомляет взор, который не видит других цветов, как изумруд и сапфир – зелень и голубое небо. Пасущиеся верблюды и овцы, проезд скрипучей татарской арбы изредка только прорывают однообразную картину, но через минуту опять перед вами одна и та же степь, как скучная и неотвязчивая, хотел сказать женщина, но скажу лучше, мысль. Однако же это скучное однообразие степи искупается неизъяснимою негою воздуха, напоенного ароматом цветущих растений. В те дни, когда я проезжал это пространство, оно было не степь, а цветущее благоухающее море, и сколько в этом море приволья и простора жизни!.. Утром до восхода солнца это ароматическое море покрывалось пеленою густого тумана; за пол аршина вперёд ничего не видишь перед собою; но вот незримо восходит солнце; яркие багряно-золотистые лучи его пронзают пелену тумана, и она, как море, начинает волноваться; серебристый цвет её переходит в бледно-розовый; волны по мере восхода поднимаются выше и выше; тогда по местам открывается изумрудная зелень, а среди разорванных волн тумана виднеется ярко-голубое небо. Через час, когда солнце высоко плывёт по горизонту, серый туман рассеивается в мгновение ока и в эти-то часы благоухание истинно райское. В полдень картина степи изменяется; тишина, мёртвая тишина воцаряется на всём видимом пространстве, солнце ярко светит, воздух чист, и в это время, если бы склонить ухо к цветку, то кажется, можно было бы услышать шелест его вен-

чика и тычинок и сколь-нибудь разгадать незримые тайны природы, совершающиеся в те минуты с каждым цветком.

Приближаясь ближе и ближе к Симферополю, по степи попадаются деревеньки, чаще видишь стада овец и табуны лошадей и на каждой версте встречаешь то верховых, то пеших татар, теперь мирных, а некогда страшных наших врагов. За двадцать вёрст до Симферополя и самая степь уже взволнована то холмами, то долинами, богатыми прекрасными группами южных деревьев, из которых одни пирамидальные раины увлекают взор ваш, и вы не желали бы оторвать его от этих живописных рощиц. На небосклоне, который привык путешественник постоянно видеть без малейшего облачка, рисуются страшные синие тучи; всматриваешься и удивляешься, что странная форма их нисколько не изменяется; тогда только невольно приходит на мысль – не горы ли это Южного берега, о которых привык мечтать, не въезжая ещё в Крым? Мысль эта оправдывается по мере приближения к Симферополю. Величественный Чатырдаг, или Палат-гора, служившая некогда, по мнению Формалеона, границею Босфорских и Херсонских владений, занимает уже своей вершиною почти треть неба. Всмотритесь, путешественники, в эти грозные вершины и не забудьте, что Чатырдаг, быть может, единственная развалина в этом краю первобытного мира, свидетельница бесчисленных переворотов, случившихся на земле. Я сам не мог оторвать взора от заоблачной вершины этой первобытной развалины и мечтал взлететь на самое её темя, чтобы с этой престольной высоты окинуть взором весь мир, который, кажется, должен быть видим с такой высоты…

Очаровательная панорама местности видимо развертывается, новые красоты являются с каждым шагом вперед и грозный Чатырдаг, как бы из бездны, явственно восходит к небу; за ним вдали синеет цепь других гор хребта Яйлы. Розовый луч солнца золотит опаловые вершины гор, как волшебная кисть художника, рисующего фантастическую картину. Верстах в осьмнадцати от Симферополя обрывистые скалы Чатырдага ясно отделяются одна от другой; в расселинах и по отлогостям поросли вековые леса; покатость, обросшая ярким мхом и освещённая лучами солнца, пробивается сквозь чащу векового леса, кажется, будто покрыта ярким изумрудным бархатом. Небо сливается с горами, или лучше скажу, горы входят в небо, а внизу очерчиваются здания города, среди которого вьётся кристальный Салгир. Такая картина рисовалась передо мною, когда я подъезжал к Симферополю и когда солнце садилось за горы, а на дальнюю перспективу вершин заход накидывал багряную мантию; вблизи передо мною ложилась длинная тень от гор и увеличивала сладостную темноту южного вечера, и в то время коляска моя катилась уже по улицам Ак-Мечети, то есть белой мечети, так называют Симферополь татары.

В новом городе в соборе благовестили к вечерне; в старом, едва только умолк последних звук колокола, послышался голос муллы, призывавшего с высоты полуразрушенного минарета на молитву правоверных сынов пророка. <…>

Две совершенно различные части Симферополя – старый и новый город изображают собою две книги времени – старого и нового. В одной части на каждом шагу встречаются развалины, на сохранившихся зданиях лежит печать всесокрушающего времени; увидите ли человека, язык, одежда и обычаи его непременно напомнят давно минувшие века, прошедшую судьбу Крыма и соседних стран. Изящные храмы истинному Богу, правильные и прекрасные фасады домов, широкие улицы, чистота и опрятность привлекут внимание в новом городе. Но обозрите и старый, не оставьте и эту часть Ак-Мечети без внимания, посетите древние христианские церкви и татарские мечети, в час зноя утолите жажду струёй, вытекающей из древних фонтанов; быть может, испивши её, вы, как восточный певец, воодушевитесь, и чистая, живая, чарующая поэзия польётся из уст ваших; тогда и мы смертные заслушаемся бессмертного певца на несколько веков; но пока начнётся эта волшебная песнь, мы поедем к Симферопольским равнинам.

Не расспрашивайте путешественники, посещающие Симферополь, о достопримечательных развалинах; садитесь скорее на татарских лошадей и объезжайте все горные возвышенности, поднимайтесь на самые вершины и везде встретите то остатки толстых каменных стен древнейшей кладки, то полуразрушенные башни, окружённые кучами щебня, среди которого выказываются обломки изящных, нередко мраморных украшений и даже цельные капители колонн, вытесанные из порфира или гранита. По местам ещё найдёте большие камни, выдолбленные посредине наподобие воронки для сохранения дождевой воды или зёрен хлеба; но когда и кем сделаны эти углубления, никто не знает.

Прежде всех прочих развалин посетите так называемое Симферопольское укрепление. Время построения его неизвестно, нам остались на долю одни догадки и предположения. Конечно, большая часть укреплений Южного берега построены во время царя Понтийского Митридата Евпатора, воевавшего против горных народов. Легко может быть, что в числе этих укреплений построено и Неапольское, впоследствии переименованное в Симферопольское, как думает Бларамберт, Страбон же говорит, что это укрепление создано сыновьями Скифского царя Скилура. Но оставим догадки на долю изыскателей древностей, они нам мало принесут пользы. Местность укрепления очаровательна: здесь предо мною гордо возносится в небо Четырдаг, за ним тянутся другие горы, окутанные, как седая древность, в непроницаемый туман отдалённости, по сторонам прекрасная долина, с живописными группами деревьев; под тенью их выказыва-

ются ландшафтные жилища; всюду яркая изумрудная зелень, вьющаяся то по плоским крышам хижин, то по деревья, то по скатам и отлогостям гор; среди долины серебрятся светлые воды извивающегося Салгира; вдали у подошвы гор прекрасные здания недавних городов; вблизи очерчивается чёрная вековая развалина крепостной стены.

Мечтая о минувшем, путешественник нечувствительно взойдет на возвышенность Симферопольского укрепления, которое с одной стороны было ограждено искусственною каменною стеною, примыкающей двумя концами к природной неприступной возвышенности, сходившейся позади стены острым углом. Почти посередине этой стены внутри укрепления один татарин в 1828 году отрыл песчаный камень с рельефным на нём изображением всадника; под конём надолблена греческая надпись, в которой упоминается имя царя Скулура. Татарин, вынувши эту плиту, преспокойно свалил её на телегу и повёз к своему жилищу; на пути встретился он с учёным и образованным человеком Султаном Ката-Гиреем; Султан отобрал от татарина этот древнейший и редкий здесь памятник оборонной работы и тогда же озаботился о сохранении его. Впоследствии эту замечательную древность видел я в Одесском музее. В этом же укреплении отысканы были разные мраморные украшения и на одном отрытом пьедестале, чрезвычайно хорошо сохранившемся, читали имя Юпитера Атавирского; эта находка и её надпись повели изыскателей древностей к новым предположениям, которые также остались неразрешёнными, как и все прежние. В небольшом глиняном закрытом сосуде, отысканном в этом же месте, оказались монеты и медали времён Нерона. Самое же любопытное открытие, сделанное в этих развалинах, принадлежит путешественнику Дюбуа. Летом в 1834 году, взбираясь на вершину укрепления, он проходил мимо погребальных пещер и, заметив одну недавно разрытую могилу, подошёл к ней из любопытства и увидел в разрытой земле оставленные без внимания стеклянные вещицы, служившие для украшения; это подало ему мысль порыться самому в могиле, и тогда же он начал работу с помощью одного татарина. На дне вырытой ямы оказалось несколько скелетов, лежавших головами к востоку; у каждого из них найден был толстый медный ошейник, унизанный большими разноцветными стеклянными бусами; некоторые из этих бус были совершенно гладки, другие осыпаны самым мелким бисером, на третьих замечалась мозаическая работа. На груди каждого скелета Дюбуа отыскал небольшие фигурки, отлитые из особой стеклянной массы, известной древним; фигурки эти изображали лежащего египетского льва и другие символы восточных народов; на руках и ногах отыскались толстые медные браслеты изящной работы, а на головах и грудях небольшие нитки мелкого разноцветного бисера и между ними разноцветные агатовые, янтарные и стеклянные бусы и настоящие жемчужины, повреждённые вре-

менем. У каждого скелета при боку лежали меч, железное оружие в виде кинжала и несколько стрел. В соседней могиле Дюбуа нашёл пустой муравленый сосуд, несколько ниток разного ожерелья и круглое металлическое зеркало; по эти вещам он и заключил, что отдельно раскрытая им могила принадлежала женщине.

Было ещё довольно рано, когда я окончил обозрение Симферопольского укрепления и усталый сошёл в прохладную долину, где ожидали меня проводники. Отдохнув на камне, над которым сверху повисли ветви роскошной ивы, я сел на коня и узкою тропою спустился вниз небольшой рысью. Мы поехали по очаровательной долине, среди которой несколько раз переезжали вброд светлый Салгир. Оставивши за собою небольшую русскую деревеньку, а за нею прелестную дачу, принадлежащую, если не ошибаюсь, г-же Нарышкиной, мы поднялись на возвышение и вскоре опять спустились в долину. Здесь развернулась перед нами картина природы, ни мало не сходная с привлекательною видописью места, открывающуюся с высоты Симферопольского укрепления; там очарование заключается в живописной группировке роскошных южных деревьев, в ландшафтных хижинах, в удивительной яркости зелени растений и в лазурных струях Салгиря, бегущего среди долины, а здесь взор поражается величием угрюмых скал, одетых по хребтам тёмными вековыми лесами и горною беспредельною далью, затянутою лёгкою синевой тумана. На первом плане этого угрюмого ландшафта, как будто бы для того, чтобы оживить его и довершить очаровательную дикость местности, увидите стаи диких коз, скачущих с неизобразимою лёгкостью по утесам и скрывающихся от путника в горных расселинах или за громадными камнями, обросшими седым мхом или густым кустарником. На пространстве двух вёрст эта прелестная дикость места беспрестанно меняет свои красоты; два шага назад громадный камень казался отвесною чёрною скалою и два шага вперед эта чёрная скала, освещённая лучом солнца, упавшим на неё из чащи векового леса, кажется гигантским кристаллом горного светлорозового хрусталя. Густая, почти чёрная, зелень лесов, венчающих подножье скалы, ещё более придаёт очарованья этой картине. Соседние горные обрывы отражают от себя тысячи тёплых и приятных колеров. Смотришь на эту живопись природы и жалеешь, что нет искусственных красок, которыми мог бы написать эту чарующую картину, сохранив все оттенки её до малейшей подробности.

Переехавши небольшой мост, мы поворотили влево от него по дороге на Алушту и обозрели развалины Эски-Сарая, то есть старого дворца; эти кучи щебня не представляют ничего особенно занимательного, уцелевшая же стена Эски-Сарая и вблизи её струящийся ручеёк образуют картину весьма приличную для изящного альбома; старик татарин сидел, задумавшись, на камне у самой развалины; невдалеке от него, между кустов,

бродил его бодрый конь и отражался с зеленью кустов в кристалльных струях ручья; о чём думал старец, не о минувшем ли величии ханов и о настоящем запустении этого, быть может, некогда пышного дворца, или же о собственной своей старости, сравнивая её с руиною? Спрашивал я сам себя, проезжая подле развалин.

Оставивши в стороне Эски-Сарай, мы быстро проскакали несколько татарских деревень, живописно расположенных по берегу Салгира, и взобрались вдоль по крутому берегу на горную возвышенность; отсюда я снова увидел грозный Чатырдаг во всём его грозном величии; по сторонам открывались увлекательные места; по правой руке, с небольшого скалистого возвышения ниспадал небольшой ручеёк и скрывался внизу скалы, в чаще светло-зелёных кустов акации и орешника; возвышенность, с которой я обозревал отдалённость, образует особую природную террасу; позади её грозно поднимаются огромные скалы. Налюбовавшись местом, мы спустились несколько ниже и нашли в этой горе могильные пещеры с нишами для гробов; два отверстия ведут внутрь места вечного покоя и одно из них чрезвычайно узко; мы принуждены были ползком пробираться во внутрь пещер и ежеминутно ожидали, что обваливающиеся камни и осыпающийся песок, если не раздавят нас, так заживо погребут здесь; проползя узким отверстием шагов десять, если не более, мы несколько только могли подняться на ноги в расширившемся проходе, но ещё сажень и путь нам был уже широк и удобен. Дневной свет, проникавший сквозь отверстие, совершенно исчез, и я приказал жечь свечи, нарочно взятые с собою с целью осмотреть внутренность тех пещер, в которые проберусь.

Тусклый свет осветил передо мною широкое пространство в виде обыкновенной комнаты со сводом; отсюда две галереи, находящиеся по левую и правую сторону, ведут в другие пещеры, изрытые внутри горы; я избрал правую галерею, как казалось нам, более удобную для безопасного подземного пути; избранная широкая галерея привела нас в новую пространную пещеру; потолок её, как и в первой, сходился сводом и посередине пещеры поддерживался тремя грубо иссечёнными колоннами; в этой комнате опять два прохода; они ведут в новые пещеры; я опять избрал правый; этот проход уже прежнего и, продолжившись шагов сто, если не более, привёл нас в третью пещеру, среди которой свет очертил спокойно стоящее озеро чистой и чрезвычайно холодной воды, вероятно, проникнувшей сюда извне; это пещера не так пространна, как две первые; стены её изредка покрыты прилепившимися сталактитами; через овальное отверстие, пробитое в левой стене пещеры, мы увидели громадные сталактиты, заблестевшие перед нами в то время, когда мы, наклонясь, пили воду из озера и через отверстие, облепленное окаменелыми шишками известняка, пробрались в сталактитовую пещеру. Удивительной зрелище

открылось перед нами, когда мы вошли в неё; гигантские фантастические формы ярко искрившихся сталактитов и сталагмитов очерчивались перед нами, как некие волшебные тени, вызванные чародейскою силою из другого мира; они вместе и удивляли, и ужасали нас.

Сталактитовая пещера довольно пространна, и один только угол не покрыт дивными фигурами; в самой глубине его, сквозь обвалившуюся глину, виден при свете огня подземный источник, с шумом текущий в следующую пещеру, в которую проход так тесен и опасен, что я никак не решился пробраться далее; вероятно, что следующий проход провёл бы нас далее; но насладившись фантастическими формами блестящих сталактитов, мы прежним путём возвратились назад. Названия этих пещер я не мог узнать от сопутствовших мне татар.

Располагая через три дня оставить Симферополь и его окрестности, я, обозревши эти пещеры, поспешил в тот же день возвратиться в город. Если бы я писал путевые записки с той целью, чтобы указать место, где меня принимали радушно и кормили вкусными и роскошными обедами, где я спокойно спал и, наконец, рассказывал бы публике сны, какие грезились мне во время путешествия, то Симферополю в этом отношении я непременно отдал бы преимущество перед прочими местами южного берега; но в очерках моих не отыщут читатели ни жирных обедов, ни обаятельных снов; я даже не записал их и в карманной книжке, предоставляя другим путешественникам наполнить свои записки подобными интересными известиями.

На другой день утром по возвращении моём в Симферополь я с одним глубоким стариком татарином Юзбаши-Барали сел на лошадей и, выехавши за город, поехал на северо-запад к урочищу Батуб-Хане.

Дорогою татарин с особенною набожностью рассказывал мне о чудесах татарской святыни, которую он вызвался показать мне, взявши наперёд слово, что я не буду сомневаться в истинной её святости. Я обещал старику исполнить его желание, и он, с радостью посмотрев на меня, погладил седую бороду и начал рассказ.

– Слушай, барин!

– Слушаю, Юзбаши-Барали.

– Аллах велик и Магомед его пророк! – Сказал татарин, пристально посмотрев на меня, покачал головой, погрозил пальцем и продолжал. – Вы, русские неверные люди, вы не молитесь ни Аллаху, ни Магомеду, вы не будете жить там!..

Он указал на небо, я притворно вздохнул… <…>

– Не вздыхай! Слушай, что я скажу насчёт твоего спасения, а потом расскажу и чудо, совершившееся некогда с женою одного Хана нашего:

«В конюшне ханской стоял арабский жеребец; цены ему не было, он был единственный жеребец во всём мире; день и ночь стояла стража во-

круг конюшни и хранила бесценного коня. В одно утро вошли ханские конюхи в конюшню и видят, что в ней нет жеребца, начали суетиться, искать его везде, куда только, полагали они, что он может забежать. Суету увидел Хан, тотчас догадался, кого они ищут, и, призвавши к себе всех до единого из окружавших его людей, сказал:

«Отыскавшего моего жеребца я осыплю золотом; ступайте и ищите, всякий из вас может быть счастливцем!» Слуги бросились в разные стороны и начали искать. Множество было искавших, но из них один только увидел жеребца под тенью дерева, взял его за узду и привёл к Хану.

– Что же Хан сказал, как вы думаете, господин? – спросил меня татарин.

– Не знаю, Юзбаши-Барали!

– Хан вот что сказал: на, первую и большую часть обещанного мною тебе богатства, а эти части я раздам искавшим жеребца вместе с тобою; они все также желали сыскать жеребца, но тебе одному посчастливилось найти его; нельзя же и тех оставить без награды. Понимаете, господин, эту святую истину?

– Понимаю, старик!

– То-то, вот как милостив великий Аллах и Магомед его пророк! Теперь слушай о чуде. Несколько веков прошло с тех пор, как жил один умный Хан. У него было множество жен, но одна из них вашей веры, привезённая татарами из Польши и подаренная Хану, родила дочь; значит она уже Ханша, старшая над всеми жёнами. Дочь росла, мать воспитывали её по своему закону; хотя этого у нас и нельзя, но Хан, страстно любивши, смотрел на это сквозь пальцы. Выросла его дочь красавица собой, как разнёсся слух в народе через евнухов ханских, которые, может быть, видели её в другой раз и без покрывала; знатные люди из Турции, да и наши, задумали, как бы её взять, но Ханша не то затеяла, она решилась с дочерью убежать из гарема и пробраться в вашу землю; вечером одного дня Хан входит в гарем, спрашивает султаншу – нет её; вначале Хан полагал, что жена пошла к своим приятельницам, и не беспокоился, но настала ночь, нет Ханши и её дочери; что делать? Разослал он погоню; посланники искали их везде и не нашли. Через три дня Хан приехал помолиться Кырк-Азиз; молится и что же? Выходит из пещеры и видит, что его Ханша лежит почти у дверей её без чувств; Хан приказал внести её в пещеру, начал опять молиться, и Ханша, слава Аллаху, ожила. Хан возрадовался, и милость его на народ полилась рекою!

– А дочь Ханши куда девалась?

– А дочь ваши неверные казаки захватили, и потом она с ними и на Стамбул нападала; всё хотела мать освободить, да не так-то легко было.

– Слава вашей святыне! Поедем же шибче, старик!

Старик ударил лошадь нагайкой, и мы быстро помчались вперёд.

Перед нами обрисовался скалистый берег речки Зуи, к которому мы спешили. Рассказ татарина ещё более заинтересовал меня увидеть его святыню, которая, как он говорил, единственная во всём мире. Какая же может быть святыня у татар, думал я, привыкши считать этот народ более суеверным, нежели истинно преданным своей религии. Это не турки, самые ревностные поклонники пророка; татарские верования были прежде богаты толками и сектами; даже, кажется, в самой маленькой уединённой деревне можно было найти десять сект, различавшихся одна от другой самым пустым обрядом.

Подъехав к подошве скалы, мы поручили лошадей татарину, которого полуразрушенная землянка чернелась в нескольких шагах от горного возвышения. Этот татарин приветствовал нас по восточному обычаю и предложил через моего сопутника отдохнуть в его землянке на обратном пути. Поблагодаривши за гостеприимное предложение, мы начали подниматься на скалу. Юзбаши-Барали рассказывал мне про богоугодную жизнь татарина, которому мы поручили лошадей, и, вздыхая, сожалел, что Аллах не дозволяет и ему поселиться у подошвы этой скалы; тогда бы он, как говорил, ежечасно молился Кырк-Азиз.

Нельзя сказать, чтобы мы были утомлены, взбиравшись на вершину скалистого берега, однако же я желал осмотреть видопись места и упросил моего старика присесть на камене, выдавшемся на самой макушке скалы. Подсевши к словоохотливому старику, я начал расспрашивать его о названиях близлежащих деревень и сёл.

– Вот милая деревня Конечи, а вот, немного далее, другая – Кояости; здесь живёт мой старинный приятель Абул-Адий.

– Скажи мне, Юзбаши-Барали, чем особенно замечательно это место? Что было здесь в старину?

– Здесь, барин, было жилище святых душ; назад тому несколько сот лет приходили сюда все татары и даже жёны молиться, а потом, когда Крым завоевали русские, так святые души неизвестно куда скрылись; осталась нам одна святыня; пойдём к ней, пора!

Татарин встал, вслед за ним последовал я, и мы начала спускаться вниз по удобной и довольно широкой тропе.

– Послушай, Юзбаши-Барали, может быть святые души полетели в Мекку или Медину?

– Аллах знает и Магомет его пророк. Не разговаривай, барин, место свято.

Я умолк. Скоро пришли мы к искусно отделанному отверстию пещеры, у которого сидя спал глубокий старец татарин. Юзбаши-Барали, помолившись у входа, взял меня за руку и ввёл во внутренность довольно пространной пещеры. Тысячи свечей пылали пред широким тёмно-красного дерева ящиком, сделанным наподобие гроба.

Юзбаши ниц повергнулся перед гробом и долго не поднимался, беспрестанно провозглашая имя Аллаха и его пророка… Старик усердно молился.

От бремени лет и усталый, он с трудом мог подняться на ноги и, обратясь ко мне, сказал:

– Ты, барин, неверный, ты не можешь молиться этой величайшей святыне, но я за тебя молился, ты будешь счастлив! Поблагодарив усердного старика и осмотревши пещеру и гроб, в котором, по словам татар, покоятся Кырк-Азис – сорок святых, я вышел из пещеры, и мы возвратились обратным путем к землянке, у которой оставили лошадей, и здесь, отдохнувши короткое время, сели на коней и поехали в Симферополь.

Ещё до восхода солнца коляска моя катилась по дороге из Симферополя на Алушту. Четыре верховых татарина были моими сопутниками. Если где истинно приятно путешествовать, выезжая рано утром, так это именно по южному берегу Крыма. Напрасно описывал бы я эту приятность; скучные строки описания не дадут никакого понятия о тех наслаждениях, какими я упивался во время путешествия моего по Тавриде.

Восток! Не буду сравнивать его, подражая юным поэтам, с румяною девою, потому что восток на южном берегу не дева, а скорее румяный, пылкий юноша, и так, этот румяный и пылкий юноша, багряно-золотыми лучами своими осыпал всю природу, и живописная картина развалин Демир-Хату – железные ворота – казалась как бы нарисованною на розовой перламутровой доске. Нега и прозрачность горного утреннего воздуха, яркая синева неба, чудная зелень, лазурные воды и отражающийся в них холодный, но увлекательный колер седой развалины стены, некогда начинавшейся у подошвы горы Кастель и доходившей до моря, обнимали меня со всех сторон. В этот час пути я забыл тяжёлую существенность и, могу сказать, наслаждался духовно.

Оставивши за собой незначительные развалины Демир-Хану, мы въехали в довольно пространную долину, окружённую со всех сторон громадными скалами, из-за вершин которых синелись сотни других гор. Среди этой бархатной долины извивается дорога, приведшая нас к чрезвычайно высокой скалистой горе; мне сказали, что на вершине её недавно поставлен памятник на том месте, где отдыхал император Александр во время последнего своего путешествия по Южному берегу. Мало оставалось мне времени, назначенного для переезда в Алушту, но я не мог не взобраться на вершину скалы, которая, как живая летопись, напомнила мне жизнь Благословенного и судьбу его соперника Наполеона. Я смотрел на громадные скалистые горы, сравнивал эти вековые твердыни с судьбой человека, и в голове моей роились тысячи мыслей…

Спустившись с горы в долину, я сел в коляску и поехал шибче прежнего. Достопамятная гора всё ещё рисовалась передо мною и мысли о

славном минувшем не оставляли меня; воображение то летало на дикий остров Елены, то переносилось в столицу Франции, и я, казалось, стоял в церкви дома инвалидов, перед гробом узника-императора; то опять дума переносила меня в нашу северную столицу, и в соборе Петра и Павла я молился перед гробом Благословенного…

Проехавши долину, горная дорога начинает мало-помалу понижаться. Дальние вершины гор, как мысли, заслонялись ближайшими скалами, или входили в землю, или терялись в синеве дали, сливавшейся с синевой моря, едва видимого отсюда. По прямой линии, освещённые вечерним солнцем, начинают рисоваться среди зелёных групп деревьев домики Алушты. Не подозреваешь, чтобы новая картина местности встретилась на пути и привлекла внимание; вдруг, как будто бы по мановению волшебного жезла, оборачиваешься в левую сторону и видишь перед собой истинно фантастическую сказочную скалу Демирджинскую; едва только обратите на неё ваш взор и увидите в первое мгновение не безобразную массу громадных камней, поверженных один на другой, но очаровательную головку женщины в греческой зачёске. Взор ваш жаждет насладиться правильным обликом головки, и вы забываетесь, что смотрите на каменную скалу, которая с приближением превращается в безобразную массу камней, висящих над деревней, которую она, кажется, раздавит в то самое мгновение, когда вы смотрите на неё.

Любуясь Демирджинскою головкой, в душе вашей, может быть, родится нравственная мысль, которую я не напишу здесь, не желая сравнивать бездушного фантастического облика с прелестной женщиной…

Вечерние лучи солнца прямо падали на скалу, беспрестанно изменявшую цвета свои; вот мгновение, она представляется полупрозрачною, как бы составленную из громадных кусков самого толстого голубого фарфора; по окраинам камней неподражаемая синева беспрестанно переходит то в багряный отлив, то зеленеет изумрудом, то сияет золотым лучом; новое мгновение, и вся скала кажется мозаическим персидский узором. Едва солнце спрячется за облачко, узор сливается в туманную массу халцедона, и скала изменяет своё очертание, окутываясь зеленью кустарника, поросшим по отлогостям её.

Не доезжая этой волшебной скалы, по дороге встретится горный ключ, обделанный диким камнем. Чистая холодная вода его вытекает из ближайших гор. Остановитесь и утолите жажду у этого студенца, достопамятного тем, что вблизи него Михаил Илларионович Кутузов был ранен пулею в правый висок; пуля, как известно, вышла в левый, пройдя позади глаз и один из них совершенно повредила. Ключ в память этого события наименован Кутузовым фонтаном; татары называют его Сунгу-су. С одной стороны студенца, на камне, вырезана надпись: «Близ сего места, в

сражении противу турок, генерал-майор Михайло Илларионович Кутузов, что после был фельдмаршалом и князем Смоленским, ранен в глаз».

Садитесь у этого достопамятного источника утоливши жажду и окиньте взором живописные отдалённости, бледно рисующиеся перед вами, обвитые в вечерний розовый туман. Слева, за пространным и глубоким долом, под огромными скалами, едва виднеется небольшая татарская деревня Демирджи; сюда я спешил для ночлега.

Спустившись в дол, мы быстро поехали к Демирджи. Был час десятый вечера; на южном небе загорелись яркие звёзды; тихий вечерний ветерок разнёс по долу обаятельное благоухание. Отдалённые окрестности, как красавица востока, закрывались в широкие пелены тумана. Запад потухал, ночная тишина всюду воцарилась; по временам прерывалась она шумом ниспадавшего горного водопада, внизу дробившегося о камни, или же криком диких гусей, перелетавших вереницей из озера на озеро. Кажется, что я пожертвовал бы пятью годами жизни, если бы только во всё остальное время мог наслаждаться в этих местах вечернею и утреннею негою природы.

Почти в полночь я приехал в Демирджи. Проводники-татары отыскали для меня довольно сносную для ночлега хижину, прилепленную к скале, и только одна сторона её была сложена из дерева, для прочих же служили ей природные камни, в которых иссечена просторная пещера с нишами для покойников.

В этой-то пещере, в одной более возвышенной от земли и пространной нише, где, по словам хозяев, помещалось несколько гробов, я улёгся преспокойно спать, по обыкновению положив под себя толстый войлок, защищающий от сырости, и незваных гостей скорпионов, и других пресмыкающихся, которых здесь весьма много.

Я сел в коляску, татары вскочила на коней и с гиком помчались вперёд по дороге в Алушту, по пространной долине, зелёной и мягкой, как роскошный восточный ковёр. Алушта рисовалась перед нами на отдельной горе, возвышающейся среди двух пространных долин, по которым струятся две небольшие речки, вытекающие из гор. Летом эти речки совершенно высыхают, зато весною они широко разливаются и в некоторых местах, где огромные камни мешают их протоку, они покрывают водою эти преграды и образуют большие водопады. Подошва горы до самой вершины покрыта яркою зеленью виноградников; среди этой зелени, на горизонте, очерчиваются здания и развалины алуштинского укрепления, построенного при императоре Юстиниане I. По оставшимся развалинам стены трёх башен, находящихся по углам укрепления, заметно, что самаю крепость составлял неправильный пятиугольник, в середине которой, на самой вершине, существовало верхнее укрепление, также обведённое каменной, чрезвычайно толстой стеною.

Через полчаса, по приезде моём на горную алуштинскую станцию, весьма неспокойную и неудобную, я с двумя из моих провожатых и одним алуштинским татарином отправился осматривать развалины древних башен, стоявших, как я сказал, выше, по углам стены; от самой отдалённой из них, шестиугольной, осталось одно основание, которое, конечно, через два или три года совершенно исчезнет, ибо жители разбирают камни, кладенные на извёстке, для своих построек. Средняя башня четырехугольная, хорошо сохранившаяся, и, наконец, третья, совершенно круглая, прилегает основанием почти к самой скале; толщина этих башен больше сажени. Алуштинский житель показывал мне внутри укрепления едва заметные развалины замка Алустона, построенного Юстинианом. Алуштинские развалины в настоящее время не представляют ничего замечательного. Прекрасная картина руин, очаровательная местность, вот и всё, что найдёт здесь путешественник.

Ранним утром, в час, когда туман обвивал скалы, с вечера ещё покрывший всё горное пространство, я рассматривал уже остатки стены Демирджинского укрепления, прилегавшего двумя концами к неприступной скале, от которой, в некотором отдалении, и доселе ещё существуют развалины древнейшей греческой церкви, замечательной тем, что она, против обыкновения, существовавшего в этих местах, построена в два этажа. Да не подумают читатели, чтобы церковь эта была изящное архитектурное здание; небольшой каменный домик, в длину до семи сажен, в ширину до трёх, столько же в вышину, прикрытый довольно плоскою крышею – вот и весь фасад этого древнего храма.

Я спешил в Алушту и поэтому в Демирджи прибыл до восхода солнца; проводники мои татары проснулись, совершили омовение, приготовили лошадей и вместо чаю и кофе принесли мне несколько роскошных гроздей красного и довольно крупного винограда, растущего здесь в большом изобилии у подошвы горы и по скалам, цепляясь за них и живописно обвивая вековые камни и маленькие жилища татар, прикреплённые к скалам и пещерам в них изрытым.

Алушта весьма древнее греческое укрепление; в настоящее время она составляет небольшое горное местечко, посещаемое почти всеми путешественниками и потому уже, что здесь находится станция. Старая татарская мечеть и несколько вокруг неё довольно опрятных домиков составляют всё украшение Алушты.

По чрезвычайно узкой тропе, извивающейся у подошвы скалы подле самого берега моря, пробирались мы верхами на лошадях в Кучук-Ламбат. Эта береговая тропа вдруг исчезла, покрытая морской волною, и тогда мы смело въезжали в море и ехали водою до первой возвышенности, которую не могли покрыть волны; зато здесь сильные прибои валов, разбиваясь о каменный берег, орошали нас водяной пылью. С правой сто-

роны возвышались над нами грозные скалы с выдавшимися камнями, которые вот-вот, казалось, обрушатся и раздавят нас. Часто тропа эта становилась такой затруднительною, что мы, казалось, неминуемо должны будем обрушиться в морскую бездну, свалившись с громадного утёса, на который карабкались, слезая с лошадей и удерживаясь за их хвосты, или же, пустив их вперёд, сами лезли на вершину, опираясь руками и ногами за камни и цеплялись за кусты, выросшие на каменьях и в расселинах. Часто один сухой пень дерева служил нам единственным сообщением между двумя вершинами скал, разделёнными одна от другой бездонною пропастью. Но неудобство пути выкупалось новыми горными картинами, нисколько не схожими с виденными мною до этого, и эти виды перед нами беспрестанно изменялись, то очерчивалась вершина грозного Чатырдага, то обрисуется на синем горизонте скалистая гора Кучук-Кастель, или же поднимется из моря, в виде чёрного медведя, Буюк-Кастель-Аюдаг. Здесь беспредельное море, там зелень виноградников и упоительная нега тенистых садов; с одной стороны, на каждом шагу видите скалы, камни и дикие стремнины, с другой – рисуются вдалеке мирные жилища, окружённые изобилием произведений южной природы.

Пробираясь по опасному пути в Кучук-Ламбит, я душевно желал скорейшего окончания его; но когда кончился этот путь и перед нами, по уступам горы, зачернелись прикреплённые, как гнёзда ласточек, маленькие хижины, я пожалел, что кончилась опасность, и желал, чтобы ещё далее продолжалась наша дорога. У подошвы Кучук-Ламбата, перед изящным домом, принадлежащим одному из наших вельмож, красуется гладкое круглое зеркало пристани, окаймлённой возвышенными берегами, кой-где покрытыми живописными кустарника, кой-где голые скала, кой-где желтеет песок. Далее светлеет беспредельное море, с двух сторон ограничивающееся излучистыми разноцветными скалами; за домом выказываются стройные пирамидальные тополи, роскошные тополи юга; по местам зеленеют развесистые благоухающие ивы; в одном месте растёт несколько живописных каштановых деревьев, в другом вьются по степи и камням живописные лозы винограда, обременённого сочными плодами; из-за вершин деревьев гордо восходит к небу гора с прилепившимися к ней в разных местах жилищами; это древнее место Кучук-Ломбат, бывшее известным Хиоскому уроженцу Скильну, жившему более нежели за сто лет до Р.Х. Когда посетитель этого древнего места обратит взор на море, то по правую сторону увидит, как будто из бездны морской восстающую громадную гору, фантастические очертания которой сходствуют со спокойно лежащим медведем; это дивная гора Аю-даг, то есть Медведь-гора, она покрыта лесом, тёмный цвет которого придаёт ещё более сходства с лесным царем. Долго стоял я у самого берега моря и любовался величественною панорамой природы; здесь, кажется, сосредоточились

все живописные предметы, которых в другом месте напрасно ищет художник, желая придать своему ландшафту грозную и вместе с тем очаровательную прелесть. Чудное море заключено в раму скалистых берегов, среди него Медведь-гора, в стороне у скал великолепный дом, за ним новая скала и в перспективе сияет даль, у ног яркая зелень растений и виноградников обвивает ближние предметы, а над всеми этими красотами природы чистое южное сапфирное небо. Ландшафт утоплен в сладострастной неге воздуха, нагретого золотистыми лучами солнца, освещающего всю картину. Вот эскиз Ламбата.

Прежде всего хотел было я взойти на Аю-даг, который, кажется, чрезвычайно близко лежит отсюда, и удивился, услышавши, что от берега он отстоит более 20 вёрст. Оптический обман скрадывает по воде истинное расстояние его от Ламбата.

Насладившись морским видом и отдохнувши под тенью виноградника, я начал взбираться на возвышенность Ламбата: с целью посетить то место, которое, по указанию даже современных историков, существует более двух тысячелетий. Нет никакого сомнения, что первые обитатели этого горного места были греки; само название Ламбат или Лампас, означающее светильник, факел или просто, как и мы заимствовали от греков это слово, лампада, подтверждает это мнение, поводом же к такому названию этого места легко, может быть, послужили бесчисленные огни рыболовов, пылающие по ночам в заливе. Я видел Ламбат ночью, прельщался тысячами огней, блиставших на лодках рыболовов, и не назвал бы этого места иначе как Лампас, не зная, что это имя дано ему назад тому тысячу лет.

Из Ламбата я проехал в деревню Партенит, которая, как полагают историки, была местом рождения Св. Иоанна, епископа Готфского, жившего в 1050 году. Партенит – хорошенькая деревня, богатая виноградниками; в отношении древних развалин она не представляет ничего особенно достопримечательного, разве только одно урочище Вигла, то есть место стражей или караула; название это доказывает, что в этом урочище был в древности наблюдательный пост. Недолго оставался я ныне в забытом летописями Партените, а некогда бывшем, может быть, славным местом. Партенит я прошёл тихо и, вышедши на покатость, сел на малорослую татарскую лошадь и поехал с двумя татарами к горе Аю-дагу, до которой отсюда было час пути.

Медведь-гора далеко выдавалась в море, из которого она подымается крутыми, обрывистыми скалами, со всех сторон обросшими деревьями и тенистыми кустарниками. На уровне моря, по измерению французского инженера Шатильена, Аю-даг возвышается на 274 сажени.

Узкая тропа, извиваясь из Партенита, вела нас к Аю-дагу; тропа эта со всех сторон обросла густыми и довольно высокими кустарниками; часто

мы спускались в глубокие расселины, и тогда над нами небо закрывалось кустами и прохладная тень провожала нас до первых громадных камней, лежащих один на другом, и мы с трудом должны были взбираться на них, подымаясь всё выше и выше к макушке горы; часто дорогу нашу преграждал горный ручей, который то едва струился и исчезал под вековыми камнями, то ниспадал вниз величественным каскадом и терялся в узкой воронке горной расселины, и тогда от падения его слышался один только глухой шум. Большая часть этих ручейков появляется после сильного дождя, продолжающегося несколько дней сряду. Ручьи эти также скоро исчезают, как и появляются. Сегодня путь наш на вершину Аю-дага преграждал широкий и быстрый ручей, а завтра едва бы вы захотели вновь взобраться на вершину, то вероятно не нашли бы уже и следа его.

Почти на полпути к вершине Аю-дага, когда мы оставляли за собой конечные горные жилища татар, принадлежащие к деревне Партенит, проводники указали мне едва заметные следы развалин; один татарин сказал мне, что если верить преданию, то на этом очаровательном месте некогда существовал греческий монастырь Константина и Елены, которого любители древностей ищут на самой вершине горы. Судя по живописи, уединению и удобству места, легко может быть, что указанные мне развалины принадлежали древнему греческому монастырю, но это одно предположение и ничего верного. Вокруг развалин разбросано множество черепицы и обломков разных глиняных сосудов; здесь я сыскал две небольшие склянки, совершенно уцелевшие; время повредило только наружную сторону стекла и из прозрачного светло-голубого превратило его в тёмно-синий матовый цвет.

На самой оконечности горы, выдававшейся в море, и в стороне от куч щебня и разбросанных камней видны другие развалины: четыре толстые каменные стены некогда существовавшего здания, они и поныне стоят нерушимо; вышина их гораздо более сажени, на верху кустарники, толстые каштаны и ореховые деревья; основание руин обвивает широколистный плющ и пурпурные цветы горной повилики; в отдалённости эти вековые остатки минувшего с обвившей их зеленью красуются перед взором путешественника изящною эмблематическою виньеткой.

Я спешил скорее взобраться на самую вершину Аю-дага и, несмотря на усталость, не хотел оставить без обозрения древнейшего укрепления, находящегося на Аю-даге. Чудные виды развёртываются пред путником, достигшим престольной вершины Аю-дага, в одно время на пространной панораме обнимает он взором самые отдалённые вершины горы, у подошвы его клокочет безбрежное море, по сторонам рисуются Кастел, Ламбарт, Гурзуф и другие горные укрепления. Смотря вниз, видишь ничтожные жилища, кой-где пасущихся лошадей, кой-где дикую козу, перескакивающую с камня на камень. Прельщаясь этой живописью места, не-

вольно сознаёшь в душе величие самодержца вселенной… По средине вершины уцелели остатки укрепления; каменная стена изгибается правильным полукружием, два конца её примыкают к неприступной стремнине, она сложена из огромных плит дикого камня, кладенных без цемента; внутри укрепления по направлению стены в равном расстоянии были устроены небольшие бойницы; основания некоторых из них и доселе ещё видны. Теперь на обломках этих некогда неприступных твердынь поросли вековые деревья; серый мох покрыл дикие камни, как бы в доказательство их седой древности. Настоящие обитатели этих прелестных поэтических мест – горные коршуны, свивающие гнёзда в щелях камней, трусливые зайцы, укрывающиеся под основания развалин, вечные враги их, с которыми ведут коршуны непримиримую войну. На вершине Аю-дага в задумчивости сидел я белее часа, опершись на обросший мхом дикий камень, отвалившийся некогда от края неприступной стены; воображение перенесло меня в давно минувшие века, и я в те минуты жил и беседовал с народом, который обитал здесь назад тому тысячу лет, если не более; обаятельная сила воображения очерчивала дивные события древнего мира, повторявшиеся перед моими глазами, как бы на самом деле. И сколько волн клубились в то время по безбрежному пространству моря, плескавшегося у подошвы Аю-дага, на которые смотрел я и мечтал, сколько же промелькнуло мыслей в голове моей? Где всё минувшее, спрашивал я тогда сам себя и грустным взором окинул окрестности. Где жизнь и слава народов, обитавших в этих местах? Этот вопрос повторял я перед каждой седой развалиной, но развалины безмолвствовали. Волны морские, клубившиеся в дни жизни этих народов и носившие корабли их по хребтам своим, как и волны времени, давно уже промчались в бездонную пропасть забвения, и ничто теперь не напомнит и не расскажет мне тысячелетнюю повесть о судьбе древних народов. Твердыни, эти башни, храмины и громадные обломки, прежде не рушимые силою человека, напомнят путешественнику одно многозначительной изречение: momento mori. В этих-то пленительных местах минувшее и настоящее, как мрак и свет, как смерть и жизнь, борются между собой, и каждый предмет, на который только посмотришь, живёт двумя жизнями – минувшею и настоящею… Но, повторяю, это минувшее для нас темнее мрака, безмолвнее смерти, а настоящее грустное, забытое всеми…

Светоч истории, как он ни был блистателен, не осветит непроницаемого мрака тысячелетий, и если приведёт нас по тайным, мрачным и узким переходам столетий канувшей в бездну вечности, то среди этой страшной бездны он погаснет, и мы останемся во мраке собственных своих изысканий…

Я оторвал взор мой от седой развалины Аюдагского укрепления, гикнул на татар, дремавших под тенью куста, и мы начали спускаться в Партенит.

У подошвы горы мы переменили лошадей и быстро поскакали по береговой дороге в Гурзуф. Мысли мои рассеялись, когда началась узкая дорога, извивающаяся пропастью моря и обрывистыми скалами, которые, кажется, на каждом шагу готовятся на нас свалиться. Этот путь продолжительнее прежнего пути в Ламбат, где опасность на каждом шагу, и здесь мы то ползли на стремнины, то слезали с обрывистых камней к прибою волн, и если бы в ту минуту, когда мы спускались вниз по известной стремнине, нагрянул прибой волн, то не миновать бы нам морской бездны.

Осмотрев на пути ландшафтные остатки генуэзской крепости и среди них, можно сказать, оставшийся остов круглой башни, обведённой толстой каменной стеной, спускающейся по раздвоённой скале в море, через которую перекинут мост, кажущийся кое-как сложенным из диких неотёсанных камней, которые непременно низвергнутся в расселину, когда только путник ступит на него, но мост много веков стоит нерушимо. В полдень, усталые и измождённые, кое-как дотащились мы в Гурзуф; приятное местоположение этого укрепления, построенного в VI веке по повелению Юстиниана, остатки которого видны ещё в настоящее время на северной стороне скалы, на которую подымался я, проходя по расселине, разделяющей скалу на две части; с южной стороны скала совершенно неприступна; кучи диких камней, поросших мхом и кустарниками, обозначают место некогда неприступной твердыни; у подошвы скал раскинуты татарские хижины; они то рисуются под густою зеленью деревьев, то выказываются из-под громадных камней.

За скалами древнего Гурзуфа, спустившись с ближайшей высоты горной дороги к морю, открывается вид прекрасного дома, принадлежавшего некогда Дюку де-Ришельё; за домом по покатости горы раскинут английский сад, богатый деревьями юга; море подмывает утёсистый берег, на котором зеленеет сад; здесь столетние ивы, укоренившиеся в расселинах камней, склонились к самым волнам как будто бы для того, чтобы приятной зеленью развесистых ветвей принимать взор путника, посетившего это место; здесь, кажется, кокетство есть достояние природы, а не женщин, которых редко встретишь; восточный обычай содержать их в неволе до сих пор существует во всей силе между татарами, а татары <…> кажется, нарочно поселились здесь, как бы в насмешку минувшим обитателям <…>

Меня чрезвычайно привлекала к себе деревня Никита, известная своим садом, о котором ещё в лицее приучился я мечтать, читая в хрестоматии описание его, взятое из путешествия по Тавриде в двадцатом году

Муравьёва-Апостола. Деревня Никита и за нею сад расположены на скалистом береге, далеко вдавшемся в море. Отдохнувши в деревне, славящейся своим пенистым вином, мало уступающим шампанскому, я в сопровождении какого-то другого путешественника лет пятидесяти, приехавшего искать здесь древних греческих богинь и храмов, построенных в честь их, поехал по узкой тропе, извивающейся сначала между скалами, а потом в густоте векового леса, где она обрывисто спускается к морю. Не мудрено, что лес, среди которого мы ехали довольно долго, очаровал Муравьёва; в самом деле, как живописно не представлял я себе красот его, но они действительно превзошли всякую воображаемую прелесть; в Малороссии я видел вековые дубы в три обхвата, в Крыму я прельщался редкою красотою деревьев, но Никитский лес всё превосходит; немного поодаль от узкой дороги, по которой пробирались мы, в чаще этого леса растёт огромный дуб; середина его от корня выгнила, и в этом не дупле, а скорее пространной беседке, растёт уже несколько десятков лет клён, достигший значительного объёма; толстые ветви его поддерживают векового старика, светлая зелень широких кленовых листьев мешается с густой зеленью дубовых ветвей; шаг вперёд – и новая группа деревьев совершенно в другом виде прельщает вас; здесь тысячи прекрасных картин деревьев и зелени, и когда проезжаешь эти места, то подумаешь: вот где царство для любителя писать картины деревьев.

Из леса подъезжаете к саду, расположенному по уступам на самой оконечности скалы, далеко выдавшейся в море.

Прельщённый дикой красотою живописного векового леса и заранее приготовленный пышным описанием Муравьёва, я мечтал найти в Никитинском саду осуществлённые красоты садов, которые раздаются восточными поэтами в обиталище волшебным красавицам, но ожидания мои не сбылись; здесь повторились те же виды и те же красоты природы, какие встречал я доселе почти на каждом шагу в Крыму и, к сожалению, ещё эти красоты здесь скучны, бледны и однообразны; справедливо, что в саду растёт много различных деревьев юга, что расположение его по уступам, сходящим к волнам моря, довольно живописно, но всё, однако же, не в такой степени, как воображал я, прочитавши описание Муравьёва; в глазах его и обвалившаяся ничтожная хижина садовника, и плохо устроенные оранжереи казались изящнейшими зданиями.

Читающий эти строки да не разочаруется и не вообразит, чтобы, в самом деле, Никитинский сад не имел ничего замечательного; нет, я этого не говорю; много найдёт здесь путешественник приятного и удивится миртами и кипарисами, высоко и привольно выросшими по уступам сада; виноград, южная повилика и по местам в чаще сада широколиственные папоротники вьются и растут у корней столетних деревьев. Обозревши сад, сходивши и восходивши по уступам, я посетил богатые оранжереи,

наполненные прекрасными растениями южных стран и даже тропическими; здесь показывали мне большую коллекцию прекрасно растущих виноградных лоз и сообщили, что в саду собраны почти все роды винограда; южный, можно сказать, жаркий климат чрезвычайно способствует разведению здесь лучших лоз.

Из Никиты я выехал на другой день. Заходом и восходом солнца любовался я, стоя на уступе в саду, склонившемся к самому морю; над головою расстилались густые ветви кипариса и закрывали часть ярко-голубого неба. При восходе и заходе море из обычного тёмно-синего цветы покатило сначала пурпур, а потом золотые валы его смешались с седою пеною, и вечером эта пена казалась жемчужным каскадом, утром жемчуг превратился в чисто золотые искры; благоухание воздуха райское; тяжёлые думы и даже чёрная грусть, если она до этого гнездилась в сердце посетителя, здесь развеиваются; мечты навевают на душу отрадное спокойствие, и сладострастная нега южного вечера располагает его к отрадному сну.

Дорога в Ялту лежала через Магарач, и этот путь также очарователен и также опасен и труден, как и прежний; пятидесяти шагов нельзя пройти по ровному месту, везде скалы и бездна, то взбираешься на вершину, то спускаешься в пропасть, несколько шагов едешь то по песку, то по воде, то в тени между кустов, то в каменных расселинах; виды также разнообразны и живописны; здесь очертятся перед вами на скалистой остроконечной вершине развалины Палеокостровского укрепления, там протянется зелёная ялтинская долина, в стороне долины ущелье гор, обросшее большими соснами, вдали море, чудное море; в синеющей отдалённости мелькает высокая белая Ориандская башня, то опять скроется за утесами и зеленью, и мысли невольно летят вдаль.

Ялта небольшой городок, оживлённый торговлей; весьма удобная пристань почти всегда наполнена судами; пароходы беспрестанно то приходят, то отходят; они заезжают в Ялту, следуя из Керчи в Одессу или обратно. Хорошенькие чистые домики, две гостиницы, прекрасные лавки, в них найдётся всё нужное, если не для роскошной, то для спокойной жизни.

Ялта также весьма древнее поселение; на Ялтинском мысе, по мнению изыскателей древностей, некогда существовал монастырь св. Иакова; я посетил мыс, но кроме небольших возвышений, покрытых дёрном и кустарником, не нашёл никаких следов развалин.

Впереди ожидало меня новое восхищение; оставшись на несколько часов в самой Ялте, я хотел было, не дождавшись урочного часа, лететь в Учан-Су и, может быть, переменил бы своё намерение, если бы не помешали мне в этом проводники мои, долго не приводившие лошадей. Часу в третьем по полудню я оставил Ялту.

По дороге к Учан-Су, невдалеке от Ялты, на левой стороне ещё издали чернеются безобразные развалины укрепления; по мере приближения к этому месту, привлекательному дикостью своего очертания, развалины беспрестанно изменяются, и когда поравняешься с этими вековыми остатками, то удивлённому взору представятся руины высоких стен и гигантские ворота; арка их вышиной более трёх саженей; кажется, этот проход сделан для гигантов, обитавших в Тавриде назад тому несколько тысяч лет; громадная вышина ворот подавляет собой окружающие их скалы, а толстые, столетние и высокие сосны кажутся перед ними также малыми, как пигмеи пред великаном. Сквозь арку вдали чёрною стеною тянется лес, он покрывает скаты гор, окружающих ворота; не в храм ли какого-либо древнего греческого божества вели эти ворота, и кто создал эту тысячелетнюю твердыню? Такие вопросы приходили на мысль в то время, когда стоял я на этой скале и удивлялся громадным развалинам, но никакой предмет и никакое обстоятельство не разрешат с точностью этих вопросов; напрасно путник будет искать надписи на арке ворот, напрасно обойдёт пространство, бывшее под гигантскими постройками, к которым вёл этот вход, нигде не найдёт он ни остатка архитектурного украшения, ни тем более уцелевшей надписи, которая открыла бы тайну минувшего.

Идёшь вперёд и новое зрелище поражает взор: с вершины скалы со страшным шумом низвергается обильной струёй ручей; эта светлая кристальная струя падает с сорокасаженной высоты на отвесную скалу, стоящую внизу и, превращаясь в водяную пыль, летит в бездну, на пути встречает ещё одну скалу и, вновь раздробляясь, исчезает во мраке пропасти и только эхо долетает к вершине; невольно родилась в душе моей мысль о суетности человека. Взбираясь ползком на вершину скалы по отвесной стремнине, на каждом шагу встречаешь острые иглы и шишки сосен, препятствующие подниматься к верху, и, достигши с великим трудом вершины, я сел близ водопада и задумался; величественная картина дикой природы расположила меня к мрачным мечтам; я, смотря в бездонную пропасть, в которую низвергался шумный водопад, уподоблял ему мишуру славы знатных и богатых… Казалось мне, что в те минуты я был истинным поэтом и не доставало только сладкозвучной лиры древнего греческого певца, чтобы я брякнул по струнам…

Время быстро мчится, кажется, быстрее этих серебряных струй, низвергающихся в бездонную пропасть; не хочешь расстаться с этим местом, оно будто бы чародейской силою приковывает к себе посетителя, и невольно думаешь, что в этой пропасти обитают сонмы Дриад, Нереид и Ореад, таинственно действующих на сердце путника, желающего оставить это волшебное место.

Когда я сходил с вершины скалы, то пламенно желал, чтобы ещё раз в жизни довелось мне вскарабкаться на её темя, взглянуть на развалины и водопад и ещё сладко погрустить.

Оставивши Учан-Су, я пробрался в Орианду по весьма тесной тропе, которая то взвивалась между развалинами укреплений, то входила в природные расселины скал, прикрытых сверху отрадною во время зноя тенью густых кустов.

Орианда принадлежала покойному императору Александру; посещая последний раз это место, он хотел здесь построить для себя дворец, но желание его не исполнилось, вскоре смерть исхитила из этого мира Благословенного; государь император Николай Павлович место это подарил государыне императрице Александре Фёдоровне. Здесь природа и картины её совершенно оригинальные, и не знаю, есть ли где живописнее место, которое бы так привлекало дикостью своею, как это; грозные виды, удивляющие вас странною игрою природы, встречаются на Альпах, на Кавказе, на севере и на юге, но там вы удивляетесь грозной дикости, здесь, напротив того, прельщаетесь ею, какое-то тихое, отрадное спокойствие льётся в душу вашу.

Новый прекрасный дворец, красующийся в Орианде, принадлежит императрице; за ним горные места также носят имя Орианды.

Проехавши Орианды, ибо их три, прежняя картина, как будто бы в волшебной диораме, сменяется новой видопосью места; те же самые скалы, те же самые утёсы и леса, та же природа, но в другом виде; это происходит от того, что береговая дорога за Ориандой в Алупку вдруг изменяет своё направление; прежде она извивалась к югу, теперь уклоняется на запад; набережная дорога здесь ещё более суживается, и в самом начале пути боишься сделать шаг вперёд, страшась свалиться в бездну. Впереди высунувшаяся скала над Алупкою направляет путь на полдень и, проехавши по этому направлению несколько шагов, видишь новую картину: живописная Ялта, очерчиваясь на тёмном сапфире неба острыми утёсами, освещёнными ярким солнцем, представляется взору разноцветною стеною; краски её так ярки и так удачно расположены, что при первом быстром взгляде никак не подумаешь, чтобы это был не оптический обман; мало-помалу всматриваешься, поражаешься, и удивление заступает место прочих чувств. На юго-запад береговая линия входит в море тремя мысами, далее волнующее море и чистое небо сливаются вместе, как бурная жизнь и спокойная смерть.

Обогнувши эти мысы, мы проехали мимо развалин, чернеющих почти на каждом шагу.

Близ деревни Гаспры живописно обрисовался изящный дом князя Мещерского и вслед за ним очертился великолепный замок князя Голицына; я слышал ещё прежде путешествия моего по южному берегу о рос-

кошном убранстве этого замка и живописи места, открывающейся с высоты башен; поэтому спешил за наслаждением, боясь, чтобы по какому бы то ни было случаю не лишиться его. В полдень я был уже в замке и стоял у окна в одной из башен, и истинно наслаждался дальнею перспективою гор; в другой башне три окна с разноцветными стеклами; смотря сквозь них на поразительные картины природы, думаешь, что залетел в волшебное место; на воображение действует обаятельная сила невидимых духов. Проехав каменный мост и за ним несколько небольших татарских деревень, я приблизился к Алупке; дорога к ней вьётся по взгорью; над Алупкою скала Ай-Петри высунулась в море длинным и громадным мысом, перпендикулярная высота её над морем составляет более версты, самая вершина её разделилась на две утёсистые скалы, не обросшие лесом, с одной стороны на ней расположен сад редкий, даже и в тех местах; зачем не назвали этот обширный сад Кинь-грусть? Разнообразие видов, фонтаны, каскады, гроты, павильоны, скалы, группы различных деревьев, нега южного воздуха невольно вывевают грусть и место её в сердце займет отрадное чувство спокойствия; здесь и искусство получило свою долю среди неподражаемых красот природы; здесь найдёте живописные бассейны, озёра, окружённые тенью лавров, кипарисовых и миндальных деревьев; в стороне от озера встретится или пещера, из которой бьёт ручеёк, стекающий вниз со скалы, или живописная кучка древних камней, и наверху их, как бы нарочно для большей прелести вида, растёт каштан, или земляничное дерево (arbousiers), или цветущий куст белой акации, наполняющий воздух усладительным ароматом.

На противоположной стороне у подошвы Ай-Петри красуется замечательный по изяществу постройки и по редкости материалов индийской архитектуры дворец князя Воронцова; нельзя описать его, надобно, по крайней мере, видеть веерную картину; он построен на месте огромных скал, низвергнувшихся с высоты; с крыши замка, образующей террасу, на которую всходишь по лестнице, открывается очаровательный вид на окрестности, здесь видишь море, цепь гор с живописными склонами и оттенками их, ближе – деревню Алупку с уютными татарскими хижинами, покрытыми плоскими кровлями и среди них прекрасную мечеть индийской архитектуры, а в стороне церковь; с другой стороны приближаешь к дворцу, также обнимаешь взором дальнее безбрежное море и на нём кой-где едва белеются паруса; роскошный сад с этой стороны спускается вниз по уступам к самому морю; на возвышенном берегу его построено изящное здание с фонтаном, окружённое колоннадой; из галереи этого здания на безбрежное море открывается новый прелестный вид.

Между садом и этим чудным морем вся отлогость берега усеяна обломками скал, и среди них лепятся татарские хижины с плоскими крышами; их обвивает виноград и плющ, развесистые каштаны, лавры, фиго-

вые, ореховые, гранатные и оливковые деревья прикрывают их прохладною тенью.

В Алупке прожил под гостеприимным кровом несколько дней, отдохнул после моего пути и, собравшись с свежими силами, пустился в селение Симеис, имение, принадлежащее Мальцову и кн. Мещерскому. Здесь растёт множество различных родов винограда; г-н Мальцов с успехом занимается виноделием. Симеиз и Алупка составляют как бы последнюю грань с этой стороны роскошнейшей природы юга; все прочие места не могут сравниться с ними. Обозревши малозначительные в настоящее время развалины укреплений Лимены и Буюк-Исара, я поехал в Кикинеис, отсюда недалеко отстоящий.

Скалистый береговой путь, начинавшийся у Кимериона, идущий по направлению южного берега, с каждым шагом становится труднее и опаснее и наконец делается уже почти невозможным на расстоянии от Симеиса до Кикинеиса, а за этим местом нет уже берегового пути; громадные скалы входят прямо в бездны моря; в местах этих не встретите селений, хотя природа чрезвычайно обильна дарами; Кикинеис последнее горное жилище. Кто не путешествовал по горам, тот не может представить себе опасности пути моего, повисшего над морскою бездною; в особенности неизобразимо опасно одно место, где скала, поверженная на скалу острым углом, образует берег, здесь тропа так тесна, что надобно несколько шагов ползти над самою бездною. Если бы с вершины скатился камень, то и дерзкий путник свалился бы вместе с ним в море, тогда, конечно, нет ему спасения; эти камни преграждают путь на каждом шагу; сверху над головою висят целые скалы; смотря на них, удивляешься, как они держатся на такой высоте, конечно, что первый вихрь низвергнет их в пучину, но на место их откуда и какая сила сдвигнет другие и вновь прилепит к вершине? За этим местом вдруг берег расширяется, по отлогостям скал появляются к ним прилепленные хижины, и измождённый путник отдыхает под тенью дерева или в хижине гостеприимного рыболова, слушая его восторженные песни, в которых он прославляет безбрежное море и свою спокойную жизнь.

Деревня Кикинеис была последним местом пути моего по берегу моря. За нею горы становятся совершенно неприступны и береговой путь прекращается.

В недальнем расстоянии от Кикинеиса по дороге в Байдары проводники указывали мне обрушившиеся скала после сильного землетрясения, бывшего здесь в 1786 году; у подошвы этих скал и по скатам была расположена татарская деревенька; скатившиеся камни и песок совершенно засыпали её; обрушение было не быстрое; за несколько дней до этого случая сильные подземные удары заставили жителей оставить горные жилища и расположиться поодаль в долине; в страшный день скалы разо-

рвались и целые громады камней сдвинулись к морю; теперь ещё в глубоких расселинах, образовавшихся после этого местного переворота, торчат вершины поверженных столетних деревьев, росших на высоте гор.

Деревня Кучуккоя, как и следующая за ней Мухалатка, утопают в тенистых садах; здесь привольно растут фиговые и гранатные деревья и приносят вкусные плоды; о виноградниках не буду уже упоминать, здесь изобилие их на каждом шагу. За деревнею Мшатки по дороге рисовались прелестные дачи; я любовался ими и думал: зачем мы не имеем рисунков этих пленительных мест, они бы поспорили в красоте с лучшими заграничными видами. Деревня Ласти, стоящая на возвышении, была крайним пунктом путешествия императрицы Екатерины; с этого возвышения императрица долго любовалась картиною моря и живописною панорамою отдалённости.

За обрушившимися скалами дорога идёт прямо в горы, к хребту Яйлы. С каждым шагом во внутрь полуострова удаляешься от моря, склон воды теряется в небосклоне, а по сторонам высокие скалы заграждают и последний вид на его лазурные волны.

В Байдарах были приготовлены для меня переменные лошади; отсюда взял я одного нового проводника к двум прежним, не оставлявшим меня от самого Алустона. Мы приехали по утёсу Яйлы к самому Мердвеню, единственному месту сколько-нибудь удобному для конной езды, в других же местах к западу, начиная от Эски-Богаази, Яйла совершенно неприступна; кой-где только пролегают среди бездны опасные тропинки, по которым редко когда пробирается байдарский житель.

В довольно широкой горной расселине по обрыву скалы вьётся от подошвы к вершине *Мердвень,* то есть каменная лестница; по местам она чрезвычайно круто поворачивается то в одну, то в другую сторону; ступени её составляют огромные дикие камни и затверделый известняк, иногда осыпающийся, когда лошадь неосторожно ступит на неё; в одном месте скатившийся с вершины камень увлёк за собою огромную сосну и как бы нарочно положил её почти посредине Мердвеня; сосна растёт и преграждает горную дорогу; татары говорят, что это шутка горных духов, и с суеверием обходят сосну, не смея прикоснуться к ней.

Весною, когда дожди бывают обильны, Мердвень служит местом истока горных вод. Тогда нет никакой возможности пробраться по этому пути, да и летом, в самое благоприятное время, Мердвень крайне неудобен и избираешь его потому только, что он единственный в этих местах. Лошадей пускаешь вперёд, а сам следуешь за ними, цепляя по местам за валежник и камни. Лестница эта простирается более полуверсты, беспрестанно изгибаясь то в одну, то в другую сторону.

Кончен горный путь, я расстался с морем и с прелестными береговыми видами.

За Мердвенем другие ландшафта и другая природа; когда за горами ещё цветёт и благоухает, здесь уже осень срывает пожелтелые листья с деревьев, зелень увядает и туманы завлекают пасмурными тучами южное небо.

За Мердвенем дорога в Байдарскую долину извивается в чаще вековых лесов; в одном месте необыкновенная густота деревьев, или страшная пропасть, обросшая деревьями, преградили путь нам, и тогда мы должны были объезжать опасное место, и часто случалось нам спускаться вниз по страшной крутизне.

К вечеру мы были уже в долине, окружённой со всех сторон горами. То там, то здесь, на широком пространстве виднеются деревеньки, селения и кой-где среди них возвышаются прекрасные дома, или же красивые мечети. Из гор в долину льётся множество ручьёв, почти все они стекаются вместе и образуют реку, извивающуюся по долине. Сама по себе Байдарская долина прекрасна, но в сравнении с видами по ту сторону Яйлы, откуда я приехал, краски природы её бледны, и как ни хороша эта природа, но все она уже не та, что над морем, за горами.

Выехавши из Байдар, передо мною извивались два пути, один налево в Балаклаву, другой несколько вправо, в долину Чоргуны; мой путь лежал налево, я хотел посетить страшные места в древности, где обитали грозные тавры, приносившие в жертву богам несчастных мореходцев, каким бы то ни было случаем попадавших на эти берега. От Байдар до самого Балаклавского мыса, входящего с одной стороны в море, а с другой образующего узкоустый залив, дорога, изгибаясь под горою, кой-где то поднимается, то опускается с горной высоты. С правой стороны широкая беспредельная долина манит путника яркою бархатною зеленью; вдали видишь извивающейся ручей, пригорки и группы деревьев; всё это невольно напоминает воображению счастливую Аркадию, но в этих местах некогда существовала своего рода Аркадия.

В полдень я въехал в древний Палакион, то есть в настоящую Балаклаву или Балыклаву, как называют её любители балыка, производя это название от татарского слова «балык» – рыба и греческого «лава» – брат; удивительно какое вкусное словопроизведение. Учёные люди в опровержение балыкалюбцев производян название этого места от имени *Палака,* одного из сыновей Скилуровых, и дорийского слова *лава,* что значит взятие; мне кажется, сколь вкусно первое производство, столь скучно второе, и кто прав из этих господ словопроизводителей – трудно разрешить.

Достоверно известно, что Балаклава было одно из древних торговых мест, занятых генуэзцами. Греки в начале 1435 года ворвались в укрепление Балаклавское, истребили большое число прежних обитателей, и с того времени место это оставалось в их владении. Главный начальник,

предводительствовавший ими, был какой-то *Алексей,* благородный грек; ему греки поручили власть над собой и городом.

Во время управления Александра в Балаклаве построены были храмы, башни, исправлены укрепления, и греки славно зажили, занимаясь весьма прибыточною здесь рыбною ловлею и производя торговлю с соседними местами.

Имя Алексея часто попадалось вырезанным на камнях; один такой камень испещрён длинною надписью, наверху её в укреплениях иссечен с левой стороны крест, в правой половине двуглавый орёл, а посредине кудрявый вензель благородного Алексея.

Сорок лет греки жили в Балаклаве, потом в 1475 году место это поступило во власть турок. Впоследствии крымские ханы назначили её местом заточения важных преступников: хан Сеин-Гирей, по словам Карамзина, заточил здесь брата своего Сент-Гирея, бывшего царя Казанского. Впоследствии времени, как и для всего, так и для Балаклавы, после золотых и серебряных веков настал век железный, а потом глиняный, а в настоящее время, кроме одних ничтожных развалин древних укреплений, ничего не осталось от прежних веков.

В настоящее время Балаклава по большей части населена греками, потомками тех, которые в 1740 году перешли на нашу сторону, во время пребывания нашего флота в Архипелаге; татары вообще не любят греков и называют *их арнаутами.*

В самом начале поселения в Балаклаве архипелагских греков, оставивших жён своих в прежних местах, начали они, подобно римлянам, похищать в соседних городах жидовок и татарок, потому что только одни достаточные из них находили себе жён из гречанок; это-то послужило к неприязненному расположению татар к поселенцам.

На третий день, по обыкновению моему, до восхода солнца выехал я из Балаклавы в долину Чоргуны, направляясь к татарской деревне этого же имени. Чоргуна показалась мне более приятною Байдарской долины; здесь чаще встречаются домики, и один из них восточной архитектуры привлёк моё внимание; перед этим изящным домом устроен прекрасный бассейн, одетый диким камнем. Высокие пирамидальные тополи окружают источник чистой и студёной воды. Немного в сторону от дома возвышается восьмигранная башня; вокруг её поросли зелёные кусты акаций, фиговые и ореховые деревья; напротив дома зелёный холм и на нём по отлогостям белеют поэтические шатры поселенных здесь цыган.

Чоргунская долина принадлежала ханам из дома Гиреев. Проезжая эти места, в воображении рождается множество сюжетов для романов из жизни крымских ханов Гиреев, из которых почти каждый, если верить летописям и преданиям, владел очаровательными невольницами, похищенными то в Польше, то в Малороссии, то в Греции, то в Грузии, и по-

чему же не думать, если не многие из них, то по крайней мере одна или две были заключены в эту восьмистороннюю башню.

Расстояние от Чоргуны до Мангупа проехал в короткое время; здесь дорога тянется между ущельями гор, и этот путь напоминает несколько тропу над морем. Я спустился вниз с отлогой высоты скал и ехал по руслу ручья, прикрытого от знойных лучей солнца густой тенью диких смоковниц и орешника; кой-где подымался на отвесные вершины, придерживаясь за кусты, более в воспоминание опасности прежнего пути, нежели от необходимости. Множество ручьёв течёт с этих гор в долину; один из них струится из-под корня столетнего орехового дерева; вода его так холодна, что нельзя принудить себя выпить сразу полстакана. Картина русла чрезвычайно живописна; едва вырвавшись из-под корня, ручеёк, как резвый малютка, перепрыгивает по камням, и досадуя, что они заграждают ему дорогу на каждом шагу, шалун скатывается в расселину с сердитым шумом, и потом, светлый и игривый, он, вырвавшись из-под подземельного мрака, вьётся по долине, прорезывая кристальными струями бархатную зелень поляны.

Чем ближе к Мангупу, тем дорога к нему более и более становится живописною; и никак не подозреваешь, чтобы в этом месте существовала удивительная своим грозным величием картина природы. Ещё не доезжая до Мангупа, по сторонам дороги видишь отвесные скалы с пробитыми в них узкими отверстиями, правильно расположенными, как окна в домах. В этих скалах изрыты обширнейшие пещеры, служившие несколько веков назад покойными кельями для греческих иноков. За деревнею Шула, утопающей в злёных садах, начинаешь подниматься на Мангуп; положение его необычайно живописно; мне кажется, что ни одно место на берегу Рейна, на Альпах и на льдистом севере не может сравниться с ужасающей величественностью его. Мангук, кажется, висит между небом и землёю; у подножья его неприступная скала, на которую с величайшим трудом можно взобраться только двумя тропинками; одна из этих тропинок, извиваясь от устья ручья Ай-Тодора, пролегает по прекрасной долине, которая, как полагают некоторые путешественники, служила дном озера, окружённого высокими горами. Я пробрался в Мангупу верхом на лошади; отдохнувши в деревни Коралес, здесь я встретил мой экипаж, оставленный в путешествии по берегу моря за горами. Поднимаясь на громадную вершину, часто окутанную туманами или освещённую солнцем и тогда представляющуюся чалмою, свернутою из драгоценной восточной шали, встречаешь на пути две или три татарские деревеньки, богатые прекрасными источниками воды, бьющей из древних фонтанов. Последняя деревня к Мангупской скале Ходжа-Сала лежит в ущелье; над нею повисла обвалившаяся стена Мангупской твердыни. К этому месту, и проехавши Ходжа-Салу, поднимаешься по тесной и неудобной тропинке,

вьющейся меду скалами, со всех сторон одетыми лесом; скалы в некоторых местах образуют каменную лестницу, которая ведёт к чрезвычайно высокому и обрывистому камню, повисшему над долиной. Взобравшись на эту высоту и смотря вниз, думал я: что если бы эта каменная громада обрушилась в долину? Она бы всю её покрыла; в таком малом размере представляется с этой высоты долина. Отсюда уже начиналось укрепление: каменная широкая стена идёт поперек весьма слабо защищённого природою ущелья и примыкает другим концом к отвесной скале этой же горы. Взобравшись несколько выше укрепления, находишь двурогие караимские надгробия. Ущелье, которым взбираешься на вершину, приводит к горному ключу, бьющему с чрезвычайной силою из-под огромных камней; яркая зелень прикрывает девственное его русло, до которого ещё не касалась ни одна дерзкая человеческая стопа. С левой стороны ущелья, поднявшись несколько выше ручья и перелезши два или три отвесных камня, чтобы сократить горный путь, находишь вход в пещеру; вначале пространный подземный коридор приводит в обширное пространство, изрытое в горе; по правую сторону его, пройдя узкий проход, открывается другое подземелье, среди которого в твёрдом известковом камне иссечён обширный бассейн для стока и хранения воды; некогда ручей этот и пещера были защищены стеною и круглой башнею; башня и доныне уцелела. По сторонам скалы, в разных местах устроены оборонительные каменные углы. За башнею и за крайними укреплениями существовали некогда ворота, теперь совершенно разрушенные; несколько далее скала образовала прямой скат; здесь устроен прекрасный фонтан; спустившись ниже его, видна пространная пещера, но я, усталый, не могу посетить её. Макушка Мангупа совершенно неприступна; одною только узкою и чрезвычайно неудобную тропинкой можно с опасностью вскарабкаться на неё, придерживаясь за кусты дикой оливы и горной ивы; влево от этого места уцелели остатки древних греческих церквей; во внутренности развалин видна ещё по стенам греческая живопись; в алтарном углублении, с восточной стороны, явственно ещё виден образ Богородицы. Внутри разрушенного храма выросло развесистое дерево и бузинные кусты; дерево выше самих развалин; здесь и увлекаешься живописною картиной, и сожалеешь о забытом доме Божьем.

Далее за церковью и мечетью, сохранившейся лучше, нежели христианские храмы, начинается внутреннее укрепление, состоящее из высокой поперечной стены толщиною в сажень; с восточной стороны стены построено несколько башен в виде замка; вот где истинно – жилище романтическое. В стенах нижнего этажа этого замка сделаны просветы для ружейной стрельбы, а выше их, во втором этаже, заметны остатки амбразур, служивших местом, как кажется, для больших крепостных орудий. Из замка открывается неизобразимый вид на окрестности; отдалённость

видна на несколько десятков вёрст; смотря в трубу, замечаешь отдалённые места и деревни, повисшие на скалах синеющих гор. Спустившись с этой стороны вниз по скале, находишь новые пещеры и перед ними изящно иссечены огромные круглые бассейны для хранения воды; каменная лестница ведёт вовнутрь довольно обширной поземной залы; потолок её поддерживается посредине четырехугольным каменным столбом; по обеим сторонам подземелья открываются входы в другие пещеры; в одной из них вытесано из камня широкое седалище вроде восточного дивана. Пещеры и переходы продолжаются по всей горе, но в них ничего нет особенно достопримечательного; я здесь нашёл весьма большие кусты окаменелого дерева.

Некогда мангупская твердыня служила местом заточения русских послов: в 1572 году посажен был в мангупскую башню один из любимцев Грозного Василий Грязной[1], пленённый крымцами на Молочных водах. Грязной жаловался царю на тяжкие муки, претерпеваемые им в заточении, и, просидев в башне пять лет, был выпущен в 1569 году; русский посол Афанасий Нагой со всеми чиновниками, бывшими в его свите, после трехдневного угощения в Кафе пашой Касымом также был заключён в мангупскую башню.

В летописях читаем, что в 1596 году в Мангупе случился страшный пожар; весь город до основания сделался добычею всепожирающего пламени; после этого Мангуп пришёл уже в совершенный упадок, и только одни крепостные твердыни считались весьма важными, и в то время они постоянно служили главным убежищем крымских ханов, которые перевозили сюда своих гаремных красавиц и все богатства.

В настоящее время Мангуп – забытое неприступное поэтической место; у подошвы его лепятся бедные татарские деревни; но всё же эта величественная скала также громадна и также гордо возносит вершину в небо, как и во дни славы и величия древних обитателей, и кажется, что она, переживши столько веков и народов, стремившихся уничтожить её неприступную вершину, сохраняет нам остатки древних укреплений, как бы в насмешку, что человек слабее и кратковременнее своих собственных твердынь, которые он, как паук паутину, разбросал в этих местах по всем ущельям и высотам горным, защищаясь от подобных смертных и не думая о своём собственном ничтожестве.

Из Мангупа я поехал в столицу ханов Бахчисарай.

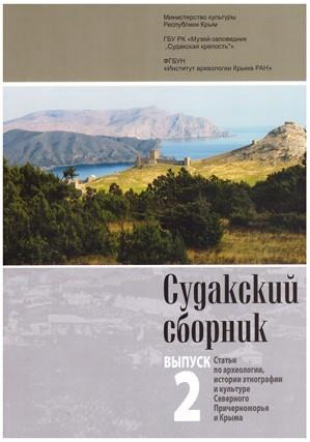
Окончание следует

[1] В тексте Василий Грязной ошибочно назван Василием Грозным.

КРЫМСКИЙ КНИГОЧЕЙ

Обзор книжных новинок
Ведущая колонки Татьяна Павлюкова

Судакский сборник: Статьи по археологии, истории этнографии и культуры Северного Причерноморья и Крыма. – Вып. 2. – Симферополь: Нижняя Ореанда, 2018.



Считаю, что «Судакский сборник», о котором я хочу рассказать сегодня, явление примечательное. Первый его выпуск вышел в 2016 году, а сейчас появился на свет и второй. Крым вернулся в «родную гавань», а большая наука возвращается в Крым! Это видно и по энтузиазму учёных, и по растущим год от года расходам на финансирование науки. Не хочу сказать, что до 2014 года наука на полуострове «отдыхала». Заезжали сюда учёные из Киева, Харькова, Москвы, Петербурга и других научных центров. Но именно «заезжали». Мало-помалу исследовательская работа велась и в Симферополе, Керчи, Феодосии… А сегодня и такие города, как Судак, вовлечены в орбиту научной деятельности, превращаются во вполне самостоятельные центры науки. «Судакские сборники» наглядное тому свидетельство.

Напомню общероссийскому читателю, что Судак – город республиканского подчинения в юго-восточной части Крыма. Тихий, провинциальный, курортный. Впрочем, и по сути, и судя по сборнику, город Судак не всегда был «тихим и провинциальным». Когда-то он был шумным, многолюдным и многонациональным. В древности этот город называли по-разному. Для византийцев он был Сидагиосом и Сугдеем, итальянцы именовала его Солдайем, русские – Сурожем. В османские времена закрепилось название Судак, да так и осталось до наших дней.

Наивный человек, мало знакомый с Крымом, считает, поди, что название это «рыбье». Я опросила в Москве своих знакомых – семь из десяти ответили, что так и есть. Невдомёк им, что судак – рыба пресноводная, а Чёрное море, на берегу которого стоит город, – солёное. Происхождение названия города Судак окутано мраком веков. И в этом мраке ничего лучше не продумали, как предположить, что название города осетинского

(аланского) происхождения, и восходит оно к иранскому, из чего следует: Судак можно перевести как «чистый», «непорочный», в общем, «святой» город. И греки таковым его считали!

Но не будем вторгаться в дискуссии исследователей и вернёмся к сборнику, издание которого, как свидетельствуют его выходные данные, подготовлено к печати научно-методическим советом Государственного бюджетного учреждения культуры Республики Крым «Музей-заповедник «Судакская крепость». А скомпонован сборник старшим научным сотрудником музея-заповедника В.А. Захаровым.

Сборник рассчитан на учёную публику, конечно. Потому и выпущен малым тиражом – всего 300 экземпляров. Но интерес он представляет большой и для рядового читателя, который в последнее время жадно ловит каждую новинку, с увлечением читает научную литературу самой различной направленности, следит за тем, какие сюрпризы археологам приносят раскопки вдоль строящейся трассы «Таврида».

В сборнике собраны статьи, посвящённые археологическим исследованиям на территории Судакской крепости, в портовом районе Судакского городища. Судакская крепость, построенная генуэзцами как опорный пункт для своей колонии в северном Причерноморье, сооружение уникальное. Она простирается почти на 30 гектарах. Кого здесь только не было: хазары, половцы, византийцы, золотоардынцы, турки… Так что здесь есть где развернуться археологам. В наши дни уникальные находки продолжаются. Об этом читатель узнает из материалов сотрудников Института археологии Крыма РАН о результатах раскопок у куртины XVIII века Судакской крепости, которые проводились в 2017 году.

Интересный материал представлен по результатам раскопок на поселении Таракташ в восточном Крыму. Место это легендарное. Таракташское ущелье славилось своей неприступностью. Оно служило оборонительной чертой для воинов, не покорившихся завоевателям. Здесь слагались легенды, одна из которых повествует о крымском Робин Гуде. Грабя богатых, он помогал бедным. Скрываясь от властей на горе Таракташ, местный Робин Гуд закапывал или оставлял в пещерах попадавшееся ему в руки добро. У этой легенды есть реальный прототип, которого звали Алин. Он родился в 1816 году в бедной татарской семья и много неприятностей доставил властям и местным богатеям. Легенду о Алиме – Робин Гуде подтверждают клады, найденные в этих местах. Один из них был обнаружен в начале XX века у деревни Таракташ. Второй был открыт в 2000 году на месте поселения IV – VI веков. В районе Таракташа постоянно находят ценные артефакты. Это монеты Боспорского царства, римские монеты, золото, серебро, утварь и украшения. Славяно-Сарматской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа и Таракташской археологической экспедицией ИИМК РАН, о работе кото-

рой рассказывается в одной из статей сборника, были открыты восемь детских погребений в урнах и три урны-кенотафа, что является ценным вкладом в археологию и этнографию данной местности.

Вызывают неподдельный интерес материалы Юго-Восточной Крымской экспедиции, которые знакомят читателя с результатами исследования неизвестного храмового комплекса в портовом районе Судакского городища. Они проводились здесь в 2016 и 2017 годах.

С интересом, несмотря на их научность, читаются материалы о раскопках городища Кыз-Кермен в Юго-Западном Крыму. Оно находится на горном плато на оконечности мыса Кыз-Куле. Здесь сохранились остатки оборонительной стены, построенной в VIII и IX веках на остатках укреплений IV и III веков до н.э. Городище относится к качинской группе пещерных городов. Жилища были построены из бутового камня, скреплённого глиной. Сохранилось три искусственные пещеры – жилище отшельника, дозорная пещера и пещера для хозяйственных нужд.

Учёных заинтересовали виноградные давильни городища Кыз-Кермен, топография курганного некрополя античной Феодосии, перипетии конкуренции венецианцев и генуэзцев в Крыму в Средние века, архивные материалы о Таракташской волости.

Среди материалов сборника есть и такие, которые посвящены музейному строительству в Судаке, становлению Судака как города-курорта. Впервые вводятся в научный оборот некоторые документы о жизни и деятельности в Судаке известного русского геолога, хранителя геологического кабинета Санкт-Петербургского университета Константина Константиновича Фохта (1860 – 1920). Его биография и научная деятельность тесно связаны с Крымом, исследованию которого он посвятил несколько лет жизни. Удалось установить место жительства в Судаке известного поэта и художника Серебряного века Сергея Городецкого, писавшего пейзажи Крыма. Новые сведения получены о жизни и деятельности в Судаке врача-общественницы Н.В. Суховой.

Сборник мне понравился. Думаю, он понравится и вам. В центральных библиотеках он уже представлен.

НАШИ АВТОРЫ

АНДРЕЕВ Олег Андреевич (пс. Тиррей)
Родился в 1989 году в Риге. В 2013 годы окончил историко-филологический факультет Латвийского университета. Прозаик, поэт, публицист, переводчик. Публиковался в «Литературной газете» и газете «Литературный Крым». Автор поэтического сборника «Ночь слишком коротка» (2017), книг в прозе «Тени и зеркала», «Окно на чердаке», «Дом у моря» и других. Проживает в Феодосии.

ДОКШИН Владимир Васильевич
Родился в 1959 году в Дачном, под Судаком. Поэт, прозаик, эссеист, корреспондент газеты «Судакский вестник». Неоднократный победитель конкурсов журналистского мастерства. Заслуженный журналист Республики Крым. Автор философского эссе «Сверхновый завет», сатирико-утопического романа «Мир прокажённый», двух поэтических сборников. Проживает в Судаке.

ЖЕРДЕВ Иван Анатольевич
Родился в 1963 году в Архангельске. Окончил Кубанский государственный университет (Краснодар). Занимается предпринимательством. Прозаик, поэт. Автор книги повестей и рассказов «Русские пазлы», поэтического сборника «Разрешите мне не врать». Проживает в Краснодарском крае.

ЗОРЬКИН Борис Иванович (пс. Валерий Румянцев)
Родился в 1951 году в Оренбургской области. Учился в Куйбышевском авиационном институте, на юридическом факультете Северо-Осетинского госуниверситета имени К. Хетагурова. В 1973 году окончил филологический факультет Воронежского пединститута. Работал учителем. После окончания Высших курсов КГБ СССР служил в органах госбезопасности. Прозаик, поэт, литературный критик. Автор 12 литературных сборников. Проживает в Сочи.

МАТВЕЕВА Марина Станиславовна
Родилась в 1979 году в городе Саки. В 2001 году окончила филологический факультет Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Поэтесса, прозаик, публицист, литературный критик. Редактор крымской рубрики литературно-философского журнала «Что есть Истина» (Лондон). Постоянный автор информационно-аналитического портала «Крымское эхо». Активный участник литературных фестивалей, лауреат престижных литературных конкурсов. Член Союза писателей России. Автор шести поэтических сборников. Проживает в Симферополе.

МИТРОХИН Валерий Владимирович
Родился в 1946 году в Крыму. В 1971 году окончил историко-филологический факультет Крымского государственного пединститута имени М.В. Фрунзе. Работал в газетах «Крымский комсомолец», «Советский Крым», в издательстве «Таврия», редактором ГТРК «Крым», собкором по Крыму «Российской газеты»

и «Парламентской газеты». Поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России (1982). Автор более 30 книг. Лауреат Всероссийской премии Николая Гумилёва, Пушкинской и Государственной премий Крыма, Международного конкурса «Серебряный стрелец». Заслуженный работник культуры Крыма. Проживает в Бахчисарае.

ОГУРЦОВА Лидия Викторовна
Родилась в 1957 году в городе Белополье Сумской области (Украины). Окончила Полтавский государственный педагогический университет имени В.Г. Короленко. По профессии – психолог. Поэт, прозаик, журналист. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Заслуженный работник культуры Крыма. Лауреат премии Автономной Республики Крым в номинации «Литература для детей и юношества» (2001). Лауреат Всеукраинского конкурса на лучшее произведение для детей «Корнейчуковская премия – 2013», Всероссийской литературной премии имени Николая Гумилёва. Руководитель Объединения детских писателей Крымского отделения СП России. Региональный представитель Международного творческого объединения детских авторов (МТОДА). Учредитель и главный редактор журнала «Литературный детский мир». В Крымском академическом театре кукол с 2003 года по её стихам идут спектакли. Автор 30 книг. Проживает в Симферополе.

ПОПОВСКИЙ Александр Сергеевич
Родился в 1962 году в посёлке Астрахановка Актюбинской области. Окончил Актюбинский техникум железнодорожного транспорта и Челябинский государственный педагогический университет. Сменил ряд профессий. Поэт. Член Союза писателей России. Печатался в российских и зарубежных периодических изданиях и сборниках. Автор пяти поэтических книг: «Белый лист» (2000), «Путь» (2002), «С.О.Н.» (2007), «В шаге от райских ворот» (2012), «Главное останется за скобками» (2016). Лауреат ряда литературных премий. Проживает в посёлке Первомайский Челябинской области.

СЕНТЯКОВ Максим Андреевич
Родился в 1993 году в городе Ижевск. В 2015 году окончил Удмуртский государственный университет. Специальность – юриспруденция. Пробовать себя в литературе начал в 14 лет. Автор четырёх сборников: книги стихов «Белые перчатки» (2010) и «Алая ткань» (2011), двухтомный сборник драматургии, поэзии и прозы «Зелот» (2013), сборник повестей «Бои» (2014). Публиковался в альманах «Прикосновение», «Строки…», на страницах литературных газет и журналов: «Интеллигент», «Луч», «Новая литература», «Северо-Муйские огни», «Культурный слой» и других. Дважды номинировался на премию «Поэт Года». Создатель творческого объединения «Поэты Ртутного Века». Проживает в Ижевске.

СОКОЛОВСКАЯ Елена Леонидовна
Родилась в 1951 году в Ленинграде. В 1973 году окончила Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова по специальности «Физиолог и

биохимик растений». Работала учителем биологии, занималась социально-психологическими тренингами и садоводством. Пишет рассказы и стихи. Публиковалась в альманахе «Inkerin uutiset. Соседи». Проживает в Санкт-Петербурге.

ЧЕЛНОКОВА Евгения Владимировна
Родилась в 1976 году в городе Джанкой (Крым). Окончила факультет журналистики Симферопольского Таврического экологического института. Поэтесса, прозаик, эссеист. Член Российского союза писателей (2014). Публиковалась в литературных альманахах и сборниках, периодической печати. Автор трёх поэтических книг: «Да святится…» (2001), «При всех наедине…» (2011), «Вы просто верьте мне…» (2016). Проживает в поселке Нижнегорский, Республика Крым.

Выходит 4 раза в год. Тираж 500 экз.
Издаётся с 2018 года. Свидетельство о регистрации СМИ:
серия ПИ № ФС77-72866 от 22 мая 2018 г.
Подписано в печать 02.04.19. Формат 165х260 мм
Адрес редакции: 123423, Москва, ул. Маршала Тухачевского, 16-1-68
Тел. +7 978-265-8016; +7 978-881-6437; +7 916-612-2674
Территория распространения – Российская Федерация.
Рукописи принимаются по электронной почте
редактора-издателя: tebievbk@yandex.ru
При перепечатке ссылка на «Таврию литературную» обязательна.
Журнал публикует стихи и прозу, очерки, эссе, статьи и рецензии.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В дискуссию по поводу отвергнутых рукописей редакция не вступает.
Произведения публикуются в авторской редакции.
Электронная версия на сайтах журнала:
www.journaltavria.com | журналтаврия.рф

На обложке журнала:
К 75-летию освобождения Крыма и Севастополя от немецко-фашистских захватчиков. В оформлении 1-й сторонки обложки использована картина советских художников П. Соколова-Скаля и А. Плотнова «Штурм Севастополя». 1944 – 1947 годы. Государственный Русский музей.
2-я и 3-я сторонки – Вернисаж «Таврии литературной»:
«Крым в творчестве советских художников».

ISSN 2587-781X «Таврия литературная», 2019, № 2. – 276 с.

ВЕРНИСАЖ ТАВРИИ литературной

Крым в творчестве советских художников

В. Бернадский.
Гурзуф. 1977.

С. Яровой.
Утро в Судаке. 1961.